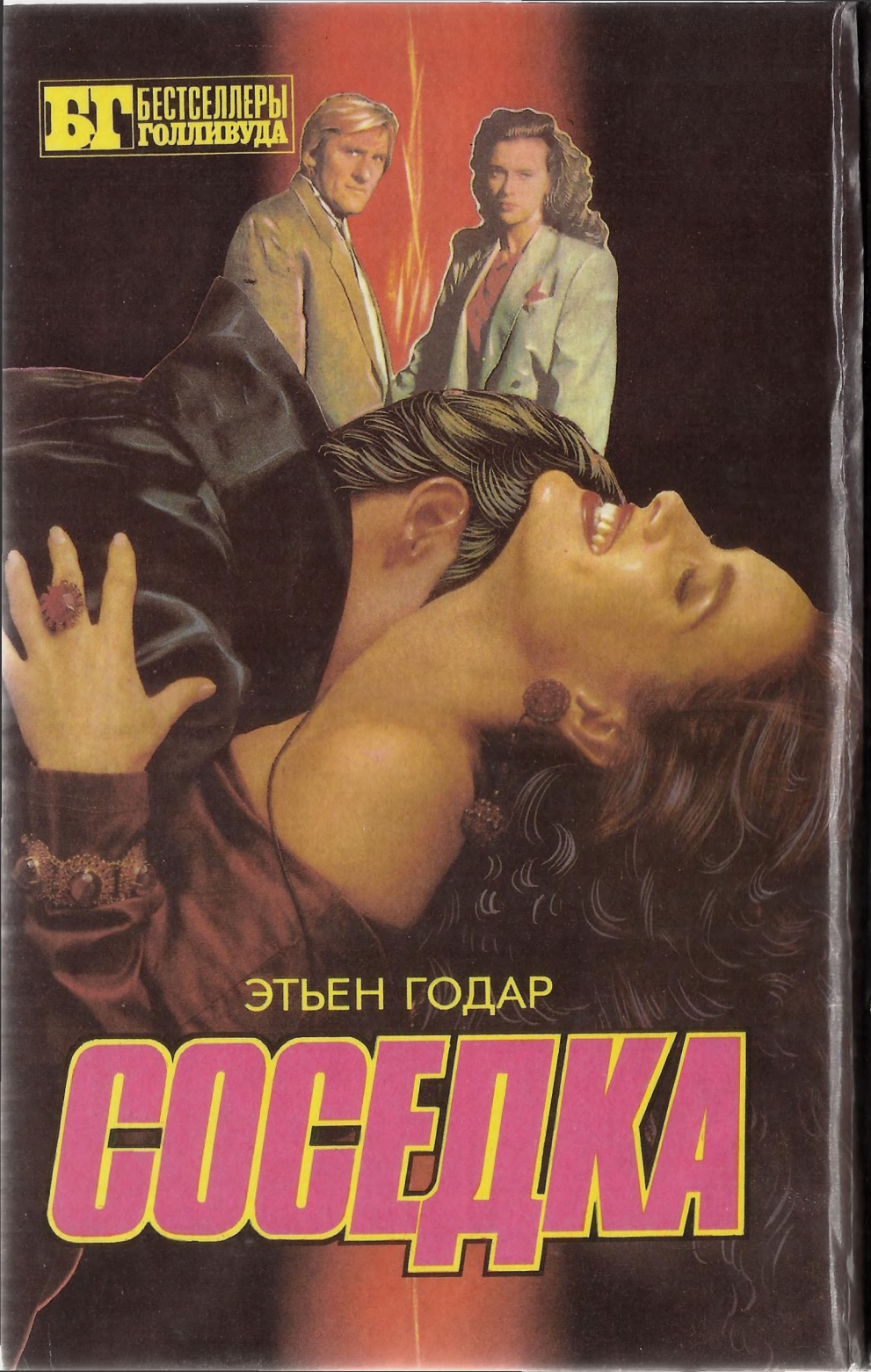
БТ БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА



ЭТЬЕН ГОДАР

СОСЕДКА

36

НЕВЕЗУЧИЕ / СОСЕДКА

БТ

БТ БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА

ГАРОЛЬД ДЕНВЕР

НЕВЕЗУЧИЕ

БС БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА

В книге два романа:

«НЕВЕЗУЧИЕ» Гарольда Денвера;

«СОСЕДКА» Этьена Годара.

Во врем отдыха в Латинской Америке пропала дочь крупного дельца, которая отличалась постоянным невезением. Чтобы ее отыскать, решили взять столь же невезучего недотепу и отправить по ее следам в Колумбию, расчитывая на то, что в сходных ситуациях он будет поступать таким-же образом, как и пропавшая. А сопровождает его «крутой» детектив Перрен...

(Фильм с аналогичным названием снят в 1981 году во Франции Френсисом Вебером. В главных ролях Пьер Ришар, Жерар Депардье. Эта лента, первая из трех блистательных комедий Френсиса Вебера с участием прославленного дуэта Ришар—Депардье (потом были «Папаши» и «Беглецы»), имела огромный успех в нашем кинопрокате).

Роковые страсти не канули в Лету, — доказывает нам своим романом создатель знаменитой «Соседки».

В тихом предместье Гренобля живет молодая семья. В пустующей по соседству особняк вселяется супружеская пара. Они знакомятся и между ними завязывается дружба, при этом никто не догадывается, что несколько лет назад двое из теперешних респектабельных соседей пережили бурный роман. Вновь вспыхнувшая страсть — уже между семейными людьми — приводит к трагической развязке...

(Фильм с аналогичным названием снят во Франции. Режиссер Франсуа Триффо. В главных ролях Жерар Депардье, Фани Арданн)

ГАРОЛЬД ДЕНВЕР

НЕВЕЗУЧИЕ

☆ ☆

ЭТЬЕН ГОДАР

СОСЕДКА

«ЭРИКА»
МОСКВА
1994

Эта книга продолжает популярную серию «БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА», в которую вошли получившие мировую известность лучшие произведения в жанрах детектив, фантастика, мистика, приключения, авантюрный и любовный роман, одновременно ставшие литературной основой либо созданные по мотивам самых популярных кино- и видеофильмов.

По вопросам приобретения книг серии оптовых покупателей просим обращаться по адресу:
129090, г. Москва, ул. Гиляровского, 29
(проезд — метро «Проспект Мира»).
Тел. (095) 288-39-77, 342-61-61.

Перепечатка входящих в данную книгу произведений, полная или частичная, ЗАПРЕЩЕНА.
Всякое коммерческое использование может быть осуществлено исключительно с разрешения издателя.

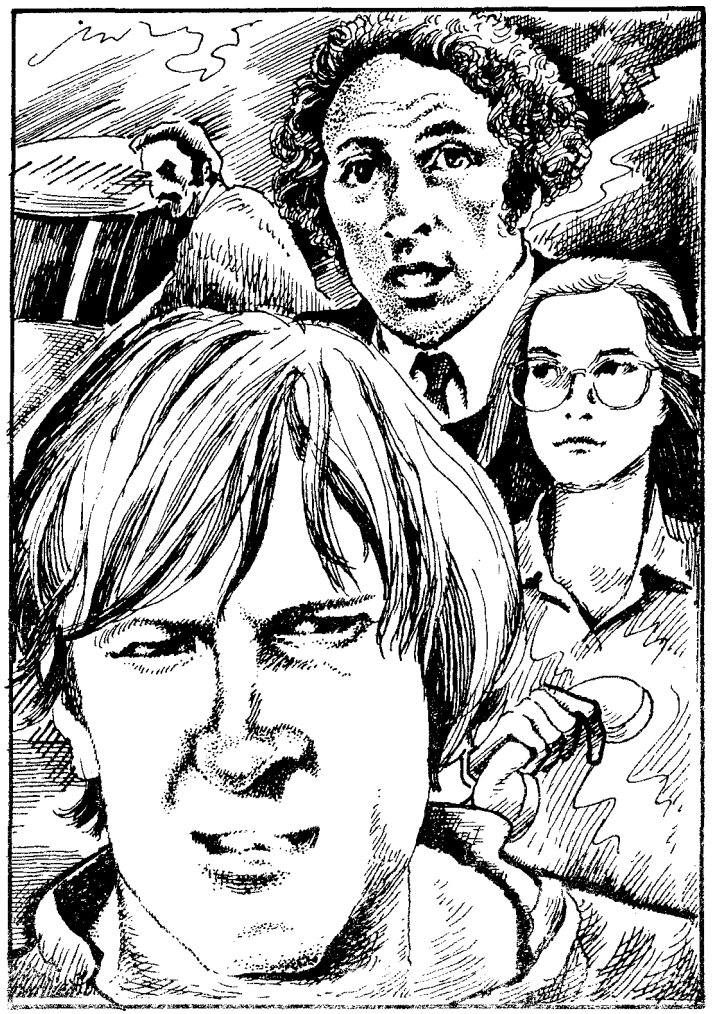
Знак серии защищен и охраняется авторским правом.
Использование данного знака без согласования с правообладателем преследуется по закону

ISBN 5-85775-016-4

© Harold Denver, «La Chevre», 1994
© Etiene Godar, «La Femme D'A Cote», 1994
© «ЭРИКА», оформление, 1994
© «ЭРИКА», знак серии, 1993
© «ЭРИКА», 1994

ГАРОЛЬД ДЕНВЕР

НЕВЕЗУЧИЕ



Harold Denver

«LA CHEVRE»

Перевод с французского.

Гарольд Денвер

«НЕВЕЗУЧИЕ»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Ну вот! Наконец-то! Сбылось!!» — подумала Жюли и улыбнулась, подставив лицо под ласковые лучи южного солнца, сияющего на синем-синем безоблачном небе.

Жюли была очаровательной шатенкой девятнадцати лет с длинными ногами и точеной фигуркой манекенщицы. Правильный овал ее лица украшал пикантный носик, оседланный огромными, в поллица очками, затемненные стекла которых скрывали слегка близорукие глаза двенадцатилетнего ребенка. Над роскошными, отливающими старинной бронзой волосами, волной спадавшими на плечи, немало потрудились лучшие представители древней профессии парикмахеров, вооруженные новейшими достижениями компании «Проктер энд Гэмбл».

Впрочем, если быть честным до конца, до идеального роста манекенщицы Жюли не хватало сантиметров четырех-пяти. Это досадное обстоятельство, непреодолимое для большинства девушек, не могло воздвигнуть

серьезной преграды между Жюли и последними моделями знаменитейших кутюрье Франции, благодаря ее папе, мсье Мортану, который мог себе позволить попросить Ива де Сен-Лорана или Пако Рабана подогнать его любимой дочурке пару платьишек по фигуре.

Вы не знакомы с мсье Мортаном? В самом деле? В таком случае необходимо вас ему представить. Проще всего это сделать через общих знакомых. Поищем, поищем... Вы знаете мсье Ротшильда? Отлично! Так вот, мсье Ротшильд, в свою очередь, очень хорошо знает мсье Армана Мортана — президента, председателя правления, члена наблюдательных советов и прочая, и прочая, и прочая.

Здесь самое время объяснить причину восторга Жюли, которая в эту минуту уже спустилась с верхней ступеньки сан-тропезского вокзала и усаживалась на заднее сиденье серебристого «роллс-ройса», открытую дверцу которого придерживал шофер в наглухо застегнутом кителе с галунами и золотыми пуговицами. На локте левой руки он держал за козырек почтительно снятую с головы фуражку с эмблемой скромного пятизвездочного отеля «Пента-Палас».

Дело в том, что с самого рождения Жюли преследовал злой рок, просто какое-то фатальное невезение. Появление девочки на свет стоило жизни ее матери. Мсье Мортан так больше и не женился, сосредоточив всю свою любовь на дочери, обеспечив ее самыми лучшими няньками, учителями и гувернерами. Однако это не спасало Жюли от самых различных мелких и крупных неприятностей. Она могла, к примеру, подавиться рыбьей костью в ананасовом суфле на детском празднике, ежегодно устраиваемом герцогиней Савойской. Ее могло поразить электрическим разрядом от кошки, которую

она гладила, да так, что реанимационная бригада два часа боролась за ее жизнь.

Короче говоря, папаша Мортан, который вообще-то придерживался весьма либеральных взглядов, был вынужден контролировать каждый шаг дочери, исключительно в целях ее и общественной безопасности. И в то время, как сверстницы занимались флиртом, крутили романы, проводили ночи на дискотеках и вечеринках, бедняжка Жюли была вынуждена коротать время перед зеркалом, предусмотрительно встроенным в стену, и сокрушаться о том, что молодость проходит.

И вот теперь, достигнув девятнадцатилетнего возраста и закончив первый курс Сорбонны — по настоянию отца она поступила на самый гуманитарный из всех гуманитарных факультетов, — Жюли взбунтовалась и добилась для себя права провести каникулы самостоятельно, так, как их проводят все девушки ее возраста из обыкновенных семей. Скрепя сердце мсье Мортан дал свое согласие, взяв с дочери клятвенное обещание трижды в день звонить в Париж и сообщать, что с ней все в порядке. Надо ли говорить о том, что все междугородные переговоры были заранее оплачены.

Отправляясь на курорт, Жюли решила взять с собой минимум вещей, только самое необходимое, не более одного чемодана. Этот чемодан в настоящий момент шофер пристраивал на крыше автомобиля, отчаявшись затолкать его в багажник «роллс-ройса».

Что же было в чемодане мадемуазель Мортан? Неудобно рыться в вещах молоденькой девушки, поэтому назовем только самое основное. Помимо двух вечерних платьев, платья для коктейля, двух брючных костюмов, джинсовой тройки, шести купальников и дюжины пар обуви, там были только меховая пелерина (вечера у

моря, говорят, бывают прохладными), боа из страусовых перьев, кое-какие бриллианты — словом, то, без чего девушка из приличной семьи не может обойтись в чужом городе в течение двухнедельных каникул. И ничего лишнего!

В общем, если вы вспомните себя в возрасте пятнадцати лет, когда родители после долгих сомнений и колебаний в первый раз позволили вам остаться в гостях на ночь, и помножите это на четырехлетнюю выдержку — не забывайте, что Жюли уже исполнилось девятнадцать, — вы не будете спрашивать, чему так радовалась мадемуазель Мортан на ступенях сен-тропезского вокзала.

За время путешествия от вокзала до отеля никаких заслуживающих упоминания происшествий не произошло (расстояние — десять километров по берегу моря, прекрасное шоссе, скорость не выше пятидесяти километров в час. Шоферу были даны самые строгие указания). Разве что Жюли слегка потянула шею, рассматривая любителей виндсерфинга под разноцветными парусами.

От люкса мадемуазель Мортан отказалась. В конце концов, она — это не мсье Мортан, президент, председатель и т. д. и т. п., а всего лишь простая студентка. После пятиминутного обсуждения с главным администратором она остановила свой выбор на небольшом одноместном номере на шестнадцатом этаже. Мансарда под крышей — это так романтично! Естественно, в номере были гостиная, ванная с бассейном, кабинет, балкон, лоджия и выход в зимний сад. И, конечно же, прекрасный вид на море!

Можно сказать, Жюли повезло. Номер только что освободился после последнего принца одного из нефтяных эмиратов Персидского залива, который отдыхал здесь инкогнито со своими тремя женами. Деликатный

администратор не стал рассказывать этого скромной девушке, для которой главное — быть как все.

Спустя час Жюли уже разговаривала с Парижем.

— Папа! Папочка! Я так рада! Здесь так чудесно! А какой вид из окна!! — тараторила Жюли, выходя на балкон. Телефонный шнур тянулся за ней.

— Нет, что ты. Конечно, все в порядке. Ну подумай сам, что со мной может случиться? Разумеется, я буду осторожна. Хорошо, я не буду заплывать очень далеко. Ой, какие яхты! Пап, тут кто-то на парашюте за катером летит. Прямо на уровне моего этажа. Это так здорово! Я завтра же обязательно попробую. Конечно, с инструктором...

Парень на параплане проплыл мимо балкона и скрылся за углом здания. Чтобы лучше его разглядеть, мадемуазель Мортан перегнулась через перила и...

Телефонного шнура хватило лишь до четырнадцатого этажа. Затем связь оборвалась. Хорошо, что на одиннадцатом этаже бала терраса, на террасе — кафе, а над ним — тент. На тенте — Жюли, а в руках у нее — телефонный аппарат с торчащими из него проводами.

— Алло! Алло! Папочка! Ты слышишь меня? — кричала Жюли в трубку, поправляя очки, которые каким-то образом остались у нее на носу.

— Алло! Алло! Папочка! Ты слышишь меня? — кричала Жюли в трубку полчаса спустя из вестибюля. — Конечно, у меня все в порядке. Нас прервали. Связь работает отвратительно. Сейчас перекушу и отправлюсь на прогулку. Пока, вечером позвоню! Целую!

Девушка не хотела расстраивать своего родителя. Она не стала рассказывать, что в отличие от телефонной связи, муниципальные службы Сан-Тропеза

оказались на высоте. Пожарные и «скорая» приехали буквально через пару минут. Врачи были потрясены, осмотрев пострадавшую и убедившись, что она ничуть не пострадала, пролетев по воздуху целых пять этажей. На ней не было ни царапины!

Поднявшись в номер, Жюли приняла душ, переоделась в белый брючный костюм, заказала в номер легкий ленч — маленькое происшествие отнюдь не лишило ее аппетита — и отправилась осматривать окрестности. Через плечо у нее висела небольшая сумочка на длинном ремешке (Карл Лагерфельд, 50000 новых франков). В сумочке — кредитная карточка и немного косметики.

Побродив по узким тенистым улочкам, Жюли прошла мимо живописной группы местных парней (Какие колоритные типажи! Наверно, они свободны и счастливы! Природа, море, простая здоровая жизнь...), и очутилась на дороге, тянувшейся вдоль моря параллельно той, по которой она приехала. Пройдя по шоссе метров сто, девушка услыхала за спиной треск мотоцикла и посторонилась. Мимо нее промчались счастливые колоритные парни, живущие простой здоровой жизнью. Сидевший на заднем сиденье сорвал с Жюли сумочку. Водитель прибавил газу и буколические персонажи скрылись за поворотом.

Конечно, мадемуазель Мортан могла бы утешиться мыслью, что похитители лишили себя царствия небесного неправедно приобретенным добром. Попытавшись получить деньги по именной кредитной карточке, они рискуют остаться без простых житейских радостей на довольно длительный срок. Продать же сумочку от Лагерфельда, выполненную в единственном экземпляре, да к тому же с вытесненными на ней инициалами владелицы, практически невозможно без тех же печальных последствий.

Но Жюли была решительной девушкой, унаследовавшей от отца мгновенную реакцию, но, увы, не склонность к анализу. Она сломя голову бросилась вслед за пасторальными молодцами.

Десятисантиметровые каблуки не лучшим образом приспособлены к бегу, особенно по брусчатке. Через несколько шагов они подломились и Жюли упала, больно ударившись затылком о мостовую.

Когда сознание начало возвращаться к девушке и она попыталась приоткрыть глаза, ее взору предстал Он. Весь в белом. Брюнет с чуть тронутыми сединой висками. Высокого роста.

Твердый подбородок и черные усы, подчеркивающие линию чувственных губ, завершали мужественный облик рыцаря, явившегося в самый критический момент, чтобы спасти прекрасную даму. Склонившись над девушкой, он повторял:

— Мадемуазель, очнитесь! Мадемуазель, что с вами?

Впрочем, последний вопрос был чисто риторическим, так как ответ недвусмысленно читался на лбу м-ль Мортан в виде огромной шишки, которая быстро набухала и грозила надолго исказить безупречный овал ее лица.

В двух шагах за спиной странствующего рыцаря тихо урчал его верный конь — белый «Мерседес 350».

— Ах! — произнесла Жюли и снова закрыла глаза. Он поднял ее сильными руками и нежно уложил на заднее сиденье. Затем он внимательно осмотрел место дорожно-транспортного происшествия, подобрал очки, которые даже не разбились, и туфельку со сломанным каблуком.

Верный конь взревел могучим мотором и унес рыцаря и его прекрасную даму в туманную даль, где их следы теряются.

* * *

Если бы м-ль Мортан не потеряла очки при падении, она могла бы разглядеть намечающиеся мешки под глазами своего спасителя, розовые склеротические прожилки на крыльях носа и в уголках глаз — верные признаки неумеренного потребления крепких напитков. Она могла бы заметить бегающий взгляд и резкие повороты головы — выработанный годами навык засекать слежку. Если бы она могла обратить внимание на номер боевого коня, то поняла бы, что белый «мерседес» нанят несколько часов назад в одной из местных контор по прокату автомобилей.

Более внимательный профессиональный наблюдатель сформулировал бы свои выводы примерно так: «Мужчина, рост — 180—182 сантиметра, вес около 75 килограммов, брюнет, виски с сединой, волосы густые, жесткие, телосложение худощавое, крепкое, и т. д. Особые приметы: рубец длиной 1,5 см над правой бровью и шрам на левом бедре от удара ножа. Имя: Педро Арваль, он же Хуан-Мануэль Родригес, он же Луис-Альберто Вальдес. Разыскивается полицией ряда стран Латинской Америки и Европы как торговец живым товаром — поставщик девушек в публичные дома от Рио Гранде на севере до Риу Гранди ду Сул на юге американского континента.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Не дождавшись вечернего звонка от дочери, мсье Мортан поднял на ноги всю полицию Франции. Две недели упорнейших поисков — и полиция смогла обнаружить смутные намеки на следы того, что девушку, якобы похожую на Жюли Мортан, вроде бы видели на пути из Франции в Мексику. Мексиканская полиция этих сведений не подтвердила. Тем не менее мсье Мортан нанял одного из известнейших частных сыщиков, Жерара Компану, и отправил его в Мексику. Компана буквально носом перерыл всю Мексику от Атлантического океана до Тихого и был вынужден признать свое поражение. Сегодня вечером его ждали в офисе мсье Мортана с актом о безоговорочной капитуляции.

Со дня исчезновения Жюли прошло шесть недель. Вот почему Армен Мортан выглядел не лучшим образом, появившись ровно в девять часов у себя в офисе. Опущенные плечи, ссутулившаяся спина, по-

тухший взгляд — все говорило о том, что этого человека постигло большое горе. Богатые тоже плачут.

На девять пятнадцать было назначено заседание совета директоров по вопросу о разделе рынков в Юго-Восточной Азии с ведущими корпорациями Японии и США, и мсье Мортан хотел взять себя в руки и сосредоточиться перед этим важным мероприятием.

Кабинет президента располагался на пятом этаже. Следом за ним в лифт зашел главный психолог фирмы.

— Доброе утро, господин президент.

— Здравствуйте, мсье Мийярд.

— Я бы хотел с вами поговорить.

— Простите, Мийярд, но я не в состоянии сейчас ни о чем разговаривать.

— Это касается вашей дочери, господин президент.

Мортан поднял глаза и с надеждой взглянул на психолога.

— Идемте! — решил он.

Надо сказать, что мсье Мортан был весьма демократичен для акулы капитализма. Поэтому во всех помещениях от общей комнаты младших клерков до зала заседаний совета директоров и кабинета самого президента была установлена одинаковая мебель, отчего штаб-квартира компании напоминала один гигантский мебельный гарнитур. Кроме всего прочего, это позволяло существенно сократить накладные расходы, когда что-то из шкафов или стульев ломалось и требовало ремонта или замены. Вот и сейчас им навстречу попался рабочий хозяйственного отдела (попросту — столяр), который нес на плече стул с отломанной ножкой. Стул был поврежден во время слишком бурного обсуждения итогов последнего тура чемпионата Франции по футболу. «В дни моей молодости мебель была крепче» — невольно подумал мсье Мортан. Проблеск надежды, подаренный главным психологом, несколько оживил его.

— Любезнейший, позвольте вас на одну минутку, — остановил Мийярд рабочего. — Разрешите позаимствовать ваш стул на полчасика.

Изумленный рабочий протянул стул и отломанную ножку главному психологу. «Нет, точно, у этих ученых не все дома! Стул сломанный ему, видите ли, понадобился», — подумал он про себя.

Со стулом наперевес мсье Мийярд решительно направился мимо опешившей секретарши в зал заседаний совета директоров. Мсье Мортан едва поспевал за ним.

— К нам никого не пускать! — бросил он на ходу.

В центре зала стоял большой круглый стол. Вокруг него на равном расстоянии друг от друга были расположены девятнадцать одинаковых стульев — по числу членов совета. Точно такой же стул главный психолог фирмы держал в руках и пытался приладить к нему отломанную ножку. Наконец ему это удалось, и он придвинул двадцатый стул к столу. После этого он слегка передвинул остальные стулья так, чтобы новоприбывший инвалид ничем не выделялся среди своих здоровых собратьев.

Президент с нарастающим удивлением наблюдал за ним. Кажется, в его душе крепла солидарность с пролетариатом. По крайней мере, он начинал разделять взгляды плотника на ученых мужей.

— Господин президент, — как ни в чем не бывало произнес Мийярд, закончив свои манипуляции со стульями, — у нас в бухгалтерии работает служащий, некий Франсуа Перен. Соблаговолите вызвать его сюда.

Мортан нажал клавишу селектора.

— Слушаю вас, господин президент, — раздался голос секретарши.

— Пригласите к нам, пожалуйста, мсье Перена из бухгалтерии, мадемуазель Латур.

— Минуточку! — Последовала короткая пауза, за которой последовало уточнение секретарши: — Мсье Перен поднимается к вам.

— Благодарю вас, Ортанс, — президент отключил связь.

Минут через пять дверь открылась и на пороге появился Франсуа Перен. Это был высокий и, мягко говоря, худощавый блондин лет тридцати — тридцати трех. Шапка вьющихся волос, вопросительно-преданное выражение голубых глаз и сдерживаемая порывистость движений придавали ему сходство с хорошо воспитанным пуделем. На его губах блуждала застенчивая улыбка.

— Доброе утро, господин президент, — вымолвил Франсуа и почему-то покраснел.

— Доброе утро, мсье Перен, — ответил мсье Мортан и замолк, не представляя, что делать дальше.

— Предложите ему сесть, — прошептал на ухо президенту Мийярд.

— Садитесь, пожалуйста, мсье Перен, — сказал президент, начиная что-то понимать.

— Спасибо, — Франсуа сделал пару шагов и остановился: — А куда?

— Куда хотите.

Перен растерялся.

— А вы, господин президент? — выдавил он из себя. В его голове не укладывалось, как это он будет рассиживаться, когда высшие руководители компании, сам господин президент, оставались на ногах.

— Ничего, мы постоим, — успокоил его мсье Мортан.

Франсуа сделал еще шаг и снова замер, затравленно глядя на совершенно круглый стол и стоящие вокруг

него двадцать одинаковых стульев. В душе он страшно завидовал буриданову ослу. Тому надо было отдать предпочтение одной из двух одинаковых охапок сена. Всего-то! Задача со стульями была в десять раз труднее.

Постояв в мучительных раздумьях еще минуту и всем своим существом ощущая, что пауза неприлично затягивается, Перен, наконец, решительно шагнул к одному из стульев и двумя руками взялся за его спинку. В последний раз бросив вопросительный взгляд на президента и доктора и получив в ответ поощрительные улыбки, Франсуа поддернул брюки на коленях и опустился на сиденье.

Короткий вскрик, треск ломающегося дерева, глухой удар головы о пол, смягченный густой шевелюрой и ковровым покрытием, и обе ноги мсье Перена вознеслись над столом заседаний, образуя гигантскую букву «V», которая, судя по выражению лица доктора Мийярда, символизировала очередную победу разума над материей.

С пунцовым от стыда лицом Франсуа поднялся с пола. Одной рукой он пытался навести порядок в своем костюме, а другой — вернуть в строй окончательно обезножевшего инвалида.

— Оставьте это, голубчик, — раздался ласковый голос мсье Мортана. — Большое вам спасибо! Можете быть свободны.

Ничего не понимающий Перен поспешил покинуть камеру пыток. Он потянул ручку двери. Дверь не поддалась. Франсуа еще несколько раз дернул ее — и с тем же результатом. Ловушка захлопнулась! Перен повернулся и затравленно посмотрел на своих мучителей.

— Прошу вас, коллега, — доктор Мийярд легко толкнул дверь и она открылась, бесшумно повернув-

шись на хорошо смазанных петлях. Франсуа Перен на секунду замер, зажмурив глаза и полной грудью вдыхая пьянящий воздух свободы, и быстрым шагом покинул место своего позора.

Психолог затворил дверь и повернулся к президенту:

— Я работаю в вашей компании уже десять лет, господин президент. Вы часто рассказывали мне о своей дочери, и каждый раз это был рассказ о какой-то катастрофе. Ее преследует прямо-таки фатальное невезение. В моей практике не встречалось более невезучей девушки. Я думаю, вы не сомневаетесь, какой стул выбрала бы Жюли, окажись она в подобной ситуации.

Мне было поручено составить психологические портреты сотрудников компании. Просматривая свои записи, я убедился в том, что мсье Перен — это второе издание мадемуазель Мортан. Может быть, моя идея покажется вам абсурдной, но я абсолютно убежден, что единственный способ отыскать вашу дочь — это пустить по ее следу человека, столь же невезучего, как она. Пройдя через те же неприятности и повторив ее приключения, он в конце концов выйдет на ту же орбиту. Если рядом с ним в этот момент окажется профессионал, он спасет их обоих.

— Если речь идет о моей дочери, — задумчиво произнес мсье Мортан, — то мне не покажется абсурдной никакая идея. Вчера я уже к экстрасенсу обращался. Действуйте!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Надо ли говорить, что совет директоров был немедленно отменен и рынки Юго-Восточной Азии так и остались неподеленными. Вместо этого мадемуазель Латур получила задание срочно разыскать Компану — детектива, который по поручению мсье Мортана вел поиски его пропавшей дочери. Ровно в одиннадцать часов Компана переступил порог кабинета господина президента.

Компана был мужчиной высоченного роста и атлетического сложения. На вид ему можно было дать около сорока лет. Тяжелый квадратный подбородок говорил о твердом характере, а слегка перебитый, «боксерский» нос — о бурно проведенной молодости. И они говорили правду. Пять лет в армии, в частях быстрого реагирования, и столько же — в криминальной полиции позволили Компане приобрести большой жизненный опыт и утратить веру в абстрактные идеалы и человеческие добродетели.

Компана не верил ни в бога, ни в черта, ни в

рай, ни в ад. Церковь он посещал лишь затем, чтоб допросить священника или извлечь пулю, застрявшую в иконостасе. Он не верил в приведения, астрологические прогнозы, инопланетян. Он не верил обещаниям экстрасенсов и политиков. И, уж конечно, не верил в судьбу. Он верил лишь в вещественные доказательства и здравый смысл. И не был так уж не прав. Твердое следование этим принципам позволило ему в короткий срок стать одним из самых высокооплачиваемых детективов Франции.

В кабинете президента кроме него самого находился и мсье Мийярд. Представив друг другу детектива и психолога, мсье Мортан предложил последнему самому изложить свою теорию. Компана выслушал доктора с каменным выражением лица, лишь изредка приподнимая правую бровь. Этим он как бы отмечал ключевые моменты предложенной его вниманию научной доктрины.

— Господин президент, — произнес Компана, когда психолог умолк, исчерпав свои аргументы, — мне бы хотелось обсудить все с вами наедине.

Мсье Мийярд покинул кабинет. Президент жестом предложил Компане продолжать.

— Господин президент, вы же разумный человек! Неужели вы действительно верите в эту чушь? Это же бред сивой кобылы. Я не верю в невезение. Я верю своим глазам и своему опыту. Я буквально на четвереньках исползал всю Мексику и, как мне ни горько расписываться в собственной неудаче, я вынужден повторить: никакой надежды найти вашу дочь нет. Примите мои соболезнования.

— Мсье Компана, — тихо произнес президент, — мне бы не хотелось, чтобы вы принимали поспешные решения. Жюли — моя единственная дочь, а доктор Мийярд подарил мне последнюю надежду. Я вас очень

прошу продолжить расследование. Вы же ничем не рискуете!

— Я ничем не рискую? А моя репутация? А моя карьера? Да мои коллеги просто поднимут меня на смех, если узнают, что я стал не то что следовать бредням вашего доктора, но даже слушать их. И кроме того, существует профессиональная этика. Все будут говорить, что я вас просто обокрал, воспользовавшись вашим горем.

— Я думаю, — вкрадчиво произнес мсье Мортан, — что никто не будет над вами смеяться, узнав сумму вашего гонорара. Скорее, вам будут завидовать.

Это был первый разумный довод, который Компана услышал с того момента, как переступил порог президентского кабинета. Наверно, Арман Мортан стал великим финансистом не в последнюю очередь потому, что умел убеждать людей, даже не прибегая к помощи профессиональных психологов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Франсуа Перен сразу согласился принять предложение, сделанное ему самим господином президентом — возглавить поиски мадемуазель Мортан. Он не мог не признать убедительности аргументов мсье Мортана: и официальная полиция, и частные сыщики отнеслись к поискам как к обычному делу, каких через их руки проходят тысячи. Только человек со свежим, незасоренным взглядом сможет распутать этот клубок. В подтверждение приводились классические примеры из Эдгара По и Герберта К. Честертона.

Президент сообщил Перену, что его кандидатура была предложена главным психологом фирмы мсье Мийярдом после тщательного просмотра психологических портретов всех сотрудников фирмы мужского пола — ведь нельзя же доверить столь деликатное дело постороннему человеку. Очень немногие прошли сквозь мелкое сито отбора. Сегодня утром в зале заседаний совета директоров был проведен решающий эксперимент — мсье Перен с честью выдержал экзамен. Он продемонстрировал отличную реакцию и способность не терять присутствие духа в самых неожиданных ситуациях («Согласитесь, мсье Перен, ситуация была для вас неожиданной?»). Поведение мсье Перена произвело на г-на президента такое впечатление, что он даже не стал рассматривать другие кандидатуры, а однозначно остановился на мсье Перене. И если мсье Перен откажется, г-н президент («Можете называть меня просто Арман») будет просто в отчаяньи.

Итак, Компана и Перен дали себя уговорить и во второй половине дня уже сидели на заднем сиденье такси, которое везло их в аэропорт Орли. Там они должны были сесть на самолет, который доставит их в Акапулько — крупнейший портовый город на Тихоокеанском побережье Мексики. Именно там были отмечены смутные намеки на следы девушки, которая могла быть, а могла и не быть Жюли Мортан, пропавшей дочерью одного из богатейших людей Франции.

Первую половину пути они молчали. Компана, привыкший полагаться только на себя и работать в одиночку, присматривался к новоиспеченному мастеру сыска и пытался самому себе объяснить, как он дал себя втянуть в это идиотское предприятие. И не находил ответа. Даже неотразимые аргументы мсье Мортана, этого змея-искусителя, уже не казались такими убедительными, как несколько часов назад в его цитадели.

Перен, искоса поглядывая на Компану, решал непростую задачу. Он намечал линию своего поведения в отношениях с помощником. Прежде всего, необходимо установить строгую субординацию и железной рукой пресекать любые попытки своеволия и самодеятельности. Анархия может привести к срыву операции. С другой стороны, нельзя допустить развития у

Компаны комплекса неполноценности из-за невыполненного задания. Скорее всего это не вина Компаны, а его беда. В конце концов, не всем же быть Франсуа Перенами. Даже в огромной корпорации мсье Мортана нашелся один-единственный человек, которому по плечу отыскать его дочь.

В итоге Перен решил быть строгим, но демократичным начальником, либеральным, но без амикошонства. Надо использовать сильные стороны своего помощника, его профессиональные навыки. Надо деликатно поправлять его ошибки, стараясь не вызывать у него ощущения ущербности. Для этого следует поручать ему работу, требующую усидчивости и аккуратности, оставляя себе общее стратегическое руководство и принятие решений. «Да, именно так!» — заключил Перен, еще раз пройдясь по своим выкладкам и не найдя в них шероховатостей.

— Я рад работать с вами. Надеюсь, мы найдем общий язык, — обратился он к Компане. Компана бросил на него мрачный взгляд исподлобья и промолчал. Рад он не был, ни на что такое не надеялся, а врать не хотелось.

«Ого! Да парень совсем закомплексован, — подумал Франсуа. — Так можно совсем потерять помощника!»

— Не расстраивайтесь, Компана, — продолжил Перен. — Ну не повезло вам.

Компана вздрогнул.

— Я уверен, что сейчас, когда за дело взялся Франсуа Перен, мы добьемся успеха! — глава предприятия пытался вселить уверенность в своего помощника.

Компана затравленно потянулся за сигаретами.

Перен вспомнил о своем демократизме, достал из кармана спички и чиркнул. Лучший сыщик Франции едва не проглотил сигарету. Осколок серной головки

шипя и плюясь искрами, приземлился прямо на его новый шелковый галстук. Галстук вспыхнул, источая аромат паленой курицы.

С трудом потушив пожар, Компана сорвал с себя останки несчастного галантерейного изделия и вышвырнул их в окно. Затем он с облегчением расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и несколько раз вдохнул полной грудью, чтобы успокоиться. Запах горелых перьев заставил его закашляться. Перен смотрел на детектива грустным сочувственным взглядом.

«Началось!» — подумал Компана и крепко выругался. Про себя.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Такси высадило компаньонов у главного входа в аэропорт и укатило.

Компана закинул на плечо ремень спортивной сумки, в которой помещался весь его багаж, и направился к прожорливой пасти, время от времени заглатывавшей очередную порцию пассажиров. Ему предстояло пересечь тротуар шириной метров пятьдесят — шестьдесят, и он очередной раз подивился буйной фантазии архитектора, вынуждавшей сотни людей, груженных чемоданами и баулами, пересекать это расстояние, прежде чем попасть к стойкам регистрации. Впрочем, сам он был опытным путешественником, умевшим собираться за несколько минут и обходиться минимумом вещей.

Компана успел уже отойти метров на двадцать, а Перен все еще примеривался, как половчее схватить оба своих чемодана, сумку и плащ. Вдруг он заметил стоящую неподалеку багажную тележку. Погрузив на нее свои пожитки и перебросив через руку плащ,

Перен совсем уже было собрался последовать за своим помощником, как сзади раздался протестующий голос:

— Эй, мсье, это моя тележка!

Франсуа обернулся. Его догонял мужчина на вид лет тридцати. Конкурент уступал Перену в росте сантиметра два, но был значительно плотнее, кряжистей. На первый взгляд он казался даже симпатичным.

— А откуда известно, что она — ваша? На ней что, написано? — возразил Франсуа, используя аргументацию, характерную для всех базаров мира, в переводе на язык Вольтера и Расина.

Услышав первые звуки увертюры, Компана обернулся и, прикинув, что у них есть еще в запасе минут двадцать, занял удобное место в партере, чтобы не пропустить ни одной сцены предстоящего спектакля.

— Я прикатил ее из самого зала ожидания, — заявил претендент.

— Боже ж ты мой! Мне это нравится! — нашелся Франсуа, демонстрируя несомненное родство душ жителей обоих великих городов, некогда управлявшихся дюком де Ришелье. — С тем же успехом я могу сказать, что прикатил ее сюда от самого Пале-Рояля.

Мужчина уже не казался Перену симпатичным.

— Послушайте, что здесь происходит? — вмешался Компана.

— Этот идиот собирается уволочь мою тележку, — пожаловался конкурент.

Перен пронзил его испепеляющим взором, но враг оказался огнеупорным. «Этот простолюдин не понимает человеческих слов. Лобик-то вон какой низенький! Он способен воспринять только грубую физическую силу», — подумал Франсуа.

— Сейчас же возьмите свои слова назад! — в голосе его звенел металл, может быть, даже сталь.

— Иначе мне придется познакомить вас с некоторыми приемами карате!

— Кретин! — соперник обладал отменной реакцией.

— Предупреждаю, мсье, вы рискуете здоровьем, а может быть, и жизнью!

Да, несомненно, это была сталь. Суровый звон булата не перепутаешь с нежной мелодией серебряных колокольчиков.

— Остолоп! — словарный запас конкурента, казалось, был неисчерпаем.

«Что я делаю? — молнией вспыхнуло в мозгу Франсуа. — Если я убью или хотя бы покалечу этого недоумка, сбежится полиция, начнутся допросы, протоколы... Самолет улетит, и задание окажется под угрозой. И какой пример я подаю Компане? Нет, надо раздавить этого мужлана морально!»

— Благодарите Бога, что мне не изменила выдержка! — подвел итог полемике Перен и смерил интеллектуального пигмея с ног до головы презрительным взглядом.

Подхватив свой багаж, Франсуа решительным шагом направился к зданию аэропорта. В кильватере за ним следовал Компана, пытаясь на ходу усвоить преподанный ему урок.

— Козел вонючий! — легкий порыв ветерка донес до них предсмертный стон соперника, раздавленного могучим интеллектом Франсуа Перена.

Вряд ли нам следовало бы останавливаться на этом незначительном эпизоде, если бы он не послужил первым звеном той цепи удивительных приключений, которая выпала на долю наших героев.

Итак, Перен и Компана направили свои шаги к аэропорту. До вылета самолета оставалось еще четверть часа. Створки дверей, изготовленных из стекла толщиной в полдюйма, гостеприимно распахивались на-

встречу каждому, кто, приближаясь к ним, пересекал невидимый луч света, падавший на фотоэлемент, который приводил в действие хитрую автоматику. Это обеспечивало удобства пассажиров, руки которых были заняты поклажей. Кроме того, автоматические двери могли работать круглосуточно и не состояли в профсоюзе.

Хороший урок требует эффектного завершения. Остановившись в метре от входа, Перен обернулся к Компане и, подчеркивая каждое слово, произнес:

— Вы обратили внимание, Компана, как я его срезал?

Компана замер на месте, пытаясь переварить услышанное.

Держа равнение на Компану, Перен сделал еще шаг и со всего размаху налетел на закрытые створки дверей. *Автоматика не сработала!*

— Автоматика не сработала! — причитал оператор пассажиропотока на входе (а попросту — швейцар), пожилой человек, уже более десяти лет работавший в этой должности. Он помог Компане дотащить бесчувственного Перена до медпункта. В его практике это был первый случай, и он, кажется, поверг старика в состояние шока. — Этого не может быть! Автоматика не сработала!!

Когда жизнерадостно улыбающийся Франсуа, прикладывая к ушибленному месту кусок льда, появился в зале ожидания, Компана нервно мерял шагами расстояние от входных дверей до стойки регистрации.

— Багаж я уже оформил. Посадка заканчивается! Где вас носит?

— Закончена посадка на международный рейс Париж — Акапулько, — произнес хорошо поставленный, но бездушный в своем профессионализме голос.

— Ну вот, дождались! — уныло махнул рукой Компана. — Багаж в Мексике, а мы в Париже.

Перен с удивлением посмотрел на него. Такой пустяк может остановить знаменитого сыщика? Неудивительно, что он вернулся из Мексики с пустыми руками. Мсье Мортан явно зря потратил свои деньги. Ну да ладно! Франсуа Перен взялся сделать из Компаны человека, и он сделает из него человека!

Окинув взглядом зал, Франсуа обнаружил телефон-автомат и решительно направился к нему. Заметив, какой номер набирает его партнер, Компана внутренне похолодел. «Нет, только не это!» — подумал он. Но на табло отправлений против рейса Париж — Акапулько быстро-быстро замелькали буквы. Когда они замерли, на табло вместо слова «Вылетел» красовалось слово «Задержан», подтверждая худшие опасения Компаны.

Из телефонной будки, довольно потирая руки, появился Перен.

— Господин президент приказал вылететь сегодня, и мы вылетим сегодня!

«О, Господи!» — тихо простонал неверующий Компана.

Два часа спустя, когда пассажиры снова заняли свои места в самолете, Перена и Компану пригласили в полицейский участок. Там им выдали по квитанции на их багаж, а также нечто, отдаленно напоминающее разломанный пополам батончик «Сникерса», с которого шрапнельным залпом был частично содран «толстый-толстый слой шоколада». Сквозь рваные пробоины торчали «жареный арахис и мягкая карамель», а также пижама Перена, его носки, бритвенные принадлежности и шнур кипятильника.

Им принесли извинения в самой вежливой форме и сообщили:

— Нам позвонил какой-то идиот и заявил, что на борту самолета заложена бомба с часовым механизмом. Пришлось откладывать рейс и проверять весь багаж. В вашем чемодане, мсье, что-то тикало. Оказалось, что это механическая бритва, но мы были вынуждены распотрошить чемодан. Еще раз примите наши извинения, мсье!

Когда компаньоны покинули участок, на табло издевательски светилась надпись «Вылетел».

Судьбе было угодно, чтобы они добрались в Мексику на следующий день, когда в аэропорту Акапулько дежурила другая смена.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Утро следующего дня выдалось ясным, погожим. Прослушав по радио сводку «Погода всех широт», Компана убедился, что над всей Атлантикой стоит устойчивый антициклон, обещающий безоблачную погоду до самого Акапулько. Он созвонился со знакомым таксистом и заехал за Переном, помог ему сложить все вещи в один чемодан, причем его механическую бритву затолкал к себе в сумку во избежание недоразумений. Перекладывая вещи, Компана особое внимание уделял предметам жужжащим и тикающим, как источникам повышенной опасности.

Соблюдая все мыслимые предосторожности, таксист доставил компаньонов в аэропорт за час до вылета. Здесь, используя свое удостоверение частного детектива, Компана провел Перена через служебный вход, оборудованный обычными, деревянными, дверями. Он сам зарегистрировал багаж и усадил Перена на сиденье. Словом, Компана сделал все, что было в его силах,

чтоб исключить пагубное влияние руководителя экспедиции на развитие событий. Он уже убедился, что за Переном тянется шлейф несчастий, но не видел, какую из этого можно извлечь пользу.

Теперь, когда от него больше ничего не зависело, Компана почувствовал себя неуютно. Нет, он не испытывал страха перед полетом — иначе как бы он прослужил пять лет в войсках быстрого реагирования? Однако и ушел он из этих войск из-за того, что привык полагаться только на себя. В самолете он ощущал себя заложником мертвой техники и человеческих слабостей, на которые он никак не мог повлиять. Да еще эта бомба замедленного действия в кресле справа!

Вырулив на взлетную полосу, огромный лайнер замер, раскручивая турбины. Компана заерзал в кресле, устраиваясь поудобнее. «Эге, да парень не в своей тарелке! — подумал Франсуа, бросив короткий взгляд на своего компаньона. — Надо его приободрить. Как-никак, а я несу за него ответственность!»

— Вы любите летать? — обратился он к детективу.

— Не очень, — честно признался Компана.

— А я люблю. Сел в кресло, пристегнул ремни, почитал газету — и уже на месте. Намного приятней, чем в поезде. И безопасней, чем на автомобиле. Со мной в самолете никогда ничего не случалось, ни разу.

«Одного раза вполне достаточно!» — подумал Компана и глубже вжался в спинку кресла.

— Правда, когда я последний раз летел на таком же «дугласе», — продолжал Перен, — он так и не смог взлететь. Пришлось делать второй заход.

Компана судорожно сглотнул слюну.

Самолет начал разбег.

— Поехали, — резюмировал Перен, глядя в иллюминатор.

Прошло секунд пятнадцать. Самолет бежал все резвее, слегка вздрагивая на стыках бетонных плит.

— А ничего катится! — констатировал Перен и, чтобы быть объективным до конца, добавил: — Пока.

— Черт побери, почему он не взлетает? — воскликнул Компана спустя еще десять секунд.

— Вы тоже это заметили? — спросил Франсуа невозмутимо, чтоб не подогревать панику.

Компана судорожно вцепился в ручки кресла. Суставы его пальцев побелели.

Тем временем лайнер набрал необходимую скорость, оторвался от земли и, задрав нос, устремился к небесам.

Как это ни обидно, нам больше нечего сказать об этом путешествии, кроме того, что оно строго по расписанию завершилось в аэропорту Акапулько, в тот же день и почти в тот же час, что и началось. По местному времени, естественно.

Очевидно, деструктивное влияние Франсуа Перена не смогло просочиться сквозь герметичную переборку, отделяющую пассажирский салон от пилотской кабины. Сам же Перен провел весь рейс, не оставляя своего кресла и успокаивая Компану рассказами о чрезвычайных ситуациях, из которых ему, конечно же, удавалось выбираться живым и невредимым. При этом он предпочитал кораблекрушения, железнодорожные катастрофы и автомобильные аварии, чтобы продемонстрировать своему партнеру преимущества воздушного транспорта перед любым другим.

Мы не знаем, удалось ли Франсуа вселить в компаньона бодрость духа. Известно лишь, что за все время полета Компана не произнес ни слова жалобы. Он вообще не произнес ни одного слова и только жестом отказался от предложенных ему завтрака, а затем и обеда. Неудобно, согласитесь, со стиснутыми зубами обгладывать куриную ножку.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Почувствовав под ногами твердую почву, Компана быстро пришел в себя. Он даже ощутил в себе достаточно сил, чтобы попробовать проглотить кусочек пиццы и выпить чашечку кофе.

Перен с жаром поддержал это предложение.

Ресторан аэровокзала был в это время почти пуст, только у стойки бара щебетали о чем-то несколько девушек, очевидно туристок или транзитных пассажирок, ждущих своего рейса.

— Две пиццы и две чашечки кофе, — сделал заказ Компана.

— Мне стакан апельсинового сока, пожалуйста, — внес коррективы Перен.

Компана чувствовал себя уже достаточно хорошо, чтобы вновь подвергнуть сомнению теорию доктора Мийярда. Еще свежие воспоминания о приятно проведенном полете и леденящих душу историях Перена только подогревали его критический настрой. Нет, ко-

нечно, Перен обладал способностью притягивать к себе все мыслимые и, в особенности, немыслимые несчастья, но каким, черт побери, способом это может навести на след мадемуазель Мортан? Чем дальше от Парижа, тем большей глупостью представлялась Компане авантюра, в которую он позволил себя втянуть.

— Пойду, пожалуй, вымою руки, — сообщил Перен, с интересом разглядывая свой палец, измазанный какой-то местной приправой. Было совершенно непонятно, как приправа из плотно закрытой баночки, к которой Франсуа даже не прикасался, оказалась на его пальце. Баночка, как сфинкс, надежно хранила свою тайну.

«Практика — критерий истины» — пришла в голову Компане оригинальная мысль, и он, не откладывая в долгий ящик, решил экспериментально проверить теорию главного психолога.

Официант принес заказ. Черный кофе издавал восхитительный аромат. Из высокого запотевшего стакана с соком соблазнительно торчала соломинка.

Компана отрезал кусочек пиццы и поднес ко рту. На его лице появилась недовольная гримаса. Похоже, шеф-повар строго придерживался правила: недосол на столе... Детектив протянул руку к солонке и замер. Его осенило.

Воспользовавшись отлучкой своего босса, Компана обернулся к соседнему, пустовавшему в эту минуту, столику и взял с него еще одну солонку. Обе солонки были совершенно одинаковы. Экспериментатор отвернул с одной из них металлическую крышечку так, чтобы она едва держалась на последнем витке резьбы.

— Вам, конечно, пришлось выстоять очередь к умывальнику? — задал отвлекающий вопрос Компана, когда Франсуа вернулся.

— Нет, — ответил Перен, удобно усаживаясь за столик и принимаясь за пиццу. — Старуха-служительница не хотела брать у меня доллары. Песо ей, видите ли, подавай!

На лице Перена отразилась напряженная работа мысли. Что-то было не так. Наконец, он сообразил, что пицца недосолена и потянулся к солонке.

«Уф! — облегченно подумал Компана, увидев, что Франсуа схватился за исправную солонку. — А я-то едва не поверил в эту чушь! Все эти теории о везении-невезении сплошная бредятина!»

— Простите, сеньор! — услышал Перен у себя за спиной и обернулся. Перед ним, слегка наклонившись, стоял круглолицый мексиканец и вежливо улыбался. — Вы не разрешите воспользоваться вашей солонкой? Пицца совершенно не соленая.

Прошла примерно минута, пока Франсуа сообразил, чего от него хотят. Свободное владение испанским не относилось к достоинствам Перена. У Компаны даже дыхание перехватило.

— Плиз! — почему-то по английски ответил Франсуа и, улыбаясь, протянул мексиканцу предмет его вожделений.

— Компана, что с вами? — спросил он и взялся за вторую солонку. Компана молча наблюдал, как Перен покрывает свою пиццу аккуратными белыми барханами и с видимым удовольствием отправляет в рот кусок за куском. Специфический вкус блюда Франсуа, видимо, отнес на счет особенностей латиноамериканской кухни.

— И что же вы собираетесь предпринять дальше? — спросил Компана, переводя дух. — У вас есть какой-нибудь план?

— Собираюсь действовать в классическом ключе, — ответил глава и мозговой центр предприятия.

— Позвольте узнать, что такое «классический

ключ»? — в голосе Компаны чувствовался какой-то подтекст.

— Ну это — вживание в среду, поиск следов, допросы свидетелей, — попытался разъяснить свой метод Франсуа тоном, каким преподаватель втолковывает второгоднику теорему Пифагора.

— Какие следы, какие свидетели?! — взорвался Компана. — Я потратил целый месяц, перепахивая эту страну из конца в конец чуть ли не носом! Нет здесь никаких следов! Позвольте вам заметить, что со дня исчезновения мадемуазель Мортан прошло уже сорок два дня. Если вы считаете себя честным человеком, надо кончать эту бодягу и возвращаться в Париж.

— Я считаю себя честным человеком, Компана, — возразил Перен. — Просто вы не знали мадемуазель Жюли, вернее, знали ее только по фотографиям. Это чудесная девушка! Однажды она спасла мне жизнь. Я дал слово найти ее и я не отступлюсь!

— Она спасла вам жизнь?! — изумился Компана. После суток, проведенных в компании Перена, ему много легче было предположить обратное.

— Да, спасла. Меня чуть не убило током в буфете фирмы.

— Где, где? — буфет всегда представлялся детективу довольно безопасным местом, особенно в плане электрического тока. Нет, конечно, на Сицилии или в Чикаго во времена «сухого закона»... Но в Париже!

— В буфете. Меня дернуло током от кофеварки. Потом кофеварка взорвалась, и меня окатило кипятком, но я этого уже не помню. Буфетчик не мог выбраться из-за стойки, и мадемуазель Жюли не дала мне свариться. Она как раз зашла в буфет за пирожными. С тех пор я не пью кофе. Только сок!

— А что стало с буфетчиком? — поинтересовался Компана, предчувствуя самое худшее.

— Не знаю. Когда я выписался из больницы, там уже работал другой парень.

Компана задумался о печальной судьбе незнакомого буфетчика. Если проклятый психолог окажется прав, и Перен найдет-таки дочь президента, а он, Компана, окажется рядом... Впору завещание составлять. «А мадемуазель Мортан и Перена пригласить в качестве свидетелей» — съехидничал внутренний голос. Сыщик зябко передернул плечами.

— Что с вами, Компана? — жизнерадостно воскликнул Франсуа. — Лучше посмотрите, какие здесь девушки. Вон та, рыженькая, очень даже ничего! — он взглядом указал на стойку бара.

Девушка как будто почувствовала, что говорят о ней, и смущенно улыбнулась.

Глядя в глаза девушке, Франсуа торжественно поднял бокал с соком, как поднимают в честь прекрасных дам бокал шампанского, и...

— Послушайте, Перен, прекратите этот спектакль! — прошипел Компана.

— Какой шпектакль? Я шебе нош проткнул! — левой рукой Перен зажимал себе рот и нос, а правой отчаянно шарил по карманам в поисках платка. Как водится, носовой платок оказался в последнем кармане. Из-под сжатых пальцев левой руки торчала соломинка, угодившая в левую ноздрю Франсуа, когда тот поднес к губам свой стакан.

— Где здесь врач?! — вскричал Компана.

Полчаса спустя улыбающийся Перен, как ни в чем не бывало, вышел из амбулатории. В его левой ноздре красовался ватный тампон, придававший его носу пикантную асимметрию. Компана встретил его вопросом:

— Что вы там делали столько времени?

— Ну, мы немного поболтали. Врач попалась такая симпатичная. Я ей рассказал, как врезался в автоматические двери, вчера, в Орли. Мы посмеялись. Она, кстати, вспомнила, что у них тут месяц назад произошел аналогичный случай. Какая-то девушка тоже налетела на автоматические двери. Никто не мог понять, почему они не сработали. Зачем-то вызвали полицию.

Компана резко затормозил. Франсуа по инерции пролетел еще несколько шагов.

— Да, сеньоры, я помню этот случай, — рассказывал сержант в полицейском участке. — Я тогда дежурил. Как раз прибыл самолет из Европы. Нет, сеньоры, не скажу, у меня, знаете ли, с географией...

— Да, сеньор, — подтвердил полицейский, взглянув на фотографию Жюли Мортан, которую Компана извлек из своего бумажника. — Похоже, это она. Но фамилия у нее была другая. Откуда я знаю? Так я же ее паспорт видел! Погодите, лучше я все по порядку расскажу.

— Я тогда на галерее торчал. Знаете, сверху виднее. Я всегда там устраиваюсь, когда рейс прибывает. Около лестницы. Весь зал виден и спуститься можно быстро, если что. Стою я, значит, и за пассажирами наблюдаю. Ну, там, помощь может понадобиться, или физиономию знакомую увижу, — он кивнул на стену, на которой красовались малохудожественные фотопортреты, выполненные анфас и в профиль. Воспитанные на высокой моде парижане обратили внимание на пристрастие фотомоделей к полосатым тканям.

— Я на нее сразу внимание обратил, — продолжал страж порядка. — Она шла как во сне. Я сначала

решил, что ее в самолете укачало. С ней мужчина был, он ее под правую руку поддерживал. А на левом плече у нее висела сумочка на длинном ремешке. Так вот, сумочка у нее с плеча свалилась, вещи по всему полу рассыпались, а она даже не заметила. Мужчина заметил. Он их собирать бросился, а она все идет и идет. Пока на двери не налетела. Почему они не сработали — у нас до сих пор никто понять не может.

Ушиблась она, похоже, здорово. На пол упала и лежит, не двигается. Я думаю, ей повезло. Если бы двери сработали, она бы со ступенек загремела, могла руки-ноги переломать. Ну, я, конечно, сразу по рации врача вызвал. Вы, сеньоры, ее видели, она сегодня работает. Мужчина меня услышал, заметил форму, сумку бросил, подхватил девушку на руки, и бежать. На этот раз двери сработали.

Пока я бежал по лестнице, он успел вскочить в автомобиль и скрыться. Автомобиль его ждал. Он подъехал из-за угла с открытой дверцей. Машина даже не остановилась, только слегка притормозила. Я не видел, кто в ней сидел. Стрелять я не решился — кругом было много народу.

— Вы не заметили, какой это был автомобиль? — спросил Компана. — Его марку? Может быть, номер?

— Это был большой черный «додж»-седан, не очень новый. И номер запомнил. Да толку с этого чуть. Его угнали утром и бросили в десятке кварталов отсюда. Наверное, у них была другая машина для подставы.

— А спутника девушки вы не могли бы описать? — задал следующий вопрос Компана, действуя в «классическом ключе». — Так сказать, словесный портрет.

— А чего его описывать? — устало произнес сержант. — Сами смотрите, — он кивком указал на стену, украшенную фотопортретами, — третий слева.

С третьего слева портрета на французов честным взглядом профессионального игрока в покер смотрело худощавое, довольно симпатичное лицо человека лет тридцати с небольшим. Тонкие усики на верхней губе придавали ему сходство то ли с героем-любовником, то ли с опереточным злодеем. Небольшой шрам над правой бровью делал вторую версию более вероятной, а неважно сидящий костюм в широкую черно-белую полоску — и вовсе правдоподобной.

Подпись под портретом гласила:

«РАЗЫСКИВАЕТСЯ!
Педро Арваль,
он же Хуан-Мануэль Родригес,
он же...»

Как бы стесняясь плохо сшитого костюма и компании, в которой он был вынужден пребывать на стене полицейского участка, на второй фотографии Педро Арваль был изображен скромно отвернувшимся вправо.

— И где его можно найти? — загорелся Перен.

— А кто ж его знает? — философски заметил сержант. — Это фото уже лет пять висит.

Увидев огорченное лицо Франсуа, страж порядка сжалился:

— Я бы посоветовал вам обратиться к комиссару Куско из Главного комиссариата. Кажется, дело передано ему. Простите, сеньоры, мне больше нечего сказать. Я всего лишь простой полицейский.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Встреча с комиссаром Куско была назначена на шесть вечера. Впереди был еще почти целый день.

Перен и Компана взяли на прокат автомобиль — Франсуа выбрал огромный почти новый «понтиак» вишневого цвета. На дорогах старушки-Европы таких почти не встретишь. Там предпочитают «рено», «фиат» или «фольксваген». Нет, конечно, многие не отказались бы от «империала» или «олдсмобила», но, знаете ли, проблемы с парковкой, да и бензин нынче дорог... А по бескрайним просторам Нового Света эти бизоны автострад свободно раскатывают, иной раз рядов в шесть, демонстрируя, на что способны триста лошадей под капотом.

Выбор «понтиака», автомобиля «с самой широкой колеей в Америке», Перен обосновал стремлением не уронить достоинство г-на президента в глазах местных властей. Компана только саркастически хмыкнул. Дома, во Франции, полномочный представитель г-на президента поддерживал реноме своего работодателя, рас-

катывая на «ситроене». Нет, не на том стремительном, напоминающем акулу, лимузине, который подавался к подъезду Елисейского дворца, а на небольшой плоскобокой машине с брезентовым верхом, более известной по всему миру под уважительным названием «консервная банка».

Компаньоны решили стать на якорь в гостинице «Эксельсиор», которую на станции проката автомобилей им охарактеризовали как «вполне приличную». Это означало, что в нее не зазорно приехать на «понтиаке».

Отель «Эксельсиор», сверкающее белизной здание, сочетающее в себе элементы модерна и колониального испанского стиля, живописно расположился на берегу глубокой бухты, соединявшейся с океаном узким проливом. Штормовые океанские волны не добирались сюда, а для любителей серфинга к берегу океана была проложена канатная дорога. И северный и южный берега бухты покрывала буйная тропическая растительность.

— Добрый день, сеньоры! — приветствовал путешественников любезный портье. — Конечно, найдется! Правда, сейчас большой наплыв. Вы обратили внимание, сколько машин на стоянке? Одну минуточку, сеньоры. Вот, пожалуйста! Есть чудесный номер-люкс с видом на залив. И однокомнатный на первом этаже с окнами на автостоянку. Что вы предпочитаете?

Компана не успел даже рта раскрыть.

— Мне — люкс, — распорядился Перен, — а мой помощник разместится в однокомнатном.

Похоже, он решил создать у господина президента иллюзию, что каникулы его дочери еще продолжаются. У него самого или у его кассиров.

— Простите, сеньор! — почтительно произнес бой, поднимаясь на ноги после того, как Перен, сделав

шаг назад, буквально снес тележку с багажом. Он помог сеньору выбраться из-под кучи чемоданов и доковылять до лифта.

Портье, невозмутимый, как английский дворецкий, наблюдал за этой сценой.

— Встретимся за обедом! — обронил Перен прежде, чем двери лифта закрылись.

— Не повезло вашему патрону! — посочувствовал портье, обращаясь к Компане.

— И не говорите!

Осмотрев свой небольшой, но достаточно уютный номер, Компана не очень расстроился. В своей походной жизни он привык ночевать и в отелях, и в палатках, и просто на голой земле. В конце концов, сыщика ноги кормят и днем их в отеле почти не будет. А ночью, вероятно, станет потише. Зато можно будет немного расслабиться — Компана успел убедиться, что разрушительное воздействие Перена сквозь каменные стены не проникает. Разве что весь отель взлетит на воздух. Тьфу, тьфу.

Убедиться в правильности своих расчетов Компана смог уже через полтора часа, когда он, отдохнувший и освеженный, в новой льняной рубашке, сидел в ресторане и с аппетитом уплетал закуску. В дверях появился мрачный Перен. Ни слова не говоря, он уселся за столик, осторожно вытащил соломинку из стакана, залпом выпил сок и принялся ковырять вилкой в тарелке.

— Что случилось, шеф? — спросил Компана.

— Скажите, Компана, у вас в номере есть вода? — вопросом на вопрос ответил руководитель экспедиции.

— Что, что? — не поверил своим ушам его помощник.

— Я спрашиваю, есть ли у вас в номере вода?

— Конечно, есть, — Компана инстинктивно пригладил ладонью свои еще чуть влажные волосы.

— А у меня нет, — уныло протянул Перен. — Ни в ванной, ни в рукомойнике. Я даже душ не смог принять. Сейчас там сантехники ковыряются. Говорят, к вечеру сделают, если не придется стену вскрывать.

Компана пробурчал под нос что-то сочувственное. Инстинкт самосохранения не позволил ему предложить Перену воспользоваться душем в его номере. Эх, знал бы Компана, где упадет, подстелил бы соломки!

Тем временем подали первое блюдо, затем — второе. Трапеза сопровождалась прекрасными винами. Не умевший долго расстраиваться Перен лишь краем уха слушал детектива, вслух планировавшего предстоящий разговор с комиссаром. Его внимание привлекла довольно симпатичная блондинка, которая только что вошла в зал и обосновалась у стойки бара. Ее взгляд блуждал по помещению, останавливаясь на мгновение на немногочисленных в этот час посетителях. Было похоже, что она кого-то ждет. Когда глаза девушки задержались на Перене, тот приветливо улыбнулся и жестом показал, что пьет за ее здоровье.

— Вы не находите, Компана, что она очень мила? — обратился Франсуа к своему партнеру. — Кажется, я ей тоже понравился.

— Пятьдесят долларов, — буркнул Компана.

— Какие пятьдесят долларов? — не понял Перен.

— Я имею в виду, что за пятьдесят баксов вы ей понравитесь еще больше. Настолько, что она проведет эту ночь в вашей постели.

— Бросьте, Компана! Я уверен, что на самом деле вы так не думаете.

— Хотите пари? Если я не прав, то пятьдесят долларов плачу я.

Перен поднялся из-за стола и направился к девушке.

Компана уткнулся взглядом в десерт и лишь краем глаза наблюдал за происходящим. Вот Перен подошел к девушке, вот что-то сказал, она засмеялась. Вот он наклонился к ее уху. Раздался громкий шлепок.

Компана поднял голову. Франсуа, держась рукой за щеку, возвращался к столику. Блондинка провожала его гневным взглядом. Ее лицо пылало от возмущения.

— Я был уверен, что я прав, — извиняющимся тоном произнес Компана. До сих пор в подобных случаях он не ошибался. — Мне очень жаль!

— Вы должны мне пятьдесят долларов! — отрезал Перен. Он был очень зол.

В это время в дверях ресторана появился молодой человек нехлипкого сложения и, заметив девушку у стойки, сразу бросился к ней. Они расцеловались. Наконец, молодой человек заметил сердитое выражение лица своей подруги. Компана и Перен сидели, потупив глаза и делая вид, что все это к ним не имеет никакого отношения.

— Кто из вас посмел приставать к моей невесте?! — над столиком, свирепо играя желваками и сжимая кулаки, возвышался новоприбывший парень. Он был явно не прочь подраться. Оставалась последняя задача — выбрать жертву. Вряд ли обидчиком мог быть этот мозгляк с лицом обиженного пуделя. Скорее — верзила с бицепсами молотобойца! Каждое утро разглядывая себя в зеркале, он примерно представлял себе тип мужчины, который мог понравиться его невесте.

Хрясь! — казалось, пушечное ядро врезалось в челюсть Компаны. Не успев даже сгруппироваться, как его учили в армии, сыщик оказался на полу. Франсуа проводил его виноватым взглядом.

Жених победным взором обвел зал. В этот момент он напоминал матадора, только что пронзившего мулетой быка и ожидающего заслуженных оваций. Офи-

цианты, которых в этот час было больше, чем посетителей, сгрудились на безопасном расстоянии. Истинные сыны Мексики, они не могли пропустить столь захватывающей корриды.

Компана с трудом поднялся с пола и, согнувшись пополам, замер в такой позе.

— Ничего, ничего, — успокоил он собравшихся зрителей. — Все в порядке.

Что произошло дальше, никто не успел заметить. Раненый бык с ревом вонзил рога в печень матадора. Это было уже не ядро. Это был залп из безоткатного орудия, судя по произведенным разрушениям.

Публика, естественно, стала на сторону поверженного тореро. Лучше бы она этого не делала! Разъяренный Компана носился по залу, круша все на своем пути и умножая число жертв.

Через пять минут все было кончено. Зал ресторана напоминал сибирскую тайгу после падения Тунгусского метеорита.

В углу, из-под обломков чего-то изящного, поднялся жених и нетвердыми шагами направился к Компане, чтобы сойтись с ним в последней схватке. Он взглянул на свою невесту, собираясь, видимо, сказать ей последнее «прости», и застыл как соляной столб. Компана проследил за его взглядом и замер в столь же выразительной позе.

В единственном уцелевшем оазисе, у стойки бара, наклонившись к девушке, стоял Перен и шептал ей на ухо что-то интимное. Девушка внимала Франсуа с видимой благосклонностью.

Именно в этот момент в голову Компаны впервые закралась мысль, что невезение может быть заразным. В голову потрясенного жениха никакая мысль не закралась. Он просто стоял и молчал с открытым ртом.

Оглушенный внезапной тишиной, Перен оглянулся

и густо покраснел. Он взглянул на своего компаньона, затем на часы и произнес:

— Компана, что же вы? Мы же опаздываем к комиссару!

Бодрым шагом Франсуа направился к единственному уцелевшему зеркалу и попытался покинуть ресторан. Удар, вскрик, звон стекла.

— Не повезло вашему приятелю, — сочувственно вздохнула девушка.

— Да уж, не повезло, — удовлетворенно подтвердил жених, почувствовавший себя отомщенным.

«А кому повезло?» — подумал Компана.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Комиссар Куско принял участников экспедиции со всей возможной обходительностью. Это был подтянутый моложавый мужчина средних лет. Сшитый дорогим портным костюм сидел на нем с изысканной небрежностью. Отличная выправка и кошачья грация походки свидетельствовали не столько о строевой подготовке, сколько о длительных занятиях теннисом.

— Бонжур, мсье! — приветствовал комиссар своих гостей по французски. — Прошу присаживаться.

Несколько лет назад комиссару довелось стажироваться во Франции, и он навсегда сохранил в своем сердце привязанность ко всему французскому вообще, а к французским винам и француженкам в особенности. Вот почему он с таким вниманием выслушал рассказ Компаны о несчастной судьбе мадемуазель Жюли Мортан. Естественно, в своем повествовании Компана ни словом не упомянул о революционной теории доктора Мийярда. Во-первых, он в нее не верил и не

хотел выглядеть смешным в глазах г-на комиссара. Во-вторых, квинтэссенция теории сидела на соседнем кресле, раскачиваясь из стороны в сторону и тупо глядя в пространство перед собой.

— Вот, взгляните, мсье. Это было у нее в сумочке, — комиссар открыл ящик стола и протянул Компане паспорт: — Это — она?

Компана внимательно разглядывал фотографию. Амплитуда колебаний Перена угрожающе увеличивалась.

— Трудно сказать с определенностью, — Компана попытался ногтем поддеть фотографию, затем поднял паспорт на уровень глаз, стараясь что-то разглядеть в косых лучах заходящего солнца. — Вроде она, а вроде бы и нет. Мадемуазель Мортан была шатенкой с длинными волосами, а здесь — жгучая брюнетка, да еще коротко стриженная. И глаза у нее какие-то странные!

— Да, да, мсье, разумеется. Женщин так меняет прическа! — комиссар даже поцокал языком, вспоминая свое пребывание в Париже. — А что касается глаз, все свидетели сходятся в том, что она была чем-то одурманена. Как будто ее напичкали наркотиками. А что думаете вы, мсье Перен?

Мсье Перен в ответ рухнул головой на стол комиссара.

— Перен, Перен! Да придите же в себя! — Компана пытался привести в чувство своего напарника.

Наконец, Франсуа открыл глаза, обвел присутствующих мутным взглядом и с находчивостью истинного парижанина произнес:

— Пардон! Мне нужно в туалет.

Он встал и, держась за стенку направился к выходу, пытаясь попасть в дверной проем. С третьей попытки это ему удалось.

— Мсье Перен был близко знаком с мадемуазельль

Мортан? Он так расстроен! У него повышенная эмоциональная возбудимость? — комиссар был сама тактичность.

— Нет. Просто он вчера хотел головой выбить дверь в аэропорту, а сегодня, перед тем, как ехать к вам, разбил зеркало в ресторане. Большое. И опять же, головой.

— О-ля-ля! — комиссар сочувственно покачал головой. — Похоже, сегодня — не его день.

— У него каждый день — не его! — мстительно произнес Компана, вспоминая сцену в ресторане.

— Он что, упал? — с состраданием поинтересовался сеньор Куско.

Из коридора послышался грохот.

— Определенно! — удовлетворенно констатировал Компана.

— Скорее всего, это мадемуазель Жюли Мортан, — вернулся к прерванной беседе сыщик. — Парик или краска. Сейчас это так просто.

— Да, да, — подтвердил комиссар.

— А тот тип, который был с ней? О нем что-нибудь известно?

— Это — Педро Арваль. Он промышляет поставкой девушек в публичные дома. От Мексики до Бразилии. Гнусный тип! Вы видели его фото в полицейском участке?

— Угу, — кивнул Компана, — видел. Только они все там в полосатых робах и стриженные наголо. Встретишь на улице — и не узнаешь. Все на одно лицо. Вы служили в армии, мсье комиссар?

— Конечно!

— Помните первый день, когда всех постригли и переодели в униформу? Все зеленые, все одинаковые. Лучшего друга не отличишь!

— Я был офицером, — почему-то смутившись, сказал комиссар. — Нас не стригли.

— Это я к тому, мсье комиссар, — пояснил Компана, — что не найдется ли у вас фотографии этого Арваля, так сказать, в цивильном виде?

— Конечно, мсье Компана, — любезно произнес комиссар и протянул сыщику картонный прямоугольник. С цветной фотографии, сверкая улыбкой кинозвезды, волею обстоятельств вынужденной рекламировать зубную пасту «Блендамед», на Компану смотрел похититель девушек.

— После того случая в аэропорту его никто не видел? — задал вопрос детектив.

— Увы, из наших людей — никто. Хотя... — комиссар задумался, — была у него подружка Соня. Она подвизалась в публичном доме, в порту.

Покидая комиссариат, Компана профессиональным взглядом окинул коридор. Особых разрушений он не заметил. Правда, на ручке двери мужского туалета болталась белая табличка с черной надписью: «Ремонт».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— Как вы себя чувствуете, Перен? Надеюсь, вам лучше, — спросил Компана, усаживаясь за руль и заводя машину.

— Спасибо. Голова просто раскалывается, — как бы в подтверждение своих слов Франсуа помотал головой из стороны в сторону и зажмурился.

— Отвезти вас в гостиницу?

— Да, пожалуйста.

Перен откинулся на спинку сиденья и мечтательно произнес:

— Поднимусь в номер, приму аспирин, заберусь в постель и до самого утра — спать, спать, спать!

Несколько минут они ехали молча.

— А вы что собираетесь делать? — поинтересовался глава экспедиции. Забота о быте подчиненных — основа успеха любого предприятия.

— Собираюсь заглянуть в «Соня-Клуб».

— Что это?

— Публичный дом в порту, — доложил помощник,

и, увидев, как загорелись глаза Перена, счел необходимым добавить: — По сведениям полиции, там обреталась приятельница Арваля. Тоже Соня, между прочим.

Не знаю, как повел бы себя Перен, ограничься Компана первой половиной фразы. На лице Франсуа отразилась мучительная борьба между головной болью и долгом. В конце концов чувство долга победило.

— Я еду с вами! — решительно сказал он.

«На кой черт ты мне сдался!» — мысленно выругался сыщик. Он собирался опросить свидетелей, поговорить с девицами и посетителями из постоянных, а если повезет, поболтать с Соней. Словом, заняться своей профессиональной работой. Вряд ли удастся выйти на Арваля. Компана прикинул шансы и оценил их как один к ста. Будь все так просто, полиция не гонялась бы за этим красавчиком пять лет. Что-что, а свое дело они знают. Но это позволит с чистой совестью составить отчет для мсье Мортана, изложить все факты по делу и сделать вывод о бесперспективности дальнейших поисков. Компана очень сочувствовал горю г-на президента, но подогревать его иллюзии — равносильно вульгарному мошенничеству! А с этим лопухом Переном — Компана постарался подобрать самое мягкое определение — вообще неизвестно, чего можно ждать. Опять что-нибудь разобьет или начнет к девкам клеиться. Или, хуже того, пожар устроит.

«Пожар в публичном доме — классическая тема для анекдота! — подумал Компана и хмыкнул. — Например, так: Горит публичный дом. Все кричат: — «Воды! Воды!». «И пару пива в шестнадцатый номер!» — это, конечно, Перен».

Но, прогнав с лица неуместную ухмылку, Компана участливо спросил:

— А как же ваша голова?

— Ничего, голова пройдет.

— Но вы же хотели пораньше лечь спать?

— Я подумал... Я, вообще-то, не привык рано ложиться. Это все разница во времени. Надо, надо привыкать! Нам еще не один день придется здесь провести. Мы же в самом начале расследования! — голос Перена достиг патетического накала.

«Ну и хрен с тобой! — подумал Компана. — Мийярд заварил эту кашу, пусть он ее и расхлебывает!» — и резко повернул руль вправо.

В отличие от отеля «Эксельсиор», веселый дом «Соня-Клуб» явно не страдал от наплыва посетителей. Бармен за стойкой, с лицом пирата, досрочно вышедшего на пенсию по состоянию здоровья, задумчиво протирал видавшие виды стаканы. По другую сторону стойки на вращающихся стульях восседала дюжина изголодавшихся по работе девиц. Здесь был товар на любой вкус — на вкус постоянной клиентуры, разумеется. Клиентами были, в основном, матросы из сборных команд судов, бороздящих моря и океаны под панамским или либерийским флагом. Две-три недели без берега да два-три стаканчика виски или рома из подвалов заведения — и девочки выглядели вполне привлекательно.

Что же касается утонченных вкусов наших парижан, то, по их мнению, ни одна из здешних жриц любви не могла бы рассчитывать на карьеру во Франции, даже в борделе средней руки при пехотных казармах. Очевидно, товар, доставляемый Арвалем из Европы, оседал где-то в других местах.

На прямо поставленный вопрос бармен дал столь же прямой ответ: никакой Сони он не знает, никогда о ней не слыхал, и, вообще, уже три недели, как она уволилась и уехала в неизвестном направлении. В приступе откровенности он даже попытался отрицать

специфику своего заведения, но, взглянув на девиц за стойкой, понял, что переборщил.

Компана перевел ответ Перену, занес показания в свой блокнот и, захлопнув его, подвел итог:

— Все, поехали, нам здесь больше делать нечего!

— Но мы же еще не допросили всех свидетелей. Сонины подружки наверняка о ней что-нибудь знают! — взгляд Франсуа перебегал с одной подружки на другую, как бы пытаясь выбрать из них самую закадычную.

«Да он еще и сексуальный маньяк ко всему прочему!» — подумал Компана.

Между тем, очередная девица, перехватив взгляд Перена, расплывалась призывной улыбкой, желая привлечь к себе внимание и продемонстрировать свои прелести с самой выгодной стороны. Ведь заполучить клиента в столь неурочный час, да еще явного лоха и, по видимому, денежного, было бы несомненной удачей. Главное — заарканить, а выпотрошить его потом — это уже дело техники.

«Лав», «Амор» — ласкали слух Франсуа зазывные голоса сирен. Одна сирена, нарушая профессиональную солидарность, даже предприняла обходной маневр, положив голову на плечо Компане и промурлыкав:

— Хелло, дарлинг!

Дойдя до конца экспозиции любви и порока, Перен в нерешительности оглянулся на своего помощника. Тот скептически покачал головой. Чтобы не уронить авторитета руководителя спасательной экспедиции, надо было немедленно, не сходя с места, что-то предпринимать.

— Не согласится ли мадемуазель выпить со мной бокал вина? — галантно обратился Франсуа к девушке, сидевшей прямо перед ним.

Девушка окинула победным взором своих менее

удачливых подруг и, обвив шею Перена обеими руками, наградила его смачным поцелуем. Не ожидавший такого бурного проявления страсти Перен едва перевел дух.

Придя в себя, Франсуа нежно взял девушку под локоток и отвел ее к свободному столику. Впрочем, в этот час все столики в зале были свободны. С противоположных сторон каждого столика размещались длинные обитые кожей диванчики, как бы приглашавшие посетителей заняться любовью прямо в зале.

— Что мадемуазель будет пить? — Перен продолжал демонстрировать свою французскую галантность. Очевидно, он решил начать допрос свидетеля с завоевания его доверия. Так поступали Великие Сыщики во всех детективных романах, которых Франсуа перечитал великое множество.

— Ай шпрехе франсе нихт! — поведала девица, демонстрируя свои лингвистические способности.

— И на каком же языке вы собираетесь ее допрашивать? — поинтересовался Компана, устраиваясь на соседнем диванчике.

— Что, что? — переспросил Перен, с трудом переключая внимание со свидетельницы на Компану.

— Я спросил, на каком языке вы собираетесь ее допрашивать? Вы же не знаете испанского.

Вопрос был, конечно, интересный. Как бы давая Франсуа время поразмыслить над ответом, девица зажала ему рот долгим страстным поцелуем. Не ожидавший такого напора Перен потерял равновесие и сполз под стол.

Похоже, любимому ученику Шерлока Холмса и комиссара Мегрэ удалось использовать предоставленную паузу с максимальной эффективностью.

— Я... буду... допрашивать ее... по-английски, — заявил Перен, вылезая из-под стола и переводя дыхание. — В портовых городах обычно все говорят по-английски.

Оказывается, круг чтения Франсуа не ограничивался Конан Дойлем и Сименоном, но включал в себя как минимум еще и Джека Лондона.

— Спуманте! — заорала девица, на секунду отрываясь от Перена.

«Хм! Нашего галльского петушка уже начинают ощипывать!» — ухмыльнулся про себя Компана.

Тем временем Перен сосредоточенно формулировал первый вопрос, который он задаст свидетельнице. Ведь каждому известно, как много зависит от первого вопроса! Обкатав в голове различные варианты, он остановился на наилучшем и произнес что-то вроде: «Чао, бамбино, сорри!»

— Где вы изучали английский? — осведомился Компана, приходя в себя после легкого шока. Но его бестактный вопрос остался без ответа. Подошедший буфетчик швырнул на стол ведерко с остывавшей в нем бутылкой шампанского.

Франсуа недоуменно посмотрел на него. Кажется, он не заказывал ничего подобного. «Очевидно, спуманте — это шампанское по-ихнему!» — догадался он. Что ж, шампанское — это неплохо! Оно позволит свидетельнице расслабиться и лучше припомнить все, что ей известно. Франсуа потянулся к пробке.

— Эй, сеньор, с вас пятьдесят долларов! — буфетчик грубо вмешался в следственный процесс.

«Ого, не слабо! — подумал Компана, — в «Эксельсиоре» цены ниже».

Не желая терять время на препирательства с неотесанным мужланом, Перен извлек из кармана толстую пачку денег и отделил пятидесятидолларовую купюру, швырнув ее на стол. Девица завороженно следила за его манипуляциями. Кое-как скомкав деньги и запихав

их обратно в карман, Франсуа откупорил бутылку и разлил шампанское по бокалам.

— За наше столь многообещающее знакомство! — Перен поднес бокал к губам.

Задрав голову, девица лихо опрокинула шампанское себе в рот.

Буфетчик запустил музыкальный автомат. Девица вскочила на ноги и, издав воинственный клич, исполнила несколько довольно-таки сексуальных па.

— Поехали в гостиницу, — предложил Компана.

— Уехать? Сейчас? — удивился Перен. — У нас только начал налаживаться контакт со свидетельницей. Впрочем, вы можете поступать как хотите. Я остаюсь!

— Послушайте, Перен, на что вы рассчитываете?

— Ну, мы потанцуем немного, она почувствует себя в привычной обстановке, успокоится и все мне расскажет. Она что-то знает, Компана! Я это чувствую.

— Она знает, что идиота подцепила. Если вы хотите остаться, отдайте лучше деньги мне.

— Что вы сказали?

— Я сказал, чтобы вы отдали деньги мне, а то еще без денег останетесь!

— Нет, повторите, как вы меня назвали?

— Может быть, глупым? — смутился Компана. Он вспомнил, что Перен почему-то особенно болезненно реагировал на слово «идиот». Взять хотя бы битву при Орли за багажную тележку.

— Нет, не глупым.

— Сумасшедшим?

— Нет, не сумасшедшим. Словом, Компана, завтра я буду говорить с г-ном президентом и доложу ему, как вы вставляете мне палки в колеса и мешаете расследованию. Убирайтесь и не мешайте мне работать!

Компана повернулся и направился к выходу. Уже стоя в дверях, он произнес:

— Поступайте, как хотите. Но может случиться так, что, вернувшись в отель, вы там меня уже не застанете.

Очутившись на улице, сыщик сел в «понтиак» и в сердцах захлопнул дверцу. «Придется этому доморощенному комиссару Мегрэ прогуляться пешочком!» — подумал он мстительно и тронул автомобиль с места.

— Ай гоу виз ю! — услышал Компана мелодичный голосок. Обернувшись, он заметил стоящую на тротуаре брюнетку, которая давеча положила на него глаз. Очевидно, у Перена и Компаны были разные учителя английского языка, потому детектив быстро сообразил, что ему предлагают составить компанию, причем именно по-английски.

«А что, в конце концов? — подумал Компана. — Чем эта девица хуже Переновой шлюхи? Пусть тоже заработает». В том, что подследственная Франсуа без гонорара не останется, он не сомневался.

Компана подал машину назад и приглашающим жестом открыл левую дверцу. Девушка быстро юркнула на сиденье.

Тем временем в веселом доме продолжалось вживание в обстановку. Наконец, Перен решил, что настал момент продолжить беседу со свидетельницей. Он уселся за столик и жестом указал девице место рядом с собой. Та отблагодарила его очередным пылким поцелуем, решив, видимо, что пора брать инициативу в свои руки, быстрым движением расстегнула ему молнию на брюках. Франсуа оторопел. Он представлял себе процедуру допроса несколько иначе. Трудно, согласитесь, сидеть со спущенными штанами и задавать серьезные вопросы девушке, настроенной, мягко выражаясь, несколько легкомысленно.

Перен ощутил, что его авторитет следователя падает, как барометр перед штормом. Что ж, проигрывать

тоже надо красиво! Он встал, поправил молнию на брюках, оставил на столе десять долларов и направился к выходу.

Не успела дверь заведения захлопнуться за ним, как свидетельница по делу подбежала к телефону и набрала номер.

Не обнаружив машины на стоянке, Франсуа поднял воротник — с океана дул прохладный ветерок, — засунул руки в карманы и пешком отправился в отель. Тропическая ночь была черна. Редкие фонари не могли рассеять мрак. Путь предстоял неблизкий, к тому же Перен не очень хорошо его запомнил. Словом, у Франсуа были все основания для мрачного настроения. Но больше всего он страдал от уязвленного самолюбия. Этот самодовольный индюк Компана оказался-таки прав, и это было невыносимо. Ничего нового о судьбе Жюли — да, да, именно Жюли, без всяких там «м-ль» — выяснить не удалось.

Так, с каждым шагом все глубже погружаясь в пучину черной меланхолии, Перен успел уже отшагать несколько кварталов, когда за его спиной послышалось тихое урчание мотора. Голубая малолитражка остановилась рядом с ним, и нежный голосок промурлыкал:

— Хелло, такси!

За рулем сидела давешняя свидетельница по делу. Она уже успела переодеться в скромное, очень ей идущее платье и сменить прическу. Ничто в ее облике не напоминало о той профессии, которая позволила ей скопить деньги на машину.

Франсуа благодарно улыбнулся. Его мрачное настроение как рукой сняло.

— Отель «Эксельсиор», — назвал он адрес, поудобнее устраиваясь на сиденье рядом с водителем. Он надеялся, что по-испански это звучит так же, как и по-французски.

— Си! — сказала девушка и жестом предложила пристегнуть ремень безопасности.

— Благодарю вас, мадемуазель. С вашей стороны это очень любезно! — галантный Франсуа счел своим долгом развлекать свою спасительницу светской беседой несмотря на то, что мадемуазель ни слова не понимала по-французски.

— Подумать только: еще вчера я был в Париже, работал в бухгалтерии. И вот, я в Мексике, еду в машине с красивой девушкой! Я уже не чаял, что мне в жизни так повезет!

Тем временем за окнами автомобиля стало еще темнее — машина выехала из города. Прошло еще по меньшей мере минут пятнадцать, прежде чем Перен это заметил. Откинувшись на спинку сиденья и зажмурив глаза, он мурлыкал, как сытый кот.

— Послушайте, мадемуазель, куда вы меня везете? Разве это дорога в гостиницу? — заволновался он.

Ответом ему была снисходительная усмешка.

«Выучи, дружок, испанский, а затем задавай свои дурацкие вопросы!» — перевел ответ Франсуа. И он был недалек от истины.

Девушка съехала на обочину и выключила зажигание. Внезапно кабина малолитражки осветилась лучами фар большого автомобиля, стоящего метрах в десяти. Около него маячили четыре какие-то очень подозрительные тени. Три из них отделились от автомобиля и направились к малолитражке. Спутница Перена выбралась из машины, бросилась к четвертой тени и повисла у нее на шее. Похоже, эта встреча была отнюдь не случайной.

Франсуа почувствовал себя неуютно. Интуиция сыщика подсказывала ему, что его неприятности будут иметь продолжение.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Компана проснулся среди ночи и зажег ночник. Часы показывали половину третьего. Рядом, разметав черные волосы по подушке и чему-то улыбаясь, спала Кармен. Наверно, ей снился хороший сон.

Компана дотянулся до телефона и набрал номер.

— Это регистратура? — спросил он. — Скажите, сеньор Перен из люкса еще не пришел?

«И где этого идиота черти носят?» — подумал сыщик, услышав отрицательный ответ.

Компана чувствовал себя не в своей тарелке. Дело в том, что его мучили угрызения совести. В конце концов, Перен не виноват в том, что он такой недотепа. Ведь он даже не подозревал, какая роль ему отводилась в расследовании. Незавидная, прямо скажем, роль. Роль червяка, на которого ловят рыбку.

Спустив пар в объятиях, Компана предавался самобичеванию. Он ощущал себя виноватым, что бросил своего напарника одного там, в этом притоне. А ведь

он, Компана, много старше, опытней Перена. Его долг — беречь, охранять этого несчастного червячка.

«Чтобы потом подсечь рыбку», — подумал Компана, и ему стало совсем стыдно.

И этот умник, Мийярд, конечно, не удосужился рассказать Франсуа о своей теории — как же, ведь это нарушило бы чистоту эксперимента! Да и господин президент тоже хорош! Небось постарался навешать ему побольше лапши на уши. А ведь старина Перен был, в сущности, неплохим парнем.

Поймав себя на том, что он думает о своем напарнике в прошедшем времени, Компана попытался стряхнуть с себя наваждение. Он встал, тихо, чтоб не разбудить Кармен, оделся и вышел из номера. В дверях он на секунду задержался и бросил прощальный взгляд на свою подругу.

«Хорошая девочка, — подумал он. — Она славно поработала сегодня ночью. Пусть выспится. Кто знает, доведется ли ей еще когда-нибудь поспать на такой постели».

Компана спустился в холл и подошел к конторке портье. Зеленые цифры на электронном табло мигнули и сменились. Четверть четвертого.

— Сеньор Перен еще не появлялся? — спросил детектив.

Портье бросил взгляд на доску у себя за спиной. Ключ от номера люкс был на месте.

— Увы, еще нет.

— Если мсье Перен появится, передайте ему, что я отправился на его поиски.

В этот момент со стороны входных дверей раздались какие-то странные звуки, что-то вроде жалобного поскуливания. Точнее, это были не двери, а турникет, верхняя часть створок была застеклена, а нижняя обита металлом — постояльцы, да и местные служащие

имели дурную привычку толкать створки ногами, так как руки их были часто заняты чемоданами, покупками или пляжными принадлежностями. Но сейчас за стеклами никого не было.

Было похоже, что какой-то бродячий пес решил провести эту ночь в апартаментах отеля. Хотя никаких бродячих псов Компана в окрестностях «Эксельсиора» днем не заметил, а любимцы здешних постояльцев, ухоженные и накормленные — в отеле была специальная кухня для собак и кошек клиентов — видели десятые сны в номерах своих хозяев.

Компана подошел к турникету и слегка толкнул створку. Это был не бродячий пес, это был Перен, хотя и очень напоминавший побитого бродячего пса. Он стоял на четвереньках и, судя по цвету его брюк, проделал большую часть пути именно таким образом. Под глазом главы спасательной экспедиции красовался фиолетовый фингал размером с куриное яйцо.

Компана подхватил Перена под руки и усадил в кресло.

— Где это вас так? Врача вызвать не надо?

— Не надо врача, — простонал Франсуа, пытаясь принять наименее болезненную позу. — Но мои деньги. Двадцать тысяч!

— Говорил же я вам! — сказал Компана и в сердцах выругался. — Ладно, ждите меня здесь.

Он повернулся и, на ходу доставая ключи от машины, направился к выходу.

— Погодите, я поеду с вами, — Перен потянулся следом за напарником и во весь рост растянулся на полу.

Текст высказывания Компаны мы здесь опускаем ввиду его полной непечатности. Подцепив Перена за брючный ремень, Компана попытался поднять его на

ноги, но Франсуа мог стоять только касаясь пола всеми четырьмя конечностями.

— Отнесите это в мою машину! — распорядился Компана и вышел из отеля.

Эту ночь в «Соня-Клубе» запомнят надолго.

Посетителей в зале прибавилось. Девочки уже не сидели за стойкой, а рассредоточились по столикам. Головы всех повернулись ко входу, когда в дверях появился разъяренный Компана. Впрочем, его появление не было таким уж неожиданным. Ему предшествовал некий грохот в прихожей, как землетрясению предшествует подземный гул.

Одуревшие от ласк и алкоголя клиенты не горели желанием ввязываться в драку. Только буфетчик попытался было что-то вякать насчет частной собственности и прав личности, но Компана решительно отмел эти возражения. Кулаком. Вместе с самим буфетчиком.

Поднявшийся с пола буфетчик был уже совершенно иным человеком, с абсолютно новыми взглядами и ценностями. Он охотно рассказал, что давешняя подружка Перена была приятельницей Фернандо Борхеса, владельца игорного дома, расположенного километрах в двадцати от Акапулько по дороге на Чильпансито, и даже нарисовал план, как туда проехать. Это было очень любезно с его стороны, так как названный игорный дом был подпольным и не значился ни в одном адресном справочнике.

Словом, умел Компана находить убедительные аргументы не хуже самого господина президента Мортана. Правда, эти аргументы были несколько иного рода.

Когда, руководствуясь полученным планом, Компана добрался до логова Фернандо Борхеса, глава экспедиции успел несколько оклематься, однако сидел тихо,

не вмешиваясь в проводимую его помощником операцию.

Очертания дома сливались с чернотой тропической ночи. Лишь в центре стены, освещенная фарами «понтиака», выделялась массивная входная дверь. В двери, на уровне глаз, было прорезано смотровое окошко, точнее, смотровая щель, прикрытая изнутри прочной створкой. Судя по всему, щель была предназначена для отваживания незваных гостей, а в экстремальных обстоятельствах могла служить бойницей. Наружной ручки на двери не было.

Компана внимательно осмотрел дверь и пришел к выводу, что вышибить ее можно только с помощью тяжелого гранатомета.

В настоящий момент гранатомета у Компаны с собой не было, и он вежливо постучал.

Щель открылась, и в ней показался фрагмент чьей-то физиономии — усы, глаз и довольно крупный нос.

— Чего надо? — грубо спросил фрагмент.

— Мне надо поговорить с сеньором Фернандо Борхесом, — Компана был сама любезность.

— Черт побери! Вы знаете, который час? Это — частная собственность. Убирайтесь, или я вызову полицию! — щель захлопнулась.

«Ну, насчет полиции, парень малость перехватил!» — решил Компана и снова постучал. На этот раз — рукояткой револьвера, который он извлек из подмышечной кобуры. Это был здоровенный кольт 45-го калибра, по убойной силе лишь немного уступающий упомянутому гранатомету, но в кулаке детектива он выглядел дамской мухобойкой.

Не успела амбразура приоткрыться, как Компана просунул в нее левую руку и потянул на себя. В проеме снова появился нос, но уже не по собственной инициативе: подцепив двумя пальцами снизу за ноздри, Компана, казалось, собирался вытащить наружу всю голову. Голова в щель, однако, не пролезала. Владельцу носа было очень больно и обидно. Представьте себе, что кто-то в вашем присутствии ковыряет в носу — ощущение не из приятных, не правда ли? А если это ваш собственный нос? Ужас!

— Открывай дверь! И без звука! — приказал Компана. Дверь открылась.

— А теперь выходи. На цыпочках, — ствол кольта уткнулся охраннику под ребра. Охранник не возражал. Он вообще оказался на редкость тихим и покладистым. Чтобы больше не расстраивать столь милого человека, Компана отключил его мягким тычком в челюсть и аккуратно уложил на траву у порога.

Детектив вошел в дом. По дороге он столкнулся еще с одним представителем обслуживающего персонала — не то охранником, не то крупье. Компана не успел выяснить это, а после столкновения представитель на вопросы уже не отвечал.

В этот час в задней комнате дома находились четверо мужчин и одна женщина. После напряженного трудового дня они собрались вокруг стола, чтобы скоротать остаток ночи за партией в покер. Как известно, шум, скатерть и жена — худшие враги карточной игры. С этой точки зрения, компания подобралась почти идеальная. Скатерти на столе не было. Все они были не женаты — я имею в виду мужчин. Впрочем женщина, в которой без труда можно было узнать давешнюю попутчицу Франсуа Перена, в игре участия не принимала. Что касается шума, то тишина в комнате обеспечивалась прекрасной звукоизоляцией. Ни один шорох не проникал в комнату извне. И ни один звук не мог вырваться отсюда наружу, обеспечивая полную конфиденциальность совершавшихся тут негоций.

Можете себе представить, как неприятно были поражены игроки, когда сорванная с петель дверь с грохотом рухнула на пол, а на пороге, загораживая собой почти весь дверной проем, появился Компана с кольтом в руке.

Детектив произвел в уме несложные выкладки: девица — приятельница сеньора Борхеса, значит, тот, с кем она сидит рядом, и есть Фернандо Борхес. Твердыми шагами Компана направился к главарю и наставил на него револьвер.

— Двадцать тысяч! — приказал он. — И без глупостей!

Возникшая в дверях смущенная физиономия Перена лучше всяких слов объяснила, о каких двадцати тысячах идет речь. Правда, один из игроков попытался было совершить глупость, но в этот момент правая рука Компаны непроизвольно дернулась. Под локтем что-то хрустнуло. Все-таки хорошо, что, в отличие от бриджа или преферанса, покер — игра, в которую можно играть втроем. Глупый игрок выбыл из соревнований — теперь ему требовались покой, уход и постельный режим.

Этот небольшой инцидент произвел сильное впечатление на присутствующих. Когда другой партнер, худощавый брюнет с усиками, потянулся к карману — может быть, за сигаретами, — Компана только укоризненно поцокал языком. Этого оказалось достаточным, чтобы отучить картежника от вредной привычки.

— Ну! — сказал детектив.

Фернандо взглядом указал ему на свой нагрудный карман. Лишних телодвижений он предпочел не делать. Левой рукой Компана извлек оттуда толстую пачку денег.

— Медам, мсье! — раскланялся он в дверях. — Прошу извинить за вторжение!

В ответ никто не шелохнулся, не произнес ни слова — огромная пушка в руках Компаны не располагала к церемониям.

Перен смущенно пожал плечами, как бы извиняясь за некорректное поведение своего спутника, и следом за ним покинул негостеприимный дом.

В машине Компана дал волю своим эмоциям.

— Черт бы вас побрал! — выговаривал он Перену, как мать выговаривает своему великовозрастному неслуху. — Тоже мне сыщик выискался! Вместо того, чтобы искать Арваля, он в публичном доме со шлюхами развлекается. Баба ему, видите ли, понадобилась! В Париже ему баб мало!

Франсуа виновато молчал и ковырял пальцем приборную доску. От глубины раскаяния он даже начал шмыгать носом.

— Да хватит вам сопеть! — сжалился Компана. — Держите.

Он протянул Перену платок.

— Спасибо! — Франсуа утер нос, высморкался и выкинул платок за окно.

— Что вы сделали? — удивился Компана.

— Я? Ничего. Выкинул в окно салфетку.

— Это был мой носовой платок!

— О, Компана, простите! Я чувствую себя таким виноватым. У меня все просто из рук валится!

— Ладно, хватит нюни распускать! — Компана вспомнил, что Кармен все еще в его номере, и решил оставить скользкую тему.

Несколько минут они ехали молча.

— Не расстраивайтесь, Компана. Найдем мы вашего Арваля! — жизнерадостно воскликнул Франсуа, почувствовав, что прощен. — Знать бы, как он сейчас выглядит... Эх, была бы у нас его нормальная фотография! — добавил он мечтательно.

— Да есть у меня его фотография! — Компана достал из кармана и протянул Перену фото, полученное от комиссара.

Франсуа взглянул на изображение и замер. Не может быть! С фотографии ему улыбалось лицо давешнего любителя покурить.

«Нет, так не бывает! Ведь Компана — профессионал. Наверняка, это я ошибся! Это проклятые усы. Усы всегда кого-то напоминают», — мучился Перен, переводя взгляд с фотографии на Компану и обратно.

Наконец, Компана заметил, что что-то неладно.

— Что случилось, Перен? — спросил он, — С вами все в прядке?

— Ничего, — промямлил Франсуа. — Это фото...

Компана всмотрелся в фотографию и выругался. Вот это прокол! Так дать маху! Ему утерли нос. И кто? Этот сыщик доморощенный, донжуан несчастный!

Утолив первый приступ мазохизма, детектив резко затормозил и развернул машину.

— Господи, Компана, не стоит так переживать! — Франсуа чувствовал себя на седьмом небе от того, что именно он, Франсуа Перен, обнаружил преступника. Он доказал, что не зря ему доверено руководить поисками дочери господина президента. А это маленькое недоразумение вчера вечером — нет, это не оплошность! Это тот случай, который помогает настоящему мастеру своего дела. Бедняга Компана, он так расстроен! Нельзя давать ему раскисать.

— Бога ради, успокойтесь! — продолжал он сыпать соль на раны несчастному Компане. — Ну, ошиблись. С кем не бывает? Не всем же быть физиономистами! Полиция его уже пять лет ищет — найти не может.

Компана только крепче стискивал зубы.

«Понтиак» затормозил у знакомого дома. Детектив подошел к двери и постучал. Щель приоткрылась.

Кажется, Вольтер сказал: «Глупец не тот, кто делает ошибки, а тот, кто их повторяет». Впрочем, возможно, Вольтер этого не говорил. Никогда не читавший Вольтера охранник выглянул в амбразуру.

Дальнейшее напоминало кинофильм, который однажды уже видел — знакомые действующие лица и ситуации, которых ждешь. И впечатление — почти такое же, но все-таки чуть-чуть отличное. Тот же нос, но несколько опухший. Тот же захват за ноздри и лежащий на траве охранник. Тот же крупье, только заклеенный пластырем. Та же компания за карточным столом, но в меньшем составе. Сорванная с петель дверь и Компана с револьвером.

— Чего тебе еще надо? — спросил Фернандо. — Я же все вернул!

Не говоря ни слова, Компана приблизился к игрокам, перегнулся через стол, свободной левой рукой схватил Арваля за воротник, закинул его на плечо и с тем удалился.

— Пока! — бросил он на прощание.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Перен гнал машину весь остаток ночи, увозя Арваля подальше от города, от свидетелей, от полиции, от дружков. На заднем сиденье Компана с оружием в руках оберегал гостя от нежелательных контактов и необдуманных поступков.

Комиссар Куско, конечно, хороший человек. Но он — государственный чиновник и обязан держаться процессуальных норм. И начнется нормальная полицейская рутина. Арваль, естественно, будет все отрицать. Зачем ему признаваться в том, что недоказуемо? Компана отчетливо представлял себе возможный диалог:

— Вы знаете мадемуазель Жюли Мортан?

— Впервые слышу это имя. А кто это?

— А та девушка в аэропорту?

— Случайная попутчица. Мы вместе летели в самолете. Наши места оказались рядом. Женщине стало плохо, я постарался помочь.

— Это же благородный поступок! Зачем же вы бежали?

— Полицейский меня узнал. Я же в розыске.

— Но вы же бежали с ней на руках!

— А что я по вашему должен был сделать? Бросить ее на пол? Кабальеро так не поступают!

— А машина?

— Какая машина?

— В которую вы сели. Кто в ней был?

— Не знаю. Свет не без добрых людей. Увидели, что женщине плохо, и предложили подвезти в больницу.

— Но машина была угнана!

— Я же этого не мог знать! Увы, сеньор! Мир так несовершенен. И среди добрых людей встречаются негодяи.

— Что было дальше?

— Они выкинули меня из машины, сами скрылись, девушку с собой увезли. Мне еще по морде надавали.

— А вы?

— А что я? Пришел в себя, отряхнулся, постарался убраться подальше. Не в полицию же мне было обращаться!

И что? А ничего. Дохлый номер! Ну засадят этого Арваля за решетку лет эдак на... Ура! Порок наказан, правосудие торжествует. Но продвинет ли это хоть на шаг поиски мадемуазель Мортан?

Тащить его в гостиницу? Ничуть не лучше. Нет, конечно, постояльцы «Эксельсиора», да еще проживающие в люксе, вольны приглашать к себе гостей в пять утра. Но указывать им дорогу кольтом 45-го калибра — это, согласитесь, как-то странно! Милейший портье не замедлит вызвать полицию и... Это мы уже проходили.

А если Арвалевы дружки сядут «на хвост»? «Понтиак Ле Ман» — машина заметная. Выследить ее в городе — труда не составит. Ну, отбить его, они, положим,

не отобьют, но рот ему заткнуть смогут. Навеки. Не грудью же этого подонка от пуль защищать! А допрашивать покойника — занятие, мягко говоря, малопродуктивное.

Словом, куда ни кинь — всюду клин! Надо отрываться из города.

Утро застало «понтиак» уже в предгорьях Кордильер. По обе стороны шоссе расстилалась каменистая степь, кое-где поросшая редкими кактусами. Впереди, почти на горизонте, силуэтом вырисовывался горный хребет. На его фоне восходящее солнце розовым контражуром очертило вершину Теотепека. Какой разительный контраст с утопающим в зелени побережьем!

Компана огляделся. Ни впереди, ни сзади не было видно ни одной машины, ни одной живой души.

— Тормози! — приказал он.

Франсуа как дисциплинированный водитель съехал на обочину и заглушил двигатель.

Компана достал из кармана фотографию Джули и показал ее Арвалю:

— Ты ее знаешь?

Арваль молчал.

— Послушай меня, — Компана предпринял еще одну попытку. — Меня зовут Жерар Компана. Я не из полиции. Я ищу эту девушку. Ты мне скажешь, где она, я дам тебе тысячу долларов, и можешь быть свободен.

Арваль молчал.

Сдерживаясь, Компана сделал несколько глубоких вдохов. Он открыл дверцу и вылез из машины, чуть не свалившись в кювет. Это переполнило чашу его терпения. Он обошел машину, достал свой кольт и, открыв противоположную дверь, приказал:

— Выходи!

Арваль не тронулся с места.

Компана наклонился, схватил Арваля за воротник и уже привычным движением вытряхнул его из машины. Приставив револьвер к груди похитителя девушек, он произнес, четко отделяя одно слово от другого:

— Даю тебе пять секунд. После этого я разбрызгаю твои мозги по всей округе!

— Вы не посмеете меня убить, — это были первые слова Арваля, которые услышал Компана.

— Это почему? — искренне удивился он.

— Вам нужна эта девушка.

— Какая мне разница, как ты будешь молчать — живым или мертвым?

— Меня будут искать!

— Кто, полиция? Так она тебя уже пять лет ищет. Найдет твой труп — обрадуется. И заголовки в газетах: «Еще одна жертва разборок между гангстерами». Впрочем, денька два на таком солнце, и тебя никакая полиция не опознает! — несмотря на ранний час, солнце, действительно, начинало припекать. Компана взглянул на небо: — И еще эти милые птички.

Высоко в небе, распластав огромные крылья, кружила пара стервятников.

— Раз. Два, — Компана начал отсчет. — Три. Четыре.

Стервятники спустились ниже.

Почувствовав неподдельный интерес кондоров к своей особе, Арваль не выдержал:

— Ты прав, ты прав! Я знал, что от этой девчонки у меня будут одни неприятности!

— Это она! — удовлетворенно произнес детектив.

— Вы уверены? — спросил Перен, также вылезая из машины.

— Да, да, вы уверены? — поддержал его Арваль.

— Если у вас были неприятности, то уверен! — Компана непроизвольно бросил взгляд на Перена.

— О, клянусь, сплошные неприятности! Они начались с тех пор, как я ее встретил. Там, в аэропорту, были еще цветочки. Затем...

— Короче! — прервал его причитания Компана. Шестое чувство сыщика подсказывало ему, что если Авраль начнет рассказывать обо всех неприятностях, которые на него обрушились с появлением Жюли, то эта грустная повесть может продлиться не один час.

— Конечно, конечно, сеньоры! Я не хотел ей ничего плохого. Клянусь девой Марией! Такая красивая девушка. Но когда все это началось, я поспешил от нее избавиться.

— Что ты с ней сделал, скотина?

— Клянусь, ничего! Я отдал ее Фернандо. Больше я ничего не знаю. Я больше ничего не хотел о ней слышать!

Было в отчаянии Арваля что-то, что заставило Компану поверить в его искренность.

— Едем! — воскликнул он.

Все заняли свои места. Теперь, когда непосредственная опасность отступила, Арваль даже несколько оживился.

— Так как же насчет моей тысячи долларов? — поинтересовался он. В конце концов, должно же было и ему когда-то повезти. Вот избавился от этой проклятой девицы — и повезло. И еще как повезло! Тысяча долларов — и всего за пару слов! Да он за каждую доставленную девку получал втрое меньше!

— У меня деньги не с собой. Надо за ними будет в отель заехать. Только сперва заглянем на минутку к Фернандо, нужно с ним кое о чем потолковать, — о двадцати тысячах Перена Компана как-то забыл.

— К Фернандо? Ни за что! — наотрез отказался Арваль.

— Почему?

— Что, мне жизнь надоела? Фернандо убьет меня, если узнает, что я проболтался.

— Черт с тобой! Едем в отель. Тронемся мы когда-нибудь?

Взмокший Перен лихорадочно давил то на газ, то на сцепление, дергал ручку переключения передач. Казалось, он ее сейчас оторвет. Двигатель выл на каких-то совсем уже запредельных оборотах. Все напрасно! Автомобиль не трогался с мета. Он стоял как вкопанный.

Устав бороться против козней «Дженерал Моторс», Франсуа выключил зажигание и вылез из машины. Следом за ним выбрался Компана. Осмотрев автомобиль, он в сердцах сплюнул. Что такое неприятности Арваля в сравнении с дурацким «счастьем» Франсуа? Семечки! Мексиканские обочины оказались явно не приспособленными к «самой широкой в Америке колее» их «понтиака». Оба правых колеса болтались над кюветом. Автомобиль прочно лег на днище.

— Ну что там у вас? — раздался голос Перена.

— У меня?! — возмутился Компана, — Это я, по-вашему, машину закопал? Смотрите сами, что вы наделали.

— Да-а, — протянул Перен, обходя автомобиль кругом. — Хорошо сидим! Что же нам делать?

— Смотреть надо было, куда едешь!

— Вы же сами мне сказали: «Тормози!»

— Я разве сказал «Тормози в кювете»?

— Вы сказали: «Тормози», — и я затормозил. Как положено. Съехал с полотна и остановился на обочине. Чтоб не мешать движению. Смотрите сами — ювелирная работа! — Франсуа с гордостью посмотрел на

левые колеса «понтиака», застывшие ровно в сантиметре от края шоссе.

— Чтобы не мешать чему? — не поверил своим ушам Компана. — Где вы здесь увидели движение?!

— Интеллигентный человек, — нравоучительно произнес Перен, — никогда не позволит себе нарушать правила дорожного движения. И не потому что на него смотрит инспектор дорожного движения. а потому, что он — интеллигентный человек!

Компана подавился готовым сорваться с уст ответом, и бессмертный тезис остался неопровергнутым.

— Сеньоры, сеньоры, не надо ссориться! — выступил миротворцем Арваль, тоже выбравшийся из машины. — Давайте лучше все вместе наляжем и — раз, два — попытаемся вытолкать ее из кювета.

Предложение было не лишено смысла. Но как они ни упирались, как ни подбадривали себя криками — «Раз, два, взяли!» или «Заноси, заноси!», ни хитрость Арваля, ни воловья сила Компаны, ни даже интеллигентность Перена не смогли сдвинуть трехтонную махину хотя бы на миллиметр.

— Уф! — констатировал Арваль, усаживаясь в тени «Понтиака» и утирая пот со лба подолом рубашки. — Похоже, без буксира нам отсюда не выбраться.

— Это точно! — голый по пояс Компана напоминал атлета. не попавшего в финал конкурса по бодишейпингу. Интеллигентный Франсуа предпочел помалкивать.

— Что-то никто не торопится взять нас на буксир, — поделился своими наблюдениями Компана после продолжительного молчания. — Не похоже, чтобы здесь было чересчур оживленно.

Чтобы вновь не затевать бессмысленный спор, Перен не стал напоминать ему, кто был инициатором вояжа в столь безлюдное место.

— Послушайте, сеньоры, — вдруг заволновался Арваль, — кажется, нам повезло!

Все замерли, напрягая слух. Действительно, со стороны гор доносился слабый рокот мотора. Через несколько минут на горизонте появилась черная точка, которая увеличивалась в размерах и, наконец, превратилась в темно-синий «лендровер». Арваль вскочил на ноги и выбежал на середину шоссе, размахивая руками, чтобы привлечь к себе внимание. Видимо, ему очень не терпелось попасть в гостиницу, где его ждали красивые зеленые бумажки с портретами американских президентов.

Не сбавляя скорости, «лендровер» промчался мимо. Автоматная очередь прошила грудь Арваля. Компана успел столкнуть Перена в кювет и накрыть его своим телом. Очевидно, кому-то очень хотелось сохранить в тайне местонахождение мадемуазель Жюли.

Пиратский «лендровер» скрылся за горизонтом.

— Эй, Перен, вы не ранены? — Компана потряс Перена за плечи.

— Спасибо, со мной все в порядке, — Франсуа с трудом выбрался из-под стокилограммовой туши сыщика.

Компана поднялся на ноги и подошел к Арвалю. Тот еще дышал.

— Сплошные неприятности! — успел расслышать Компана, наклонившись к раненому. — Сплошные неприятности. Я знал, что этим все кончится!

Тело Арваля дернулось, и в уголке его рта появилась тонкая струйка крови.

— Что с ним? — спросил Франсуа, с ужасом ожидая ответа. — Он что, умер?

Компана кивнул. Колени Франсуа подогнулись, и он, чтобы не упасть, уселся на задний бампер автомобиля.

— Подведем итог, — печально констатировал Компана. — У парня три пули в груди и еще одна в животе. А девушка, которую мы ищем, скорее всего, где-то в борделе в Венесуэле!

Он уселся рядом с Переном и с чувством полной безнадежности подпер голову рукой.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Солнце поднималось все выше и выше. Становилось жарко. За все время великого сидения на бампере, по шоссе, кроме «лендровера»-убийцы, не проехало ни одной машины.

— Вставайте, граф, вас ждут великие дела! — произнес Компана, поднимаясь на ноги.

— Зачем? — уныло спросил Франсуа.

— Как, то есть, зачем? Пойдем в город пешком. Хочу вам напомнить, что мы еще не завтракали.

— Вы еще способны говорить о еде? — по лицу Перена было видно, что о еде он не способен даже думать.

— Что же, мне теперь с голоду помирать? Кактусами сыт не будешь! Или вы любите кактусы?

Кактусы не входили в перечень любимых блюд Франсуа, и он нехотя поднялся. Перспектива тащиться пешком по жаре черт знает сколько километров его не вдохновляла.

— Может, нам лучше остаться? — промямлил он.

— Вы не думаете, что наш долг — охранять место преступления до прибытия полиции?

— Зачем?

— Ну, чтобы не пропали вещественные доказательства.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, машину и... и... и этого, — Франсуа кивком указал на Арваля.

— Никуда ваши вещдоки не денутся! Вряд ли кому-то придет в голову красть трупы. Мне не показалось, что в Мексике как-то особенно много некрофилов. А что касается машины — если кому-то удастся выковырять ее без трактора, то с меня десять долларов! Кроме того, чтобы полиция прибыла к месту преступления, необходимо ее вызвать, не так ли?

Франсуа вынужден был согласиться.

Компана залез в кабину и извлек из бардачка карту штата Герреро — презент прокатной фирмы.

— Не отчаивайтесь, Перен. Все не так безнадежно, — сказал он, внимательно изучив маршрут. — По дороге нам чапать километров двадцать, но есть возможность срезать угол. На этом мы сэкономим километров пять. Пошли!

И они отправились в путь. Впереди шагал Компана с картой в руках. За ним, стараясь не отстать, переставлял ноги Перен.

Слева и справа расстилалась однообразная, поросшая редкими кактусами равнина. Каждый пройденный километр был неотличим от предыдущего, разве что казался вдвое длиннее. Чтобы поддержать бодрость духа в своем напарнике, Компана рассказывал леденящие душу истории о своих приключениях в Сахаре, когда он служил в частях быстрого реагирования. Этим он как бы возвращал Перену долг за незабываемые часы перелета через океан.

Франсуа слушал солдатские байки вполуха. Возможно, что это спасало его перегретый тропическим солнцем мозг от серьезной психической травмы. Казалось, он мучительно искал и не находил ответа на какой-то очень для него важный вопрос.

— Скажите, Компана, — прервал он рассказчика в самом кульминационном месте, когда его собирались не то зажарить, не то расчленить. — Как вы думаете, зачем строят дороги, по которым никто не ездит?

Компана задумался. Вопрос был интересный.

— Вы слышали о мафии? — спросил он в свою очередь.

— Естественно! Кто о ней не слышал? Когда по телевизору крутили этот сериал про комиссара Катани, говорят, в Париже преступность на треть снизилась. Все в экран пялились.

— Помните, чем они промышляли?

— Угу. Убийства, наркотики, похищения.

— Вы забыли про строительные подряды. Подряды — дело выгодное. Почти как наркотики. Огромные бабки и никакого контроля. Поди проверь, чего там в бетон намешано — цемент или песок. Или в асфальт. В результате получается такая вот дорога. Если по ней машины пустить, начнутся аварии, жалобы, разоблачения, скандалы. А так — деньги потрачены, дорога — вот она. Вопросы есть? Вопросов нет. До свидания! Очень удобно.

— Вы хотите сказать, что это — тоже? — Перен ткнул ногой в асфальт.

— А почему нет? Да и наш покойный друг...

— Вы думаете, что Арваль был мафиози?

— Очень похоже. Вспомните, как его убрали. Почерк мафии. Так они убирают ненужных свидетелей. А еще они любят трупы в бетон закатывать. Раз — и никаких следов. Хоть тысячу лет ищи. Если, конечно,

здание раньше не развалится. Так что, Перен, будьте на чеку. Мы с вами ввязались в довольно опасную историю.

— Да, да, вы абсолютно правы, Компана! Как же я сразу не догадался? Теперь мне все ясно. Конечно же, это дело рук мафии!

— Что именно?

— Эта дорога, эта обочина. Я же все делал правильно, а машина оказалась в кювете. Спасибо вам, вы на многое открыли мне глаза!

«Эх, переборщил!» — подумал Компана, а вслух произнес:

— Ну, идем, что ли?

— Не могу!

— Возьмите себя в руки, Перен! Я понимаю, что вы устали. Но надо собраться. Мы же полдороги уже прошли!

— Вовсе я не устал, ничего подобного! Я просто не могу сдвинуться с места.

— Да что же с вами стряслось?

— Мафия! — просто объяснил Франсуа.

«О, Господи! Опять!» — вздохнул Компана. Ботинки Перена намертво увязли в размягченном тропической жарой асфальте.

— Послушайте, Компана, — рассуждал вслух Перен, сидя в одних носках на обочине, куда сыщик отнес его на руках. Сам же Компана в это время ползал на карачках, выковыривая перочинным ножом из асфальта Переновы туфли.

— Так вот, я полагаю, — продолжал Франсуа, — что в свете новых обстоятельств нам придется сменить тактику. Можно считать установленным, что в похищении мадемуазель Мортан замешана мафия. Я предлагаю, чтобы один из нас, скорее всего я — вы известный сыщик, гангстеры могут знать вас в лицо

— вошел в доверие к мафии. Я передаю вам добытые сведения. Вы связываетесь с комиссаром Куско и организуете освобождение девушки. Главное — узнать, где ее прячут, остальное — дело техники, вы с этим справитесь. Заодно можно будет покончить с мафией. Похищение есть похищение, это не какие-то там строительные подряды! Тут концы в воду не спрячешь.

Компана проклял ту минуту, когда ему в голову пришла мысль подразнить Перена. Он всего лишь хотел отыграться за свои переживания в полете над Атлантикой. А теперь мафию ему подавай! Где ж ее взять, мафию-то? Эх, Компана, Компана! Думать надо, что говоришь и кому говоришь.

Пока Франсуа строил планы освобождения мадемуазель Жюли путем внедрения в мафиозные структуры, сыщику удалось, наконец, вызволить из плена его туфли. Правда, они были уже не очень похожи на туфли. Тем более — на выходные туфли, купленные накануне специально для поездки за границу. С них каплями свисала вязкая тягучая смола, и они постоянно норовили к чему-нибудь прилипнуть. С ними, наверно, можно было бы проделать много разных смешных штук, но для хождения по шоссе они не годились совершенно.

— Ладно, — решил Компана, сверившись с картой, — будем срезать угол здесь. Глядишь, о траву они немного оботрутся. И оставьте, ради Бога, эту мысль о мафии. Я уверен, что господин президент тоже этого не допустит. Он вас слишком ценит.

Франсуа горестно вздохнул. Твоя взяла, мафия, на этот раз. Живи пока!

Впереди, злясь на себя, на Перена, на весь свет, шел Компана. Следом, поминутно отдирая ноги от почвы, тащился Франсуа. Его очень огорчало мрачное настроение напарника.

— Подождите, Компана! Право, не стоит так расстраиваться. Я тоже огорчен, что наш план сорвался, — добряк Перен был уже готов считать свой гениальный план общим. — У нас еще будет шанс. Вот найдем девушку, сдадим ее с рук на руки папаше, — и вперед! Тут уж нам никакой господин президент не сможет помешать, даже Миттеран.

— Да провались ты со своими планами! — взорвался Компана, — Девушку он уже нашел, мафию теперь ему подавай! Третий день вместо того, чтобы делом заниматься, я только и знаю, что выручаю этого олуха из идиотских ситуаций. Нет, он еще норовит поглубже вляпаться!

— Побойтесь Бога, Компана! — Франсуа был оскорблен до глубины души. — Вы же не будете отрицать, что Арваля нашел я. Если бы не тот случай в аэропорту, мы бы не узнали, что Жюли похитил именно он. Если бы я не потерял свои деньги, мы бы не вышли на этот игорный дом. И, в конце концов, это ведь я опознал Арваля на фотографии!

Выслушивать упреки Перена было тем более невыносимо, что на них было нечего возразить. Но и согласиться с ними Компана не мог. Ведь каждый из них лил воду на мельницу теории Мийярда, а не лежала к ней душа Компаны. Не лежала и все!

— Я — обыкновенный человек, Перен. Я всего-навсего сыщик. Но сыщиком я работаю уже больше пяти лет. Я всякого в жизни повидал. И жизнь научила меня трезво смотреть на вещи. Ну не верю я во все эти теории о невезучести, что хотите со мной делайте!

— Компана, я проваливаюсь! — попытался вставить слово Франсуа.

— Я — человек рациональный. Я — картезианец, — продолжал развивать свое кредо Компана, несмотря на то, что голова Перена была уже на уровне его

груди. Картезианец Жерар Компана предпочитал не верить собственным глазам, чем признать, что его слова сбудутся столь буквально.

— Компана, я погружаюсь! — продолжал взывать Перен. Он погрузился в почву уже по колено.

— Почему? — сыщик никак не мог спуститься с высот картезианства на грешную землю.

— Откуда я знаю, почему, — Франсуа продолжал погружаться.

— А почему я не погружаюсь?

— Потому что вы стоите на твердой земле, а я на зыбучих песках.

— Но на карте штата нет никаких зыбучих песков! — для пущей убедительности Компана потряс в воздухе картой, предполагая, вероятно, что Перен немедленно признает свою неправоту и окажется на поверхности. Между тем Франсуа погрузился уже по пояс.

— Если вас интересует мое мнение, то их давно пора туда нанести!

— И вы ничего не пытаетесь предпринять?

— Если я начну трепыхаться, то буду погружаться еще быстрее.

«Сейчас Перен исчезнет, и весь этот кошмар кончится — подумал Компана. — Я проснусь у себя дома, в Париже, выпью кофе, отправлюсь к себе в контору, и не будет никакого Мортана, никакого Перена, никакого Мийярда!»

Сыщик преодолел искушение. Нет, он никогда не бросал товарища в беде. Он спасет этого бедолагу.

А если, не дай Бог, этот сукин сын Мийярд окажется прав? Что тогда? Рыть землю и извлекать на свет божий тело мадемуазель Мортан, которое должно быть где-то поблизости от Перена? Или организовывать рас-

копки во всех зыбучих песках Мексики? К тому же не все они, как выяснилось, нанесены на карту.

— Нет, этого нельзя допустить!

Компана огляделся по сторонам. Ничего! Одни кактусы! Франсуа тем временем погрузился уже по грудь.

К счастью, метрах в пятидесяти сыщик заметил доску, брошенную, очевидно, мафиозными строителями дороги. Сбегать за ней не заняло и минуты, но, когда Компана вернулся, из песка торчала только голова и правая рука его компаньона.

— Держите! — детектив протянул Перену конец доски.

Не прошло и пяти минут, и Франсуа уже сидел на твердой земле рядом со своим спасителем.

— Один ботинок все-таки утонул. Вместе с носком, — констатировал он, глядя на свою босую ногу.

«Босиком он не дойдет до города, — подумал Компана. — Хоть на закорки его сажай!»

Редкое удовольствие — тащиться десять километров пешком в жару по бездорожью. Но оно становится особенно изысканным, если проделывать это с полной выкладкой. «Килограммов семьдесят — прикинул детектив в уме. — А что делать»?

— Послушайте, Перен! — вдруг встрепенулся Компана. — Слышите? Кажется, нам повезло!

Действительно, со стороны гор доносилось слабое урчание автомобильного мотора.

Бедняга Компана! Он так и не сделал выводов из печальной судьбы Арваля. А ведь жизненный опыт и инстинкт самосохранения должны были подсказать ему, что невезучесть — болезнь заразная и, к тому же, при отсутствии иммунитета, чреватая осложнениями.

Урчание становилось все громче, и, наконец, на дороге показался джип, набитый полицейскими, как стручок горошинами.

— Эй! Стойте! Сюда! Мы здесь! — Компана бросился обратно к дороге наперерез машине. За ним, переваливаясь, как хромая утка, заковылял Перен.

Каково же было удивление французов, когда полицейские, высыпав из джипа, навели на них стволы автоматов.

— Стоять! Ни с места! Руки за голову! — скомандовал полицейский с нашивками сержанта, который, по-видимому, был у них за командира. — Вы арестованы по подозрению в убийстве!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Арестованных французов поместили в деревенскую кутузку, приземистое каменное строение с решетками на окнах. Назвать тюрьмой это строение было нельзя, следственным изолятором тоже. Собственно, вся каталажка состояла из единственной камеры и предбанника, где двое осовевших от безделья полицейских вяло резались в карты.

Вдоль боковых стен камеры в два этажа размещались нары. Таким образом, камера была рассчитана на четверых арестантов. Но в настоящее время в ней был единственный постоялец — заросший щетиной мексиканец неопределенного возраста. На его лице застыло выражение какой-то напряженности и, вместе с тем, безнадежности.

Впрочем, оно тут же исчезло, едва полицейские, втолкнувшие Перена и Компану, закрыли дверь и ключ щелкнул в замке.

— Добро пожаловать! — приветствовал абориген

новоселов. — Располагайтесь, выбирайте себе места по вкусу!

— Добрый день, мсье! Меня зовут Франсуа Перен, а это — Жерар Компана, мой партнер. Я думаю, мы здесь ненадолго. Нас арестовали по недоразумению.

Компана переводил. Перену с большим трудом удавалось сохранять одновременно изящество манер и равновесие — он старался не наступать босой ногой на холодный цементный пол.

— Конечно, конечно, сеньоры! Меня тоже задержали по недоразумению. Два года назад. А за что вас?

— По подозрению в убийстве, — в голосе Франсуа звучала даже некоторая гордость.

— О, за убийство? — с уважением переспросил любезный хозяин. — Тогда, возможно, действительно ненадолго.

Вконец обессилевшие после бессонной ночи и утренних приключений, компаньоны рухнули на нары и моментально заснули.

Мигель, первопоселенец камеры, разбудил их через пару часов:

— Вставайте, вставайте, сеньоры! Вы слышите? Они идут! Днем в камере спать запрещено.

Действительно, в коридоре послышались шаги, тяжелые и неотвратимые, как шаги командора. Лицо Мигеля снова приобрело то напряженно-безнадежное выражение, которое удивило французов при первом знакомстве.

— С вами все в порядке, мсье? — поинтересовался Перен. — Что вас так напугало?

— Они идут, они идут! — как заклинание повторял Мигель. В его голосе слышался неподдельный ужас. — Они тут совсем одурели от скуки. Они выбирают одного и отделывают его по-черному!

— Кто «они»? — не понял Перен. — Что он говорит?

— Здешние полицейские. — перевел Компана. — Он говорит, что они выбирают кого-либо из заключенных и здорово его избивают. Просто так, для развлечения.

— Не может быть! — не поверил Франсуа. — Мы же в цивилизованной стране. Это же не Гаити, не Чили! И, кроме того, мы — иностранные подданные!

«Бедняга Перен! — подумал Компана. — Сейчас жизнь развеет твои иллюзии. Может, кому другому и удалось бы избежать экзекуции, но тебе...»

Он с грустью и состраданием посмотрел на своего напарника.

— Что это вы так на меня смотрите? — заволновался Франсуа. — Не хотите же вы сказать...

Компана сочувственно пожал плечами, как бы говоря: «Против судьбы не попрешь!»

Ключ лязгнул в замке. Дверь отворилась, впустив двух горилл в полицейской форме с уже закатанными рукавами.

Мигель в страхе забился в угол. Франсуа нервно заерзал на нарах. Компана внимательно изучал ногти на своих руках, делая вид, что все происходящее его совершенно не касается.

Гориллы внимательно рассматривали присутствующих, выбирая жертву. Тот, на ком задерживался их тяжелый взгляд, стремился сжаться, стать незаметнее. Гориллы это чувствовали и не торопились с выбором, растягивая удовольствие. Ожидание становилось невыносимым.

Наконец, они приняли решение.

— Ты! — полицейский ткнул пальцем в Компану.

— Я? — детектив не поверил своим ушам.

«А как же Перен?! — чуть не сорвалось у него с языка.

— Мне что, надо повторить? А ну, быстро! — горилла схватил Компану за шиворот и вытолкал его из камеры. Дверь закрылась.

— Не повезло сеньору! — с жалостью сказал Мигель.

— Что верно, то верно! Не повезло, — согласился Франсуа. — А ведь любой из нас мог оказаться на его месте.

Когда Компану втолкнули обратно в камеру, на него было страшно смотреть. Лицо представляло собой один сплошной синяк. Правой рукой он держался за бок — по-видимому, при допросе с пристрастием ему задели печень.

Компана замер, прислонившись к стене, и что-то невнятно мычал.

— С вами все в порядке, Жерар? — бросился к товарищу Франсуа. — Позвольте, я вам помогу!

Впервые за время их знакомства Перен назвал своего напарника по имени. Осторожно поддерживая Компану под руки, он помог ему добраться до нар.

— Спасибо, Франсуа! — выдавил из себя сыщик и с болезненным вздохом опустился на матрас. Нары с грохотом обвалились под ним. Франсуа сделал попытку помочь ему.

— Отойдите от меня, Перен! Не прикасайтесь ко мне! — быстро заговорил Компана, отползая в угол. Похоже, у него начиналась истерика.

— Это шок, — объяснил многоопытный Мигель, скручивая самокрутку и протягивая ее Перену. — Бывает с непривычки. — И обращаясь к Компане, сочувственно добавил: — Да, не повезло тебе, парень!

— Отстаньте от меня! — заорал Компана дурным

голосом, — Повезло, не повезло! Нет никакого везения! Я в него не верю! Не верю!!

— Это ты орал? — на пороге стояли давнишние мучители Жерара и зловеще улыбались. Один из них похлопывал по ладони резиновой дубинкой. — А ну, пойдем! Мы тебе кое-что объясним!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Комиссар Куско схватился за голову, узнав о задержании французов. Сообщение об этом легло ему на стол только на третий день. Уик-энд, нерасторопность чиновников, то да се. Подумать только, известнейший детектив Франции и личный представитель г-на президента Мортана в деревенской каталажке! Скандал! Какое мнение может сложиться о мексиканской полиции в цивилизованном мире? Конечно, Мексика — страна развивающаяся и движется семимильными шагами по пути прогресса. Но не все за прогрессом поспевают. Имеются еще отдельные полицейские, которые... Комиссар, как и многие в центральном аппарате полиции, представлял себе нравы, царящие в провинции, но предпочитал не касаться этой темы. Если уволить всех нерадивых полицейских, то кто же тогда останется? Кто будет бороться с преступностью?

Словом, комиссар решил сам отправиться за Ком-

паной и Переном и попытаться как-то сгладить этот неприятный инцидент.

За трое суток пребывания в камере Франсуа вполне освоился с тюремными порядками. Запасливый Мигель извлек из какого-то одному ему известного тайника засаленную колоду карт, и сейчас они с Переном азартно резались в одну из популярных в криминальной среде игр. Причем Франсуа выигрывал — *ему везло!* Да, да, везло!

— Как вы отнесетесь к нашему валетику?

— А у нас для него дамочка найдется!

— А как вам понравятся наши дамочки?

— А мы их тузиками!

— А у нас тоже тузик найдется.

— На хитрого тузика у нас козырек есть с левой резьбой! — Франсуа собирал колоду и ровнял ее аккуратной стопкой. Так удар по носу соперника получался более хлестким — за неимением наличности, отобранной при задержании, они играли «на носики». Нос Мигеля распух и приобрел свекольный оттенок. Играй они на деньги, Франсуа был бы уже миллионером и мог бы, пожалуй, выкупить контрольный пакет акций у мсье Мортана!

Компана, сжавшись в комок, забылся тревожным сном на верхних нарах. Должно быть, ему мерещились кошмары — он стонал во сне, бормотал что-то неразборчивое, временами вскрикивая: «Нет, нет! Не надо!» Ежедневные экзекуции неблагоприятно отразились на его нервной системе.

В коридоре послышались шаги.

— Эй, Жерар, это к тебе! — Перен постучал по нарам. Похоже, все обитатели камеры успели уже привыкнуть к тому, что все шишки достаются сыщику. «Ох, и не везет же твоему приятелю!» — говорил Мигель, когда они с Франсуа оставались одни в камере. «И не

говори!» — соглашался Перен. По молчаливому уговору они никогда не говорили о везении в присутствии Компаны. В доме повешенного не говорят о веревке, не так ли?

Компана вздрогнул и весь напрягся, забившись в угол как затравленный зверь. Похоже, он уже не верил, что этот ужас когда-нибудь кончится.

Дверь отворилась и на пороге появился комиссар Куско.

— Компана, с вами все в порядке? Добрый день, мсье Перен! — комиссар был сама любезность. — Ну спускайтесь же, спускайтесь. Вы свободны! Простите моим орлам излишнее усердие. Кто-то позвонил в участок, что слышал выстрелы на дороге. Они нашли машину и Арваля и решили, что это вы его убили.

Один из орлов, смущенно потупив глаза, жевал резинку. Было видно, что он очень огорчен. То ли своей ошибкой, то ли тем, что его лишают любимой игрушки.

— Ступайте, ступайте, сеньоры! Вдохните воздух свободы! Во дворе вас ждет машина, — продолжал комиссар. — Я задержусь буквально на несколько минут. Кое-какие формальности, знаете ли.

Быстренько завершив необходимые формальности и в кратких, но энергичных выражениях изложив местным наблюдателям законности все, что он о них думает, комиссар поспешил вслед за жертвами полицейского произвола. Полицейские пообещали перевоспитаться и впредь хорошо себя вести. Будем надеяться, будем надеяться!

— Ну, друзья, рассказывайте! Удалось вам что-нибудь выяснить? — начал разговор комиссар после подобающей случаю паузы.

Компана кратко, но исчерпывающе изложил все, что удалось узнать от покойного Арваля. Умолчал он

лишь о его предсмертных словах, которые в свете последовавших событий приобрели для сыщика почти мистический смысл.

— Ну и что вы обо всем этом думаете? — спросил сеньор Куско, когда Компана закончил свой рассказ.

— Это была она! — твердо сказал Компана.

— Вы в этом уверены?

— Они меня убедили! — детектив кивнул головой назад, в сторону скрывшегося за холмом полицейского участка.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Комиссар Куско был профессионалом. Он прекрасно понимал, что черный «лендровер» не с неба свалился. И звонок в полицию, на трое суток изолировавший Компану и Перена, был отнюдь не случайным. Что-то обычно законопослушные граждане не проявляют такой бдительности и сознательности! А то бы с преступностью в этой стране было уже покончено. И он остался бы без работы.

Но пока работа у него была, и ее надо было делать. Комиссар не исключал, что Фернандо Борхес уже знает, что французы на свободе. Очень уж похоже на то, что в недрах полицейского управления у него есть осведомитель. И сейчас он, конечно, постарается скрыться из города. Комиссар взял трубку радиотелефона.

— Оперативную группу — на выезд! — приказал он и назвал адрес.

Фернандо, действительно, уже знал, что похитители

Арваля освобождены. Конечно, ему не было в точности известно, что покойный успел наболтать перед смертью, но в любом случае пора было «делать ноги». Борхес уже успел переложить пачки банкнот из тайников в дипломат и теперь пытался закрыть крышку. Проклятый сундук не хотел закрываться, слишком уж плотно он был набит. Но не оставлять же деньги неизвестно кому!

Фернандо рассовал часть пачек по карманам, запер дипломат и направился к выходу, когда в дверь постучали. Охранник с опухшим носом приоткрыл створку амбразуры и отпрянул. На пороге стоял его обидчик и многообещающе улыбался. Нехорошая у него была улыбка, ой, нехорошая!

Охранник попытался прикрыть створку, но заметил, как из двух автобусов высыпали полицейские в бронежилетах и замерли с автоматами на изготовку. Группа захвата! Он покорно повернул ключ.

Обитатели дома, во главе с Борхесом, не сопротивлялись, дали надеть на себя наручники.

Следственная бригада осталась проводить обыск.

— Слава Богу, успели! — сказал комиссар. — Спасибо вам, Компана! Дальше мы сами справимся. А вы берите своего приятеля и отправляйтесь в отель отдыхать. А то снять номера в «Эксельсиоре» и ночевать в деревенской каталажке! Согласитесь, это не тривиально! Ха-ха-ха! Ах, французы — такие оригиналы! Шучу, шучу. В самом деле, вам необходимо немного поспать. Я, как только что-нибудь выясню, немедленно вам позвоню. Не думаю, что он будет особенно запираться насчет мадемуазель Мортан. В конце концов, на фоне остальных его художеств, в этом деле он почти чист. И девушку получил от Арваля, можно сказать, почти законно. И, конечно, не знал, что ее похитили. Ну Арваль, тот, естественно, мерзавец, клейма негде ставить, на него все можно валить.

Покойник возражать не будет. Словом, думаю, к вечеру я буду знать о мадемуазель Мортан столько же, сколько Борхес, и непременно свяжусь с вами. А пока — идите спать!

Комиссар был совершенно прав, и окрыленные надеждой компаньоны отправились обживать отель «Эксельсиор», из которого они волей обстоятельств были так негуманно исторгнуты.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Комиссар Куско позвонил в шесть вечера, как и обещал. К сожалению, ничего утешительного он сообщить не мог. Фернандо Борхес действительно получил от Арваля мадемуазель Мортан. Однако держать ее у себя было опасно. Во-первых, дурак Арваль засветился в аэропорту. Во-вторых, Жюли — не та девушка, которую можно похитить безнаказанно — папаша Мортан выложит любые деньги, чтобы вернуть единственную дочь. Кроме того, содействие полиции ему гарантировано. К тому же, невозможно все время держать ее в сумеречном состоянии, пичкая наркотиками. Ведь тогда она не сможет «работать», и какой в этом случае от нее прок, спрашивается? Одни убытки!

Поэтому Фернандо решил переправит мадемуазель Мортан в Венесуэлу. Чтобы не повторять ошибок Арваля, ее отправили не рейсовым лайнером, а небольшим частным самолетом. Пилоту было хорошо заплачено, чтобы он держался подальше от разрешенных

воздушных коридоров и вообще старался не попадать в лучи локаторов — перевозки таких грузов не поощряются законодательством ни одной страны! По этим же причинам радиосвязь с самолетом не поддерживалась.

Что стало с самолетом — неизвестно. Только до места назначения он не добрался. Скорее всего, разбился где-то в джунглях или упал в океан. По правде говоря, его не очень-то и искали. Не пойдешь же, в самом деле, в полицию или еще куда: так, мол, и так, найдите, пожалуйста, пропавший самолет, на котором мы нелегально пытались вывезти в Венесуэлу похищенную девушку!

А теперь, спустя три недели, это и вовсе безнадежно. Так что, мсье, примите мои соболезнования и передайте г-ну президенту искреннее сочувствие! Если что потребуется, всегда к вашим услугам!

Нельзя сказать, что Компана как-то очень уж огорчился. Нет, он не был бесчувственным человеком, и ему от всей души было жаль несчастную девушку, которой он никогда не видел. Дело в том, что он с самого начала предполагал нечто подобное, считал поиски безнадежными, а теорию мсье Мийярда — идиотской. Правда, в какой-то момент ему показалось, что цель достижима. Но теперь все стало на свои места.

Тем не менее, Компана немедленно связался с Парижем — там была глубокая ночь или раннее утро, кому как больше нравится — и, придав голосу подобающие модуляции, сообщил мсье Мортану о результатах поисков. Бедный отец был безутешен!

Дозвониться Перену сыщику не удалось. На вопрос Компаны портье ответил, что сеньор из люкса номера не покидал и ключей не сдавал. «Небось, добрался до своего королевского ложа и дрыхнет теперь без

задних ног, — решил детектив. — Ну и Бог с ним, пусть спит. Пусть этому большому младенцу приснятся подвиги в борьбе с мафией. И в конце пути — награда верному рыцарю без страха и упрека — мадемуазель Жюли Мортан! Пусть спит. Завтра сказка кончится!» И Компана попросил заказать билеты на Париж.

Интуиция не обманула знаменитого сыщика. Франсуа действительно, решил насладиться теми маленькими радостями, которыми сопровождалось проживание в люксе пятизвездочного отеля. Воду в номере уже починили (несмотря на выходные), и глава спасательной экспедиции принял ванну. При этом он включил все мыслимые подводные массажи и сдобрил воду всеми ароматическими добавками, которыми была щедро снабжена эта обитель плотской неги.

Выбравшись из ванны и благоухая как демонстрационный зал фирмы «Нина Ричи», Франсуа принял пару рюмочек коньяка «селект» пятидесятилетней выдержки и, заказав завтрак в постель на десять утра, забрался в королевскую кровать под балдахином. Впрочем, не исключено, что это была противомоскитная сетка.

Содержание снов Перена детектив угадал почти правильно. Единственное, что не пришло Компане в голову, так это то, что самому ему в этих снах отводилась роль верного Санчо Пансы и доктора Ватсона одновременно. А в конце — роль шафера на свадьбе, осушающего радостные и немного печальные слезы отца, выдающего замуж единственную дочь, рассказами о том, что теперь его Жюли в надежных руках и он может быть спокоен за ее будущее.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

— Бога ради, простите мою неловкость, сеньор! — причитал красный от смущения официант, поднимаясь с пола и пытаясь вытереть салфеткой с лица Франсуа икру, томатный соус и яичный желток.

— Ничего, ничего, любезнейший. Я сам виноват. Не надо было разбрасывать ботинки по всему полу! — Перен возлежал в своей королевской постели, как молочный поросенок под майонезом на блюде, украшенный веточками зелени и обильно политый приправами. Расплывающееся черное пятно на одеяле источало изумительный аромат крепчайшего кофе.

Официант сгреб посуду на поднос, аккуратно составил обувь под кровать и, поминутно кланяясь, стал пятиться к двери.

— Пусть сеньор не беспокоится! Сейчас я пришлю горничную, она все уберет.

Перен милостиво улыбнулся. Серебряным ножичком

он соскоблил с подушки черную икру и принялся намазывать ее на хлеб.

— Ладно, ладно. Ничего страшного не произошло. Я сейчас съем бутерброд, а затем спущусь позавтракать в ресторан.

— Вставайте, Перен! Доброе утро! — громовым голосом проревел Компана, с силой распахивая дверь. Дверь с размаху лягнула официанта под правый локоть. Поднос с остатками многострадального завтрака описал в воздухе параболу и приземлился прямо на курчавую голову Франсуа.

Как известно, бутерброд всегда падает маслом вниз. А как вы думаете, какой стороной вниз падает поднос с завтраком? Правильно!

— Гошподи! Фто слуфилошь? — промычал Перен, подавившись бутербродом. Кулаками он пытался протереть глаза от стекавшего по лицу острого экзотического соуса.

Официант был в ужасе. Такого в отеле на его памяти еще не было.

Компана не смог сдержать улыбки. Бедняга Перен, опять ему не повезло. Слава Богу, сейчас это уже ни на что не может повлиять.

— Вставайте, вставайте, Франсуа. В полвторого нас ждет самолет! Вам еще умыться надо.

— Какой самолет? — не понял Франсуа.

— Мы возвращаемся во Францию. Вчера вечером звонил комиссар. Частный самолет, на котором перевозили мадемуазель Мортан, разбился над джунглями. Три недели назад. Он говорит, что нет никакой надежды, и я с ним согласен.

— Господин президент никогда с этим не согласится!

— Уже согласился! После разговора с комиссаром я связался с Парижем, лично с мсье Мортаном. Он, конечно, был сражен этим известием, но не стал спорить против очевидности. Он велел нам возвращаться.

Перен был, мягко говоря, подавлен столь грубым вторжением реальности в его романтические грезы. Он выпростал ноги из-под одеяла и уныло поплелся в ванную.

Кладбищенскую тишину нарушила длинная трель междугородного звонка. Компана снял трубку:

— Компана слушает!

— Компана, это вы? Это Арман Мортан, — в голосе президента слышалась робкая надежда. — Слава Богу, что застал вас! Я боялся, что вы уже улетели.

— Здравствуйте, мсье Мортан! Что случилось?

— Я прошу вас немного задержаться. Вчера я был в совершенном отчаянии. Но мсье Мийярд меня убедил, что еще не все потеряно. Он сказал, что у моей дочери очень сильный ангел-хранитель. Ведь она столько раз попадала в ужасные переделки и осталась жива. Он говорит, как это... что у нее выработался имунитет на любые неприятности. У него возникла одна идея... Впрочем, он лучше сам вам расскажет.

«Господи, еще одна идея!» — выругался про себя Компана. Перен, так и не дойдя до ванной, с надеждой посмотрел на него одним глазом. Второй невыносимо щипало из-за попавшего в него острого соуса.

— Компана, вы меня слушаете? — раздался в трубке голос ненавистного психолога. — Я внимательнейшим образом изучил все, что вы рассказали г-ну президенту о ваших поисках. С удовлетворением должен отметить, что все приведенные вами факты полностью подтверждают мою теорию. Судите сами. Перен ударяется головой о двери в Орли, которые почему-то не сработали. Затем он попадает в медпункт в Акапулько — и что же? Оказывается, мадемуазель Мортан тоже здесь побывала, и с ней произошло то же самое!

Благодаря этому вам удалось выйти на след похитителя — Арваля, кажется? Затем Перен попал в пикантную ситуацию. И там оказывается этот Арваль. Его вся мексиканская, да и не только мексиканская полиция пять лет ищет — найти не может, а тут — пожалуйста! В ваш прошлый визит в Мексику, по горячим следам, вы месяц провозились, и что? Вы только не обижайтесь, но результат — ноль. А на этот раз?

— Да, да, пусть будет по-вашему, — вынужден был согласиться Компана, хотя это было ему, ну совсем, поперек души. — Переходите к делу!

— Что, Перен нас слышит?

— Нет, он как раз душ принимает.

— Очень хорошо! Так вот, я предлагаю вам зафрахтовать небольшой самолет, такой же, как тот, на котором перевозили мадемуазель Мортан, и немного полетать над джунглями. Все расходы за счет фирмы, разумеется!

— Вы с ума сошли! — не поверил своим ушам детектив. Большего бреда он в своей жизни не слышал.

— Передаю трубку господину президенту, — раздалось в трубке. Мсье Мийярд предпочитал не обсуждать научные теории с некомпетентными лицами. Его дело — идеи генерировать, а внедряет их в жизнь пусть господин президент. В конце концов, он — самое заинтересованное лицо.

— Послушайте, Компана! — услышал сыщик. — Я вас очень прошу! Это — моя последняя надежда, не лишайте ее старика! Ну, пожалуйста, что вам стоит? Вы же ничем не рискуете!

— Вы в самом деле так думаете? — не удержался от ехидства Компана, а сам подумал: «Интересно, что бы ты сказал про сегодняшний завтрак аристократа? Каким концом его пришпандорить к теории Мийярда?»

— Конечно, конечно. Вы совершенно правы, — признал свою ошибку мсье Мортан. Он умел признавать свои ошибки, и в этом была его сильная сторона. — Конечно, вы рискуете, и риск будет оплачен. Как на войне, в трехкратном размере.

И Компана согласился. Дело было, естественно, не в деньгах. Он и так получал баснословный гонорар. Но слышать слезы в голосе столь сильного человека — это было невыносимо. И, кроме того, он не мог допустить, чтобы его заподозрили в трусости. Хотя летать с Переном над джунглями, ежесекундно ожидая катастрофы, согласитесь, не подарок. Он уже раз летел с нами через океан. Причем, не на каком-то зачуханном самолетике, а на солидном авиалайнере «Эр Франс»! Пережить этот кошмар еще раз — врагу не пожелаешь! Но слово сказано, назад не вернешь.

«Черт бы меня побрал! — ругал себя Компана. — И кто меня за язык тянул? Проще объявление в газету дать: «Опытный детектив со стажем ищет спутника из террористов для совместного полета над джунглями с бомбой на борту. Меньше трех тонн динамита не предлагать. Фейерверк гарантируется!»

Перен же, напротив, воспринял идею продолжения поисков с восторгом.

— Разве я не говорил, — спрашивал он Компану, — что господин президент ни за что не согласится прекратить поиски? Ну же, Жерар, бодрее! Мы еще утрем нос полиции. Комиссар Куско, конечно, хороший человек. Но, согласитесь, он бы до сих пор искал Арваля, если бы не мы. И его убийц. Нет, Компана, поверьте мне, на полицию надейся, а полагаться можно только на себя. Я имею в виду — на меня и на вас!

— Словом, так, — подвел итог глава экспедиции. — Отправляйтесь, узнайте, где можно заказать самолет, закажите его на завтра, часов, я думаю, на двенадцать. Да, еще, достаньте мне карту района, где исчез тот самолет, что вез мадемуазель Жюли. Я разработаю маршрут, — как всегда, Перен взял на себя самую трудную работу.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

День у Компаны не задался с самого утра. Начать с того, что с утра ему не удалось умыться — вода из крана текла тоненькой струйкой, затем струйка раздробилась на капли, затем что-то заурчало... И все!

— Скажите, Перен, у вас в номере вода есть? — спросил детектив, когда Франсуа, бодрый и сияющий, зашел за ним, чтобы ехать на аэродром. Жерар с замиранием сердца ждал ответа.

— Конечно! А почему вы спрашиваете?

— Да так, ничего.

Голос Компаны Перену не понравился. Похоже, напарник совсем не верил в удачу. А разве можно отправляться на дело, не веря в успех? Вера в победу — уже половина победы! Вот почему в армии столько внимания уделяют выправке и внешнему виду бойца. Разложение в войсках начинается с неопрятности в форме. Перен видел это в кино.

Перед выходом на летное поле глава экспедиции

еще раз внимательно осмотрел с ног до головы бойца Компану.

— Компана, у вас шнурок развязался!

— А? Что? — вздрогнул Компана. Он двигался как сомнамбула, и мысли, которые его одолевали, были, похоже, какие-то нерадостные.

— Шнурок, говорю, у вас развязался. Завяжите, а то наступите!

— Да, да, сейчас, — Компана нагнулся и потянул за концы шнурков. Половина шнурка осталась у него в руках.

— Это — знак! — обреченно прошептал он.

— Какой знак? — не понял Франсуа.

— Не знаю!

И Компана ступил на летное поле, сжимая в руке половинку шнурка, с видом Иисуса, несущего на Голгофу свой крест.

— Скажите, у вас в самолете есть парашют? — был первый вопрос, который он задал пилоту.

Пилот, жизнерадостный сангвиник лет сорока, весело улыбнулся:

— Конечно, нет! Где вы видели парашюты на туристических самолетах?

Компана глубоко вздохнул:

— Скажите, а можно где-нибудь здесь достать парашют?

— Зачем вам парашют? — улыбка сползла с лица летчика. — Вы что, мне не доверяете?

— Нет, что вы! — смутился Компана. — Я так, на всякий случай. Знаете, береженого Бог бережет.

— А ваш приятель, однако, оптимист! — хмыкнул летчик, обращаясь к Перену.

— Не берите в голову, — сказал Перен. — Просто ему... Просто у него сейчас непруха.

— Что такое «непруха»? — не понял пилот. Французский язык такой трудный. И как только французы его понимают?

— Ну, такая черная полоса в жизни, — объяснил Франсуа. Он старательно избегал слов «не везет», «невезение», чтобы лишний раз не нервировать своего напарника. — Когда не все удается. Вот он немного нервничает.

«Все, приехали! — подумал Компана. — Уже Перен мне сочувствует».

— Послушайте, Компана, — сказал Перен, когда они подошли к самолету. — Похоже, вы сегодня не в своей тарелке. Может, вам сегодня не летать?

— Вы в самом деле так думаете? — перед Жераром забрезжила надежда отложить свои похороны на более удобное время. — Вы уверены, что справитесь один?

— Конечно, уверен, не волнуйтесь! Мы не будем забираться далеко на первый раз. Просто, полетаем немного над тропическим лесом. Так сказать, на разведку. Я думаю, мы к обеду вернемся. А вы отправляйтесь в отель, как следует отдохните. Может, имеет смысл принять аспиринчику и поспать пару часиков?

— Спасибо, Франсуа! — с чувством произнес Компана и крепко пожал Перену руку. — До свидания!

Что-то в голосе Жерара заставило Франсуа с подозрением взглянуть на него.

— Что-то не так? — спросил он. — Вы чего-то опасаетесь?

— Нет, нет, все в порядке! — заверил его Компана. «Ну что со мной может случиться, если тебя не будет?» — подумал он.

Они все еще продолжали жать друг другу руки, когда за спиной Компаны послышалось тихое жужжание.

— Не двигайтесь! — прошептал Франсуа.

— Что случилось?

— Оса! — со значением произнес Перен, полагая, видимо, что всем все сразу станет ясно. — У меня аллергия на ос. Если она меня укусит, я могу умереть.

— Не может быть! — не поверил своим ушам Компана. Хотя, почему же не может? С Переном очень даже может!

Оса кружилась над компаньонами, выбирая посадочную площадку. Компана внимательно следил за ее эволюциями.

«Если оса сядет на меня, — загадал он, — тогда все, конец, амба. Солнце восходит на западе, а садится на востоке. Тогда Мийярд прав, а я — жалкий невежда. Тогда невезение — это болезнь, и она заразна. Тогда мне остается удалиться в пустыню, посыпать главу пеплом и питаться росой и акридами!»

Компана вспомнил, что акриды — это сушенные кузнечики, и его чуть не стошнило. Он поспешил переключиться на альтернативный вариант.

«Если оса сядет на Перена, — успел подумать сыщик, — то мсье Мийярд может катиться со своими теориями в...»

Додумать он не успел. Оса предпочла Перена. Тем не менее, главный психолог, скорее всего, никуда не покатился. Точнее, учитывая разницу во времени, он, возможно, перекатился с боку на бок в своей постели, но это, конечно, никак не было связано с проклятиями Компаны.

Сыщик торжествующе усмехнулся.

— Не смейтесь! — замогильным голосом произнес перен. — Однажды меня укусила оса. Я после этого больше недели провалялся в больнице. Меня едва откачали.

— Давайте я ее смахну, — предложил Компана.

— Не трогайте ее! Может, она улетит.

— Вот я ее и подгоню.

— Ну как вы не понимаете?! — простонал Франсуа, — Когда меня кусает оса, я начинаю раздуваться. Потом начинается удушье. Просто перестает усваиваться кислород. И тогда я умру! Вы этого хотите?

Этого Компана не хотел.

— Я же хочу вам помочь! — попытался объяснить он.

— Ну да! Вы начнете ее прогонять, она меня укусит, и тогда мне никто уже не поможет!

Оса, между тем, поудобнее устроилась на облюбованном месте — под правым глазом Перена. Франсуа дико выкатывал глаза, пытаясь разглядеть, чем она занимается. Если отвлечься от обещанных трагических последствий, то зрелище было весьма забавное.

Пилот, обладавший здоровым чувством юмора, поудобнее устроился у борта своего самолета, стараясь не пропустить ни одной сцены этого бесплатного спектакля. Впрочем, почему же бесплатного? Ему платили повременно. И если уж Бог послал ему пассажиров-психов — одному парашют достань, на другого оса вздумала поохотиться — так надо извлечь из этого максимум удовольствия. К тому же, горючка экономится.

Нет, что ни говорите, а летчик — прекрасная профессия! С какими интересными людьми приходится встречаться! Будет что рассказать внукам на пенсии. И для мемуаров материала сколько хочешь! Если, конечно, хватит терпения их написать.

Тем временем Перен почти что вывернул глаза наизнанку.

— Что она делает? — взмолился он. — Как, по-вашему, она настроена агрессивно?

— Вовсе нет. По-моему, как раз очень мирно, — отвечал Компана, пытаясь не рассмеяться. Его настроение изменилось на сто восемьдесят градусов. В своем

заочном споре с Мийярдом он уже ощущал себя победителем. Интересно, как оса вписывается в его теорию? Может быть, у мадемуазель Мортан тоже была аллергия на ос? Вроде бы нет. А если и так, то чем это может помочь в поисках?

А может быть, надо лететь следом за осой, и она приведет к месту, где спрятана мадемуазель Жюли? Или ее тело? Тогда встает вопрос: как не потерять осу из виду следуя за ней на самолете? Или не перепутать ее с какой-нибудь другой осой? Может, на нее поводок надеть, как на собаку? Интересно, имеются ли в Мексике в продаже поводки для ос?

Словом, гора родила мышь, а главный психолог был посрамлен по всем статьям.

Пока Компана изощрялся в остроумии и ехидстве, мешая с грязью отсутствующего мсье Мийярда, присутствующий мсье Перен чуть было на самом деле не умер от удушья. Нет, оса его не укусила. Просто, чтобы ее, не дай Бог, не потревожить, Франсуа задержал дыхание и пребывал в таком состоянии уже больше минуты. Еще немного — и минута могла обернуться вечностью.

— Похоже, Перен, вы ее приручили! — заметил Компана.

В ответ Франсуа только яростно сверкнул глазами.

Компана не выдержал и прыснул. Его поддержал пилот, который не мог больше оставаться безучастным зрителем.

Оскорбленная в своих лучших чувствах оса взлетела, негодующе жужжа крыльями. Перен облегченно вздохнул. Драма так и не переросла в трагедию.

— Все в порядке, Перен! — дружески потрепал его по плечу компаньон. — Я лечу с вами.

И сыщик первым забрался на крыло самолета.

— Простите меня, Компана, — виновато лепетал

Франсуа, — Вы должны меня понять. У меня, действительно, аллергия на ос. И у моей мамы тоже была аллергия. И у бабушки тоже. Я очень испугался. Поверьте, я не трус! Я только ос боюсь. Слава Богу, все уже позади, она улетела!

Он был прав только на половину. Оса действительно была позади. Она уютно устроилась на спине Перена. У нее были свои планы, к примеру, полетать на халяву, и она не собиралась их нарушать из-за каких-то двуногих невеж, которые не умеют себя вести в приличном обществе и так не к месту издают резкие звуки и брызгают слюной. Ну, ничего! Она выбрала себе самого тихого и пристойного. Бедная наивная провинциальная оса!

Тем временем участники экспедиции устроились в самолете: Компана на переднем сиденье, рядом с пилотом, Перен — на заднем. Он наклонился вперед, чтобы лучше видеть, скрестил руки на спинке переднего сиденья и водрузил на них свою курчавую голову.

Самолет взревел моторами, разбежался и оторвался от земли. Слава Богу, Перен никак не комментировал этот процесс. Второй раз Компана мог этого не пережить.

Самолет поднимался все выше и выше. Под крылом мелькали пригороды Акапулько, которые сменились лоскутным одеялом возделанных крестьянских полей. По правую руку, насколько достигал взгляд, расстилались просторы Великого океана, по левую — громоздились негостеприимные отроги Сьерра-Мадре.

Наконец, самолет лег на левое крыло и повернул к востоку. Полчаса лету, и вот горы остались позади, а внизу раскинулся зеленым ковром другой океан — океан тропического леса.

— Господи, какая красота! — воскликнул Франсуа. — Мексика! Пампасы! Какое богатство!

— И как вы собираетесь здесь что-то найти? — поинтересовался Компана не оборачиваясь.

— Ничего, Компана, найдем, не сомневайтесь! — Перен откинулся на спинку сиденья.

— Ой! — воскликнул он. — Меня что-то укололо! Бедная, бедная оса! Вот и слетала на дармовщинку!

— Что с вами? — спросил сыщик. — Надеюсь, ничего страшного?

— Ничего, ничего, — успокоил его Франсуа, — должно быть, гвоздь какой-то в спинке.

Но Компану не так-то просто было успокоить.

— У нас все в порядке? — поинтересовался он у пилота. Эх, надо было настоять на парашюте!

— Кажется, да, — ответил ас.

— У вас можно курить?

— Курите, прошу вас.

Компана закурил и предложил сигарету пилоту. Тот отрицательно покачал головой.

— А вы будете? — Компана повернулся к Перену.

— Спасибо, не хочу, — отказался Франсуа. Он изо всех сил пытался дотянуться рукой и почесать место укуса. Что-то в его облике не понравилось Компане.

— Да не нервничайте вы так! — сказал Перен. — Смотрите лучше, как красиво! Когда еще такое доведется увидеть!

Жерар отвернулся и уставился перед собой, вглядываясь в джунгли. Если мадемуазель Мортан действительно потерпела катастрофу где-то здесь, то искать ее можно до второго пришествия. А можно и не искать — результат будет один.

— Я с детства мечтал побывать в Латинской Америке, увидеть джунгли, ацтекские пирамиды, храмы майя, — наслаждался зрелищем Франсуа. — Подумать только, я читал об этом в книжках, завидовал конкистадорам, Фернандо Кортесу, и вот я здесь, я вижу это собственными глазами!

— О, дочь Монтесумы! — воскликнул он патетически.

«Точно, псих!» — подумал пилот.

— Послушайте, Франсуа, с вами все в порядке? — спросил Компана, снова оборачиваясь к Перену.

— Конечно! — Франсуа млел от счастья. Казалось, счастье переполняло его. Он даже, похоже, увеличился в объеме.

— Вы уверены? — переспросил Компана. Он с ужасом смотрел на Перена, который раздувался, как на дрожжах. Рубашка на его груди натянулась, как парус под ветром. Пуговица, не выдержав, оторвалась и отлетела прямо в глаз Жерару.

— Немедленно сажайте самолет! — заорал Компана.

— Куда? — не понял пилот.

— В ближайшем месте, где можно найти врача!

От рубашки Перена оторвалась еще одна пуговица. Он понял, что не на гвоздь накололся, и принялся в панике ощупывать себя руками. Его лицо пошло красными пятнами, и он почувствовал первые признаки удушья. Был ли причиной тому укус или паника — кто знает?

— Да, да, пожалуйста, — запричитал он. — Скорее, скорее, прошу вас!

— Есть тут одна католическая миссия, — задумчиво произнес пилот. — Сьюдад что-то такое. Попробую сесть там.

— А там есть врач?

— У них там что-то вроде больницы для индейцев, кажется.

— Да поворачивайтесь же вы! — вскричал Компана. — Или вы хотите привезти труп на своем самолете?!

Действительно, дело шло к тому. Лицо Перена уже начало приобретать синюшный оттенок.

«Проклятый Мийярд! — подумал Компана. — Попался бы ты мне сейчас!»

А чем провинился Мийярд, этот оторванный от жизни кабинетный теоретик? Непонятно!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

«Сьюдад что-то такое» оказался маленькой, но вполне цивилизованной деревушкой Сьюдад-Реаль, со всех сторон окруженной тропическим лесом. Там была взлетно-посадочная полоса для сельскохозяйственной авиации и больница при католической миссии.

Когда самолет с участниками спасательной экспедиции на борту совершил вынужденную посадку, его уже ждала «скорая помощь» с двумя дюжими монахами-санитарами. Им понадобилась вся их сила, чтобы с помощью пилота и Компаны извлечь несчастного Перена из кабины и водрузить его на носилки.

Глава экспедиции являл собой жуткое зрелище. Шея у него напрочь отсутствовала, а голова от ушей сразу переходила в шарообразное туловище. Формой и цветом он более всего напоминал гигантский баклажан, как его изображают в мультфильмах: толстое лоснящееся фиолетовое головотуловище и тоненькие зеленые веточки-конечности, беспомощно свисающие с носилок.

— Я могу быть свободен? — спросил летчик Компану, когда процедура погрузки Перена в «скорую помощь» была с грехом пополам завершена. Честно говоря, ему нетерпелось поскорей оказаться в Акапулько, на родном аэродроме, и там за стаканчиком пульки поведать друзьям и коллегам о необычайном приключении, которое ему довелось испытать. Судите сами: ну кто еще сможет похвастать тем, что в кабине его самолета худощавый, в общем-то, пассажир раздулся до таких размеров, что пришлось отвинчивать и снимать остекление этой самой кабины, чтобы извлечь его оттуда? Вот то-то!

— Да, да, конечно, — ответил Компана. — Я думаю, несколько дней вы нам не понадобитесь. Потом вам придется прилететь и забрать нас отсюда. Я постараюсь с вами связаться. Вы не знаете, здесь есть телефон?

— Есть, конечно! Через спутник. Они отсюда могут связываться хоть с Мехико, хоть с Акапулько, хоть с самим Ватиканом. А как же! Вдруг римский папа выпустит какую-то энциклику, а святые отцы, спаси Бог, об этом узнают не вовремя. Так еще, чего доброго, в еретики попадешь! — объяснил словоохотливый пилот.

То ли молитвами святых братьев, то ли искусством местных врачей, но Перена удалось поставить на ноги за три дня. Сейчас он сидел на койке и перекладывал из тумбочки в сумку различные мелочи: расческу, зажигалку, сигареты, и ждал своего напарника, который должен был прийти и забрать его.

Палата представляла собой довольно просторную побеленную комнату. Вдоль стен в ней располагалось десять коек, которые в настоящее время пустовали. Очевидно, местные жители отличались завидным здоровьем. Была ли причиной тому их особая набожность, или патриархальный, лишенный городских стрессов образ жизни, — неизвестно. Однако слегка прибалдевшие от отсутствия пациентов сестры принялись наперебой окружать несчастного француза заботой и вниманием.

Только на одной койке, в самом углу палаты, лежал пожилой индеец из окрестных джунглей. Его голова, тело и конечности были покрыты повязками до такой степени, что делали его похожим на мумию египетского фараона. Его глаза невидящим взглядом уставились в потолок. С пугающей регулярностью, ровно раз в минуту, из его груди вырывался душераздирающий стон:

— А-а-а-а-а!

Казалось, в горячечном мозгу старика ежеминутно рождались какие-то видения, страшнее которых невозможно себе представить.

— Буэнос диас, сеньор! — приветствовал Перена Компана, входя в палату. За трое суток он успел заделаться коренным мексиканцем.

— Салюд, амиго! — радостно откликнулся Франсуа. Он уже успел соскучиться по своему спутнику.

— А-а-а-а-а!

Компана вздрогнул:

— Что это?!!

Франсуа уже привык к этим воплям и не обращал на них внимания. Он даже научился спать под этот аккомпанемент. Привыкают же люди к храпу, хотя в это трудно поверить.

— Ах это? Это то, что я хотел тебе показать. Этого старика-индейца доставили сюда его соплеменники из глухой деревушки километрах в сорока отсюда. У них там произошла какая-то страшная катастрофа, и он чудовищно обгорел. Врачи уже не надеялись, что его можно спасти. Но сейчас, кажется, он выкарабкается. Только вот с психикой у него не того!

— А-а-а-а-а!

— Это, конечно, очень прискорбно... — начал Компана.

— Нет, ты слушай дальше, — перебил его Перен. — Каждую ночь у него начинается бред. Он кричит и вспоминает какую-то девушку, которая спустилась на их деревню в огненном шаре! От этого сгорела вся деревня. Он считает это наказанием свыше за то, что они отреклись от древних богов и приняли христианство. Надо сказать, это больше всего беспокоит наших монашек!

— А-а-а-а-а!

— И как же тебе удалось все это понять? — не без подковырки спросил Жерар, вспóминая лингвистические упражнения Перена в «Соня-Клубе».

— Видишь ли, — скромно потупил глаза Франсуа. — Я тут подружился с одной симпатичной сестрой. Она мне перевела. Она довольно бойко говорит по-французски.

«Ну ничего его не берет! — восхищенно подумал Компана. — Ему что проститутка, что монашка — все едино. Лишь бы юбка была!»

— А-а-а-а-а!

— И что же вы хотите этим сказать? — спросил Компана, переходя на официальный тон. В его душе начали шевелиться нехорошие подозрения. Призрак мсье Мийярда замаячил перед его мысленным взором.

— Я подумал... Действительно, почему бы нам не попробовать? У вас с собой фотография мадемуазель Мортан?

Видит Бог, как не хотелось Жерару встревать в эту историю. Он только-только восстановил душевное равновесие после случая с осой. Хорошо еще, что оба живы остались! Проклятый Мийярд! Но и возразить было нечего.

Нехотя Компана полез в бумажник и извлек оттуда фотографию Жюли. Франсуа от волнения закурил.

— А-а-а-а-а!

— Послушайте, сеньор! — начал Компана, подбирая слова, когда они приблизились к койке индейца. Видимо, что-то достигло его помутненного сознания. Старик затих и скосил глаза на сыщика. В них появилось более или менее осмысленное выражение.

— Простите, вы не могли бы взглянуть на эту фотографию? — Компана протянул индейцу кусочек картона.

Детектив многое повидал на своем веку, но он никогда не подозревал, что простое изображение на кусочке фотобумаги размером девять на двенадцать может произвести такое впечатление. В глазах старика вспыхнул животный ужас.

— А-а-а-а-а-а-а-а-а!!! — закричал он нечеловеческим голосом.

Компана снова вздрогнул — уже вторично за пять минут. Даже привычный к воплям индейца Перен выронил изо рта сигарету. Ничего подобного слышать ему еще не приходилось.

Детектив убрал фотографию. Старик затих.

— Ну как?! — спросил Франсуа с торжеством в голосе. — Что вы на это скажете?

Можно было подумать, что это не психолог Мийярд, а именно он, Франсуа Перен, предложил стратегию поисков дочери господина президента. А ведь он-то как раз о ней ничего не слышал!

— Это, конечно, интересно, — с сомнением протянул Компана. — Но...

Картезианец в его душе никак не хотел признать победу научного романтизма.

— А вы попробуйте еще разок! — предложил Франсуа, уже не сомневаясь в успехе.

Сыщик снова поднес фотографию к глазам старика.

— А-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!! — истошно завопил индеец.

Компана снова и снова повторял эксперимент, и каждый раз слышал в ответ душераздирающий крик:

— А-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!!

В конце концов крики индейца слились в один непрерывный вой, напоминающий сирену воздушной тревоги.

— Да прекратите же! — прервал жестокий эксперимент Франсуа. — Ну как, убедились?

Компана угрюмо кивнул головой. Возразить ему было нечего. Так психолог Мийярд посрамил прославленного Рене Декарта.

Детектив вышел из палаты, все еще держа в руках фотографию мадемуазель Жюли. Захватив свою сумку, Перен последовал за ним.

Их провожал истошный вой старика-индейца. Теперь его уже ничто не могло убедить в том, что та девушка была посланницей грозных древних богов, обрушивших свой гнев на несчастных, отрекшихся от религии своих предков. Каждый раз ее появление предвещало потоки небесного огня, пожирающего нечестивцев. Вот и сейчас старого грешника окутывали клубы дыма — сигарета Перена упала на постель и подожгла матрас.

Слава Богу, медсестра, привлеченная изменившейся тональностью воплей индейца, успела прибежать и загасить пожар, набросив на него одеяла с соседних коек.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Что и говорить, не лежала душа у Компаны к этой поездке. Ведь ехать в индейскую деревню, полагаясь лишь на нечленораздельные выкрики полубезумного старика, — значит, косвенно признать состоятельность теории психолога, которого самого сыщик считал не вполне нормальным. В последнее время заочная борьба с этой теорией и ее автором стала для Компаны чем-то вроде навязчивой идеи. За трое суток пребывания Перена в больнице детектив немного расслабился, пришел в себя, и вот на тебе!

Тем не менее, Компана был профессионалом и понимал, что как был мал ни был шанс, упускать его ни в коем случае нельзя. Поэтому с самого утра он принялся за дело.

Прежде всего Компана связался с летчиком и предупредил его, что они с Переном задержатся еще на пару дней. Затем он позвонил комиссару Куско и рассказал о последних открытиях. Надо сказать, что

спутниковая связь, находящаяся под покровительством самого папы римского, работала превосходно. В трубку было слышно, как учащенно дышал и цокал языком комиссар, внимая невероятному рассказу Компаны.

Выслушав рассказ до конца, сеньор Куско, к удивлению Жерара, неожиданно загорелся энтузиазмом и обещал всяческое содействие. Тому было несколько причин. Во-первых, несмотря на свою любовь ко всему французскому, комиссар не был последовательным картезианцем, и сочинения Карлоса Кастанеды занимали в его библиотеке почетное место. Во-вторых, для самого комиссара и возглавляемого им департамента дело было совершенно беспроигрышным. Удастся французам их предприятие — кто им помогал, кто оказывал содействие? Провалится — опять же мы со своей стороны делали все, что могли, не правда ли мсье? В-третьих, комиссар всячески стремился загладить свою вину перед Компаной за излишнее усердие своих подчиненных в расследовании обстоятельств убийства Педро Арваля.

Ах, комиссар, комиссар! Если бы он знал, что, выражая даже слабую надежду на возможный успех экспедиции, он тем самым льет воду на мельницу ненавистного Мийярда и причиняет своему коллеге и, можно сказать, другу невыразимые душевные муки!

Как всегда, сеньор Куско оказался человеком слова. Компана смог в этом еще раз убедиться, зайдя в полицейский участок. Комиссар уже успел туда позвонить, и на пороге детектива приветствовал жизнерадостный сержант, сияющая улыбка которого могла служить рекламой пасты «Блендамед» или жевательной резинки «Дирол». Всем своим экстерьером он излучал горячее желание помогать и способствовать. Казалось, еще немного — и он радостно залает и завиляет хвостом.

Сержант помог Компане проложить маршрут и даже

подарил крупномасштабную карту района с грифом: «Для служебного пользования», на которой собственноручно отметил расположение индейского поселения — обвел карандашом кружок размером эдак с департамент Иль-де-Франс, на территории которого расположен Париж со всеми пригородами.

К сожалению, полицейский не мог дать Компане с собой портативную рацию, на что, надо сказать, детектив серьезно рассчитывал.

— Поймите меня правильно, сеньор, — объяснял сержант свой отказ. — Территория нашего округа — почти пол-Франции, а полицейских...

Сержант задумался. Он стал загибать пальцы и молча шевелить губами. Компьютер в его голове работал на пределе возможностей. На лбу бедняги выступила испарина. Компана даже хотел ему помочь, предложив свои пальцы, или посоветовать разуться для увеличения вычислительной мощности, но не успел.

— А полицейских у нас мало! — выдал результат сержант. — Как с ними связаться, если я отдам вам свою рацию? Нет, никак не могу!

— И часто вы с ними связываетесь?

— Каждый раз, когда что-нибудь случается.

— А случается часто?

— В мире все время что-нибудь случается, — сержант оказался философом. — Вот намедни у Игнасио бык пропал. Так и не нашли. А у Алонсо сынишка в лесу заблудился, только на третий день отыскали. А так все больше с приезжими.

— И много у вас приезжих? — За время своего вынужденного пребывания в Сьюдад-Реале Компана не встретил никого, кто бы мало-мальски напоминал приезжего.

— Сейчас немного. То есть никого. А так, бывает, наезжают. Эти, которые клады ищут, как их?

— Археологи? — подсказал Компана.

— Ну да, они самые, — сержант не рискнул повторить трудное слово. — Сокровища ищут. Которые от майя остались. Храмы всякие. Пирамиды.

— Как вы думаете, это — профессионалы? — Жерару очень хотелось, чтоб ответ был положительным. Профессиональные экспедиции, как правило, хорошо организованы и приезжают не на один сезон. На их базах можно достать компас, бинокль, веревки, палатку — словом, множество разных вещей, которые могут пригодиться в поисках пропавшей девушки. Может быть, даже портативную рацию. Там могут толково посоветовать, где и как искать.

— Нет, на профессоров они не похожи, — разочаровал Компану полицейский. — Скорее, оборванцы какие-то.

— И как, удается им что-нибудь найти?

— Нет, конечно. Чаще их самих искать приходится! К тому же, если им удастся найти что-то ценное, на таможне все равно отберут. У нас на этот счет законы строгие!

— Что же их сюда привлекает?

— Надеются, что им повезет, — Компана непроизвольно дернулся, услышав это роковое слово. — Ну, еще индейцы им кое-что подсовывают. Чепуху всякую. Статуэтки там, или сушеные головы.

— А их разве на таможне не отнимут? — удивился сыщик.

— Что вы, сеньор! Зачем же их отбирать? Их же индейцы сами делают и коптят, чтоб старинными казались.

— Как, и головы тоже?! — пролепетал Компана.

Казалось, его глаза выскочат из орбит и запрыгают по полу, как шарики для пинг-понга.

— Но, они же без злого умысла, — смутился сержант. Похоже, он выболтал тщательно охраняемую местную тайну. — Так, для баловства. И чтоб подзаработать немного.

Чтобы не смущать еще больше бравого служителя законности, Компана перевел разговор на другую тему. Честно говоря, ему как-то расхотелось вникать в туземные способы привлечения туристов.

— Ну а машину вы нам можете дать? — спросил он.

— Увы, сеньор! Машину я вам дать тоже не могу. Как же я буду вас искать без машины, если с вами, не дай Бог, что-нибудь случится?

— А что с нами может случиться? — задал вопрос Компана. Он, несмотря на жару, весь покрылся мурашками, представив себе, как предприимчивый абориген продает какому-то лохматому оборванцу-кладоискателю его, Компаны, или Перена сушеную голову. Очаровательная перспектива, не правда ли?

«Хорошо, что Перена здесь нет, — подумал детектив. — Франсуа бы не успокоился, пока не вытянул из полицейского все секреты изготовления этих трогательных сувениров. А потом приставал бы к индейцам, тыкая им в нос фотографию мадемуазель Мортан и пытаясь с помощью мимики и жестов выяснить, не доводилось ли уважаемым аборигенам готовить какое-нибудь блюдо из дочери господина президента».

— Мало ли что может случиться в джунглях! — оптимистично ответил сержант. — У нас тут змеи водятся ядовитые. Индейцы, опять же. А сейчас еще обезьяна сбежала из зоопарка. Горилла!

— А разве здесь есть зоопарк?

— Нет, сеньор. Она сбежала из зоопарка в Мехико. Или из цирка.

— А здесь она как оказалась?

— Гориллы живут в лесу, — объяснил полицейский бестолковому французу. И что только нашел в нем сеньор комиссар?

— И что?

— А то, что в окрестностях Мехико лесов почти нет. Вот она в наши края и подалась. Говорят, кто-то из крестьян ее уже видел. Они рассказывают, что это самка. Она очень страдает от одиночества и хочет найти себе мужа.

«Господи, и чего только темные люди не придумают! — подумал Компана. — Наверняка у них тут женщин больше, чем мужчин. Парни уходят в армию, затем оседают в столице, в больших городах. Назад в деревню не возвращаются. Везде так, во Франции тоже. Так что в деревне выйти замуж — проблема! Вот они свои проблемы и переносят на бедную обезьяну, которой здесь, скорее всего, вовсе нет».

— Сколько километров отсюда до Мехико?

— Что-то около тысячи, а что?

— Как же смогла глупая обезьяна проделать тысячу километров по открытой местности и никому не попасться на глаза? Ведь там, в столичном округе, наверняка полно полиции! — удивился сыщик.

В ответ сержант молча пожал плечами, выражая свое мнение о столичных коллегах.

«Ты же смог добраться, — прочел Компана в его глазах, — А уж она точно не глупее тебя!»

Сыщик понял, что пора прощаться.

— Может, вы нам посоветуете, где здесь достать машину? — спросил детектив, уже стоя на пороге.

— Вы у крестьян поспрашивайте, — посоветовал сержант. — Сейчас не сезон, и они охотно сдадут вам машину напрокат. Эти, которые клады ищут, всегда так делают.

— Нам нужна хорошая машина, — объяснил Компана. — Такая, что выдержит езду по джунглям.

— У них замечательные машины, сеньор Компана! — заверил его сержант. — Они их никогда в магазинах не покупают. Только на распродажах армейского имущества! Джипы, вездеходы. Однажды Серхио чуть бронетранспортер не купил, да уж больно много он топлива жрет!

Жерар от души поблагодарил гостеприимного полицейского за дельный совет и в особенности за карту, без которой они с Переном были как без рук, и отправился по крестьянским дворам брать напрокат машину. По дороге он решил заглянуть в магазин, чтобы купить кое-какие принадлежности, которые могли им с Франсуа понадобиться для поисков в тропическом лесу.

Магазин представлял собой настоящую колониальную лавку, где торговали всякой всячиной, от спичек до сельскохозяйственных машин.

Здесь была местная водка — пульке и несколько сортов американского виски, керосин для освещения и японские радиоприемники, дизельное топливо для тракторов и мебель — словом, все, что душе угодно. Было здесь и кое-что из печатной продукции — в основном, красочные каталоги фирм, торгующих своим товаром по почте, а также видовые открытки, детективы и любовные романы — литературные версии известных мексиканских телесериалов «Богатые тоже плачут», «Никто, кроме тебя» и тому подобное.

Первое, что бросилось в глаза Жерару, была толстая стопка туристических карт района, точно таких же,

как та, за которую он пять минут назад горячо благодарил щедрого сержанта.

«Восемь песо», — прочел цену Компана и мысленно перевел ее в американские доллары, которые лежали в его бумажнике. Вышло что-то около двадцати пяти центов.

«Однако! — подумал сыщик и хмыкнул. — Вот он, закон джунглей!»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

К выбору автомобиля Компана подошел весьма тщательно. Он ни в коем случае не хотел повторить ошибки, совершенной в Акапулько, когда он позволил Перену приобрести шикарный «понтиак» с колеей шире обочины. Нет, это должна быть надежная машина обязательно с лебедкой и приводом на все четыре колеса, которая не сядет на брюхо в тропическом болоте, а если и сядет, то сама себя вытащит.

Именно такую машину Компана нашел у Серхио Гарсии, уже упоминавшегося крестьянина, который чуть было не стал первым в Сьюдад-Реале обладателем бронетранспортера.

Надо признать, что приглянувшийся Жерару автомобиль не сильно уступал бронетранспортеру. Это был настоящий армейский вездеход-полугрузовик с шинами переменного давления, еще сохранивший камуфляжную раскраску. Прочный корпус, посаженный на жесткую стальную раму, был сверху оборудован дугами без-

опасности, которые предохраняли водителя и пассажиров от травм при опрокидывании машины. Кроме своего основного назначения, эти дуги могли служить для натягивания на них чрезвычайно крепкого брезентового верха, способного защитить находящихся в автомобиле людей не только от тропического ливня, но и от зубов и когтей кровожадных хищников, и от отравленных стрел воинственных индейцев, если такие встретятся в пути. При необходимости вездеход мог даже вплавь преодолеть довольно широкую реку. Для этого в задней части корпуса были установлены два водомета. Поворачивающийся прожектор и смонтированная в кузове небольшая полевая кухня довершали это чудо инженерной мысли.

Как ни протестовало утонченное эстетическое чувство Перена против внешнего вида этого автомобильного чудовища, он вынужден был признать, что для их целей машина подходит как нельзя лучше. А внешний вид?.. Перед кем, подумайте сами, красоваться в джунглях? И Франсуа согласился.

Учитывая более чем скромные познания Перена в испанском языке, все переговоры с крестьянином взял на себя Компана. Франсуа с важным видом походил вокруг вездехода, понажимал, налегая всем своим весом, на крылья — так водители-профессионалы проверяют упругость амортизаторов, — постучал ногой по скатам и милостиво кивнул головой. Сделка состоялась.

Компана внес задаток и договорился с Серхио, что тот подгонит машину, снаряженную и заправленную, завтра в девять утра к дверям постоялого двора, где остановились французы. Точнее, там поселился Жерар, а Франсуа присоединился к нему после выхода из больницы.

Конечно, это был не «Шератон» и не «Эксельсиор»,

но выбирать было особенно не из чего. Постоялый двор был в Сьюдад-Реале единственным. Впрочем, если вы не настаиваете на том, чтобы вам кофе подавали в постель, то жить в нем вполне можно. Трудно сказать, как выглядело это место в сезон наплыва кладоискателей, но сейчас это было довольно тихое и чистенькое двухэтажное сооружение, на втором этаже которого размещались комнаты постояльцев, а в первом располагался зал со столиками, что-то вроде харчевни или пулькерии. Здесь по вечерам собиралась половина мужского населения Сьюдад-Реаля, одетая в традиционные пончо и широкополые сомбреро, чтобы выпить с друзьями бутылочку-другую пульке и обсудить последние новости. Поскольку сельская жизнь новостями не богата, основной темой разговоров была борьба с коррупцией и политические баталии в столице.

На стенах кроме портретов Панчо Вильи и Эмилиано Сапаты — вождей одной из мексиканских революций — висели в застекленных рамках подробные планы местности с отмеченными на них местами размещения пирамид и захоронения сокровищ. Все местные жители в один голос утверждали, что эти планы — подлинные. Они даже соглашались друг с другом в примерных оценках количества золота и драгоценных камней в каждом из кладов. Постороннему человеку оставалось неясным только одно — почему жители Сьюдад-Реаля до сих пор не купались в золоте. Ведь городок не был богатым, хотя и вполне зажиточным.

Более того, местное население даже не предпринимало попыток отыскать эти сокровища, предпочитая продавать нотариально заверенные копии этих планов заезжим кладоискателям. Очевидно, это приносило хотя и не столь баснословный, зато верный и стабильный доход.

В большой витрине, расположенной прямо напротив входной двери под стеклом красовались керамические сосуды и статуэтки. Они настолько почернели, что разглядеть орнамент или выражение лиц можно было только сильно напрягая зрение. Были ли они подлинными произведениями древнего искусства народа майя, в чем, казалось, не сомневался никто из местных жителей, или продукцией промыслов окрестных индейцев, как подозревали наши французы, — кто знает? Впрочем, и у Перена, и у Компаны хватило такта не высказывать свои сомнения вслух.

Окинув витрину профессионально наметанным взглядом, сыщик с удовлетворением отметил, что там не было сушеных человеческих голов. Должно быть, они были раскуплены охотниками за сокровищами на дальних подступах к Сьюдад-Реалю.

Фасадом постоялый двор выходил на небольшую площадь, где по вечерам собиралась молодежь поплясать и попеть под гитару и маракасы. Это, конечно, было красочное и экзотическое зрелище. Но экзотика экзотикой, а нашим парижанам необходимо было выспаться. Но что поделаешь? Со своим уставом в чужой монастырь не ходят.

Кстати о монастыре. В поисках пристанища на время пребывания Перена в больнице, Компана набрел на монастырь сердца святой девы Марии, расположенный в нескольких километрах от городка. Там имелась скромная гостиница для приема богомольцев. Впрочем, там не отказывали никому, нуждающемуся в приюте. Вот уж где нашим странникам были бы обеспечены покой и тишина!

Но после здравого размышления Компана отказался от идеи остановиться здесь. Дело в том, что монастырь был женским. Зная любвеобильную натуру Франсуа, Жерар мог уверенно прогнозировать себе постоянную

головную боль. Если принять во внимание, с одной стороны, патологическую «везучесть» Перена, а с другой — папскую буллу о запрещении абортов для всех правоверных католичек...

Волосы на голове Компаны стали дыбом при мысли о масштабах неприятностей, из которых ему придется вытаскивать главу экспедиции. Кулаками или револьвером тут не поможешь! Детектив с грустью посмотрел на свои огромные кулаки. Кончится тем, что их обоих отлучат от Церкви!

Словом, Компана остановил свой выбор на постоялом дворе. О монастыре он решил Перену даже не говорить.

Вот так и получилось, что в настоящий момент участники спасательной экспедиции стояли у стойки в харчевне постоялого двора, потягивали местное терпкое красное вино — все-таки не такая гадость, как пульке, на французский вкус, естественно, — и обсуждали планы завтрашней поездки в джунгли. Ведь для того, чтобы что-то найти в районе, отмеченном на карте бравым сержантом, двух человек на вездеходе, даже на бронетранспортере, было явно не достаточно. Впору было вызывать армейское соединение и проводить операцию по прочесыванию леса. В общем, не соскучишься!

Компана повернулся спиной к стойке, обвел зал профессиональным взглядом сыщика, и, выбрав компанию крестьян, которые, по его мнению, заслуживали наибольшего доверия, направился к их столику. Франсуа со стаканом в руке поспешил за ним. Он, разумеется, отдавал себе отчет, что с его знанием испанского пользы от него будет не много. Но оставаться вне игры — это было выше его сил.

Крестьяне, к которым подошли спасатели, и в самом деле выглядели серьезными и солидными людьми. И

проблема, которую они обсуждали, была очень серьезной — возможные последствия вступления в Североамериканскую зону свободной торговли для Мексики в целом, штата Чьяпас в частности, и Сьюдад-Реаля в особенности.

— Добрый вечер, сеньоры! — обратился к ним Компана. — Не найдется ли у вас минутки, чтобы помочь иностранным гостям в их поисках?

Лица собеседников обратились к нему. Они выражали горячее желание оказать посильную помощь.

— Нет, нет, сеньоры, — уточнил сыщик. — Нас не интересуют клады!

Желание помочь на лицах крестьян несколько поостыло. Но Жерар не терял надежды.

— Не доводилось ли сеньорам слышать чего-либо о самолете, разбившемся неподалеку отсюда? Дело в том, что в этом самолете летели наши друзья, и мы очень хотели бы выяснить их судьбу. Мы специально для этого прибыли из Франции.

— Си, си, сеньоры! — закивали головами крестьяне. — Разумеется, доводилось. Как можно такое не услышать! Такое несчастье! Примите наши соболезнования, сеньоры!

— Не могли бы вы уточнить, когда это случилось?

— Когда случилось? Да, почитай, недели три тому назад. В конце прошлого месяца. Числа двадцать пятого. Или двадцать четвертого. Послушайте! В воскресенье был праздник святой Марии Гваделупской, а это случилось в пятницу накануне. Значит, двадцать шестого. Точно! Двадцать шестого. Так, Анхельмо?

Все разом замолчали и повернули головы в сторону человека, сидевшего во главе стола. По-видимому, он пользовался здесь непререкаемым авторитетом. Это был кряжистый мужчина средних лет с лицом, изборожденным морщинами. За все время бурных дебатов

он не проронил ни слова. Его маленькие глазки были прикрыты тяжелыми веками, и порой казалось, что он дремлет. Во рту он держал короткую трубку, которая давно погасла. Иногда человек приоткрывал одно веко и бросал быстрый проницательный взгляд на кого-либо из собеседников. Под этим взглядом собеседник невольно ежился. Казалось, Анхельмо знает о каждом что-то такое, что и ему самому о себе неизвестно.

Услышав обращенный к нему вопрос, Анхельмо поднял голову, приоткрыл оба глаза, задумчиво пососал свою трубку и согласно кивнул.

Двадцать шестого — таков был вердикт.

«Совпадает!», — отметил про себя Компана.

— А вы не видели, что это был за самолет? — задал он следующий вопрос.

— Некоторые видели. Говорят, что это был самолет вроде того, на котором прилетели вы с вашим другом. — Очевидно, вынужденная посадка французов не прошла незамеченной для жителей городка. Видно, не часто балуют их такими событиями.

— Нет, не такой, а немного побольше! — возразил кто-то из сотрапезников.

Разгорелась бурная дискуссия о размерах упавшего самолета, из которой Компана смог уяснить, что никто из сидевших за столом сам самолета не видел, но его видели его родственники или знакомые, или родственники знакомых. От реплики к реплике летательный аппарат пух как на дрожжах, и к концу спора вырос до размеров «Боинга-747». Видимо, сказалась кастильская гордость, унаследованная местными жителями от далеких предков. Каждый из них считал себя прямым потомком конкистадоров.

«А почему бы и нет? — усмехнулся про себя Ком-

пана. — В конце концов, чем Сьюдад-Реаль хуже Локерби?»

— Но в таком случае взрыв должен был быть очень сильным, — высказал предположение французский сыщик.

— Да, да, сеньор! Очень сильный взрыв. Ну просто очень-очень сильный! Столб дыма видели многие. А в доме Фелипе взрывной волной стекла повыбивало!

— Не может быть! — не поверил французский гость. Это противоречило всем его представлениям о законах физики. — А где можно поговорить с этим самым Фелипе?

Из ответов выяснилось, что упомянутый Фелипе — личность, мягко говоря, не заслуживающая уважения. Большой любитель мескаля, он регулярно упивается этим напитком до потери человеческого облика. При этом ему мерещится всякая чертовщина — то люди с песьими головами, то бог Кетцалькоатль верхом на осле.

«Прямо какой-то вход в Иерусалим, — подумал Компана, — С поправкой на местный колорит, разумеется!»

Во время этих запоев Фелипе творит черт знает что: буянит, крушит мебель, обижает жену и детей.

— Да, сеньор, и в тот день тоже. Налакался до поросячьего визга. И буянил. Очень буянил. А выбитые стекла все видели. Туда почти полгорода сбежалось поглазеть. И жена Фелипе очень плакала.

Дальнейшие расспросы позволили установить, что осколки выбитых взрывом стекол валялись почему-то во дворе под окнами дома Фелипе, а не внутри, как следовало ожидать. Компана вздохнул с облегчением. Законы физики на этот раз остались неопровергнутыми.

— Но если вы видели дым, сеньоры, вы должны знать, где это произошло? — задал детектив свой главный вопрос.

Крестьяне согласно закивали головами. Компана достал из кармана и расстелил на столе карту штата Чьяпас. Нет, это была не та карта, которую вручил сыщику полицейский сержант. Эту карту Жерар купил в магазине на площади за двадцать пять центов. Во-первых, ему не хотелось смущать свидетелей фиолетовым грифом «Для служебного пользования». Во-вторых, на ней не было карандашных пометок в виде стрелок или кружков, которые могли бы повлиять на беспристрастность показаний. Во всех иных отношениях обе карты были абсолютно идентичными.

Свидетели начали водить по карте взглядами, затем пальцами, что-то бормоча про себя. Наконец, они замерли и молча повернули головы в сторону Анхельмо.

Анхельмо открыл один глаз, достал изо рта трубку и уверенно ткнул толстым пальцем в карту, оставив на ней жирный отпечаток. Компана поспешил обвести его кружком, так как, расплываясь, пятно грозило заползти в соседний штат Табаско и даже в Гватемалу и Белиз, что было чревато уже международными осложнениями. Тридцать квадратных километров тоже, конечно, не подарок, но все же лучше, чем департамент Иль-де Франс!

— Не могут ли сеньоры предположить, что послужило причиной этой ужасной катастрофы?

В ответе на этот вопрос все собравшиеся за столом были единодушны. Даже Анхельмо дважды кивнул головой.

— Конечно, это террористы! Разве сеньор не знает, что терроризм стал бичом нашего времени? Все газеты полны сообщениями об этом!

«Однако жители Сьюдад-Реаля на редкость начитаны! — подумал Компана. — Интересно, когда они возделывают свои поля, если столько времени проводят у телевизора и за чтением газет?»

Дальше мнения разделились. Одни возлагали ответственность на ливийские и иракские спецслужбы, в крайнем случае, на палестинских боевиков. Другие, движимые, очевидно, латиноамериканским патриотизмом, настаивали на приоритете «Сендеро Луминосо», левоэкстремистской организации из Перу. Страсти накалились до предела, когда Анхельмо достал изо рта трубку, показывая, что он хочет говорить.

Все разом замолчали и с напряженным вниманием уставились на него. Компана тоже с трепетом ожидал предстоящего откровения.

Анхельмо постучал трубкой по столу, призывая к вниманию и изрек:

— Это была Ирландская Республиканская Армия!

Все застыли в молчании, пытаясь переварить услышанное. Резким диссонансом в этой тишине прозвучал глухой стук с противоположной стороны стола. Это Перен уронил голову в пустую тарелку.

Дело в том, что мексиканцы, как и все говорящие на испанском, привыкли произносить слова слитно, не делая пауз даже между предложениями. Добавьте к этому невероятный темп речи — следствие латиноамериканского темперамента. Все это делало содержание застольной беседы абсолютно недоступным пониманию Франсуа. Чтобы не чувствовать себя совсем уж лишним в этой компании, он приветливо улыбался всем и считал своим долгом чокнуться с каждым хотя бы по разу. В конце концов его бедная голова не выдержала обилия впечатлений этого напряженного дня. Слава Богу, что он не последовал

дурному примеру пресловутого Фелипе, а мирно заснул, положив голову на тарелку и тихо посапывая носом.

«Ну совсем как ребенок! — умиленно подумал Компана, которому, кстати, предстояло тащить Франсуа на второй этаж и укладывать его в постель. — Интересно, как он собирается завтра вставать?»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Верный своему слову Серхио Гарсия подал вездеход к постоялому двору ровно в девять часов. Участники спасательной экспедиции уже ждали его у входа.

Компана был свеж как огурец. Напротив, глава экспедиции выглядел ужасно. Только двадцать минут назад Жерару удалось растолкать его и заставить проглотить хотя бы яичницу. Ни о каком бритье не могло быть и речи. Яркий свет прекрасного солнечного утра больно резал глаза Франсуа даже сквозь темные очки. В голове невыносимо шумело. Казалось, что окрестные кошки специально собрались на газоне перед входом, чтобы своим оглушительным топотом причинить несчастному Перену максимум страданий.

Перспектива предстоящего путешествия, даже в открытом джипе, казалась Франсуа, мягко говоря, малопривлекательной. Если быт до конца откровенным, он просто боялся, что его через пару километров стошнит. Но, как говорится, взялся за гуж — не говори, что недюж!

Компана сел за руль, заставив Перена застегнуть ремни безопасности. В конце концов с помощью Серхио это удалось проделать с минимальными потерями для авторитета главы экспедиции. Компана сочувственно покачал головой и включил зажигание.

— Счастливого пути, сеньоры! — пожелал им Серхио.

— Счастливо оставаться! — махнул рукой Жерар.

— Ммм-м-м, — выдавил из себя Франсуа и икнул.

Экспедиция вступила в завершающую фазу.

Первые километров тридцать — полтора часа по лесной дороге — прошли для Перена как в тумане. Предосторожность с привязными ремнями оказалась отнюдь не лишней. Голова Франсуа моталась из стороны в сторону, и на каждом ухабе он норовил вывалиться из машины. Временами он принимался икать и мычал что-то нечленораздельное.

Надо сказать, что лесная дорога отнюдь не способствовала восстановлению здоровья и душевного равновесия главы экспедиции. Конечно, жители Сьюдад-Реаля старались поддерживать ее в приличном состоянии, хотя бы в ближайших окрестностях. Но что можно поделать с буйством тропической флоры? На месте каждого выкорчеванного дерева через месяц вырастали два новых, как головы лернейской гидры. И все эти деревья норовили пустить свои корни под дорожное полотно, чтобы взломать его. И несмотря на то, что Компана старался вести машину с предельной осторожностью, все же мягкие рессоры и эластичные амортизаторы не относились к главным достоинствам вездехода.

На каждом таком корне тело Перена подпрыгивало вместе с машиной и многострадальная яичница подкатывала к самому горлу. Франсуа пытался не жало-

ваться на жизнь, но мертвенная бледность и выражение его лица были более чем красноречивы. Давешнее мафиозное шоссе, на котором завяз «понтиак», казалось сейчас ему несбыточной мечтой.

Время от времени Компана бросал на своего спутника короткие взгляды и сочувственно вздыхал. Он прекрасно понимал его состояние. В молодости Жерар был не дурак выпить, но ему никогда не удавалось напиться до такого состояния. Может быть, добрую службу Компане сослужило его атлетическое телосложение. Ведь при равном количестве выпитого на единицу веса Жерара приходилось меньше алкоголя, чем у любого из его собутыльников.

Несчастному Перену не так повезло с комплекцией, и сейчас он мучился несказанно. Красное вино местного производства, тропическая жара да тряская дорога — что еще нужно человеку для полного несчастья?

Нет, мы ничего не имеем против красного вина домашнего приготовления. Упаси Бог! Но в странах, где развито виноградарство, бытует хорошая пословица: «Мало пить — большая польза, много пить — змеиный яд!»

Наконец, Компана не выдержал, остановил машину и заставил Перена помочь самому себе способом, хорошо известным каждому, кому доводилось перебрать спиртного. Мы не будем утомлять читателей описанием физиологических подробностей. Каждому, кому пришлось испытать чувство похмелья, все это и так хорошо известно. А непьющим — зачем им это? А если кому из них интересно — достаточно свистнуть, и, уверяю вас, найдется немало доброхотов, готовых поделиться своим обширным опытом совершенно бесплатно!

Когда Франсуа на «ватных» ногах, утирая рот носовым платком, появился из-за пальмы, Жерар протянул ему уже откупоренную банку пива:

— На, держи, поправься!

Перен весь аж передернулся от отвращения. Но сопротивляться сил у него уже не было.

Следующие двадцать минут компаньоны ехали молча. К концу этого периода Франсуа начал медленно оживать. На его щеках появился румянец, а в глазах — интерес к жизни.

— Компана, вы только посмотрите, какая красота, какая буйная растительность! Я никогда не видел ничего подобного.

В этот момент вездеход тряхнуло на корневом отростке махагонового дерева. Это был достойный представитель буйной растительности, которой так восхищался Перен. Машина подпрыгнула, и Франсуа чуть не прикусил себе язык. Однако это никак не остудило его восторгов.

Компане было не до ботанических изысканий Перена. Он старался удержать руль на ухабах и колдобинах, которые следовали одна за другой, и не потерять дорогу, которая постепенно превратилась в едва различимую тропу. Ветки хлестали по ветровому стеклу, лианы цеплялись за дуги безопасности. Да, бронетранспортер был бы тут весьма кстати. Хотя, что стало бы с беднягой Переном в душном бронетранспортере, страшно подумать!

Как бы то ни было, а на дорогу, которая во Франции заняла бы у них, в худшем случае, часа два, здесь, в джунглях, им пришлось потратить существенно больше. Солнце уже перевалило через зенит и начинало клониться к западу, когда вездеход, урча мотором и вредно воздействуя на экологию выхлопными газами, выкатился на обширную поляну. Похоже, они приехали.

— Это здесь! — произнес Компана, сверившись с картой.

Впрочем, не нужно было никакой карты, чтобы понять: место катастрофы перед ними. Сожженное индейское поселение представляло собой грустное зрелище. Сквозь остовы сгоревших хижин уже начала пробиваться тропическая растительность. Пройдет еще немного времени, и уже ничего не будет напоминать о том, что когда-то здесь жили люди.

На противоположном краю поляны зияла огромная воронка, наполовину заполненная мутной зеленой водой, из которой торчал обугленный хвост того, что когда-то было самолетом. Повсюду были разбросаны искореженные обломки. В густой траве их было почти не видно, но Перен и Компана поминутно о них спотыкались. С вершины высокого дерева, в любой момент готовый свалиться, свисал кусок крыла с оторванным элероном и едва различимыми под слоем нагара буквами.

— Этого я и боялся, — произнес Компана, закончив осмотр. — Никого не осталось. Деревня сгорела, все ушли. Я надеялся, что мы сможем застать здесь хоть кого-нибудь, но увы...

В его голосе слышалась неподдельная грусть. Перед лицом разыгравшейся трагедии даже его разногласия с доктором Мийярдом отошли на задний план, хотя, казалось, он мог торжествовать — ведь ни к каким положительным результатам это дурацкое расследование не привело. И использование Перена с его патологической невезучестью в качестве подсадной утки тоже ничего не дало. Да и не могло дать. Он, Компана, говорил об этом с самого начала.

— Так вы считаете, что нет никакой надежды? — спросил Франсуа, заранее зная ответ. Голос его предательски дрожал.

— Вы же сами все видите! — Компана бессильно развел руками. — Здесь же все как... — он попытался подобрать подходящие слова, — как после падения Тунгусского метеорита. Вряд ли кто-то мог выжить в такой катастрофе! В лучшем случае, девушка осталась жива и индейцы увели ее с собой. Но шансов на это — один на тысячу. Да что там на тысячу — на миллион! Но даже если это так, как вы будете искать одну девушку в огромном тропическом лесу?

Перен ничего не ответил. Он в отчаянии махнул рукой, повернулся, нетвердым шагом пересек поляну и уткнулся головой в дерево. Компана успел заметить слезы на его глазах.

Жерар Компана не считал себя сентиментальным, но сейчас он был до глубины души тронут этим проявлением чужого горя. Не надо было быть ясновидцем, чтобы понять, что Франсуа Перен, этот в общем-то ничем не примечательный бухгалтер, был давно и безнадежно влюблен в мадемуазель Жюли Мортан, дочь своего хозяина. И ему опять не повезло. Господи, как же ему не повезло! Такого и злейшему врагу не пожелаешь!

«Вот оно, слабое место теории Мийярда! — подумал Компана. — Он не учел одну маленькую деталь: Перен влюблен в мадемуазель Жюли. И если бы Франсуа ее отыскал, то это было бы огромным везением! А вся теория этого, с позволения сказать, психолога строилась на патологической невезучести этих двоих. Таким образом, теория страдала внутренней противоречивостью. Что ж, господин психолог, как говорится, неувязочка получилась! И уж совсем слепым надо быть, чтоб не заметить влюбленности Франсуа. Тоже мне психолог! Тьфу!»

Детектив мысленно обругал себя за то, что в такой момент занялся выяснением отношений с мсье Мий-

ярдом. Он подошел к Перену и положил руку ему на плечо:

— Послушайте, Франсуа! Возьмите себя в руки, будьте мужчиной! Поверьте, я искренне сочувствую вашему горю, но слезами горю не поможешь. На все воля Божья!

Жерар сам удивился своим словам. Никогда он не подозревал за собой таланта проповедника.

— Спасибо, Жерар! — сказал Франсуа и медленно обернулся. Компана едва узнал его. Где был тот Франсуа Перен, который не терял присутствия духа несмотря ни на какое удары судьбы? Перед Жераром стоял почти незнакомый человек с потухшим взглядом, потерявший всякий интерес к жизни.

— Ради Бога, Франсуа, нельзя же так! — воскликнул Компана. — Для меня это тоже было большим ударом. Честное слово, мне тоже до слез жаль девушку, хотя я ее никогда не видел, только на фотографии. Если что-то можно было бы сделать, клянусь, я бы сделал. Не для нее — для вас. Но в том-то и дело, что сделать ничего нельзя! Самое лучшее сейчас, по-моему, это уехать поскорей с этого ужасного места. Вот вернетесь в Париж, в привычную обстановку, немного успокоитесь и все это покажется вам кошмарным сном. Правильно говорят: время — лучший лекарь!

Компана сам чувствовал, что говорит он не то и не так, что слова, слетающие с его языка, пусты и банальны, но что он мог сделать еще? Ну не учили его красноречию! А ему так хотелось чем-то помочь, как-то приободрить Франсуа. Жерар с удивлением осознал, что за несколько дней, проведенных с Переном, этот смешной непутевый человечек стал ему ужасно дорог.

— Жерар, наверно, то, что я сейчас скажу, ужасно, — с трудом подбирая слова, произнес Франсуа. — Теперь, когда Жюли, скорее всего, уже нет в живых, я могу признаться. Да, я любил ее! Очень! Я прекрасно понимал, кто я и кто она. Какой-то бухгалтер и дочь президента компании. К тому же, редкая красавица. Кто я для нее? Я думаю, она даже не подозревала о моем существовании, не то что о моих чувствах. Тот эпизод с кофеваркой — это для меня он много значил! А она, наверное, назавтра о нем забыла. Ее ждала блестящая партия, и она этого заслуживала. А я, я прекрасно понимал, что надеяться мне не на что. Поэтому я воспринял это расследование, эту экспедицию, как подарок, который посылает мне судьба, как шанс всей моей жизни!

Компана с пониманием кивал головой. Пусть говорит! Это — шок. Не надо его перебивать, пусть выговорится, облегчит душу. Жерару уже приходилось сталкиваться с такими случаями во время боевых действий, когда молодые необстрелянные солдаты впервые сталкивались с насильственной смертью. Не в кино, а наяву. Это в кино все выглядит ужасно красиво, даже когда режиссер смакует физиологические подробности, чтобы пощекотать нервы публике, а в натуре все довольно безобразно.

— Должен признаться, Жерар, — продолжал между тем Франсуа, — что не всегда мне в жизни везло!

— Не может быть! — не смог удержаться Компана.

— Честное слово! А тут я решил — вот оно! Повезло! Если бы экспедиция удалась, я бы бросил эту чертову бухгалтерию и открыл бы детективное агентство.

— Чт-т-т-т-о? — Компана чуть не сел.

— Детективное агентство, — повторил Перен. — Папаша Мортан меня бы профинансировал, хотя бы за спасение единственной дочери. Я думаю, у меня

бы получилось. Как вы думаете, Компана, только честно, есть у меня способности к этому делу?

Компана не был готов к ответу на этот вопрос, особенно к честному. Он задумался. С одной стороны, поступки Перена, его, с позволения сказать, «методы» не лезли ни в какие ворота. Они до такой степени нарушали все десятилетиями выработанные приемы сыска, что Компане часто хотелось ругаться последними словами. Если бы ругань могла чему-то помочь, Жерар ругался бы не переставая. С другой стороны, оба они здесь, на месте вероятной гибели мадемуазель Мортан. И как ни крути, а это — на девяносто девять процентов заслуга Перена.

Детектив с чистой совестью кивнул головой:

— Да, несомненно. Хотя кое-что в ваших действиях кажется мне, как бы это сказать, нетрадиционным. Помнится, вы собирались действовать в классическом ключе.

— Одни следуют классическим образцам, другие их создают! — назидательно произнес Франсуа.

«Ого, парень, с тобой все ясно. Крыша поехала!» — поставил диагноз Компана. Главное сейчас — не раздражать Перена, не спорить с ним, а со всем соглашаться.

— Конечно, конечно! — сказал он.

— Я бы поставил дело на широкую ногу! — продолжал мечтать Франсуа. — Я предложил бы вам стать моим компаньоном. Кстати, Жерар, вы бы согласились со мной работать?

— Конечно, конечно! — сказал Жерар.

— Я очень на это рассчитывал! Помните, в нашу первую встречу я сказал, что мы с вами сработаемся?

— Конечно, конечно! — сказал Компана.

— Представьте себе, Жерар, как бы замечательно

звучало: «Перен и Компана, частные сыщики. Все виды детективных услуг»!

— Разумеется! — согласился сыщик.

— Несколько успешно проведенных громких дел, и тогда, глядишь, мадемуазель Мортан обратила бы на меня внимание! Как вы думаете, Компана?

— Ну, конечно, обратила бы! Ни минуты не сомневаюсь, — подтвердил Компана.

— И вот теперь все рухнуло! После всего, что мне довелось пережить, после всех этих приключений, возвращаться назад, в этот душный скучный Париж — это невыносимо! Поймите, Жерар, я стал другим человеком! И вот такому человеку, как я, вставать рано утром пять дней в неделю, чтобы тащиться через весь город в эту постылую бухгалтерию, видеть изо дня в день одни и те же постные рожи, слушать одни и те же набившие оскомину разговоры! Нет, только не это! Я готов руки на себя наложить, когда подумаю, что все так и будет!

— Не надо руки! — запротестовал Компана. — Я уверен, все образуется!

В течение всего разговора Жерар, ласково обняв Перена за плечи, подталкивал его к машине, чтобы увезти с этого проклятого места. Он от всей души надеялся, что, уехав подальше отсюда, Франсуа успокоится, придет в себя, и, может быть, вмешательства психиатров не понадобится.

Они уже были в двух шагах от вездехода, когда из-за деревьев выскочило что-то огромное и темное и, подхватив Перена, пустилось наутек. Это была огромная горилла! Рука Компаны бессильно упала, не встретив опоры в виде плеча Франсуа.

Сыщик буквально опешил. «Вот и не верь после этого крестьянским байкам!» — подумал он.

Между тем, обезьяна с Переном на плече во все

лопатки улепетывала в джунгли. Несмотря на всю нелепость и опасность ситуации, Жерар не мог не восхититься сообразительностью животного. Отчаявшись отыскать в Мексике своих сородичей, горилла каким-то безошибочным звериным инстинктом сумела выбрать себе идеального супруга! Только что лишившийся любимой девушки, Франсуа был свободен от обязательств и очень нуждался в женской ласке. Он ни за что не хотел возвращаться в Париж. И, кроме всего прочего, они оба ни слова не говорили по-испански и были чужими в этой стране.

Тем не менее, несмотря на ожидавшее Перена блестящее будущее в кругу семьи под пологом тропического леса, его надо было выручать. Компана выхватил револьвер и прицелился, но никак не мог решиться спустить курок, опасаясь попасть во Франсуа. А горилла тем временем огромными прыжками приближалась к краю поляны. От непролазных зарослей ее отделял только глубокий овраг. Пересеки она овраг, и Перен будет навсегда потерян для человечества! И уже никогда Париж не украсит вывеска «Перен и Компана, частные сыщики. Все виды детективных услуг».

Компана смерил взглядом глубину оврага. Да, без альпинистского снаряжения его, пожалуй, не преодолеть! Может быть, он остановит проклятую обезьяну, и тогда можно будет попытаться отбить Франсуа?

Ничего подобного! Обезьяна, похоже, прекрасно подготовилась к киднэпингу. На ближнем берегу оврага рос вековой пробковый дуб. Его толстые нижние сучья протянулись над оврагом почти до его середины. Ствол и ветви дерева были сплошь опутаны лианами. Одну из таких лиан горилла решила использовать для полета над пропастью. Очевидно, ученая обезьяна не раз проделывала этот цирковой трюк, репетируя предстоящее похищение. Лиана подходящей длины и прочности была заранее приготовлена и аккуратно сложена под дубом.

У обезьяны большое преимущество перед человеком — четыре руки. И она им воспользовалась. Одной лапой придерживая Перена, двумя другими горилла ухватилась за лиану, четвертой оттолкнулась от земли и... Длины лианы как раз хватало, чтобы, пролетев над пропастью, приземлиться на противоположной стороне оврага, а там... Как говорится, ищи ветра в поле, а обезьяну в джунглях! Еще миг, и Франсуа будет навеки потерян для Жерара и всего человечества. Да, Перен, тебе опять не повезло!

Наверно, горилла не раз проделывала этот трюк с грузом не меньшим, чем худощавый Перен, готовясь к похищению. Во время долгих репетиций в цирке она успела усвоить, что, если много тренироваться, можно рассчитывать на банан. А если тренироваться плохо и, не дай Бог сорваться, особенно во время представления, то неизбежно последует наказание — плетка или что-нибудь похуже.

Но что могла обыкновенная обезьяна, пусть человекообразная, пусть даже ученая, противопоставить чудовищному отрицательному биополю Перена? Над самой серединой оврага лиана не выдержала и оборвалась.

Когда запыхавшийся Компана появился на краю пропасти, глубоко внизу он увидел два тела — громадную лохматую темно-бурую тушу гориллы и рядом с ней Франсуа в тропическом костюме, ярким белым пятном выделявшегося на зеленой траве.

Обезьяна, кряхтя и потирая ушибленные места, поднялась на ноги. Увидев Жерара, стоящего на краю оврага с револьвером в руках, она удрученно развела

руками: не повезло мол! Убрав револьвер, Компана повторил ее жест: мол, как я тебя понимаю! За время знакомства с Переном он не раз оказывался в подобной ситуации и даже немного ей посочувствовал. Воспитанная обезьяна сделала реверанс и, опустившись на все четыре лапы, припустила в лес.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Оказалось, что Франсуа ничуть не пострадал. Не успела горилла скрыться из виду, как он проворно вскочил на ноги и, увидев Жерара, стоящего на краю оврага, крикнул:

— Эй, Компана, что же вы стоите? Помогите мне выбраться отсюда!

— Одну минуточку! — прокричал в ответ Жерар и бросился к вездеходу. Там он сорвал со щита остро отточенную малую саперную лопатку — бывшее имущество мексиканских вооруженных сил и, подойдя к дубу, одним ударом срубил лиану подходящей длины.

Теперь, когда опасность миновала, его настроение даже немного улучшилось. «Бедная обезьяна, — усмехнулся он про себя. — Вот уж не повезло, так не повезло! Теперь придется тебе, милая, век в девках вековать. Где ж ты второго такого Перена найдешь?»

Компана обвязал один конец лианы вокруг пояса, а другой, раскрутив в воздухе, бросил Франсуа:

— **Держите!**

Перен ухватился за стебель и принялся карабкаться на почти отвесную стену.

Вдруг в голову Жерару пришла мысль, которая заставила его похолодеть. Только чувство долга удержало его от падения с обрыва.

«Обезьяне не повезло, это очевидно, — напряженно думал Компана. — Это примем за аксиому. Ну а Перену? С одной стороны, его чуть не утащила горилла. Но ведь чуть-чуть не считается! Не утащила ведь! Лиана, видите ли, оборвалась. С другой стороны, похоже, он не получил ни царапины. И это после падения с такой высоты! К тому же, это приключение, возможно, поможет ему отвлечься от мрачных мыслей. Так, значит, повезло?»

«Но ведь ему по всем законам логики не могло повезти!» — чуть не застонал Компана, мысленно призывая на помощь Гегеля и Аристотеля.

Он попытался собраться с мыслями.

«Попробуем рассуждать логически. Попытаемся сформулировать, что такое везение. Очевидно, везение есть продвижение к осознанной или неосознанной цели, причины которого не ясны. Так сказать, игра случая. Но причины нас сейчас и не интересуют. Главное — продвижение к цели. Хоть самое ничтожное! А какова цель Перена, его голубая мечта? Открыть сыскное агентство! Так-так! Но ведь для того, чтобы открыть агентство, необходимо найти мадмуазель Мортан, причем, желательно, живую. Если Жюли погибла, ни о каком агентстве не может быть и речи! Так? Так! Пойдем дальше. Цель в этом случае является абсолютно недостижимой, и никакое продвижение к ней невозможно в принципе! А если везение, то есть продвижение, все же имело место, что из этого следует?»

— Послушайте, Жерар, подайте же мне, наконец, руку! — услышал Компана голос Перена. — Долго мне еще орать?

— Бога ради, простите! — рассеянно произнес сыщик, занятый своими мыслями. Он протянул руку и вытянул Перена на твердую почву.

— Чертова обезьяна! — с чувством сказал Франсуа, отряхивая глину с коленей. — Весь костюм мне испортила. И откуда она только здесь взялась? Я читал, что человекообразные обезьяны в Америке не водятся.

— Из ц-ц-ц-ирка, — заикаясь произнес Компана. Он никак не мог прийти в себя после своих логических построений.

— Из какого цирка? В Сьюдад-Реале нет цирка!

— Из ст-т-т-толичного.

— Не морочьте мне голову! — сказал Перен. — Это же больше тысячи километров!

— Значит, добралась как-то! Про обезьяну все в городе знают. Вы о ней не слыхали только потому, что лежали в больнице. Я был уверен, что вы о ней тоже знаете.

— Компана, вы меня удивляете! Я считал вас серьезным человеком, а вы верите всяким россказням. Этого же не может быть!

— Как «не может»?! Вы же ее видели!

Это был аргумент, который трудно опровергнуть, и Франсуа перевел разговор на другую тему:

— Интересно, зачем я ей понадобился? Я читал, что гориллы — травоядные.

— Видите ли, — замялся Компана, — вы ей понадобились не в качестве пищи.

— А в качестве чего?

— В качестве мужа.

— Вы что, издеваетесь? — возмутился Перен. — Какого мужа?

— Обыкновенного. В лесу, кроме нее, нет ни одной

гориллы. Они здесь не водятся. Вот она и мучится от одиночества. Наверно, вы ей понравились, и она решила вас на себе женить.

— Вы что, меня идиотом считаете?

— Н-н-нет, — смутился Компана. Он помнил, что Франсуа очень болезненно реагировал на это слово, а ему совсем не хотелось обижать Перена.

Тем не менее, Франсуа обиженно засопел и сел за руль вездехода.

«Это даже к лучшему, — подумал Жерар. — Пусть следит за дорогой. Это отвлечет его от мрачных мыслей, и, Бог даст, бедняга немного успокоится. А я тем временем попробую все как следует обдумать».

Мотор заурчал, и машина тронулась, отравив экологическими загрязнениями очередной кусок первобытной природы.

Перен молча вел вездеход. Похоже, он все еще дулся на своего товарища. Впрочем, дорога действительно требовала повышенного внимания и не располагала к разговорам. Компана откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза и погрузился в размышления.

«Итак, на чем мы остановились? Ага! Из абсолютной недостижимости цели вытекает невозможность продвижения к ней. Если мадемуазель Мортан погибла, то цель Перена является абсолютно недостижимой. Что из этого следует? А из этого следует, что Перену повезти не могло. Классический силлогизм. Большая посылка, малая посылка и вывод. Вывод настолько безупречный, что и Аристотелю за него не было бы стыдно.

Однако Перену повезло. Это — экспериментальный факт, от него никуда не денешься! Значит, одна из посылок не верна. Какая же? Большая посылка как будто сомнений не вызывает. Если цель недостижима, то ее нельзя достигнуть. Чрезвычайно ценная мысль!

Надо будет ее записать. А другая посылка? Стоп, стоп, стоп! Вот, видимо, где собака зарыта! Малая посылка содержит условие: если Жюли погибла, то цель недостижима. Истинность этого условия определяет истинность вывода. Если она погибла, то Перену повезти не могло. Но ему повезло! А это могло произойти, только когда условие не выполнено. Значит... Так-так!»

Компана приоткрыл один глаз и искоса взглянул на своего спутника. Франсуа был хмур. Он закусил губу и вцепился в руль так, что побелели костяшки пальцев. Было видно, что он все еще пребывает в мрачном расположении духа.

«Надо его как-то приободрить — подумал сыщик. — Только не надо воскрешать в нем напрасных надежд. Ведь логику я проходил еще в школе, а с тех пор прошло, страшно подумать, сколько лет! Нет-нет, надо как-то иначе».

— Перен! — торжественно обратился к своему товарищу Компана.

В ответ Франсуа пробурчал что-то нечленораздельное. Похоже, ему было не до разговоров. Но если бы Компана обращал внимание на такие мелочи, как нежелание разговаривать, то какой бы он был детектив?

— Послушайте, Перен! Я все время возвращаюсь к вашему вопросу.

Франсуа недоуменно взглянул на детектива. Для этого ему пришлось оторвать взгляд от дороги. Машина, естественно, не преминула воспользоваться этой оплошностью водителя и радостно подпрыгнула на первом же ухабе. То, что ее седоков едва не вытряхнуло из кабины, ее, казалось, ничуть не занимало.

— Какому вопросу? — спросил Перен, пытаясь привести вездеход в чувство.

— Насчет того, есть ли у вас способности криминалиста. Я еще раз все внимательно проанализировал и убедился, что есть. Я верю, что вы еще откроете свое детективное агентство. Я верю в вас! И вот вам залог того, что это не пустые слова. Держите! — Компана вытащил из-за пояса и рукояткой вперед протянул Перену свой револьвер.

Франсуа благодарно посмотрел на товарища и протянул руку за оружием. Вездеход немедленно предпринял новую попытку вырваться на свободу.

— Руль! Держите руль! — заорал Компана. — А то некому будет открывать агентство.

Схватившись за руль обеими руками, Франсуа удалось обуздать строптивца. Несколько минут они ехали молча, подавленные величием случившегося. Перен искал и не мог найти слова благодарности, созвучные торжественности момента. Компана радовался, что ему удалось вернуть Франсуа к жизни, успешно обойдя вопрос о воскрешении мадемуазель Мортан.

Тем временем автомобиль выбрался на довольно широкую просеку. Корни и ухабы здесь попадались реже, и Компана снова прикрыл глаза, чтобы лучше сосредоточиться на том, что предстояло сделать в свете вновь открывшихся обстоятельств. Согретый чувством исполненного долга и убаюканный мягким шуршанием шин — Франсуа сообразил снизить давление в баллонах — Жерар вскоре задремал. Очевидно, сказалось переутомление напряженной умственной деятельностью.

Разбудила его внезапная остановка вездехода. Компана пренебрег правилами безопасности и не пристегнулся ремнями. В самом деле, зачем пристегиваться, если дорожная полиция все равно не видит и не оценит усердия? И теперь он был наказан за легкомыслие! Сила инерции с размаху швырнула его на лобовое стекло.

«Счастье еще, что стекло оказалось пуленепробиваемым! — подумал Компана, потирая быстро набухающую шишку на лбу, — а то мог бы порезаться осколками!»

Франсуа дергал рычаг переключения передач, чтобы включить задний ход.

— Что случилось? — спросил его Жерар.

— Индеец! — ответил Перен, видимо, считая, что умному этого объяснения достаточно.

— Что — индеец? — очевидно, он еще не пришел в себя после внезапного пробуждения, чтобы на лету ловить мысли своего друга и, возможно, будущего шефа.

— Там, у дороги, стоял индеец.

— Ну и что?

— Он был в очках. Я подумал: индеец, и вдруг в очках!

— А почему бы индейцу не носить очки? Может быть, он плохо видит.

— Но во всех книгах об индейцах пишут, что у них орлиное зрение!

— Ну, знаете! — начал раздражаться Компана. — Стоило из-за этого расшибать мне лоб! Я в Сен Клу — вы там, кажется, живете — тоже видел одну надпись. На сарае. Там было написано «задница», а на самом деле в сарае были дрова. Разве всему, что написано, можно верить?

— Видите ли, — слегка смутился Перен, — дело в том, что он был почти голый. Только перо в прическе и набедренная повязка такого вида, что его выгнали бы из клуба нудистов за нарушение правил приличия. И очки!

— Ну и как эти очки выглядели? — спросил детектив, переходя на профессиональный тон. Таким тоном полицейские спрашивают случайного свидетеля,

не заметил ли он номер машины, из которой велась стрельба по банку во время ограбления. И в ответ, как правило, слышат: «Конечно, мсье! Там были буквы и какие-то цифры. Да-да, точно! По-моему, там была цифра семь. Или три. Побойтесь Бога, мсье, это же случилось месяц назад!»

Что-то в этом роде Компана ожидал услышать от своего напарника.

— Ну, я не успел как следует разглядеть, — Франсуа смутился еще больше. Детектив удовлетворенно хмыкнул. — Мне показалось, что это были женские очки. Такие, знаете, в виде бабочки. В тонкой золотой оправе. С большими дымчатыми стеклами. Знаете, бывают такие, сверху темнее, а снизу почти бесцветные. Когда он повернул голову, вот здесь что-то сверкнуло. Похоже, в уголках оправа отделана какими-то камушками.

Сказать, что Компана был удивлен, значит, не сказать ничего. Он был поражен, потрясен, убит наповал.

— А б-б-больше вы ничего не заметили? — выдавил он из себя.

Франсуа от смущения, казалось, был готов провалиться сквозь землю. Так опозориться! Так обмануть доверие своего компаньона! А еще в сыщики собрался!

— Ну, еще мне показалось, — произнес он еле слышно, — что стекла были с диоптриями. От близорукости. Знаете, когда смотришь на человека в очках под небольшим углом, кажется, что черты его лица под стеклами как бы слегка изламываются. С обычными солнечными очками этого не происходит.

Компана замер с открытым ртом. Ничего подобного он в жизни своей не слышал. Заметить такое из окна движущегося автомобиля — это, по мнению Жерара, было выше человеческих возможностей!

Тем временем машина задним ходом подкатила к

месту, где Перен заметил индейца, способного вогнать в краску нудистов.

— Кажется, это здесь, — пробормотал Франсуа.

Компана выскочил из вездехода с твердым намерением схватить индейца за шиворот и вытрясти из него все, что он знает о судьбе мадемуазель Мортан. Интересно, где Жерар собирался найти шиворот на голом человеке?

Очевидно, опасаясь, что он его, то есть шиворот, все-таки найдет, индеец скрылся, не оставив никаких следов. Буквально никаких. Как будто испарился, растаял в воздухе.

Компана пришел в ярость. Он чувствовал себя полным идиотом. Так опростоволоситься! Чуть не разбить себе лоб, и все ради чего? Поверить бредням Перена, свихнувшегося на почве частного сыска и несчастной любви к дочери президента компании! Ведь знал же, что не может нормальный человек разглядеть такие подробности. Так нет же! Позволил навешать себе лапшу на уши. По полтора фунта лапши на каждое ухо! С томатным соусом.

— Ну, где ваш проклятый индеец? — заорал он.

— Был где-то здесь.

— Так покажите мне его!

— Может, он испугался и ушел.

— А следы? Где следы, я вас спрашиваю! Человек не мог испариться, не оставив следов!

— Ну, я не знаю. Может, мне показалось.

— А очки? Очки вам тоже привиделись?

Перен пожал плечами.

— Так вы видели их или нет? — продолжал разоряться Компана.

— Да. То есть, нет. То есть я подумал, что, если вдруг на нем очки дочери господина президента?

— А что, если вдруг на нем трусы моего двоюродного брата?!

Франсуа молчал, кусая губы. Внезапно он вытащил из-за пояса револьвер и навел его на Компану.

— Что такое? — спросил Жерар, сразу сбавляя тон.

— Стойте спокойно и не двигайтесь! — приказал Перен ледяным голосом.

— Эй, что вы задумали? Не делайте глупостей! — дернулся Компана. Он очень не любил стоять под дулом пистолета, когда не был на сто процентов уверен, что им умеют пользоваться.

— Я кому сказал — не дергайтесь!

Тут Жерар заметил, что ствол револьвера направлен не ему в живот, а немного левее и ниже. Он скосил глаза и увидел рядом со своей ногой большую змею. Похоже, ядовитую. Но разбираться в этом не было ни времени, ни желания.

Змея приняла боевую стойку и злобно зашипела.

Франсуа зажмурился и спустил курок.

Несмотря на то, что Перен держал в руках боевое оружие впервые в жизни, нельзя сказать, что он совсем промахнулся. Просто он промахнулся по змее. Похоже, для нее все обошлось сильнейшим нервным потрясением. Шипя от возмущения и судорожно дергаясь, пресмыкающееся скрылось в зарослях.

Хорошо, что револьвер был заряжен не дробью! Крупнокалиберная пуля, врезавшись в пень, отколола от него здоровую щепку, которая впилась Жерару в левую ногу пониже колена.

— Уй-уй-уй! — застонал он, хватаясь за колено. — Ууу! Идиот, идиот, идиот!

— Что с вами, Компана? — вскричал Франсуа, протягивая руку к своему товарищу. В правой все еще был зажат револьвер, а в барабане оставалось шесть патронов. — Вы ранены?

Очевидно, Перен был действительно сильно взволнован. Иначе чем объяснить, что он никак не прореагировал на столь смертельное оскорбление, как «идиот»? При других обстоятельствах он непременно вызвал бы обидчика на дуэль и доказал бы, что тот не прав, используя аргументы из арсенала карате, джиу-джитсу и прочих невербальных средств убеждения.

Компана с опаской посмотрел на револьвер.

«Нет, добром это не кончится! — подумал он. — Кажется, я несколько поспешил».

— Послушайте, Перен! Отдайте-ка его мне. На время. Я вам его потом обязательно верну. В Париже. Когда вы получите разрешение.

Франсуа чувствовал себя кругом виноватым. Он без слов вернул Компане револьвер, хотя, видит Бог, как ему было жаль с ним расставаться.

Перен помог своему товарищу извлечь щепку из ноги и поудобнее устроиться на сиденье. Он заботливо пристегнул его ремнями безопасности, чтобы он, не дай Бог, больше ни обо что не ушибся.

— Держитесь, Жерар! — предупредил он. — Сейчас мы поедем с максимальной скоростью, чтобы побыстрее доставить вас к врачу.

Все возражения Компаны, что хотелось бы добраться туда живым, Перен оставил без внимания. В самом деле, чего только не наговорит раненый человек!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Подгоняемый желанием как можно скорее передать своего друга в заботливые руки врачей, Перен выжимал из машины максимум вохможного. При этом он внимательно следил, чтобы под колесо не попался какой-нибудь корень или ухаб — раненому должны быть обеспечены самые комфортные условия. Сколько раз за время их знакомства Компана выручал его из беды, и сейчас Франсуа был рад возможности вернуть долг.

Тяжелораненый Жерар (разодранная штанина и ссадина на голени) попытался было возражать, впрочем, не очень активно, но в конце концов позволил Перену спеленать себя ремнями безопасности. Если тому так хочется проявить заботу, пусть его! Всю жизнь Компана заботился о себе сам. Часто приходилось заботиться о других. Согласитесь, приятно, когда раз в жизни кто-то позаботится о тебе!

Делать было абсолютно нечего, и Компана, чтобы скоротать время, решил немного поразмышлять логически — новая забава явно пришлась ему по вкусу. И как это раньше не приходило ему в голову, что думать так приятно? Тем не менее, непривычная нагрузка на мозг через некоторое время вызвала естественную реакцию. Все эти «если», «то», «иначе» постепенно стали терять отчетливость очертаний, и детектив задремал, убаюканный мягким шуршанием шин и ровным гулом мотора.

Разбудила его тряска и натужное завывание двигателя на низкой передаче. По дугам безопасности хлестали низкие ветки, осыпая пассажиров листьями.

— Где мы? — спросил Компана зевая и поглядел на часы. Судя по времени, им пора уже было выбраться на шоссе или на то, что называлось этим именем в Сьюдад-Реале. Все, что он мог видеть, отнюдь не было похоже на дорогу, по которой они ехали утром.

— Тут неподалеку должна быть католическая миссия, — объяснил Франсуа, кивком указывая на разложенную на коленях карту. — Я надеюсь, что у них там найдется врач или хотя бы фельдшер. Это все же километров на пятьдесят ближе, чем до города!

— Господи, какие пустяки! — смутился Компана. — Простая царапина. Не стоило из-за меня делать такой крюк!

— Нет-нет, — возразил Перен, — нельзя рисковать. Такая рана может быть очень опасной!

— Какая опасность? Это же обыкновенная щепка!

— В тропиках любая щепка может оказаться смертельно опасной!

— Но почему?

— Из-за яда.

— Господи, какого яда?

— Ну, не знаю. Но ведь индейцы испокон веку пользовались отравленными стрелами. Я читал, что

это были, в основном, растительные яды. Как вы думаете, из чего они их добывали?

Компана пожал плечами. Ему стало не по себе при мысли, что щепка действительно могла оказаться ядовитой.

— Но ведь я, правда, хорошо себя чувствую, — не вполне уверенно произнес детектив, скорее, чтоб подбодрить себя.

— Очень этому рад, — отозвался Перен. — Но представьте себе, как я испугался, когда мне показалось, что вы потеряли сознание. Я не мог вас растолкать. А потом вы стали так жалобно стонать! Ну да что теперь говорить? Мы уже, кажется, приехали.

Действительно, сквозь густые заросли забрезжил свет, деревья расступились и вездеход выкатился на обширную поляну, где согласно карте должна была находиться католическая миссия.

И она там находилась. Когда-то. Может быть, совсем недавно. Возможно, еще несколько недель назад.

Люди, выстроившие миссию, отличались, судя по всему, большой любовью к природе и постарались как можно гармоничнее вписать постройки в пейзаж. В центре поляны возвышалась небольшая уютная каменная церковь с колокольней. Перед входом в нее было установлено большое деревянное распятие с фигурой Христа в человеческий рост. Хозяйственные и служебные постройки, частично каменные, частично деревянные, образовывали в плане подобие буквы «Г». С двух оставшихся сторон территорию миссии ограничивал низкий забор с гостеприимно распахнутыми воротами, на которых, похоже, никогда не было замка. Эта ограда не столько отделяла миссию от внешнего мира, сколько указывала место, где человек, отринув мирские заботы, мог спокойно пообщаться с Богом.

Часть построек была крыта черепицей, хотя большинство крыш было сделано из тростника. С внутренней стороны дворика все здания опоясывала крытая галерея, которая объединяла все эти разнокалиберные сооружения в удивительно гармоничный ансамбль.

Но все это было когда-то. Сейчас миссия выглядела так, как будто она подверглась вражескому нашествию и жестокий полководец, раздраженный упорством защитников, отдал ее своим солдатам на поток и разграбление. И победители постарались! Во всем селении не осталось ни одного целого дома, а все жители были уведены в полон.

Колокола были сорваны с колокольни и валялись у ее подножия, покрытые окисью и трещинами. Самый большой колокол при падении раскололся на несколько кусков. Фигура Христа свисала с распятия на одной руке и при сильных порывах ветра со скрипом раскачивалась из стороны в сторону, производя довольно жуткое впечатление.

В стенах домов зияли пробоины, как будто штурму предшествовал обстрел из орудий крупного калибра. Дворик, прежде такой уютный, был усеян щепками, щебнем, битой черепицей и осколками кирпича. Везде были разбросаны предметы утвари и домашнего обихода, еще недавно служившие людям верой и правдой.

Перен и Компана замерли в молчании, потрясенные открывшимся им зрелищем.

— Да-а-а, — протянул детектив, немного приходя в себя, — впечатляет!

— Угу, — согласился Франсуа, выходя из машины. — Похоже, помощи отсюда мы не дождемся.

— Пожалуй, — буркнул Компана. Зрелище руин не вызывало в нем энтузиазма, да и потерянного времени было жаль. Он тоже вылез из вездехода и принялся бесцельно бродить по двору, разминая затекшие ноги.

Перен забрался на галерею и занялся ее осмотром. Ему было очень любопытно, что же здесь произошло. Ну, всякие средневековые замки, куда толпами валят туристы, это понятно. Это — гунны или какие-то еще варвары. Впрочем, нет. Кажется, гунны были несколько раньше! Или Помпеи. Тут тоже все ясно. Везувий, стихия! Но здесь?!

Время от времени Франсуа поддевал носком туфли какой-либо предмет, привлекший его внимание, и переворачивал, чтобы получше разглядеть. Пачкать руки не хотелось. Вымыть их тут было абсолютно негде.

— Смотрите-ка, Компана, — вдруг произнес Перен наклоняясь и что-то подбирая с пола, — календарь!

— Да? — рассеянно отозвался сыщик. Он уже насладился зрелищем разрушений и откровенно скучал.

— Да. И раскрыт, между прочим, на двадцать шестом.

— Ну и что? Должно быть, ветром перевернуло.

— Ничего подобного! Календарь-то отрывной. И двадцать шестое — верхняя страничка.

— Пусть так. И что из этого?

— Ничего, — Перен немного помолчал. — Так, любопытно. Три недели тому назад. День святой Марии Гваделупской, — прочитал он.

— А что случилось три недели назад? — спросил Компана, думая о чем-то своем.

— Не знаю. Может, ураган какой. Торнадо.

— Может быть, — согласился Жерар. — Хотя вряд ли. Глядите, какие кругом деревья!

Франсуа задумался.

— Это напоминает мне хозяйственный магазин в Сен Клу, — внезапно сказал он.

— А что, в Сен Клу тоже был торнадо? — ехидно спросил Компана. Ему это все начинало порядком надоедать. Мало того, что этот олух подстрелил его.

Ну ладно, не подстрелил, поцарапал. Потом завез неизвестно куда, неизвестно зачем. А теперь разводит глубокие теории на пустом месте.

— Нет, — вздохнул Франсуа, — торнадо там не было. Просто я зашел туда купить баллон бутана для газовой плитки...

— Что?! — вскрикнул Жерар.

Перен печально кивнул головой.

«Господи, что же это делается! — подумал Компана. — Двадцать шестое число. Ну, конечно! День святой Марии Гваделупской. День, когда разбился самолет, перевозивший Жюли Мортан. День, когда сгорела индейская деревня».

«Но ведь это совершенно в другом месте! — возразил Компана сам по себе. — Как она могла здесь оказаться?»

«А как сюда попал Перен? Для этого нужно было, чтобы он меня подстрелил и привез сюда лечить. Еще час назад он и не подозревал о существовании этой миссии. А чтобы он стал стрелять, нужно было, чтобы на меня напала эта чертова змея. В машине она не могла этого сделать. Поэтому я должен был вылезти из машины, чтобы осмотреть место, где Перену привиделся этот дурацкий индеец в дурацких очках».

«Если мадемуазель Мортан осталась жива — пусть это невероятно, но предположим на минуту, что это так — так вот, если она осталась жива, то наверняка сильно пострадала. И жители деревни, конечно же постарались доставить ее в ближайшее место, где ей могли оказать помощь. То есть, сюда! И по дороге ей тоже мог привидеться какой-нибудь индеец или еще какая чертовщина. И, пытаясь его разглядеть, она потеряла свои очки. Хотя, скорее всего, она потеряла их на месте катастрофы. Их подобрал какой-

нибудь вождь или шаман и нацепил на себя для солидности».

«Итак, ее доставили сюда. Что здесь произошло, одному Богу известно! Какая-то катастрофа вселенского масштаба. И этот старик-индеец в больнице. Может, он был среди тех, кто доставил мадемуазель Мортан в миссию. Скорее всего, именно так и было. Иначе как бы он успел рассмотреть ее и запомнить настолько, что даже простая фотокарточка повергала его в панику?»

«И его религиозное помешательство находит свое объяснение, если предположить, что все произошло именно здесь, в миссии. Ну, конечно же! Древние боги разгневались и разрушили капище Бога белых людей. И девушка была вестницей этой катастрофы. Есть, от чего свихнуться!»

«Словом, если мадемуазель Жюли жива, то все, что случилось, несомненно, приблизило Перена к достижению его цели. Если жива! А если нет? Тогда не приблизило. Но и не отдалило. Потому что, если цель недостижима, то нельзя быть к ней ближе или дальше. Тогда это — обычное невезение обычного олуха, который причиняет неприятности себе и другим. Причем, не со зла. Добрее Франсуа человека вряд ли отыщешь!»

«Итак, второй вариант нам ничего не дает. Отбросим его, хотя он и наиболее вероятен. Будем исходить из того, что мадемуазель Мортан жива. Как с этой точки зрения выглядит все, что произошло с Переном? Точнее говоря, с Переном и ним, Компаной? Везло Перену или нет? С одной стороны, несомненно, нет! С обывательской точки зрения. Но ведь каждый такой случай приближал его к Жюли, то есть, к достижению его цели. Значит, везло? Конечно, если следовать научному определению везения».

В качестве научного Компана рассматривал свое собственное определение этого явления, выведенное им несколько часов назад. До этого, как мы помним, он вообще отрицал его существование. Что ж, в этом отношении он не был ни первым, ни единственным. До него этим прославилась Академия наук Франции, отрицавшая существование метеоритов на том основании, что «камни не могут падать с неба». Скажи честно, Жерар Компана, мечтал ли ты когда-нибудь оказаться в такой компании?

«Ну, с Переном, пожалуй, все ясно. А как с другими?» — продолжил свои умозаключения Жерар. Всем своим существом он ощущал,. что его мысли движутся в верном направлении, и с каждой новой мыслью он приближается к чему-то — открытию, прозрению, озарению, откровению — не важно, как это назвать.

«А как с другими? С теми, кто общался с Переном ближе всего? Это я, бедняга Арваль и... горилла. Похоже, нам всем в какие-то моменты переставало везти. Все идет нормально, своим чередом и вдруг... Рушатся планы, возникают какие-то дурацкие ситуации. Арваля, вон, вообще прихлопнули. А что с Переном? А ничего! Ровным счетом ничего! Сочувствует, пытается помочь, советы дает. Опытом делится! Еще бы! Есть, чем делиться. А сам как огурчик. Складывается впечатление, что его невезение не просто заразно. Нет! Оно полностью переходит к другому. И уж тогда тому, к кому оно перешло, остается только сочувствовать. Ведь у него нет того иммунитета, который выработался у Франсуа за годы общения с самим собой».

«Но ведь это происходит не всегда. А когда? Интересно, есть ли тут какая-то закономерность?»

«Начнем, пожалуй, с меня. Тут у нас имеется

наиболее полная информация. Так в какие же моменты мне не везло? В первый раз это случилось, когда я пытался подсунуть ему ту девицу в ресторане, а она оказалась порядочной да еще помолвленной с каким-то психом. Затем я не опознал Арваля по фотографии. Затем я потерял свидетеля. Хотя нет, это скорее факт из биографии Арваля. Последний! Затем мне отполировали морду в полицейском участке. И, наконец — будем надеяться, что это действительно так, — змея и щепка в колене».

«Рассмотрим первый случай. До этого я просто экспериментировал с его невезучестью, а на этот раз? Если быть до конца честным, то была у меня задняя мысль. Франсуа уже рассказал мне, какая чудесная девушка мадемуазель Жюли. А я хотел, чтобы эта девица отвлекла Перена от мыслей о Жюли Мортан. Он сидел бы в своем люксе, пускал бы девице пыль в глаза, а я тем временем быстренько закруглил бы все дело, в которое, между прочим, не верил с самого начала. Но объявился жених с необузданным темпераментом, возникла драка и... Расследование продолжается!»

«Вторично мне не повезло, когда я не узнал Арваля. Причем Перен не мог его узнать, так как фотография была только у меня. Если бы на этом все кончилось, сидели бы мы сейчас в Париже, потягивали бы аперитив и выражали бы сочувствие г-ну президенту. Но нет! Франсуа узнает Арваля, моя профессиональная честь задета, мы возвращаемся и узнаем, что еще, по крайней мере, три недели назад мадемуазель Мортан была жива. Нет оснований прекращать расследование».

«Затем Арваля убивают. Я считаю, что все нити оборваны, и у нас нет никаких шансов найти дочь г-на президента. Я довожу свою точку зрения до

сведения Франсуа. Я его почти что уговорил. Но нас арестовывают и помещают в каталажку. И местные фараоны принимаются делать из меня отбивную котлету. Потом прилетает комиссар и, рассыпаясь в извинениях, вызволяет нас из тюрьмы».

«И наконец, эта щепка. Все, конец, амба! Мадемуазель Мортан, несомненно, погибла в катастрофе. В лучшем случае, ее изжарили живьем и съели кровожадные туземцы. И Перен готов признать поражение. Обливаясь слезами, мы возвращаемся в Сьюдад-Реаль. Но у Франсуа возникает глюк насчет индейца в очках, змея, выстрел, и вот мы здесь, на месте очередного катаклизма. И, что характерно, я готов дать голову на отсечение, что здесь не обошлось без мадемуазель Жюли. Такой почерк не подделаешь! И при этом она была жива. Вряд ли покойница могла бы совершить такие разрушения».

«Словом, в трех случаях из четырех мне не везло, когда я вольно или невольно оказывался между Переном и его целью. Так что стоять у него на пути — занятие небезопасное! Горилла, и та чуть все кости себе не переломала! А Арваль вообще жизни лишился. Но тут случай особый. Он попал под паровой каток. Сначала Жюли, потом Перен — кто же такое выдержит?!»

«Итак, все сходится. Только моя битая морда почему-то выпадает. Впрочем, выпадает ли? После того, что случилось, комиссар Куско всячески старается загладить вину, делится информацией, оказывает любую помощь. Стал бы он все это делать, если бы не моя бедная физиономия? Да ни за что в жизни. Никогда полицейский не станет помогать частному детективу. Сам был фараоном, знаю. У них снега зимой не выпросишь. Тем более в Мексике. Здесь снег — дефицит! Так что все — одно к одному».

«Значит, самое главное — не мешать Перену, что бы ему ни взбрело в голову. Хотя бы из инстинкта самосохранения!»

— Компана, Компана, очнитесь! Что с вами? — Жерар понял, что его сильно и уже, похоже, давно трясут за плечо.

— Простите, Франсуа, задумался.

— Похоже, вам надо как следует отдохнуть. Что-то в последнее время вы стали часто впадать в ступор.

— Наверно, вы правы, — согласился Компана. Он твердо решил не спорить с Переном. Это и для дела лучше, и для здоровья полезнее.

— Как поедем? — спросил Франсуа, усаживаясь за руль.

— А что, есть варианты?

— Ага. Кроме дороги, по которой мы приехали, на карте указана еще тропа, но, кажется, вполне проезжая. Она сократит нам путь не несколько километров. А то бензину осталось маловато, — Перен пощелкал ногтем по циферблату.

— Поступайте, как считаете нужным, — сказал Компана. — Я всецело на вас полагаюсь!

Франсуа на минуту задумался и решительно свернул на тропу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Тропа оказалась скорее пешеходной, чем проезжей, в том смысле, что два путника еще могли на ней разминуться, но два автомобиля... А уж о том, чтобы развернуться, не могло быть и речи. С каждым километром тропа все больше сужалась, и вездеходу приходилось буквально протискиваться меж деревьев, сдирая кору со стволов.

Перен крутил баранку с таким видом, как будто от этого зависело спасение его души. Иногда он проявлял прямо-таки чудеса виртуозности, вталкивая громоздкий вездеход в пространство, достаточное разве что для мотоцикла.

Компана расслабился на пассажирском сиденье, пытаясь представить, что ждет их в конце пути, если его теория верна. А в том, что она верна, он ни на секунду не сомневался.

В идеальном случае это, конечно, была сама мадемуазель Мортан, так сказать, во плоти. Но детектив

был согласен и на какую-нибудь вещицу, ей принадлежащую, например на записку, засечку на дереве. На отпечаток ноги, наконец, если его можно идентифицировать. Словом, на любой след, указывающий ее нынешнее местонахождение. Но там обязательно что-то должно было оказаться.

В конце тропы не оказалось ничего. Ни Жюли, ни следа, ни записки. Лишь глухая зеленая стена зарослей, исключающая мысль о продвижении вперед. Тупик.

Для Компаны это был жестокий удар, потрясший стройное здание его теории. Он доверился Перену и просчитался. Тому опять не повезло. При этом они ни на шаг не приблизились к цели. Скорее, удалились от нее, так как надо было возвращаться.

Возвращаться к развилке пришлось задним ходом — развернуть машину на узкой тропе было невозможно. А это отнюдь не способствовало экономии горючего. Когда Перен включил, наконец, переднюю передачу и вырулил на дорогу, ведущую к шоссе, стрелка указателя уровня бензина дергалась в конвульсиях у отметки нуля, на приборной панели мигала красная лампочка, а диск солнца уже на четверть скрылся за вершинами деревьев.

Бензин кончился, едва машина выехала на шоссе.

Темнота в тропиках наступает быстро, и уже спустя полчаса ничего нельзя было рассмотреть на расстоянии вытянутой руки. Предпринимать что-либо в таких обстоятельствах было бы совершеннейшим безумием, и компаньоны решили заночевать в лесу.

Поужинали всухомятку — ведь несмотря на большой запас еды, разогреть ее было не на чем. Подфарники и габаритные огни включили в режиме мигания, чтобы какой-нибудь ненормальный, решивший покататься ночью в лесу, не налетел бы ненароком в темноте

на вездеход. И не проехал бы мимо. Во всех странах мира, знакомых с автомобилем, мигающие в ночи огни — это сигнал терпящих бедствие.

После того, как тент был опущен, стекла подняты, а двери заперты, вездеход превратился в неприступную крепость. Единственное, что могло угрожать ее обитателям, — это смерть от голода или жажды. Но до этого было еще далеко, благодаря обилию еды и питья, погруженным в кузов предусмотрительным Серхио. Хотя, конечно, существовала опасность нажить гастрит, питаясь долгое время одними консервами.

Правда, по лесу бегала, прыгала и порхала разнообразная дичь, а с веток деревьев соблазнительно свешивались сочные плоды. Но в револьвере после рокового выстрела Франсуа осталось всего шесть патронов, а местная фауна была уже достаточно образована, чтобы подпустить к себе заезжего охотника на расстояние прицельной стрельбы. Кроме того, оставалась проблема ее приготовления. Ведь в учебных заведениях, которые заканчивали наши парижане, может быть, прекрасно излагались основы аристотелевой логики, но явно недостаточное внимание уделялось развитию практических навыков добывания огня трением или изготовления луков и стрел из подручных материалов. Да и ботаника в плане различения съедобных и ядовитых даров тропического леса хромала на обе ноги.

Словом, оставалось уповать на то, что кто-то найдет и спасет попавших в беду спасателей до того, как они умрут с голоду.

С надеждой на это компаньоны легли спать. Несмотря на обилие впечатлений, а может быть, благодаря ему, Перен заснул моментально. Компана же долго ворочался с боку на бок, пытаясь понять, почему его стройная теория дала такой сбой. Так и не найдя

ответа на этот вопрос, Жерар решил, что дело детектива — измышлять не гипотезы, а версии. Пусть теории сочиняют господа ученые — им за это деньги платят. А его задача сейчас, после провала поисков мадемуазель Мортан, состоит в том, чтобы доставить себя и Перена в Париж, по возможности, живыми и здоровыми. А что экспедиция окончательно провалилась, в этом у Компаны не оставалось никаких сомнений.

Тем не менее, ему не в чем себя упрекнуть. Он с самого начала утверждал, что все эти поиски, основанные на безумных идеях свихнувшегося психолога, — бесполезная трата времени и денег. И разве он не оказался прав?

Да, надо признать, что были моменты, когда ему, Жерару Компане, казалось, что еще шаг, еще одно усилие — и они отыщут дочь г-на президента. Он даже сам начал строить какие-то теории. Но это надо отнести на счет непривычной обстановки, опьянения тропической природой, на счет романтического духа этой страны и ее обитателей. Духа, который совершенно выветрился в старушке Европе.

Утро, несмотря на то что оно мудренее вечера, ничего не изменило в положении Перена и Компаны. Все так же оставались они в сердце мексиканской сельвы, на расстоянии десятков километров от ближайшего населенного пункта. Только фонари мигали в полнакала — подсел аккумулятор. За всю ночь по шоссе не проехало ни одной машины.

— Доброе утро! — приветствовал Перен своего товарища по несчастью.

— Доброе утро!

— Что делать будем?

— Ничего, — Компана пожал плечами. — Сейчас

перекусим что-нибудь и будем ждать, пока кто-нибудь не проедет.

— И долго вы так предлагаете ждать?

— Не знаю. Может, день, может, неделю. Я думаю, если мы через несколько дней не вернемся, полиция начнет поиски. Сержанту известно, куда мы направились. Да и комиссар Куско, я полагаю, будет каждый день звонить ему и требовать отчета. Но, надеюсь, до этого не дойдет. Кто-нибудь подберет нас раньше.

Перен с сомнением поглядел на пустынную дорогу:

— Что-то не похоже, чтобы здесь было оживленное движение!

— А что вы предлагаете?

— Я предлагаю позавтракать и отправиться в путь пешком.

— Это же совершеннейшее безумие! Я служил в спецвойсках и знаю, что в подобных случаях нельзя удаляться от машины. Ведь обнаружить вездеход проще, чем человека. Он большой. К тому же, здесь у нас запас продуктов и, худо-бедно, защита от хищников!

— Но нельзя же вот так сутками сидеть сложа руки! — вскричал Франсуа.

— Не забывайте, что основное достоинство сыщика — это терпение, терпение и еще раз терпение, — усмехнулся Компана.

Перен задумался. Похоже, аргументы Компаны его не убедили.

— Ну, хватит рассуждать, пошли! — решил он.

— И речи об этом быть не может, — сказал Компана потягиваясь.

— Я здесь главный, и я говорю пошли! — повысил голос Франсуа.

— А я говорю: садитесь в машину и не приставайте ко мне, — парировал Жерар. — Это приказ!

— Ах, так вы уже начинаете мне приказывать? — усмехнулся Перен. Его усмешка не предвещала Компане ничего хорошего. — Кажется, вы забыли, кто глава экспедиции. Придется вам напомнить!

— Я должен привезти вас назад живым, — сказал детектив. — И я привезу вас живым, чего бы вы о себе не вообразили! Садитесь в машину!

— Я главный в этой экспедиции! — закричал Франсуа, чувствуя, что почва уходит у него из-под ног. — Так сказал господин президент!

— Да вы — никто! — махнул рукой Компана.

— Что-о-о?!!

— Да-да, никто! Вы знаете, почему для этой экспедиции выбрали именно вас? Нет? Так я вам объясню! Я не хотел этого говорить, но, видно, придется! Вас выбрали потому, что вы, как и дочь президента, не можете шагу ступить, чтобы не вызвать какую-нибудь катастрофу или что-нибудь себе не сломать! Вот так!

Франсуа потрясенно молчал. Он пытался что-то сказать, но мысли путались, а трясущиеся губы издавали лишь какие-то нечленораздельные звуки.

— Не-не-не может быть! — пролепетал он наконец.

Понурив голову, Компана отошел в сторону. На душе у него было мерзко. Он чувствовал себя так, как будто обидел беззащитного ребенка. Франсуа провожал его потерянным взглядом, в его глазах блестели слезы.

— Может, черт побери! — заорал Компана. Казалось, что криком он пытается убедить себя, что поступает правильно. — Может! И мы здесь застряли из-за того, что ваш «друг», Мийярд, решил испробовать свою теорию о невезении. И мы с вами — подопытные кролики. Вернее, вы — кролик, а я — лаборант. Это все бред, насчет вашей проницательности. И я не

хочу, чтобы вас нашли мертвым где-нибудь километрах в десяти отсюда! Садитесь в машину!

— Идите к черту, Компана! — в голосе Перена были слышны не только обида, но и гнев.

— Послушайте, Франсуа, я не виноват. Это была не моя идея. Я с самого начала был против этого!

Перен уже весь клокотал как перегретый чайник. Не найдя подходящих слов, он с размаху стукнул Компану ребром ладони по шее. Жерар даже не шелохнулся. Для него это было не более, чем комариный укус.

Франсуа замахнулся снова. Если бы ярость можно было перевести в силу и точность удара, голова Жерара каталась бы сейчас по траве, отсеченная от туловища. Но Компана инстинктивно сделал полшага назад, и страшный удар Перена пришелся на капот вездехода. Капот при этом пострадал существенно меньше, чем ладонь Франсуа.

— Франсуа, осторожней! — воскликнул детектив, но было уже поздно.

— Уй-уй-уй! — застонал Перен, но, похоже, боль не остудила его решимости стереть обидчика в порошок.

Наклонив голову, с налитыми кровью глазами, как бык на матадора, бросился Франсуа на Компану.

Компана поймал его за плечи, развернул градусов на тридцать и вернул на исходный рубеж.

— Ну разве можно так? — ласково выговаривал он при этом разжалованному главе экспедиции. — Что же вы не смотрите, куда кидаетесь? Ведь там же дерево!

Действительно, за его спиной красовался нежно-розовыми цветами джакаранды в два обхвата толщиной.

Перен предпринял вторую попытку забодать бывшего друга.

— Подождите секундочку! — попросил Жерар.

Франсуа замер на бегу. Компана наклонился и убрал с дороги большой камень, о который его подопечный мог споткнуться.

— Спасибо! — машинально произнес Перен.

— Пожалуйста!

И Франсуа снова бросился на сыщика.

Чему быть, того не миновать! Зацепившись ногой за корень, Перен описал в воздухе красивую параболу и с размаху врезался головой в лебедку, установленную на переднем бампере вездехода.

Курчавая шевелюра — вот что спасло Перена от неминуемой гибели. Но сотрясение мозга он, кажется, получил основательное.

Компана был в отчаянии. Он поднял почти бездыханное тело Франсуа и поудобнее уложил его на траве, подложив под голову спинку сиденья. Затем он достал аптечку и обработал рану по всем правилам первой помощи. Но это было все, что можно было сделать для раненого в полевых условиях. Нужна была срочная медицинская помощь, а где ее возьмешь в тропических джунглях?

Жерар был готов локти себе кусать от бессилия, чувствуя, что теряет друга.

Вдруг до слуха Компаны донеслось урчание автомобильного мотора. Похоже, невезение Перена действовало, только когда он находился в здравом уме и твердой памяти.

Через пару минут на шоссе со стороны Сьюдад-Реаля показался грузовик, за рулем которого восседал крестьянин в сомбреро, с сигарой в зубах и с большими висячими усами. Рядом с ним сидела его жена, а в кузове мычало и блеяло несколько голов крупного и мелкого скота.

Компана выбежал на дорогу, размахивая руками.

Грузовик остановился. Оказалось, что крестьянское семейство возвращалось из Сьюдад-Реаля, где они продали часть урожая и купили несколько голов скота.

Добрые люди немедленно согласились помочь. Они даже были готовы развернуть машину и ехать обратно в город, но жене крестьянина пришла в голову более разумная мысль. С женами так иногда бывает. Она предложила отвезти раненого в деревню, до которой было километров на двадцать ближе, чем до Сьюдад-Реаля, и там тоже была больница. Естественно, при католической миссии. Пусть врач осмотрит Перена, а потом, если потребуется, можно будет вызвать вертолет и перевезти Франсуа туда, где ему смогут оказать более квалифицированную помощь. Очень разумное предложение!

Компана устроился в кузове, положив голову Франсуа себе на колени, чтобы уберечь его от тряски, и грузовичок тронулся в путь.

Минут через сорок они без всяких приключений добрались до деревни и въехали в ворота миссии.

«Черт побери! — подумал Компана. — А ведь если бы я дал Перену себя уговорить, мы могли добраться сюда часа за три. И он был бы сейчас жив и здоров. Правда, идти надо было в обратную сторону!»

К грузовику подбежали санитары с носилками. За ними, в черном одеянии и белом чепце, шествовала пожилая монахиня. Очевидно, она была здесь главной. Крестьянин стянул с головы сомбреро и перекрестился.

— Не беспокойтесь, сеньоры! — сказала она. — Больному будет оказана вся необходимая помощь.

— Ваше, ваше... — пробормотал Жерар, пытаясь подобрать нужное слово.

— Можете называть меня сестра Моника, — подсказала монахиня.

— Так вы — француженка! — обрадовался Компана.

— Да.

— Мы тоже французы, — сказал Жерар. — Мы здесь в спасательной экспедиции. Я прошу вас сделать все, что в человеческих силах, чтобы его спасти!

— Это ваш родственник?

— Больше чем родственник! — произнес Компана вслух, а про себя подумал: — «Это мое второе Я».

— Хорошо, — кивнула сестра Моника. — Ему будет обеспечен самый лучший уход. Мы всегда все делаем для наших пациентов, кто бы они ни были. Сейчас я должна идти, чтобы отдать необходимые распоряжения. А вы зайдете ко мне примерно через час и все подробно расскажете.

Час спустя Перена после операции перенесли в палату и уложили на кровать. Его обритую голову украшал тюрбан из белых бинтов, а на губах играла блаженная улыбка.

Накрыв Франсуа одеялом и поправив подушку, санитары вышли из палаты, оставив больного приходить в себя после наркоза. По дороге один из санитаров привычным движением подоткнул одеяло на соседней кровати, где лежал второй пациент. На его губах играла такая же блаженная улыбка, а голову украшал такой же тюрбан из марли и ваты.

В назначенный срок Компана был в кабинете сестры Моники.

— С вашим другом все будет в порядке, — сказала она. — Операция прошла успешно. Доктор заверил меня, что недели через две он будет уже на ногах. Травма оказалась не столь страшной. Пришлось наложить несколько швов на рану. Да еще сотрясение мозга средней тяжести. Так что некоторое время его, возможно, будет укачивать в автомобиле. Я думаю, это можно пережить.

— Спасибо вам, — произнес Жерар. — Вы сняли камень с моей души.

— Похоже, что не совсем, — заметила монахиня, проницательно посмотрев на него. — Рассказывайте!

И Компана начал рассказывать. Он рассказал ей все. Как пропала мадемуазель Жюли Мортан. Как ее отец нанял его, Жерара Компану, для поисков дочери. Как ничем завершилась его первая поездка в Мексику. Рассказал о теории доктора Мийярда, о встрече с Франсуа Переном, об их совместных приключениях, о возникших надеждах и об их окончательном крушении.

Сестра Моника оказалась хорошей слушательницей. Она ни разу не перебила Жерара и только поощрительно кивала головой, когда в его рассказе возникала пауза.

— То, что вы рассказали, очень интересно, — сказала она, когда Компана закончил свой рассказ. — Я понимаю, что вы вместе с Переном пережили за эти дни столько, что он стал для вас больше, чем другом. Он стал частью вас самого. Но не это вас мучит. Я понимаю, что вы волновались за его жизнь, но теперь опасения остались позади. Его здоровью ничего не угрожает. И тем не менее, ваша душа не на месте. Можете рассказать мне все. Ваши слова не выйдут за пределы этой комнаты. Может быть, я смогу вам помочь. Ведь не зря же католическая церковь изобрела институт исповеди. Ведь душу облегчает именно истинный рассказ о своих деяниях, а вовсе не отпущение грехов. Попробуйте!

И Компана решился. Он рассказал сестре Монике все о своих мыслях, о своем отношении к теории доктора Мийярда, о своем взгляде на везение и не-

везение, о своей теории, которая казалась такой стройной и так бесславно рухнула. И, главное, о том, что и сейчас, несмотря на полную и безоговорочную капитуляцию перед очевидными фактами, его, Компану, мучит вопрос: в чем же была его ошибка?

— Я думаю о своем друге, которого использовали в качестве подсадной утки, а в голове моей крутится мысль: в чем же я был не прав? Я знаю, что есть отец, потерявший свою единственную дочь, а меня интересует только одно: в чем же я ошибся? Я понимаю, что это не имеет никакого значения в сравнении с человеческой жизнью, даже с двумя жизнями, но не могу не думать об этом!

Компана закончил свой рассказ, но еще несколько минут в комнате стояло молчание. Наконец, монахиня его нарушила.

— Мне кажется, я понимаю, что вы хотите сказать. Мне тоже однажды довелось пережить нечто подобное. Ведь не всегда я была монахиней. Вы построили стройное здание, некую систему, которая прекрасно объясняла, все, что с вами произошло. И вы рассчитывали на ее прогностические возможности, на ее способность предсказывать будущее. Ах, как мы хотим знать будущее! И тогда можно снять с себя ответственность — ведь все было предопределено заранее. Что может быть приятнее, чем переложить ответственность на кого-то другого?

Но я скажу вам больше. Я думаю, что ваша теория верна. Она красива, а это — один из признаков правильности! Я думаю, что ваша ошибка заключалась в том, что вы ждали от умозрительного построения немедленных результатов. Так ребенок тянет за хвост морковку из грядки, чтоб она быстрее выросла. А надо набраться терпения! Не вы ли говорили Франсуа,

что терпение — основная добродетель детектива? Божьи жернова мелют медленно, но неотвратимо!

Сестра Моника задумалась на минуту, потом продолжила:

— Кроме вашего друга, у нас есть еще одна пациентка. Ее к нам привезли недели три назад с сильными ожогами и сотрясением мозга. Сейчас ей уже лучше, она уже встает, ей позволяют гулять на веранде, смотреть на реку. Говорят, что зрелище текущей воды очень успокаивает. Это весьма полезно при мозговых травмах. Так вот, она — очень милая девушка, но совершенно не помнит, кто она и как сюда попала. У нее не осталось никаких документов, ни одной вещи, по которой ее можно было бы опознать. Даже платье ее сгорело. Мы называем ее Марианной, и она откликается. Но, похоже, что она не мексиканка. Не хотели бы вы на нее взглянуть?

— Где она?! — воскликнул Компана.

— В той же палате, где ваш друг. У нас пока всего одна палата.

— Идемте же скорей!

Когда они вошли в палату, в ней никого не оказалось. Смятые одеяла валялись на полу, а дверь на террасу была открыта.

Компана выбежал на террасу. От террасы до самой середины реки тянулся дощатый настил, что-то вроде пирса, который заканчивался квадратной площадкой на сваях. На этой площадке, взявшись за руки, спиной к Компане, стояли две фигуры в длинных белых больничных рубашках и одинаковых марлевых тюрбанах на головах. В правой, более высокой и костлявой, фигуре можно было без труда узнать Франсуа Перена, а левая...

Услышав шаги у себя за спиной, фигуры обернулись, а Компана застыл с открытым ртом. Из-под белой

марлевой повязки на него смотрели синие, слегка близорукие, глаза девушки с фотографии, которую он уже почти два месяца таскал в своем бумажнике. Глаза Жюли Мортан!

Сваи, на которых держалась площадка, не выдержали совместного воздействия биополей Жюли и Франсуа. С жалобным скрипом они подломились и импровизированный плот поплыл по течению, а Жерар Компана продолжал неподвижно стоять, повторяя про себя полузабытые молитвы. Он поверил!!!

* * *

— Господь явил ему чудо, и он поверил! — так закончила свой рассказ сестра Моника. — Теперь брат Жерар — один из лучших наших проповедников. Он несет слово божье индейским племенам в верховьях Амазонки. Они, знаете ли, до сих пор язычники. Но с приходом брата Жерара стали десятками обращаться в христианство. Человек, видевший чудо собственными глазами, всегда убедительней того, кто пересказывает что-то с чужих слов, не так ли?

— Да, — согласился я. — Конечно, вы правы. А что стало с мадемуазель Мортан? С Переном? Вы что-нибудь о них слышали?

— Конечно. Они пишут мне регулярно. Да и телефон работает исправно!

— У них все в порядке?

— Естественно! Черт побери, люди, которым так везет, просто обязаны быть счастливы!

ЭТЬЕН ГОДАР

СОСЕДКА

Etiene Godar

«LA FEMME D'A COTE»

Перевод с французского.

Этьен Годар

«СОСЕДКА»

ПРОЛОГ

Я попала сюда почти случайно. Так оно часто бывает — хочешь одного, делаешь другое, а получается вообще что-то третье. Женская логика.

Когда занимаешься промышленным дизайном, не жди, что дорога твоя будет устлана розами. Конкуренция, происки недоброжелателей, просто элементарное невезение — и вот ты уже с нервным срывом и в глубочайшей депрессии стоишь на мосту Александра III, смотришь на черную, всю в каких-то мерзких разводах воду Сены и раздумываешь, броситься ли сразу или протянуть еще годик-другой, медленно спиваясь, старея и дурнея.

Вот в таком состоянии и застал меня однажды мой старинный приятель и компаньон Макс Дюпрэ после того в высшей степени знаменательного дня, когда тщательно разработанный, вместивший океан надежд и столько же амбиций проект, над которым я, не покладая рук, работала всю весну, с грохотом развалился.

Представитель южноамериканской фирмы, сделав-

шей заказ, исчез в неизвестном направлении, а я осталась с огромной папкой чертежей, неоплаченными счетами за электричество и разбитыми иллюзиями.

К счастью, топиться в Сене стало немодно, и пока я раздумывала — наплевать на общественное мнение или все-таки избрать другой способ — Макс как раз и успел меня остановить.

— Куда ты? — воскликнул он, хватая меня за рукав и одновременно уворачиваясь от серого фургона продавца подержаной мебели.

— Отстань! Мне до смерти надоели сладкоголосые латиносы с манией величия, кошки моей соседки по этажу и идиоты вроде тебя, вообразившие, что могут запросто командовать выпускницей Художественной Академии. Кроме того, видеть больше не могу ни одного инженера, банковского клерка или продавщицу из супермаркета. Мне надоел Париж, мои туфли и цвет занавесок в студии. Хватит! Я сыта по горло!

— Куда ты, в самом деле! Не дури, не у тебя одной неприятности из-за того, что где-то кто-то не оценил приложенных усилий. В конце концов, с каждым случается. Не топиться же по пустякам!

В общем, он меня уговорил. Представление было отменено, и мы направились в маленькое кафе на углу улицы Лефевр выпить по чашке шоколада. Стоит мне понервничать, и я начинаю ужасно хотеть шоколада. Странное чудачество, обычно людям помогает стакан кальвадоса или бренди, или бурная ночь в объятиях любовника, мне же для обретения душевного равновесия нужен именно шоколад.

* * *

Это был студенческий кабачок. За столиками сидело

с десяток длинноволосых молодых людей того инфантильно-многозначительного вида, от которого меня откровенно тошнило еще со времен учебы в Академии, и несколько девиц. Девицы пили абсент. Они окинули меня совершенно равнодушными взглядами и отвернулись. Молодые люди что-то шумно обсуждали, иногда хватая друг друга за отвороты свитеров. Среди них были иностранцы.

Люди странно меняются со временем. Год или два назад и я непременно участвовала бы в подобном споре, до хрипоты убеждая собеседников в правоте (или неправоте) высказываний Че Гевары или в явной, ну просто неоспоримой необходимости бросить родительский кров и жить коммунами в дешевых доходных домах, поделив все движимое и недвижимое имущество между членами коммуны на равные части, не платя налоги и вовсю употребляя нецензурные слова и марихуану в знак протеста против буржуазных ценностей:

Работа в студии быстро расставила другие акценты. Творчество вообще делает тебя самоценным и заставляет серьезнее относиться и к своим возможностям, и к своим желаниям. Охота делиться заработанным нелегким трудом со всем остальным человечеством быстро пропадает, оставляя после себя лишь обильно приправленное скепсисом сентиментальное воспоминание.

В глубине зала бородатый кельнер с объемистым животом и в не слишком свежей куртке посыпал опилками каменные плиты и подметал пол. В углу, за стойкой, тихо мерцал телевизор. Кажется, передавали спортивные новости.

Наконец, нам принесли шоколад. Здесь его готовили по малоизвестному рецепту, и знатоки и любители полакомиться приезжали издалека.

Макс обратился к кельнеру:

— И пачку сигарет, пожалуйста. «Честерфильд».

— У нас только французские.

— Что ж. Тогда пачку «Лоран», зеленых.

— Зеленых к сожалению нет. Только синие.

Поистине, если уж не везет, то сразу и во всем. Хотя, если честно, курить мне совершенно не хотелось, и я просто с интересом наблюдала за маленькими максовыми злоключениями. Каково оно, терпеть даже маленькое поражение?

— Значит, синие, — сказал Макс. В голосе его звучало почти библейское смирение. Он неплохо выпутывался из ситуации.

Эта его способность была для меня не новостью. И в студенческие времена он поражал нас всех умением вовремя найти компромисс, договориться с кем угодно и о чем угодно, сгладить конфликт и удовлетвориться малым. Он не примыкал ни к одной из студенческих группировок, не совал нос в политику и не блистал талантами. Зато всегда был добр, готов помочь в беде и, если обстоятельства того требовали, скрасить одиночество. При этом Макс ухитрялся не стать занудой, не лезть куда не надо и всегда вовремя исчезнуть — ровно на полдня раньше, чем надоесть.

— Может, еще найдется пачка зеленых, — сказал, дружелюбно показав лошадиные зубы, кельнер и удалился, громко шаркая.

Макс посмотрел ему вслед, прихлебывая из чашки.

— Красивые шлепанцы. И роскошный живот. Похоже, до того, как оказаться в Париже, он служил в турецком флоте!

* * *

Я положила руки на стол. Казалось, мне их больше

никогда не поднять. Напряженная работа последних недель, блестящие планы, надежда на наконец-то обретаемую независимость и полное, сокрушительное фиаско не прошли даром. Господи, как я устала!

Руки у меня холеные, с длинными сильными пальцами и матово-белой кожей. Но ногти, прежде содержавшиеся в образцовом, несмотря на профессию, порядке, кое-где уже обломались, лак сошел.

Кельнер принес, все так же шаркая, пачку сигарет.

— «Лоран», зеленые. Все-таки нашлась одна пачка.

— Так я и думал.

Умение моего компаньона очаровывать людей получило очередное подтверждение. Таков он всегда, с нашей первой встречи.

* * *

Сначало было дело. Однажды Макс поделился раздобытым по случаю заказом, и мы в четыре руки расписали яркими павлиньими перьями, ветками цветущей сакуры и плетями остролиста стены и потолок только что заново отремонтированного бистро где-то в предместье Сен-Дени. Дорогу туда я так и не запомнила, потому что каждый раз владелец заведения отвозил нас на своем видавшем виды пикапе. Честно говоря, в такой заботе был резон: где бы еще он нашел сумасшедших, взявшихся за подобную работу почти даром? Владелец бистро был родом из Бретани, и его северной натуре с глубоко скрытым темпераментом экзотические виды с цветами и райскими птицами явно импонировали. В них он добирал для себя недостаток тех ярких красок, цветов и чувств, на которые столь скупа его родная земля.

Был он также домовит, обстоятелен, работящ и немногословен.

В качестве образца для росписи бистро Макс притащил роскошный альбом с репродукциями дворцовых интерьеров императорской резиденции в Киото. Так все художники поступали, когда надо было сделать что-то быстро и без претензий — просто выбирали подходящее по стилю и, недолго думая, срисовывали. Половина парижских бистро, цветочных магазинов и погребальных контор оформлена именно таким образом.

Справедливости ради стоит отметить, что под руками двух не самых лучших учеников по классу рисунка утонченные интерьеры императорского дворца превратились в нечто среднее между внутренностью дешевого современного борделя где-нибудь в Браззавиле и трактира для стрельцов возле московского Кремля в 17 веке. Посетители бистро были просто в восторге и, хочется надеяться, пребывают в нем до сих пор.

Как ни странно, эпопея с бистро не закончилась постелью. Было просто некогда. Даже не смыв с себя как следует краски, я кинулась сдавать экзамены за курс. Потом надо было искать новую квартиру. Потом...

Потом я влюбилась. Ка ни банально это звучит, но он был военный. Офицерское кепи, усы и даже бакенбарды. Два месяца сплошного вихря. Вечерние прогулки по Елисейским полям. Пикники. Плюс небольшое путешествие в Арль. Словом, все как полагается. С заранее понятным результатом: я напрочь потеряла голову. Долго ли простая студентка сможет устоять перед бравым военным?

Все кончилось так же быстро, как и началось. Мой отважный Агамемнон оказался сверх всякой меры отягощен женой с тремя детьми в Руане, долгами, подагрой и новым назначением. Праздник кончился, и пришлось вспоминать, как жить в будни.

Когда возвращаешься одна в пустую квартиру, опускаешься на диван и гасишь свет, темнота оглушает тебя, словно маска с хлороформом. Тогда снова включаешь свет и смотришь в одну точку. Одиночество — извечный рефрен жизни. Оно не хуже и не лучше, чем многое другое. О нем лишь чересчур много говорят. Человек одинок всегда и никогда. Однажды ранним летним вечером вдруг услышишь скрипку в мглистой дымке над рекой. Загородный ресторан на зеленых холмах. Удушливый аромат каштанов, приглушенный говор на непонятном языке. И — как юные совы, примостившиеся на плечах, — мечты с глазами, светящимися в сумерках. Ночь, которая никак не может стать ночью. Час, когда все мужчины красивы. Вечер, как огромная бабочка, распластал коричневые крылья...

Оказывается, можно вот так часами вспоминать что-то из прежней жизни, отодвинув подальше труп телефона. Одиночество становится привычным, как халат или тапочки. И ты чувствуешь, что начинаешь сходить с ума...

Примерно на этой моей стадии Макс снова и объявился. Собственно, тогда мы и начали по-настоящему работать вместе. Разработка комплекта посуды для ресторана средней руки, стремившегося произвести внушительное впечатление. Светильники для банка. Пепельницы. Соковыжималка. У меня появилась своя студия, небольшой и недорогой автомобиль и даже счет в банке. Весьма скромный, правда.

Ко всему прочему, мой компаньон оказался неплохим любовником. Разве что поначалу ему не хватало смелости, но это скоро прошло.

В конце концов каждый из нас — это то, что мы о себе думаем. Ты стоишь столько, во сколько себя ценишь. Исходя из этого нехитрого правила, я попробовала создать себя такой, какой хотела. И уже почти добилась цели. Если бы не провал последнего проекта.

Длинноволосые революционеры с завидной настойчивостью продолжали выяснять свои политические отношения. Здесь было частенько так, и никого это не беспокоило. Мой шоколад чуть-чуть остыл и был теперь самой подходящей для наслаждения температуры. Макс распечатал пачку и, поудобнее устроившись на покрытом черным лаком стуле, затянулся, выпустив струю дыма в потолок. Телевизор закончил вещать о спорте, и теперь там какие-то солдаты брели по каким-то джунглям. Что за дело мне до их войн и революций? Смешные люди — они каждый раз живут заново. Словно опыт предыдущих поколений ничему не научил. Всем этим беднягам наверняка не везло с женщинами. Просто не попадались им хорошие. Которые смогли бы объяснить то, о чем знаю я, о чем наверняка знает Макс или тот хозяин бистро, которому нравились цветы и павлины, или еще многие другие люди в Париже, в маленьких деревеньках в Кастилии и в других местах — смысл есть только в любви. И, возможно, в работе, если она тебе нравится. Но тогда это тоже любовь. Прочее же — просто ерунда, не стоящая затраченных на нее времени, сил и жизни.

— Послушай, так нельзя. Ты слишком всерьез воспринимаешь любую неудачу. Ты классный специалист и отлично об этом знаешь. Да завтра тебя завалят заказами...

— Понимаешь, Макс, дело не в этом. Просто сегодня я подумала — а зачем? Зачем я живу, зачем

работаю, зачем встречаюсь с друзьями? Ведь конец один, и дело только в количестве лет...

Честно говоря, вовсе я так не думала. По крайней мере, в тот момент. Но надо же было вызвать как можно больше жалости! Так хотелось, чтобы кто-то о тебе заботился, носился с твоими проблемами, вникал в твои беды, что не грех было немного и пофантазировать. Особенно, когда прямо за окном шумел Париж, стоило сделать всего пару шагов — и можно было исчезнуть в нескончаемом людском водовороте, в вечном празднике, где судьба ждала тебя в мимолетном взгляде, в брошеной на ходу фразе, в тени улыбки на лице прохожего. Бесконечная цепь случайностей сталкивает и разводит ежечасно, ежеминутно тысячи людей, тасует судьбы, как карточную колоду.

Мужчины и женщины всегда ищут общества друг друга, а уж что из этого получается в каждом конкретном случае — кто знает...

— Ты был когда-нибудь счастлив, Макс?

— Был, и не один раз.

— Я не о том. Я хочу сказать — счастлив по-настоящему, самозабвенно, всем своим существом.

Макс тяжело вздохнул, как вздыхает старый и усталый папочка, пытаясь ответить на глупый вопрос маленькой девочки и заранее зная, что ответ все равно не будет понят. Увы, женщины знают только самую зыбкую разновидность счастья — любовь.

— И не один раз, дорогая.

— Ты не хочешь меня понять. Или не хочешь говорить об этом? По-моему, ты вообще не любишь говорить о себе.

— Я даже думать не люблю о себе.

— Порою мне кажется, что прежняя жизнь кончи-

лась, — сказала я. — Беспечность, надежды — все это уже позади.

Макс улыбнулся.

— Она никогда не кончится. По крайней мере, для тебя. Жизнь слишком серьезная вещь, чтобы кончиться прежде, чем мы перестанем смеяться.

Я не очень-то прислушивалась к его словам, думая о своем.

— Меня часто мучает страх, — сказала я. — Внезапный, необъяснимый страх. Кажется, выйдем отсюда и увидим весь мир в развалинах. Неужели тебе совсем не знакомо такое ощущение?

— Увы, оно знакомо каждому. Причем без всяких видимых причин. Атавизм подсознания. У кого-то он почти незаметен, другие же носят свой страх, как бомбу с часовым механизмом. А в общем, тебе просто пора отдохнуть. Смени обстановку, поезжай куда-нибудь. В Париже слишком много суеты и случайностей. Отправляйся-ка в провинцию. Покой и чистый воздух. Тихий пансион в горах, молоко по утрам, прогулки по окрестностям и солнечные ванны в умеренных дозах — вот что тебе сейчас необходимо.

* * *

Так беседа в парижском кафе за чашкой шоколада привела меня в конце концов в Гренобль, чтобы не поддающимся логическому объяснению образом получить свое продолжение в трагической и поучительной истории, мною там услышанной. Если принять за истину, что все в мире взаимосвязано и каждая ситуация имеет свой скрытый смысл, остается предположить, что настоятельные уговоры

Макса, после которых я сюда, наконец, попала, и были тем голосом судьбы, благодаря которому я и стала, пусть косвенно, свидетельницей изложенных далее событий.

Вопреки ожиданию, тихий провинциальный Гренобль (не лишенный однако примет времени в виде спортивных сооружений и многоквартирных домов) мне понравился, здесь я отдыхаю от Парижа, от дел и от себя. Здесь не надо торопиться и всегда есть время подумать.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Что наша жизнь — игра...» Эти слова совсем некстати целое утро крутились в голове, словно предопределяя дальнейший ход событий, причем не только и не столько связанных со мной, сколько с людьми, о которых я пока не имела ни малейшего понятия.

Эта поездка оказалась длиннее других. Еще возле Санса спустило колесо, и пришлось собственноручно подкачивать его под мелким и противным дождиком, тихо ругаясь и тщетно ожидая помощи от проносящихся мимо в своих шикарных автомобилях самодовольных буржуа. Другая задержка приключилась в придорожном кафе на выезде из Лиона, когда я примерно на час углубилась в детальное изучение узоров на, справедливости ради следует отметить, идеально чистой скатерти, покрывавшей столик с моим завтраком. Бывают иногда моменты (у кого-то часто, у иных — лишь изредка), когда вот так обернешься на птичий посвист, случайный автомобильный гудок, всплеск волны или на дуновение ветра, да и замрешь, не в силах оторвать остановившийся взгляд

от изгиба ветки с молодыми сосновыми иголками, сетки трещин на придорожном камне, лица старухи или ребенка или капель, падающих с карниза старого дворца на краю площади Опера. Минута прошла или вечность — кто знает. Спросили бы — что я там увидела — разве объяснишь?

В предгорьях еще лежал снег, странно контрастирующий с матиссовской, неправдоподобно-пронзительной зеленью травы на склонах. Мокрый асфальт празднично блестел в прорывающихся сквозь тучи лучах предвечернего солнца, когда за окнами моей старенькой машины поплыли, наконец, уютные кварталы городка.

Я услыхала эту печальную историю в день приезда, так что потом было достаточно времени на размышления и оценки. Быть может, кто-то узнает здесь себя, кто-то — своих знакомых или друзей. Чувства — это великий и непознанный мир, и кто знает, что таится в каждом из нас?

* * *

В тот день Бернар закончил работу раньше обычного. Жак, механик, поливал из резинового шланга деревянные мостки, о чем-то мурлыкая себе под нос и не забывая вовремя затягиваться сигарой. Молодой швед, капитан гигантского танкера, в данный момент стоящего в доке где-то в Панаме, вежливо откозырял, прощаясь до завтра, и направился, весьма внушительный в своем безупречном костюме, к стоянке новенькой «хонде». Поворотом рычага Бернар погасил разбросанные по глади озера небольшие плавучие маяки и накинул куртку. Пора домой.

Но, как ни странно, возвращаться не хотелось, и

Бернар долго курил, сидя в машине и стряхивая пепел в приоткрытое окно.

В общем, нельзя сказать, что ему не везло. Хорошая работа, любимая жена, сынишка, дом — стоит ли требовать от жизни большего? Но иногда приходили минуты, когда становилось обидно. Что-то тут не так. Другие, не он, водят сквозь бури стальные корабли. Другие, не он, наперечет помнят все портовые кабаки от Фриско до Касабланки. Другие полной грудью вдыхают ветры океанов, это их любят женщины с разных континентов и это они покидают уют и теплые дома, чтобы, поднявшись на мостик, уйти в ночь и шторм. А его удел — командовать игрушечными кораблями на игрушечном море. Уходит не он — уходят от него. Друзья, с кем вместе начинал, давно стали просоленными морскими волками и только изредка заглядывают, чтобы рассказать о дальних странах и оставить очередную раковину для каминной полки.

Однажды ушла и любимая женщина.

* * *

Она вышла из ванной и положила руки ему на плечи. Сквозь тонкую ткань пижамы он ощущал ее влажную кожу. Ощутил ее тело и ток крови в нем.
— Ты злишься оттого, что я ревную тебя к твоим друзьям? — спросила она.

Он отрицательно покачал головой. До чего хороша. И теперь, через восемь лет, Бернар отлично помнил каждый изгиб ее тела, абрис чувственных губ, тяжесть волос, он мог с закрытыми глазами нарисовать ее профиль и заставить ее голос, чуть хрипловатый глубокий, бесподобный голос зазвучать в своих ушах так, словно он и вправду его слышит. Мог. Но он почти

никогда этого не делал. Он запретил себе вспоминать. Почти запретил.

Наяда, вышедшая из волн океана. Шелковистая кожа, пахнущая водой и молодостью.

— Пусти меня, — сказал он.

Она ничего не ответила. Эта чистая линия от высоких скул к подбородку. Губы. Тяжелые веки и ее грудь, прижимающаяся к его груди...

— Пусти меня, или...

— Или?.. — переспросила она.

* * *

Перед открытым окном гудела пчела. Бернар следил за ней взглядом. Вероятно, сначала ее привлекали гвоздики, стоящие в вазе на соседнем окне, а теперь она искала другие цветы. Пчела влетела в комнату, покружилась и наконец села на край рюмки из-под кальвадоса, стоявшей на подоконнике.

— Ты соскучился по мне? — спросила Матильда.

— Соскучился.

— Очень?

— Очень.

Они не виделись тогда недели две, и это показалось вечностью. Матильда уезжала куда-то под Ниццу, чтобы рисовать пляжи и морские пейзажи, а он в тот год изо всех сил штудировал лоцию Северного моря. Он мог тогда, проснувшись среди ночи, без запинки перечислить все маяки на подходе к Роттердаму или мели у побережья возле Остенде, он помнил названия всех лоцманских буксиров в Па-де-Кале и расписание паромов из Дюнкерка, он был почти готов к тому, чтобы стать настоящим моряком. Он любил море и относился к своим занятиям очень серьезно.

Пчела, медленно покружив над рюмкой, вылетела в окно — к солнцу и свободе.

Бернар лежал рядом с Матильдой. Лето, подумал он. Лето, утренний луг, волосы, пахнущие сеном, кожа, шелковистая, как клевер... Зеркальная гладь отражает улыбающееся лицо... Словно в мгновенном озарении встают перед глазами березы и тополя... И приходит покой... Исчезло все истлевшее, омертвевшее. И лишь едва различимым эхом далеких, потерянных небес отдается в крови чуть слышное гудение.

— Мне бы так хотелось остаться у тебя, — сказала Матильда, положив голову ему на плечо.

— Оставайся, уснем. Мы мало спали.

— Не могу. Я должна уйти.

— В вечернем платье? Куда ты сейчас в нем пойдешь?

— Я принесла с собой другое.

— Каким образом?

— Под плащом. И туфли тоже. Они лежат под моими вещами. Я взяла с собой все необходимое.

Она не сказала, куда и зачем ей нужно идти, а Бернар ни о чем не спросил.

Снова прилетела пчела. На этот раз она сразу же устремилась к рюмке. Видимо, кальвадос пришелся ей по вкусу. Или, по крайней мере, фруктовый сахар.

— Ты настолько была уверена, что не останешься у меня?

— Да, — сказала девушка, не шевелясь.

Их встречи обычно напоминали растянутый во времени взрыв ручной гранаты. Или молнию в горах, вспыхнувшую в сухом стоячем воздухе меж двух укутанных во тьму вершин. Или катастрофу. В последнее время все чаще именно катастрофу, и было понятно, чем в конце концов все кончится.

Идеальные любовники — это те, кто ничем не занят.

Праздность — вот та питательная среда, в которой вырастает истинное наслаждение. Ленивое ожидание, сладкая и томная атмосфера гарема, бесконечной неги, в которой медленно и тихо, как в окружении обогревателей и экранов в зимнем саду, зреют таинственные и неизъяснимо прекрасные цветы желаний. Уроки же живописи в вечно спешащем, неугомонном и ветреном Париже, равно как и штудирование учебников по мореходству, явно не пошли тогда на пользу их отношениям. Он стал ревнив и раздражителен, она — издергана.

* * *

Матильда осторожно поставила бутылку вина рядом с кроватью. Она слышала, как дыхание Бернара становилось все более ровным и наконец сменилось уютным посапыванием. Она вынула из небольшой сумки платье и туфли взамен тех, которые были на ней вечером, и надела их. Солнце за окном клонилось к закату. Было очень тихо. Она еще раз взглянула на спящего Бернара и чуть слышно вздохнула. Честно говоря, ей совсем не хотелось уходить. Но разве человек всегда делает то, что хочет? Увы, чаще наоборот, и в этом, должно быть, тоже есть смысл. Она осторожно открыла дверь и выскользнула на лестничную клетку.

Матильда сошла вниз, кутаясь в полумрак подъезда, как в старинное кастильское покрывало. Ее слегка знобило.

Выйдя на улицу, она без всяких приключений добралась до бульвара Сен-Мишель. Но там на нее градом посыпались предложения — от белых и коричневых, от чернокожих и желтолицых. Казалось, она попала в трясину и ее облепила мошкара. За несколько минут

ей шепотом преподали краткий, но выразительный курс простейшей эротики; по сравнению с тем, что она услышала, взаимоотношения пары насекомых следовало считать идеалом чистой любви.

Слегка оглушенная всем этим, девушка села за первый попавшийся столик перед кафе. Проститутки бросали на нее пронзительные взгляды: здесь был их район, и они готовы были зубами вцепиться в каждую непрошенную гостью. Столик Матильды мгновенно стал центром всеобщего внимания. Порядочные женщины обычно не сидели одни в таком месте. Даже американки приходили сюда по двое.

В кафе Матильда получила много новых предложений: один мужчина предложил ей купить порнографические открытки, двое других — взять ее под свою защиту, трое — совершить с ними автомобильные прогулки. Кроме того, ей посоветовали приобрести поддельные драгоценности и щенков терьера, а также вкусить любовь ошивающихся тут же молодых негров в белоснежных теннисных рубашках или, сообразно вкусу, изысканно-утонченных лесбиянок. Не потеряв хладнокровия, Матильда сразу же вручила официанту чаевые, и он принял меры к тому, чтобы отразить наиболее сильный натиск. Теперь девушка смогла наконец выпить рюмку перно и оглядеться вокруг.

Бледный бородатый человек за соседним столиком начал рисовать ее портрет; какой-то торговец попробовал вручить ей молитвенный коврик, но торговца прогнал официант. Немного погодя к ее столику подошел юноша и представился: он был бедный поэт. Матильда уже поняла, что остаться одной здесь невозможно, покоя все равно не будет. Поэтому она пригласила поэта выпить с ней рюмку вина. Но поэт попросил заменить вино бутербродом. Матильда заказала ему ростбиф

Молодого человека звали Жерар. Поев, он прочитал по бумажке два стихотворения, а потом продекламировал еще два наизусть. То были элегии о смерти и увядании, о быстротечности и бессмысленности земного существования. Девушка развеселилась. Поэт, хотя и тощий, оказался великолепным едоком. Матильда спросила, может ли он уничтожить еще один ростбиф. Жерар заявил, что для него это не составит труда и что Матильда понимает поэзию. Но не находит ли она, что человеческая жизнь безотрадна? К чему жить? Жерар съел еще два ростбифа, и его стихи стали еще меланхоличнее. Теперь он принялся обсуждать проблему самоубийства. Что касается его, то он готов в любой момент покончить с собой — разумеется, не сегодня, после столь обильного ужина, а завтра. Матильда развеселилась еще больше. Несмотря на худобу, вид у Жерара был вполне здоровый, он явно проживет еще лет пятьдесят.

— А как же смерть? — спросила она Жерара, перед которым теперь стояла тарелка с сыром. — Что делать, если смерть еще печальнее жизни?

Меланхолично жуя, Жерар ответил вопросом на вопрос:

— Кто знает, может, жизнь дана нам в наказание за те преступления, которые мы совершили когда-то и ином, отличном от нашего, мире? Быть может, наша жизнь и есть ад, и церковники ошибаются, суля нам после смерти адские муки.

— Они сулят нам также и райское блаженство.

— Тогда не исключено, что все мы поголовно — падшие ангелы, и каждый из нас обречен провести определенное количество лет в каторжной тюрьме на этом свете.

— Но ведь при желании срок заключения можно уменьшить...

— Вы говорите о самоубийстве! — Жерар с восхищением кивнул. — Но люди не хотят и думать о нем. Их оно пугает. Хотя самоубийство — освобождение! Если бы жизнь была не жизнь, а огонь, мы бы знали, что делать. Выскочить из огня! Ирония заключается в том, что...

«Ирония — это все, что нам остается, — подумала Матильда. — И иногда, например, при таких проповедях, как эта, ирония весьма соблазнительна».

Она наблюдала, как Бернар, пристально разглядывая лица прохожих, прошел в десяти шагах от ее столика.

— Если бы все ваши желания исполнились, что бы вы потребовали от судьбы? Какое ваше самое большое желание? — спросила она Жерара.

— Я хочу только несбыточного, — не задумываясь, ответил поэт. Девушка с благодарностью взглянула на него.

— Тогда вам нечего больше желать, — сказала она. — Вы все уже имеете.

— Я и не желаю себе ничего, кроме такой слушательницы, как вы! — заявил Жерар с мрачной галантностью и прогнал художника, который как раз закончил портрет Матильды и подошел к их столику. — Навсегда! Вы понимаете меня!

— Дайте сюда ваш рисунок, — сказал Бернар разочарованному художнику. Он вошел в кафе и сейчас неодобрительно разглядывал Жерара.

— Убирайтесь, — сказал Жерар. — Разве вы не видите, что мы разговариваем? Черт побери, нам и без вас достаточно мешают. Гарсон, еще две рюмки перно! Выкиньте этого господина вон.

— Три, — сказал Бернар, садясь.

— Кто вы, незванный гость? — спросил Жерар, почти уверенный, что перед ним некто вроде сутенера,

который прибегает к обычным хитростям, чтобы познакомиться с красивой девушкой.

— Я, сын мой, директор сумасшедшего дома Сен-Жермен де Пре, а эта дама — моя пациентка. Сегодня у нее выходной. Что-нибудь уже случилось? Я опоздал? Гарсон, заберите нож. И вилку тоже.

Матильда засмеялась.

— Дело обстоит как раз наоборот, — сказала она, обращаясь к поэту. — Этот человек — мой бывший муж. Он убежал из психиатрической больницы. Для его заболевания характерно то, что он считает сумасшедшей меня.

Поэт был не дурак. Кроме того, он был француз. Поняв ситуацию, он поднялся с очаровательной улыбкой.

— Некоторые люди уходят слишком поздно, а некоторые — слишком рано, — заявил он, — надо уходить вовремя... Так сказал Заратустра. Мадам, завтра вас будет ждать здесь стихотворение, я оставлю его у официанта.

* * *

Однажды они заблудились в огромном универмаге и не менее двух часов бродили, взявшись за руки, по огромным залам, заваленным бельем, духами, готовыми костюмами, дамскими перчатками, галстуками всех мыслимых рисунков и расцветок, тюбиками с жидкостью бритья и обувью всевозможных размеров. В конце концов, после длительных поисков они додумались забраться в примерочную кабину — поистине, фантазия пылких влюбленных не знает границ — и нашли, что любовь в отделе дамской одежды — наверняка новое слово в мировой эротической практике...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Бернар остановил свой «ситроен» возле дома.

Он купил это уютное гнездышко почти сразу после свадьбы, получив приличную работу и кое-какие перспективы на будущее. Новая жизнь — новый дом, и прочь воспоминания. Так ему тогда казалось, словно кому-то хоть раз удалось уйти от самого себя. Понадобилось несколько лет, чтобы он... нет, не понял, но интуитивно почувствовал, как чувствуют, не умея сказать ни себе, ни другим, дети, лошади и собаки, что прошлое всегда рядом. Утром, днем и ночью, в широкой супружеской постели, оно при нем, как смертельная болезнь при умирающем даже в момент, когда тот весел и поднимает за праздничным столом бокал шипящего вина, как револьвер при шерифе из вестерна или как сурок при савояре. Прошлое пропитало его плоть, стало второй натурой, его несбывшиеся мечты о море и о дальних странствиях переплелись с воспоминаниями о покинутой женщине и залегли тихой подводной миной в глубинах подсознания. Кто знает, когда неосторожное прикосновение

тронет затаившийся взрыватель, кто знает, что ждет каждого из нас на коротком пути из небытия в небытие, именуемом жизнью?

Бернар боролся. Переезд из Парижа, тихий дом, провинциальный уклад, неспешный, размеренный распорядок жизни, визиты к соседям и служебные обязанности почти обуздали мощный темперамент. Еще десять-пятнадцать лет подобной жизни, и «карманный мореплаватель», как он сам себя называл в минуты недовольства, благополучно превратился бы в почтенного и заслуженного представителя среднего класса, какими столь богата французская глубинка.

Конечно, они не смогли бы скопить на дом так быстро, но Бернар получил небольшое наследство, да и тесть, не последний человек в строительном бизнесе Северной Лотарингии, не оставил молодую семью без поддержки. Так что все образовалось довольно быстро.

Бернару легко удалось войти в круг местного истеблишмента, в принципе известного необъятным самомнением, парадоксальным образом разбавленном природным добродушием и простотой нравов, но также отличающегося косностью и крайним консерватизмом. Вероятно, пропуском туда стало подчеркнутое исповедание им основных нравственных ценностей именно этого типа людей — труд, дом, порядок. По воскресеньям они с супругой неизменно посещали местную церковь, не забывая сделать приличествующие случаю пожертвования, Бернар всегда был готов перекинуться со знакомыми парой слов о политике, поругать радикалов и похвалить премьер-министра, сыграть в шары в сквере и поддержать пирушку или пикник на берегу реки за городом.

* * *

Бернар искренне (или почти искренне) считал себя счастливым.

Итак, в день, когда все началось, он вернулся с работы несколько позже обычного и поставил свой «ситроен» возле дома. В песочнице, специально сооруженной в прошлом году, возился его маленький сынишка Тома. Радость семьи, надежда и будущая опора, Тома пользовался безраздельной любовью родителей и с истинно галльским лукавством умел извлекать из этого маленькие выгоды.

— Привет, малыш! — он поцеловал ребенка. Возле соседнего дома, который до сих пор пустовал, он увидел незнакомого господина в сером пальто.

— Здравствуйте, мсье. Вы наши новые соседи?

— Нет. Я из бюро по найму домов.

Из дома вышел еще один человек и направился к ним. Он был невысокого роста, лет около сорока.

— Филипп Бушор, — он протянул руку Бернару.

— Бернар Куффре, будем знакомы.

— Здесь есть телефон? — спросил г-н Бушор.

— Нет, пока нет, — служащий из бюро хотел еще что-то сказать, но Бернар прервал его.

— Вы можете позвонить из моего дома, — предложил он и жестом пригласил к себе.

— Это очень любезно с вашей стороны.

Дом Бернара и Арлетт Куффре был небольшой, но уютный. Любой зашедший сюда чувствовал себя в нем удобно и легко. Его хозяева были милы и гостеприимны. Окружающие считали их образцовой семьей.

Арлетт вышла из кухни.

— Он будет снимать дом? — спросила она и поцеловала мужа.

— Да, через неделю.

— Он с женой, вдвоем?

Бернар пожал плечами.

— Не знаю. Он, может, еще не женат.

— Женат! — улыбнулась Арлетт. — У него на руке обручальное кольцо.

— А я и не заметил. Надо быть теперь настороже: в саду любовью больше не будем заниматься.

Арлетт засмеялась. Бернар приблизился к ней, обнял за талию, шепнув на ухо:

— Все к лучшему, я часто простывал на траве.

Они оба захохотали.

На улице играл Тома. Увидев нового мсье, подъехавшего на сверкающем новом «фиате», он бросил игрушки и поспешил навстречу. Тома было 5 лет. Каждое новое лицо в окрестностях вызывало у него живой интерес и, конечно, появление г-на Бушора он не мог оставить без внимания. Лицо этого человека нельзя было назвать красивым, но от него веяло порядочностью и добротой, что невольно вызывало симпатию.

Г-н Бушор выгружал из машины чемоданы, а Тома, который не мог быть безучастным, пытался тащить их к крыльцу.

Дом, который намеревался снимать Бушор, стоял серый и мрачный. Груда чемоданов лежала на полу. Тома подошел к пианино, стоящему среди всеобщего разора.

— Что-нибудь принести еще? — спросил малыш, нажимая на клавиши.

— Нет, спасибо. Все, отдыхай.

Тома стал играть. Вскоре с улицы послышался голос Арлетт, которая не могла найти куда-то запропастившегося сына.

— Добрый день, мадам, — г-н Бушор пригласил ее в дом, — Вы бывали здесь?

— Нет.

За ней в дом вошел Бернар. Г-н Бушор, казалось, сразу почувствовал неловкость из-за беспорядка.

— Я постараюсь все убрать побыстрее. Но пока...

Потом, как бы вспомнив, он быстро спросил:

— Вы не знакомы с моей женой? — Матильда! — позвал он. — Спускайся сюда.

Все посмотрели на лестницу, которая среди окружающего разгрома выглядела особенно громоздкой и неуютной. Бернар подошел к окну.

На лестнице показалась новая хозяйка дома. Она относилась к тому типу женщин, возраст которых трудно определить. Пышные черные волосы и такого же цвета глаза создавали резкий контраст с белой кожей. Впалые щеки и большой рот делали ее лицо резким и в то же время пленительным. Она улыбалась. Арлетт не могла не заметить: эта улыбка была ослепительна!

Филипп Бушор очарованно смотрел на жену и по его взгляду нетрудно было догадаться, что этот человек влюблен.

— Матильда, познакомься с мадам и мсье Куффре. Это наши новые соседи.

Матильда протянула руку Арлетт. Бернар, который продолжал стоять у окна о чем-то задумавшись, подошел к ним.

— Бернар Куффре.

Госпожа Бушор обернулась и... О Боже... Ее и без того большие глаза, казалось, стали размером с яблоко. Губы невольно задрожали. Бернара прошиб пот. Он чувствовал, что начинает краснеть.

Для обоих это была более чем неожиданность. Уже тогда, в эту минуту Бернар почувствовал смутную тревогу. Появление этой женщины не обещало покоя.

— М-Матильда Бушор, — выдавила из себя новая соседка.

Бернар взял ее руку. Она была холодной.

* * *

Арлетт встала с кровати, широко потянувшись, задвинула шторы. Окна новых соседей выходили во двор, и были как раз напротив.

— Они уже выключили свет. Рано спать ложатся, — зевнула она. — А правда, красивая жена у летчика?

— Он не летчик, а авиадиспетчер. Служит в аэропорту, — Бернар изо всех сил старался казаться безразличным.

— Но ты не ответил на мой вопрос, — не отставала Арлетт.

— Обыкновенная, — Бернар стоял у зеркала, как бы рассматривая свое лицо. — По-моему, она плохо впишется в наш пейзаж.

— Это как? — Арлетт удивленно посмотрела на мужа.

— В ней есть что-то беспокойное, — Бернар сел на кровать. — Вокруг покой. В деревьях, в воздухе, в самой земле, — он уже лежал на кровати и смотрел в потолок. — Нам так хорошо было одним, — грустно произнес он и погасил настольную лампу.

* * *

Арлетт поспешно собиралась на работу.

— Ну все. Последний штрих. — Она накрасила губы и поправила волосы.

Худенькая и невысокая, Арлетт не была красавицей и тем более не относилась к числу броских женщин. Наоборот, в ней все было просто. Короткие темные

волосы, карие глаза, худощавое лицо. Но в нем было столько благородства и внутренней чистоты. Она впервые внесла в его душу покой и надежду на тихое семейное счастье, о котором всегда мечтал Бернар.

Как обычно, он проводил ее до выхода, поцеловал.

Отец Арлетт вел обширное строительство не только во Франции, но и за ее пределами, получая выгодные подряды то в Эмиратах, то где-то в Африке. Этот волевой, в свои шестьдесят пять лет крепкий, как старый дуб, человек, обладал безошибочным деловым нюхом и странной склонностью к философствованию. Слабость эта приводила его к некоторому разброду в мыслях, заставляя утверждать сегодня одно, а завтра другое, лишь бы это не вредило его коммерции. Жан-Поль Лефевр, в общем порядочный сноб, считал себя поклонником Генри Джорджа и одновременно — столь бескорыстного утописта, как Роберт Оуэн. Впрочем, его снобизм не помешал ему в свое время жениться на Фанфан Одрни, простой эльзасской девушке, служившей в его главной конторе. Мадам Лефевр была любезная, обходительная, неглупая дама, чрезвычайно чувствительная к успеху в обществе, пусть даже это общество не представляло собой высшую аристократию. Быстро разобравшись, что для достижения успеха достаточно читать модные романы, интересоваться искусством и быть в курсе всех сплетен, она с большим усердием посвятила себя этим занятиям.

Любопытно было наблюдать, как характеры родителей, соединяясь, видоизменяются и повторяются в детях. Когда Арлетт подросла, у нее, непохожей ни на отца, ни на мать, проявились черты и того, и другого — создалась новая и интересная разновидность характера. Арлетт была тоненькая, гибкая, темноволосая девушка с бледным лицом и карими глазами, которые могли мерцать, сверкать, светиться, отражая внезапные

смены настроений этой странной души. Полный чувственный рот, грациозная посадка головы и мечтательное, почти дремотное выражение словно выточенного из камня лица. Она переняла от своих родителей тяготение к искусству, литературе, философии и музыке. В восемнадцать лет она мечтала стать певицей, художницей, актрисой, писать романы, стихи — ей хотелось всего сразу. Свято веря в безупречность своего вкуса, она целиком отдавалась во власть каждой прихоти, каждого мимолетного настроения, если находила его изысканным — величайшее достоинство в ее глазах. В семье Лефевров росла отъявленная сластолюбка, проводя время в мечтах, рисуя себе любовный союз то с одним артистом, поэтом или музыкантом, то с другим, окружая себя в мечтах целым сонмом представителей этого заманчивого, увлекательного мира.

Бернар увидел Арлетт однажды июньским утром в марсельском порту на борту туристского теплохода. Он направлялся на Майорку с твердым намерением отдохнуть, наконец, как следует. Перегнувшись через поручни, Арлетт следила за стаей белокрылых чаек, круживших около камбуза. Она была целиком погружена в мечты, сознавая (вполне отчетливо), что целиком погружена в мечты. Бернар обратил на нее внимание, отметив, что она хорошо сложена, грациозна и что темно-синее платье и пышный серый газовый шарф, окутывавший ее стан, плечи и перекинутый через руку на манер индусских женских одежд, чрезвычайно ей к лицу.

Ему бросились в глаза ее бледность, темные круги под глазами, и он подумал, что она, вероятно, плохо переносит качку. Не ускользнули от его острого взгляда и ее красивые волосы под кокетливой модной шляпкой. В тот же день он встретил Арлетт еще раз: она

и ее отец сидели на мягких диванах в корабельном салоне.

Бернар не знал сначала, как отнестись к этой девушке, невольно его заинтересовавшей. Ее изменчивый, парадоксальный, но в общем добрый нрав открылся ему далеко не сразу. Арлетт имела неплохие актерские данные, которыми не забывала пользоваться, когда дело шло о милом и в меру захватывающем приключении. Бернару понравился несколько восточный тип ее лица, нежная округлая шея, темные мечтательные глаза. Но она была слишком молода, показалась ему на первый взгляд еще не сложившемся подростком — и он не удостоил ее должным вниманием.

Во время этого путешествия, продолжавшегося несколько дней, Бернару часто приходилось встречаться с Арлетт, наблюдать ее в самых различных настроениях. Он видел, как она гуляла по палубе с каким-то молодым человеком, вызывавшем, по-видимому, ее живейший интерес, играла в теннис под натянутой над палубой сеткой или сидела где-нибудь в уголке, защищенном от ветра и морских брызг, углубившись в чтение.

И всегда при этом у нее был наивный, подчеркнуто невинный, мечтательный вид. Но порой ею овладевало какое-то дикое, безудержное веселье, и тогда она разом преображалась, лицо ее словно оживало, в глазах вспыхивал огонь. А минуту спустя она уже меланхолично сидела, покачивая ногой и подперев щеку кулаком.

На Майорке Бернар сошел с теплохода и до конца года больше не встречался с семейством Лефевр. Откровенно говоря, он нашел Арлетт малозначительной, бледной девочкой, лишенной обаяния цветущей юной женственности, столь притягательного для мужчин, и потому отнесся к ней с несколько безразличным дружелюбием.

Потом, уже в Париже, он случайно повстречал ее у общих знакомых. Слово за слово, они разговорились и в конце концов Бернар пригласил Арлетт к себе домой, в маленькую квартиру в пригороде.

Ей понравилось рассматривать экзотические раковины, кораллы и высушенных рыб, выловленных чернокожими рыбаками из теплых вод далеких морей, понравилось листать старинные лоции и совершенно непонятные книги с чертежами и схемами, рассматривать картины на стенах или, забравшись с ногами на обширный диван, перебирать в задумчивости потемневшие от времени арабские четки, привезенные когда-то из Алжира отцом Бернара.

Во всех этих старинных книгах, милых безделушках и незамысловатых поделках для Арлетт открылось почти чувственное очарование, которое испытывают только художественные натуры. Они действовали на нее, как музыка; они будили в ней смутные мечты, какие-то далекие, исполненные невиданного великолепия сцены рисовались ее воображению, она вздыхала, грезила и душу ее переполнял настоящий экстаз.

В такие минуты Арлетт думала о Бернаре. Любит ли он все эти вещи, или просто окружил себя символами своей несбывшейся судьбы?

Она немного слышала о псевдоценителях экзотики, которые интересуются ею исключительно напоказ.

Арлетт снова видела Бернара на палубе теплохода, как он расхаживал взад и вперед, вглядываясь в горизонт, и она чувствовала на себе внимательный и твердый взгляд его серых глаз, в которых, как ей казалось, светился недюжинный ум. В самом ближайшем будущем Бернар, по ее мнению, должен был стать человеком еще более важным и значительным, чем ее

отец, хотя она и не могла сказать, откуда у нее взялось это убеждение. Уж не оттого ли, что он был всегда так безукоризненно одет и так уверенно держался? Ничего, казалось, не могло вывести этого человека из равновесия. И во всем, что он говорил или делал, Арлетт чудилась какая-то спокойная, дружеская ласка, хотя, сказать по правде, в ее присутствии он почти ничего не говорил и еще меньше делал. В глубине его глаз Арлетт невольно читала насмешку, словно он посмеивался в душе над чем-то. Но над чем? Этого она не могла разгадать.

* * *

Однако ничто не тянется бесконечно. В конце концов случилось то, что и должно было случиться, и Арлетт стала для Бернара чем-то большим, чем просто забавная игрушка.

Арлетт Лефевр впервые обратила на себя серьезное внимание Бернара Куффре в один из тех странных дней, когда, по утверждениям астрологов, неоднократно экспериментально проверенным добровольцами, лучше всего сидеть дома и ничего не делать.

Она стояла, склонившись над столом с разложенной на нем коллекцией минералов, собранных в предгорьях Пиринеев, когда он заметил вдруг, что она красива.

Бернара восхитила ритмичная линия ее гибкого тела, и он подумал, что Арлетт — удивительная девушка, очень своеобразная, что, быть может, именно ей предначертано составить счастье его столь непонятно для него самого текущей жизни. А Арлетт в это время думала о нем.

— Ты находишь занятными эти безделушки? — спросил Бернар, подойдя к ней и став рядом.

— Ах, они чудесны! Особенно вон те, темнозеленные. И эти бледные, почти белые, тоже прелесть! А какие они тяжелые... Эти камни были бы хороши с китайским костюмом. Я всегда мечтала найти какую-нибудь китайскую или японскую пьесу для постановки.

— Да, — сказал Бернар. — Серьги вот с этими камешками очень подошли бы к твоим волосам.

Никогда раньше он не говорил о ее внешности. Арлетт подняла на него темные, бархатисто-карие глаза, светившиеся мягким матовым блеском, и Бернар подумал, что они поистине прекрасны; и руки тоже красивы — смуглые, с ухоженными ногтями и энергичной линией пальцев.

Больше они не сказали ни слова.

* * *

Как бы ужаснулся Бернар, если бы лет семь тому назад, когда он еще вовсю готовил себя к большой морской карьере, ему сказали, что ничего ему не нужно искать и выдумывать, что его колея давно пробита, определена навечно и что, как он ни вертись, он будет тем, кем были все в его положении.

Он не смог бы поверить этому!

Разве он не всей душой желал то командовать супертанкером, доставляющим нефть с Ближнего Востока, то отправиться в экспедицию в мало изученные районы Амазонки, чтобы этим доказать наконец и себе, и окружающим, что он вовсе не ленивый увалень, а настоящий мужчина, каких поискать, то его привлекала политическая деятельность и он едва не собрался баллотироваться от своего округа. Но все это непонятным для него самого образом так и оставалось всякий раз не более, чем проектом, не затрагивающим цепь

текущих своим чередом реальных событий. И вместо всего этого — вот он, респектабельный муж добродетельной жены, лояльный гражданин среднебуржуазного толка, любящий покушать, в меру выпить и побранить слегка правительство, член местного теннисного клуба, куда записался более из вежливости, чем из любви к спорту, и всеми уважаемый член местного общества. Бернар долго не мог в душе примириться с мыслью, что он и есть тот самодовольный буржуа, тип которого он так глубоко презирал лет семь назад, живя в Париже.

Иногда он утешал себя мыслями, что это только так, пока, на время. В минуты отчаяния, когда он думал о своем положении, ему казалось, что он совсем другой, отличный от тех неудачников, которых он презирал прежде. Что те были серые и глупые, довольные и успокоенные своим положением, а он талантлив и образован, он знает, чего хочет, и когда-нибудь этого добьется. А пока, думал он, нужна тихая пристань, нужен тыл, на который всегда можно было бы опереться, рассчитывать в случае чего.

На Бернара не находили, как прежде, минуты отчаяния, хандры и отвращения к жизни, но эта болезнь, выражавшаяся прежде резкими приступами, была вогнана внутрь и ни на мгновение не покидала его. Ему лишь казалось, что все обстоит наилучшим образом, или вернее, ему хотелось, чтобы так казалось.

«К чему? Зачем? Что такое творится на свете?» — спрашивал он себя иногда во время ночной бессонницы, невольно начиная вдумываться в смысл явлений жизни. По опыту зная, что на вопросы эти нет ответов, он спешно старался отвернуться от них, брался за книгу. В другой раз Бернар ночь напролет просиживал в

гостиной, прикуривая сигарету от сигареты и провожая взглядом кольца дыма, поднимающиеся к потолку. Большую часть времени он посвящал работе. Ему казалось, что старательное исполнение служебных обязанностей как-то компенсирует то, чего он не добился в других областях. Одно время Бернар работал, как одержимый, что довольно быстро вывело его в число лучших специалистов. В конце концов он привык. Привык к туманам над горным озером, к маленьким маякам, к добродушному мурлыканью механика Жака и к ненастоящим кораблям в ненастоящем море.

Иногда Бернар вспоминал о слышанном им рассказе о том, как на войне солдаты, находясь под пулями в укрытии, старательно изыскивали себе занятие, для того, чтобы легче было переносить опасность. И Бернару все люди представлялись такими солдатами, спасающимися от жизни: кто с помощью женщин, карт, вина или политики, кто писанием законов, кто увлечением спортом, лошадьми или охотой, кто государственными делами. «Нет ни ничтожного, ни важного, все равно; только бы спастись от необходимости просто думать, — говорил себе в часы размышлений Бернар. — Спастись, как умею».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Ну пока!

Арлетт нежно чмокнула Бернара в щеку и спустилась по ступенькам крыльца. Машину она всегда водила с откровенной неохотой, предпочитая пешие прогулки. Бернар проводил глазами стройную фигуру жены. На душе было спокойно.

В это время Матильда стояла у своего окна. Едва Арлетт вышла из дома, она стала поспешно листать телефонную книгу. Потом взяла телефон и медленно, с большими паузами набрала номер. В доме напротив раздался звонок. Бернар подошел к телефону.

— Я знаю, что ты один. Мы можем поговорить?

В груди у него екнуло и похолодело.

— Мы можем говорить когда угодно, — Бернар старался сохранить спокойствие, хотя чувствовал, как все переворачивается внутри.

— Да, конечно. Ты ведь не сказал ей? Твоя жена не знает, что мы знакомы? — Голос Матильды был обворожительным. От него Бернара бросало в дрожь. Как и восемь лет назад.

— Нет. А ты?

— Я ему скажу. Он все поймет. Филипп — прекрасный человек.

— Что ж, я очень рад за тебя. Ну привет! — Бернар хотел положить трубку.

— Нет, подожди, — взмолилась Матильда. — Я изменилась, правда?

— Нет. Ты такая же, как раньше, — в голосе Бернара чувствовалась нежность. Он перестал контролировать себя.

— Ты это говоришь мне назло. Но ведь я не думала, что встречу тебя здесь. Этот дом — случайность. Его нашел Филипп. Если бы я знала... Я бы отговорила его.

Матильда пыталась оправдаться. Ей так хотелось слышать его голос. Но это стало злить Бернара. Он нервничал.

— Прости, мне пора на работу, — он хотел закончить этот бесполезный разговор.

— Постой, Бернар. А у тебя как дела? — и робко добавила: — ты звони мне. Запиши номер. У тебя есть ручка?

— У меня нет ручки, и я не буду звонить, — Бернар со злостью швырнул трубку.

Что за женщина! Настоящий дьявол! Ну что ей надо? Господи! За что судьба так наказала его? Все ведь было так хорошо. У него чудесная жена, прекрасный ребенок. Они были так счастливы вместе. Стоп! Были... Почему были? Да потому, что он никогда не сможет спать спокойно, пока эта женщина будет здесь, рядом. Он постоянно будет чувствовать ее присутствие, ее взгляд...

О, этот взгляд! Только от него одного, такого томного и коварного он восемь лет назад сходил с ума.

Он боялся. Боялся, что она опять принесет ему несчастье. Такие женщины не сулят покоя, они нена-

сытны и коварны, не довольствуются малым, поглощают тебя целиком, твой ум, твою душу и тело.

Ночью он не мог уснуть. Долго ворочаясь с боку на бок, он пытался забыться. Но мысли! Они будоражили ум, не давали покоя.

Арлетт мирно спала, слегка откинув голову, тихо дышала. Ей хорошо. Она ни о чем не догадывалась и продолжала жить в том чистом, светлом, беззаботном мире, в котором до недавнего времени существовал и он, Бернар. А теперь что-то пошатнулось, нарушился привычный жизненный уклад. А самое главное, он чувствовал, что уже не может быть кристально чистым перед женой, этой замечательной женщиной, подарившей ему столько счастья. Не может, потому что в глубине души он сознавал вновь проснувшееся непреодолимое желание к Матильде. Разум пытался сдержать, задушить эти нелепые, грешные чувства, но душа и тело не слушались, требовали своего.

Он встал, подошел к окну. Стояла ночь. Соседские окна были зашторены. Конечно, она спит. В обнимку со своим уравновешенным мужем! Ей нет дела до его страданий. Появилась в его размеренной, только-только наладившейся жизни, разбередила душу и спокойно смотрит радужные сны! Что ни говори, а все женщины, в общем, одинаковы!

Хотя... Нет. Он слишком хорошо знал свою Матильду Вовсе она не спит. Наверняка лежит в темноте с открытыми глазами и думает о нем. Как когда-то.

Тихонько, на цыпочках, чтобы не разбудить Арлетт, он вышел из спальни и спустился вниз. Уснуть явно не удастся. К тому же неплохо бы чего-нибудь перекусить. Сколь драматична ни была бы ситуация, бренное тело нет-нет, да и напомнит о своем существовании.

После этого злополучного звонка он весь день не

мог заставить себя съесть ни крошки. Какой там обед или ужин! И вот теперь неплохо было бы восполнить пробел. Заодно и обдумать сложившуюся ситуацию.

Открыв холодильник, он внимательно, глазом знатока и ценителя, осмотрел его содержимое. Выбрал аккуратно нарезанную лососину, уложенную в фаянсовую тарелку с голубым ободком. Поставил тарелку перед собой, сел.

Странно, но рыба показалась ему в этот момент не аппетитнее подметки. Он машинально пытался жевать, то и дело останавливаясь, и мысли его витали весьма далеко от их уютного домика.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Воздух города был поистине великолепен в то апрельское утро. Он таял во рту, как карамелька, сладкий, прохладный, влажный и сияющий, квинтэссенция весны, чистейший озон. Поразительно — в самом центре города — на Страсбургском бульваре, дышалось ароматом вспаханных полей и моря. Это чудо сделал ливень, озорной апрельский дождь, которым капризница-весна нередко возвещает о своем приходе.

Еще дорогой поезд догнал тучу, черной полосой обрезавшую на горизонте поля; но только около Мо, когда уже видны были разбросанные по окраине города игрушечные дома-кубики, когда уже поднимались над потускневшей зеленью крикливые рекламы, когда уже складывала свои дорожные принадлежности — бесконечные флакончики, футляры, коробочки — сидевшая напротив Матильды пожилая англичанка, только около Мо прорвалась наконец набухшая, набрякшая водой злобная свинцовая туча, от самого Эпернэ бежавшая наперегонки с составом.

Сигнал был подан бледной вспышкой молнии, и

тотчас же туча с воинственным грохотом обрушила на землю водные потоки и стала поливать поезд мокрым пулеметным огнем. Окна плакали под метким обстрелом больно бьющего града, и вагоны сдались на милость победителю, покорно подставляя лоснящиеся бока.

Ничего не было видно, ничего не было слышно — только капли, перебивая друг друга, торопливо барабанили по стеклу и металлу, и поезд, спасаясь от ливня, бежал по блестящим рельсам, словно преследуемый зверь.

И что же — не успел состав благополучно прибыть на Восточный вокзал и остановиться под огромной спасительной крышей, как за серой, ровно обрезанной кромкой дождя уже блестел бульвар. Острый луч солнца пронзил своим трезубцем убегающие тучи, и фасады домов загорелись, как начищенная медь, и небо засверкало океанской синевой.

Словно Афродита, в сиянии наготы встающая из волн морских, божественно прекрасен вставал город из сброшенной пелены дождя. И сразу, слева и справа, из сотен укромных уголков, из сотен убежищ высыпали на улицу люди. Они отряхивались, смеялись и бежали своей дорогой. Возобновилось приостановленное движение, покатились, зашуршали, загрохотали в уличной толпе сотни колес, все дышало и радовалось возвращенному сиянию дня.

Даже чахоточные деревца на бульваре, крепко зажатые в твердую рамку асфальта, омытые и обрызганные дождем, потянулись своими острыми пальчиками-бутонами к обновленному, насыщенному синевой небу и сделали робкую попытку заблагоухать.

И как это ни удивительно, свершилось чудо — попытка эта увенчалась успехом. Несколько мгновений в сердце Парижа, на Страсбургском бульваре, явствен-

но ощущалось нежное, робкое дыхание цветущих каштанов.

Великолепно в этот апрельский день было и то, что, приехав рано утром в Париж, Матильда до самого вечера была свободна. Она только недавно впервые прибыла в столицу, чтобы продолжить образование. Ее мечтой было когда-нибудь стать настоящей художницей. Матильда была очень молода, в меру наивна и в меру же самонадеянна.

Ни одна душа из нескольких миллионов парижских жителей еще не знала, что Матильда здесь, никто не ждал ее. Для Бернара ее появление должно было стать приятной неожиданностью.

Итак, она ощущала божественную свободу, она могла делать все, что ей заблагорассудится. Например, отправиться в зоопарк. Или попробовать соблазнить постового ажана. Или стоять на мосту и сколь угодно долго наблюдать, как играют на водной глади шаловливые солнечные зайчики, как плывет по Сене прогулочный кораблик и как стоят в картинно-сосредоточенных позах, прикрыв головы выцветшими шляпами, знаменитые парижские рыбаки.

Она могла, если ей захочется, без цели шататься по городу или читать газету, словно в газетах можно прочитать что-то интересное, могла позавтракать или просто посидеть в кафе, или пойти в музей, могла глазеть на витрины магазинов или рассматривать книги в лавках букинистов на набережной.

Она могла позвонить друзьям или просто глядеть на ласковое синее небо. Но, к счастью, ей помог всезнающий инстинкт и она сделала самое благоразумное, что можно было сделать, а именно — не сделала ничего.

Матильда не составила никакого плана, она дала себе полную свободу, отрешилась от всяких намерений

и целей и предоставила случаю выбрать ей путь. Короче говоря, она отдалась во власть уличного потока, медленно проносившего ее мимо сверкающих витринами магазинов берегов и быстрее — через речные пороги — переходы с одного тротуара на другой.

В конце концов волны выкинули ее на бульвары. Чувствуя приятную усталость, девушка нашла временное пристанище на террасе кафе на углу бульвара Хаусман и улицы Друо.

«Ну вот, опять я здесь, — думала Матильда, закуривая тонкую дамскую сигарету и томно откидываясь на спинку плетеного белого стула, — и вот передо мной Париж. Ну, прекраснейший из городов, столица поэтов, центр мира и любимец богов, начинай, выкладывай, что имеешь. Покажи, чему научили тебя ясноглазые мечтатели и международные авантюристы, покажи мне твой непревзойденный фильм »Парижские бульвары", шедевр света, красок и движения, фильм, в котором участвуют тысячи неоплаченных и неподсчитанных статистов под звуки неподражаемой музыки твоих улиц, звенящей, грохочущей, шумной.

Не скупись, скорее покажи себя, покажи, на что ты способен, заведи свою исполинскую шарманку, дай послушать шумы и звуки твоих улиц, пусть катятся машины, кричат рекламы, ревут гудки, сверкают магазины, спешат люди — вот я сижу и жду, я хочу почувствовать тебя, у меня есть досуг и охота смотреть и слушать до тех пор, пока не зарябит в глазах и не замрет сердце. Ну начинай, не скупись, не утаивай ничего, больше, больше давай, громче, громче и ярче, давай все новые крики и возгласы, гудки и дребезжание, гул и обрывки музыки.

Меня все это не утомит, я вся превратилась в зрение и слух, ну скорей, отдайся мне целиком, ведь я тоже

отдаюсь тебе, отдайся мне, вечно новый, вечно пленительный город!"

И — третье очарование этого необычного утра — она уже ощущала по знакомому трепету в крови, что сегодня у нее опять один из тех ее приступов любопытства, которые чаще всего приходили к ней после путешествия или бессонной ночи.

В такие дни Матильда чувствовала себя раздвоенной и даже, если сказать поточнее, в ней уживалось сразу несколько человек. Причем не все они блистали христианскими добродетелями. Ей уже мало было тогда ее собственной, ограниченной определенными рамками жизни. Что-то напирало, теснило ее изнутри, словно выталкивая Матильду из оболочки, из ее собственного тела, как бабочку из куколки. Все поры раскрыты, все нервы напряжены, это были уже не нервы, а тончайшие горячие нити.

В такие моменты у нее появлялось какое-то сверхслышание, сверхвидение, мысль работала с пугающей ясностью, слух и зрение необычайно обострялись.

Все, чего тогда касался ее взгляд, завораживало своей тайной. Она могла часами наблюдать за дорожным рабочим, как он вздыбливает асфальт пневматическим молотком, и каждое движение его вздрагивающих плеч невольно передавалось ей.

Она могла долго стоять под чужим окном и выдумывать жизнь незнакомого человека, который здесь живет или мог бы жить, она могла следить за прохожим и часами идти за ним по пятам, притянутая, как магнитом, бессмысленным любопытством, ясно сознавая при этом, что поведение ее покажется непонятным и глупым всякому, кто случайно обратит не нее внимание.

И все же эта игра увлекала ее сильнее, чем любое театральное зрелище или приключение, о котором рассказано в книге. Быть может, такая сверхвозбудимость самым естественным образом была связана с переменой места и являлась простым следствием скачка атмосферного давления и вызванного им изменения состава крови — она никогда не пыталась объяснить себе это странное нервное состояние.

Но каждый раз, когда оно у нее появлялось, обычная жизнь начинала казаться ей пресной и будничной, а все ее события бледными и неинтересными. Только в такие минуты Матильда в полной мере ощущала все феерическое многообразие бытия.

* * *

Итак, в теплый апрельский день Матильда сидела за столиком на берегу человеческого потока и, с самого утра впав в свое странное состояние сверхоткрытости окружающему миру, напряженно ждала, сама не зная чего. Она инстинктивно чувствовала, что сегодня ей непременно встретится кто-то или что-то, ибо сегодня ее особенно томили полуосознанные, подсознательные желания.

Но улица, поначалу казавшаяся столь восхитительно захватывающей, постепенно наскучила, как может наскучить даже самая захватывающая яркая череда картин. Через полчаса Матильда уже устала глядеть на людской поток, она перестала различать лица в выплеснутой на бульвар пестрой толпе.

В глазах рябило от желтых, белых, коричневых лиц, от разнообразных шляп и кепи, ненакрашенных или напротив размалеванных самым грубым образом губ и глаз — все слилось в скучную ленту, в бесконечную толпу, несущую куда-то свое тысячеголовое тело без смысла и надежды. И чем больше уставали ее глаза,

тем бесцветнее, мутнее казалась катившаяся перед террасой человеческая волна.

Она была утомлена, как от просмотра мигающей и нечеткой копии фильма в плохом окраинном кинотеатре, и уже собирались встать и уйти.

Есть люди, у которых лучшие их качества тщательно спрятаны от постороннего взгляда в глубинах души. Такие с виду обычно не особенно привлекательны и не вдруг вызывают симпатии окружающих. Нужно время, чтобы о нем сказали: «Прекрасной души человек!» Встречается и иной тип. Тогда хорошее и наиболее привлекательное сразу бросается в глаза и моментально вызывает симпатии. Разумеется, в первую очередь женщин.

Молодой человек, как-то вдруг и в высшей степени естественно оказавшийся возле столика Матильды, принадлежал, без сомнения, ко второму типу. Высокий, безукоризненно сложенный блондин с красивым и волевым лицом. Все в его облике, от коротко стриженных светлых волос и свежевыбритого подбородка до отлично сшитого дорогого костюма, было просто и изящно. Легко и аккуратно обогнув другие столики, он подошел к Матильде.

По мере приближения к ней, красивые глаза его особенно заблестели, и с чуть заметной скромной улыбкой, совсем не похожей на приторно-сладкие улыбки уличных ловеласов, (с кем Матильде не раз уже случалось сталкиваться), он поклонился девушке и произнес комплимент.

Несмотря на попытку держаться стиля роковой женщины, Матильда была слишком молода и не успела еще пережить ни одного серьезного увлечения. Видимо, это, а также некоторое безразличие позволили ей только со второго взгляда наконец узнать подошедшего.

* * *

Молодого человека звали Бернар Куффре и они в самом деле встречались где-то во время ее прошлого приезда в Париж.

И следующий час на парижском бульваре — с одиннадцати до двенадцати — промелькнул для нее, как одно мгновение. Он был насыщен неослабевающим напряжением, бесчисленными волнующими колебаниями и милыми случайностями; потом она могла бы без конца рассказывать об этом часе, так он был наэлектризован энергией, так возбуждал своей скрытой от мира игрой.

До того дня она даже не подозревала, что простая беседа с мужчиной может оказаться столь волнующей и сладкой, когда пульс так громко стучит в висках, что кажется: прохожие вот-вот начнут оборачиваться, когда простая игра в ничего по существу не значащие вопросы и ответы превращается в захватывающий поединок, где оружие — модуляции голоса, ленивый жест, взгляд из-под полуопущенных век и где оба соперника — одновременно победители и побежденные, палачи и жертвы, стрелки и их мишени. Никогда еще Матильда не попадала столь молниеносно под чье-либо обаяние, если, конечно, не иметь в виду киногероев.

— Как странно — учиться в Париже. Вы — мужчина, вам проще. А я, честно говоря, поначалу даже не мечтала об этом.

— Собственно, я сюда не особенно стремился. Моя мечта — море. Я держу экзамен по навигации.

— А все-таки странно. Почему вам это нравится?

— Не знаю, — сказал Бернар. — Есть вещи, которые нельзя объяснить.

— Разве? А меня всегда учили, что таких вещей нет.

— Это очень мило.

— Мы непременно должны поддерживать такой разговор?

— Нет, — сказал Бернар.

— Слава Богу.

— Что это у вас за папка?

Матильда была довольно высокого роста, одета она была в тот день в кремовое платье, которое очень шло к ее золотистой коже и блестящим волосам. Она показалась Бернару еще более красивой, чем в тот раз, когда он увидел ее впервые. На столике возле нее лежала довольно большая папка серого картона.

— Это мои рисунки, но уверяю вас — ничего интересного.

— О...

— Нет, правда. Я с детства рисую, но не сказала бы, что пока очень преуспела.

— Но ведь вы учитесь. Вот погодите немного, и увидите, как начнет получаться. Мой отец всегда так говорит — работай каждый день, и в конце концов получишь все, чего бы ни захотел. А он у меня умный старик.

— Мне нравится смотреть на людей вот так, как сейчас. Иногда мне хочется, чтобы все они когда-нибудь попали в мои картины, хочется создать целую серию, целую галерею лиц, поз, ситуаций. А иногда все это совсем не греет. Становится просто скучно.

— У вас красивые волосы.

— Вам нравятся?

— Очень.

— Я хотела обрезать их, когда поступала. Казалось, что быть красивой — это вредно для занятий. Знаете, я ведь в самом деле так думала!

— Что вы.

— Мне хотелось что-нибудь сделать. Ну, принести

жертву, что ли. Чтобы все другое было хорошо. Я тогда вообще мало что понимала, я думала, что такие пустяки вправду имеют значение.

— А сейчас?

Вопрос был, конечно, глупый, и Бернар сразу пожалел о нем. Впрочем, сам по себе разговор был важен скорее самим фактом своего существования, а вовсе не темой. И оба собеседника об этом прекрасно знали.

Когда после часовой беседы, в ходе которой молодые люди узнали друг о друге достаточно много интересного, Матильда наконец, сообразно этикету, покинула свой наблюдательный пункт, отклонив предложение проводить ее и не позволив Бернару ни малейшей вольности, даже ничего не пообещав на будущее. Она вся трепетала от того особого возбуждения, какое испытывала всего раз или два в жизни. Ей казалось, что где-то там, внутри, горит обжигающий огонек и только ждет порыва ветра, чтобы превратиться в пламя, и пламя это охватит всю ее от кончив пальцев до волос и ресниц.

Идя по улице, она жадно ловила каждый брошенный на нее взгляд, это дружное и откровенное мужское восхищение было для нее теперь неизъяснимо приятным. Ей вдруг так захотелось посмотреть на себя, что она остановилась перед зеркалом в витрине цветочного магазина и посмотрела на свое лицо в рамке из красных роз и обрызганных водой фиалок.

Найдя увиденное вполне соответствующим собственному представлению об утонченной изысканности, Матильда почувствовала себя необыкновенно легкой, окрыленной, а будущее, по крайней мере ближайшее, уже рисовалось в самом радужном свете. По телу ее под легким платьем пробегали маленькие электрические разряды, а голова слегка кружилась, как после бокала хорошего вина.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Арлетт снился кошмар.

Будучи от природы натурой тонко восприимчивой, она подсознательно почувствовала опасность, каким-то образом исходящую от их новой соседки, но объяснить себе смутное чувство тревоги не смогла. И вот теперь ей снился кошмар. Будто чьи-то женские руки с тонкими длинными пальцами и хищными красными ногтями душат ее мужа, все сильнее сжимая его горло...

Она проснулась. Привычно, не открывая глаз, протянула руку к Бернару... Но подушка была пуста!

Она нашла его на кухне, перед тарелкой.

— Я так испугалась. Что ты здесь делаешь?

— Я проголодался.

— Плохо поужинал?

— Да нет. Иногда не вредно добавить.

— Поздний ужин в темноте?

Арлетт включила свет. Потом подошла к Бернару и потрепала по волосам. Он любил этот ее жест, особенно когда настроение было неважным. В такие минуты он ощущал себя маленьким беспомощным ребенком, а

Арлетт — доброй и заботливой матерью, которая всегда поможет и никогда не предаст.

И теперь внутри себя он просил спасти его. И в то же время понимал: это уже не в ее власти.

— Что-то случилось? — в голосе Арлетт сквозила привычная нежность.

— Нет, ничего. Просто мне пришло в голову... — Бернара внезапно посетила стоящая мысль. — Давай уедем куда-нибудь. На пару недель. И возьмем с собой Тома.

— Это невозможно, — Арлетт замотала головой. Она удивилась.

Какие-то странные мысли посетили ее мужа. Еще только весна. В отпуск они обычно уезжали в августе. — Разве меня отпустят с работы? К тому же двое из нашей лаборатории болеют. А скоро годовой отчет.

Она аккуратно убрала руку, подошла к буфету и взяла два яблока.

— Ты лососину оставь. Я ее приберегла для гостей. Съешь лучше вот это.

— Для каких гостей? — Бернар удивленно взглянул на жену.

— Я тебе не говорила? Я пригласила наших соседей завтра на ужин.

— Постой, — Бернар резко встал из-за стола.

— А что? Они вполне симпатичные люди, и к тому же наши новые соседи. Надо же налаживать дружественные контакты, — Арлетт как всегда была невозмутима.

О черт! Еще этого ему не хватало! Вот сейчас он действительно разозлился не на шутку. Бернар быстро стал ходить по кухне взад-вперед. Надо же! Он изо всех сил, как только может, избегает этой женщины, а его жена... Ну прямо какой-то злой рок, честное слово.

Арлетт поняла, что мужу не понравилась ее затея и предложила позвать их в другой раз, но Бернар признал, что уже поздно что-либо менять. Будь что будет!

— Пошли спать, — сказал он, положив руку на талию жены.

Они не успели сделать нескольких шагов, как за окном раздались странные вопли. Бернар и Арлетт удивленно переглянулись.

— Это кошки. У них драка, — сказал Бернар.

— Нет, — улыбнулась Арлетт, — это не драка. Это март.

* * *

Как всегда после бессонной ночи, наутро кружилась голова. Бернару так и не удалось уснуть ни на минуту. Он был расстроен предстоящим визитом соседей.

Поспешно перекусив и выпив чашку кофе, быстро оделся, взглянул на часы. О, черт! Уже поздно. Выскочив из дома, он стал торопливо открывать машину. Утро было сумрачное, прохладное. Стоял туман, от чего окружающие серые дома казались еще более скучными и угрюмыми. Особенно этот, напротив. Его стены казались Бернару неприветливыми и зловещими.

— Во сколько вернешься? — Арлетт выглянула из окна.

— Как всегда в восемь, — бросил Бернар, садясь в «ситроен». Он услышал скрип открывающихся окон. Это г-н Бушор. И, конечно же, с женой. Они смотрели из окон своей спальни. Бернар даже заметил, что Матильда в одном белье, ее волосы не расчесаны и в беспорядке рассыпаны по плечам.

— Вы встаете так рано, — сказал Бернар, поздоровавшись.

Ему пришлось выйти из машины. Он вдруг вспомнил, что забыл кошелек.

Вернувшись, старался не поднимать глаз, но чувствовал: она смотрит, и от этого сердце бешено колотилось.

— Не задерживайся! — сказала Арлетт.

Тьфу! Черт! Дверь в машине захлопнулась. Это ж надо! Этого еще не хватало. Бернар замешкался. Он понимал, что сейчас выглядит смешным. И еще как на зло чета Бушор словно застряла в окнах. От замешательства у него пылали щеки.

— Нужно открыть багажник.

Арлетт знала: если у мужа горят щеки — он очень зол.

Бернар открыл багажник. Подбежал маленький Том. Он проворно залез туда, а оттуда в салон.

— Нажми белую кнопку, — сказал ему Бернар, — и вылезай поскорее.

Через минуту он уже сидел в своем «ситроене».

Уфф... Слава Богу. От волнения он весь вспотел.

— Не забудь зайти в магазин!

— Не забуду, зайду.

Он резко включил зажигание и машина, взвизгнув от резкой подачи газа, быстро уехала прочь.

* * *

Бернар работал инструктором по танкерам на лодочной станции. Он почти любил свою работу. Она даже подходила к его внешнему облику. Молодой, высокий, крепкий, хорошо развитый физически, он годился не для шикарных офисов, чистых и душных

кабинетов, а как раз для работы физической (хотя то, что он делал, нельзя было назвать тяжелым трудом). От него исходила сила: широкое, с резкими чертами лицо, огромные плечи и сильные руки создавали образ эдакого неповоротливого «шкафа», а для тех, кто его не знал, человека, с которым, пожалуй, шутить не стоит. И только близкие люди, хорошо изучившие Бернара, видели в нем вспыльчивого, доброго и беспомощного ребенка, обаятельного мужчину.

Эта грубая сила когда-то покорила Матильду. Когда он сжимал ее, такую нежную и хрупкую, в своих объятиях, она чувствовала в нем защиту и в то же время дикое желание принадлежать ему всем телом, целиком...

Туман не проходил. Погода наводила на Бернара тоску, и он все больше погружался в свои мучительные мысли.

* * *

Бернар задерживался. Арлетт с подносом, на котором стояли старательно приготовленные и изысканно сервированные ею блюда, подошла к Филиппу.

— Очень вкусно, спасибо.

Она волновалась. Что случилось? Почему опаздывает Бернар? Это на него совсем не похоже. Он всегда любил гостей и охотно развлекал их.

— Извините. Я на минутку оставлю вас. Не пойму, почему задерживается муж.

Она подошла к холодильнику, достала шампанское. В это время Бернар обычно был уже дома. Иногда он задерживался со стажерами. Но сегодня? Он знал, что придут гости. Может быть что-то произошло?

— Человек из бюро по найму сказал, что ваш муж

работает на танкере, — Филипп стоял у стойки, где располагались напитки и рассматривал журнал.

— Да. Он инструктор по танкерам в Гренобле. Капитаны приезжают туда на переподготовку. И Бернар обучает их на макетах. Для этого и оборудовано озеро.

— На игрушечных танкерах? — спросила Матильда.

Она сидела в кресле, листая альбом, а маленький Тома рассказывал ей о каждой фотографии. Вот они всей семьей на море. Бернар стоит по колено в воде, обняв жену. Они смеются. А вот они возле дома. И тоже смеются. И опять обнимает жену. Каждая фотография — счастливые лица. Им хорошо. Да, Бернару действительно повезло. Арлетт — очаровательная женщина, хорошая хозяйка, а главное — родила ему ребенка. И к тому же Тома — такая прелесть!

— Что ты, Матильда, — улыбнулся Филипп, — это большие макеты, на них можно плавать по озеру.

— Правда? — Матильда казалась заинтересованной, хотя на самом деле только с нетерпением ждала Бернара. Ей хотелось увидеть его. Она тщательно готовилась к этому вечеру. Надела лучший костюм, который особенно подчеркивал ее фигуру, выделяя достоинства. Как бы там ни было, ей хотелось его соблазнить.

— Они в масштабе 1:25, — сказала Арлетт.

— 1 к 25? — переспросил Филипп, — это где-то размером с парусную шлюпку.

— Да, где-то так. Пойдемте к столу.

Их прервал телефонный звонок. Арлетт подошла к телефону.

Матильда заметила, как изменилось ее лицо.

— Ты еще на работе? — растерянно произнесла Арлетт и повернулась лицом к гостям: — Он просит его не ждать. Он извиняется.

Она почувствовала неловкость. Новые люди. Что

они могут подумать о них? Это так неприлично. Да и что с Бернаром? Почему он ведет себя так?

— Постарайся все-таки быть пораньше, — Арлетт положила трубку. — Весьма жаль, какие-то незначительные проблемы. Придется ужинать без него.

Заинтересованный наблюдатель, случись такой в данную минуту в этом месте, без труда прочитал бы на лице Матильды плохо скрытое волнение. Ее глаза неестественно блестели, кровь отхлынула от лица, сделав его мертвенно-бледным. Внутри словно что-то разом оборвалось.

Он не хочет ее видеть! Он, столь желанный все эти годы, он, раз за разом являющийся ей то в снах, то просто в праздных мечтаниях, он, некогда раз и навсегда сформировавший для нее единственно приемлемый идеал мужчины и возлюбленного, он не желает даже взглянуть на нее лишний раз. О Боже!..

Все ее надежды, все, чего она так ждала последние дни, на что уповала всем сердцем, как на высшее счастье — возможность видеть его, говорить с ним, чувствовать его подле себя — все это пошло прахом. Он больше ей не принадлежал.

Нет, она вовсе не злилась на Арлетт, даже наоборот. Ведь это он выбрал именно Арлетт, это он, блистательный и непредсказуемый, сделал эту женщину своей женой. Такова, значит, его воля.

Но Матильда, продолжая делать отчаянные попытки мило улыбаться, переживала в душе настоящую бурю. Ладно, пусть так, пусть он выбрал. Но ведь это она, Матильда, первая его встретила, она первая его полюбила, с ней первой он был (да, был, черт побери!) счастлив. Ну где же справедливость! И теперь она же должна изо всех сил скалить зубы, чтобы не закричать, не швырнуть об пол тарелки и бокалы, не сказать в конце концов всего, что она думает по этому поводу.

Но Бернар! Чертов сукин сын! Ведь она была его первой настоящей любовью. Она точно знает. Как можно быть таким неблагодарным...

Матильда едва сдерживала слезы. Комок застрял в горле, готовый вот-вот прорваться нервным срывом, слезами и истерикой. Но нет, так нельзя. Если все всплывет, она уж точно не увидит Бернара больше никогда. Надо справиться.

Тома перевернул страницу альбома и приступил к очередной части семейной хроники. Что-то насчет двоюродных кузин, словно это и впрямь кому-то интересно! Ничего, она справится. Она всегда справлялась.

Итак, Тома и его кузины. Забавно было слушать о каких-то дальних родственниках Бернара, о которых сам он вряд ли помнил в те времена, когда они были вместе. Кто бы мог подумать, что из него выйдет такой отменный семьянин. Уж во всяком случае, не он сам!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

К тому времени они встречались уже несколько месяцев. Несколько месяцев для Парижа — немалый срок, порой в него вмещается едва ли не половина жизни. Париж выпивает вас без остатка, как опытный гуляка бокал шампанского на рассвете.

— Я тебе должна признаться, — говорила однажды Матильда своему возлюбленному, — хотя мне немножко и стыдно, что когда я увидела тебя в первый раз, то мгновенно почувствовала, что ты будешь моей радостью. Нет, нет, я себя не воображала какой-то победительницей, хищницей, соблазнительницей, но я ясно почувствовала, что очень скоро наши сердца забьются в один такт, близко-близко друг к другу! Ах! Эти первые, быстрые, как искра в темноте, летучие предчувствия! Они вернее, чем годы знакомства.

Мне трудно иногда сдерживать себя, и я то и дело совершаю маленькие глупости. Но я знаю, ты всегда простишь меня, что бы ни случилось.

Бернар согласился. Да, он принимает свою подругу такой, какая она есть, или по крайней мере старается

принимать. Правда, у него не каждый раз получается, но он действительно старается.

На рассвете, в косых лучах золотого утреннего солнца она вопреки бессонной ночи вдруг так похорошела, так порозовела и посвежела, словно только что каталась на коньках по замерзшему озеру в Швейцарии или приняла душ, стоя под горным водопадом. Она так и благоухала вся снегом и фиалками.

— Давать в любви обещания и клятвы... Разве это не грех перед богом, разве это не тяжкое оскорбление любви? Хуже этого, пожалуй, только ревность. Недаром в Швеции ее называют черной болезнью.

Ты ревнуешь, значит, ты не веришь моей любви и значит, хочешь любить меня насильно, против моей воли и против моего желания. Нет, уж лучше сразу конец: обида — плохая помощница желаний.

Или пример: вот прошло время и тебе приелись, скучны стали мои ласки. Представляешь — вместо праздника любви наступили утомительные, тоскливые будни. Скажешь — такого не будет? О, как я на это надеюсь!

Но вдруг! Тогда скажи сразу. Скажи, и я сей же час покину тебя навеки, чтобы не докучать тебе собой, чтобы не видел ты меня и не слышал обо мне никогда ни хорошего, ни плохого, чтобы у каждого из нас была потом другая жизнь, отличная от нашей общей.

Скажи мне тогда прямо и просто, как другу — прощай! Поцелуемся в последний раз и разойдемся. И хотя жизнь без тебя будет отличаться от жизни с тобой, как супермаркет от райских кущ, я не дрогну. Что за ужас, когда один не любит, а другой вымаливает любовь, как назойливый нищий!

Вот и все, что я, Матильда, хотела тебе сегодня сказать. Пусть это будет наш брачный контракт, или,

если хочешь, наша конституция, или еще — первая глава в катехизисе любви.

Она прильнула к Бернару, обняла его, приникла губами к его губам и стала говорить шепотом, и слова ее стали, как быстрые поцелуи:

— Под этим договором подписываюсь я, Матильда, и вот эти руки, эти глаза, эти губы, эти груди и все, что у меня есть в сердце и в душе, принадлежит тебе, Бернар, пока мы любим друг друга.

Бернар ответил тоже шепотом:

— Этот договор подписываю и я.

* * *

Бернар и Матильда понемногу открывали для себя друг друга, как открывают, понемногу узнавая, конкистадоры новые земли или старатели, разрабатывая, новые залежи драгоценных металлов.

В любви Матильда была, как казалось Бернару и как, вполне вероятно, было на самом деле, истинной избранницей. Талант есть талант, и гениальный музыкант столь же редок, как и гениальная возлюбленная. Все от Бога, как говорили древние.

Иногда Бернару в голову приходила одна мысль. Ему виделось так: инстинкту размножения неизменно подчинено все живущее, растущее и движущееся в мире, от клеточки до Наполеона и Эйнштейна, но только человеку, этому цвету, перлу и завершению творения, ниспосылается великий и таинственный дар любви.

Но посылается совсем не так уж часто, как об этом принято говорить и думать. Случаи самой чистой, самой преданной любви частенько выдуманы — увы!

— талантливыми поэтами, жаждавшими такой любви, но так и не нашедшими ее в этом жестоком мире.

Все люди в общем-то умеют мыслить, если только не иметь в виду качества мыслей, и оттого настоящих философов человечество знает от силы один-два десятка. Любой сумеет нарисовать фигуру человека (опять-таки если не иметь в виду качества рисунка): кружок с двумя точками-глазами и вместо рук и ног по две пары палочек. Миллионы художников рисовали несколько лучше, а кое-кто и заметно лучше, но всегда оставались пределы: никто не мог сравниться с Рафаэлем, Леонардо, Рембрандтом.

Кто из живущих не способен промурлыкать легонький мотивчик и даже подобрать его одним пальцем, случайно оказавшись на скромной вечеринке у друзей за расстроенным роялем? Но наши музыкальные способности совсем не сродни гению Бетховена, Моцарта или Вагнера и не имеют с ними, прямо говоря, ничего общего.

Иные люди от природы наделены большой физической силой. Другие родятся с таким острым зрением, что невооруженным глазом видят кольца Сатурна. Так и любовь. Она — высочайший и самый редкий дар неведомого бога.

Подумать только! Сколько людей с сотворения мира занимались тем, что теперь называется сексом, наслаждались, размножались, и делали это в течение примерно последнего миллиона лет, но много ли раз случалось слышать о большой и прекрасной любви, о любви, которая выдерживает всякие испытания, преодолевает все преграды и соблазны, торжествует над бедностью, болезнями, клеветой и долгой разлукой, о высшей любви, которая сильнее смерти?

В воображении ему рисовалась огромная лестница, ведущая от темной, усеянной обломками цивилизаций

и разбитых иллюзий, покрытой прахом земли вверх, к вечному небу или еще выше.

* * *

Бернар сам иной раз дивился рождающимся в его мозгу образам, полагая их в глубине души за откровенный бред, но при этом продолжал мысленно подтверждать, развивать свою теорию разнообразными доводами. Увы, по его тогдашнему, восьмилетней давности, мнению, была лишь одна эпоха, когда человечество вдруг содрогнулось от сознания той грязи, мерзости и пакости, которые засосали любовь и сделало попытку вновь очистить и возвеличить это чувство, хотя бы в лице женщины. Временем таковым Бернар, будучи человеком пылким, молодым и склонным к романтике, полагал европейское средневековье с его культом Прекрасной Дамы и традицией всеобщего и безоговорочного преклонения перед женской красотой. И он совершенно искренне горевал, что за несколько столетий это почти священное служение женскому началу выродилось в карикатуру, в откровенное шутовство и фарс.

Но кто знает грядущие судьбы человечества? Оно столько раз падало ниже всякого возможного предела и опять победоносно восставало! Может быть, опять придут аристократы духа, жрецы любви, ее поэты и рыцари, пылкие и бескорыстные ее поклонники...

Итак, Бернар брался утверждать, и готов был защищать это мнение в любом споре, если бы подобный возник с кем бы то ни было, что она, его волшебная Матильда, была создана Богом специально и исключительно для большой, бурной, страстной, горячей, чистой, нежной любви и ни для чего другого.

Но судьба ошиблась во времени. Безусловно, Матильде с ее утонченными чувствами и изысканной художественностью натуры следовало бы родиться или в золотой век человечества, или через несколько столетий после нашей автомобильной, бездарной, торопливой и болтливой эпохи.

Ее любовь была проста, невинна и свежа, как дыхание цветущего дерева. При каждой новой встрече Матильда любила так же радостно и застенчиво, как в первое свидание. У нее не было ни любимых словечек, ни привычных ласк. В одном только она оставалась постоянной — в своем неподражаемом изяществе, которое столь легко затушевывало и скрывало житейские, земные детали любви.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Да-да, я постараюсь. — Бернар повесил трубку. Он стоял сейчас за стойкой кафе мадам Жюво. Здесь было тепло и уютно. Посетителей не было, отчего стояла такая тишина, что было слышно, как по окну стучат капли дождя.

— Раз уж собрались врать жене, предупредили бы. Я бы вышла, — сказала мадам Жюво, не отрываясь от приготовления коктейля.

— Да, получилось не лучшим образом.

— Вовсе неплохо, — засмеялась хозяйка. — Могу вас шантажировать. Но этого не произойдет, если вы угостите меня виски.

— Охотно, мадам, охотно. — Бернар достал с полки бутылку.

Он давно знал мадам Жюво. Она содержала единственный в городе теннисный клуб. Ее знали все и очень любили. Эта изящная, хрупкая, пожилая женщина была как бы оплотом или центром, на котором держалось общество. Она жила одна. У нее не было семьи. Говорили, судьба ее была не совсем удачной,

ей пришлось многое пережить. Но мадам Жюво была всегда общительна, никогда ни на что не жаловалась и оставалась добрым другом и мудрым советчиком тем, кому в жизни просто не хватало человеческого тепла или что-то не ладилось.

— Наливайте, милый лжец, — сказала мадам Жюво. Бернару захотелось рассказать обо всем. В душе накопилось так много, что стало тяжело держать все в себе. Он не мог поделиться с женой, с друзьями по работе, которые где-нибудь могли проболтаться. Мадам Жюво была самым подходящим человеком, которому можно было раскрыть душу. И он рассказал о новых соседях и о том, как жена, не спросив его мнения, пригласила их в гости.

— У них противные рожи? — спросила мадам Жюво.

— Да нет. Мне не понравилось другое. Кому нужна такая поспешность? Вот теперь и начнется. На будущей неделе мы пойдем к ним на ужин, потом они...

Нет, он не мог сказать ей правду. Что-то там внутри крепко сдерживало его.

— Принцип сцепления, — сказала мадам Жюво, и взяла стакан виски. — Они симпатичные?

— Ну.., — Бернар замялся, — он авиадиспетчер, работает в аэропорту. Подчеркнуто спокоен, этакий флегматичный бретонец.

— А она?

Ему не хотелось говорить о ней.

— Немного угрюмая, — сказал он. — И... пожалуй, принадлежит к тому типу женщин, которые вечно ищут вчерашний день...

Мадам Жюво удивленно посмотрела на Бернара, и сразу поняла, что он что-то скрывает, недоговаривает. Она видела: ему тяжело. А лезть в душу было не в ее привычках.

— Раз вы не пошли домой, разрешите вам предложить мою стряпню.

— О нет, мадам...

— Но клиентов все равно нет.

— Тогда, если нетрудно, сделайте мне, пожалуйста, пару бутербродов, — Бернар почувствовал, как засосало под ложечкой.

— Да вы голодны! У вас проснулся аппетит, — воскликнула мадам Жюво. — Минуточку. Только сначала я покормлю Бенито.

И опираясь на палку (она хромала на левую ногу) подошла к черному пуделю, сидевшему в углу у окна. Мадам Жюво была одинока и обожала свою собаку. Она наклонилась, чтобы поставить тарелку, но тут ее трость выскользнула и она упала на пол.

— О мадам! — Бернар подбежал и, аккуратно поддерживая ее за плечи, помог ей подняться. — Вы сильно ушиблись?

— Нет, ничего. Помогите мне, — сказала хозяйка, оправляя платье. — Это все мои костыли.

Бернар расстилал голубую скатерть. Она была аккуратно выглаженной, чистенькой, как и все остальное у мадам Жюво. В ее кафе, а оно было частью ее дома, веяло теплом и домашним уютом. Бернар почувствовал как что-то ледяное внутри начинает таять. Все-таки хорошо, что есть на свете такие люди, как мадам Жюво...

— Однажды, — мадам Жюво прервала его мысли, — уже в Гренобле один тип ходил за мной по пятам. Долгое время я не могла отделаться от него. В конце концов он подошел ко мне: — Это был фетишист.

Бернар усмехнулся.

— Меня это не удивляет. Вот я видел фильм про одну женщину. Она не выносила, когда до нее руками

дотрагивались. Так вот, один парень влюбился в нее и отрубил себе руки.

— Обе? — улыбнулась мадам Жюво.

Бернар пожал плечами.

— Ну... не помню. Одно точно — все ради любви.

— И я это сделала ради любви, — тяжело вздохнула мадам Жюво.

Бернар растерялся. Она хромала уже давно, ровно столько, сколько он ее помнил. Но все считали, что это был несчастный случай. Да. Он пытался вспомнить. А! Говорили, будто в молодости мадам Жюво упала с восьмого этажа (вероятно, когда мыла окна). Но, к счастью, упала на тент над газоном и это смягчило удар. Тогда она сильно повредила ногу. А врачи были бессильны в чем-то ей помочь. Да, именно так толковали в городе ту историю.

— Несчастный случай в кавычках, — мадам Жюво принесла приборы, — никогда не забывайте о кавычках.

Да. Если бы она упала на асфальт, тогда ее не было бы здесь. Мадам Жюво часто думала об этом. С тех пор прошло уж 20 лет, долгих 20 лет. За это время многое изменилось. Изменилась и сама мадам Жюво. Куда-то исчезла молодая прыть, страстность, отчаянность. Порой она даже не верила, что это произошло именно с ней. Седина покрыли некогда прекрасные пепельные волосы. Хромота сделала изящную утонченную фигуру несколько угловатой и слегка сутулой, хотя даже теперь мадам Жюво строго следила за своей осанкой.

Бернар был ей симпатичен. Не зная почему, ей захотелось открыть ему свою тайну, которую за все долгие годы она никому так и не доверила. У нее было много хороших знакомых, были прекрасные верные друзья... Но... Бернар... В нем было что-то такое.

Пожалуй, ему можно рассказать. Он поймет. И за ужином мадам Жюво призналась ему, что это была не случайность. Она любила. Даже тогда, в 32 года, ее нельзя было назвать влюбчивой, но этот человек... Он перевернул ее душу. Он вошел в ее жизнь внезапно и нахально. Точнее, он ворвался без стука, ни о чем не спросив.

Вскоре Владлен (так ее звали) поняла, что не может жить без него. Он должен быть рядом. Его присутствие она хотела ощущать постоянно. Окружающий мир перестал существовать. Были только он и она.

Той весной Владлен была необыкновенно счастлива. Она не замечала дождя, не ощущала холода, когда бежала в Булонский лес, где ожидал ее любимый. Они целовались на улицах, и Париж, казалось, замирал в эти минуты наслаждения.

Но счастье не может длиться вечно. Вскоре ее возлюбленный сказал, что уезжает в Новую Каледонию и, конечно, пока не может взять ее с собой. Он писал. Его письма были теплые и нежные. Она ждала, когда он ее позовет. Но вскоре послания стали приходить все реже и становились все холоднее. Он отдалялся. А потом совсем замолчал.

Трудно передать то, что она испытывала тогда. Отчаяние, боль, желание умереть. А когда узнала о его женитьбе, то окончательно упала духом. Сознание того, что любимое тело принадлежит другой, его руки, которые она так любила, от прикосновения которых по ее телу пробегала дрожь, ласкают другую, незнакомую женщину, вынести это было выше ее сил. Еще тяжелее было то, что все его слова, обещания, заверения и клятвы оказались ложью.

Она была обманута, покинута, никому не нужна. И в то мгновение весь мир ей показался гнусным и фальшивым. И эти люди на улицах, все спешащие

куда-то... Они не настоящие. И дома, и магазины, и даже деревья. В один миг все стало отвратительным и пошлым.

«Жизнь бессмысленна», — сказала она себе и выбросилась из окна.

Но судьба не позволила ей умереть. Владлен упала на газон и просто чудом осталась жива. Долгое время пришлось пролежать в больнице. В память об этой трагедии осталась хромота.

Ее рассказ потряс Бернара. Он никогда не мог предположить, что в этой милой, хрупкой женщине было столько мужества и страсти. Невероятно, что она могла так любить. В эту минуту он даже позавидовал тому типу. Если бы его, Бернара, так кто-нибудь любил...

— Он знал, что вы пытались покончить с собой? — спросил он.

— Нет. Зачем ему об этом знать? Разве я не права?

— Верно, — вздохнул Бернар, — мужчины не любят узнавать про такие истории.

— Безусловно, я поступила глупо, — мадам Жюво поднялась, чтобы убрать посуду, — да что теперь жалеть?

Все-таки удивительная эта женщина, мадам Жюво. Такая уравновешенная, спокойная, всегда доброжелательная к людям. Неожиданные сюрпризы иногда преподносит жизнь.

Мадам Жюво помахала рукой перед лицом Бернара.

— О, да вы не слышите меня!

— Нет, что вы, — Бернар взял ее руку.

* * *

Арлетт провожала гостей. Весь вечер она испытывала неловкость из-за отсутствия Бернара. Почему он

так поступил? Она пыталась искать причины, догадаться, но все мысли казались ей нелепыми и бестолковыми. Нет, она ничего не понимала.

Вечер нельзя было назвать скучным. Бушоры были милы и непринужденны. Особенно Филипп. В первый день их знакомства он показался Арлетт чересчур серьезным, этаким занудой, как любил выражаться Бернар. Но в компании этот сухопарый, непривлекательный господин в очках оказался живым и интересным собеседником, даже не лишенным чувства юмора. Тем не менее нельзя было не заметить его умеренности: он не позволял себе лишнего в выражениях, не употреблял крепких словечек и даже смеялся не громко. Не так естественно как Бернар, а как-то приглушенно и сдержанно. Он был уравновешен и, казалось, ничто не могло поколебать его спокойствия. Такие люди, как Филипп, не умели кричать, вернее, не позволяли себе этого даже в самых критических ситуациях. Хотя обычно в их жизни такие ситуации бывают редко. С рождения они как бы ограждены от несчастий, потрясений, скандалов. Они создают свой мир, чистый, порядочный, где нет места пошлости, разврату, грязи.

А вот Матильда, она не такая. Арлетт все пыталась понять, почему они поженились. Они так непохожи, даже противоположны. Яркая, чувственная, живая южанка и флегматичный бретонец. А вместе с тем они прекрасно ладили. Филипп обожал ее. Но любила ли его Матильда? Арлетт это было, честно говоря, чертовски интересно. Мадам Бушор производила впечатление женщины сдержанной и холодноватой, если не сказать больше. Похоже, глубоко внутри она скрывала некую тайну, в которую не хотела бы посвящать никого из окружающих. Притом Арлетт не могла не согласиться, что их новая соседка — женщина в высшей степени приятная.

Прямо говоря, Арлетт сгорала от любопытства. Во всяком случае, соседи ей нравились и знакомство с ними обещало разнообразить провинциальную скуку.

Бушоры поблагодарили хозяйку за прекрасный ужин, после чего, естественно, последовало ответное приглашение, которое было незамедлительно принято. Прощание получилось вполне в светских традициях, с непринужденными улыбками и наилучшими пожеланиями.

Филипп обнял жену за плечи, и они, болтая, направились к своему дому. Благо, было недалеко.

* * *

Весенний ветер был свеж, и Бернар изрядно продрог, прячась в кустах жимолости, чтобы не быть замеченным. Чего-чего, а встречи с соседями ему совсем не хотелось. Во всяком случае, ему казалось, что дело обстоит именно так. Он слишком этого хотел, Бернар.

Он прятался в кустах около часа, наблюдая за освещенными окнами своего дома. Наконец гости на пороге. Из своего укрытия ему отлично видно бледное лицо Матильды, и лишь непробиваемое упорство мешает ему признаться себе в этот миг, что его бывшая возлюбленная стала еще прекрасней.

Но нет, Бернар не сломается так просто. В их семье упрямство всегда считалось родовой чертой характера. Он так просто не сдастся.

Бернар бесшумно выбрался из укрытия и, крадучись, направился к дверям своего дома.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Да, у нее был высший дар любви. Тот, прежний, молодой, восторженный Бернар, был совершенно в этом уверен, в минуты или часы одиночества ему доставляло радость, снова и снова рассуждать, иной раз даже вслух (если, разумеется, поблизости не было посторонних ушей) о своей неповторимой и ни на кого не похожей возлюбленной. Бернар упивался собственными рассуждениями, как иной упивается вином, или книгой, или песней.

На свете есть люди, как будто нарочно приспособленные судьбой для авиации, для этого безусловно значительного завоевания современной техники. У этих прирожденных пилотов как будто птичьи профили. Подобно птицам, они обладают необъяснимым инстинктом ориентироваться в любом незнакомом месте. У них всегда исключительное чувство равновесия, и они с легкостью приводят в равновесие любые предметы, у которых центр тяжести выше точки опоры. Для таких людей-птиц заранее открыто воздушное пространство

и вперед, и вверх, и вниз. Это особая способность, данная им от рождения.

Как-то Бернар расспрашивал знакомого пилота о его ранних юношеских снах. Он вспомнил тогда, что почти каждый человек во сне летает, и захотел узнать, как это было у настоящего летчика.

Оказалось, что в снах ранней юности, еще ни разу не сев в самолет, пилот летал выше домов, к облакам. Видимо, это был знак особого летного таланта.

Любовь тоже крылатое чувство. Представляя в те времена Матильду, Бернар часто видел у нее за плечами два белоснежных лебединых крыла, подобные крыльям ангелов, причем крылья эти вовсе не казались принадлежностью маскарадного костюма, а, напротив, смотрелись естественно, словно и впрямь находились на своем законном месте.

Было время, когда он очень остро чувствовал ее духовное превосходство над собой, и тогда в сердце его залегла обида. Ему казалось, что он не достоин внимания столь удивительной девушки, что он слишком груб, неотесан, слишком заземлен и недостаточно духовен для нее.

От мыслей таких он бывал смущен и часто в самом деле угловат и неловок, сердясь на себя и тихо чертыхаясь. Конечно, это была обычная мужская мнительность. Воображение то и дело подсказывало ему различные нелестные сравнения. То она была для него богиней, снизошедшей до смертного, то принцессой, полюбившей конюха или садовника. Увы, у каждого человека бродят где-то в плохо освещенных закоулках души такие полумысли-полуобразы, о которых наутро лучше и не вспоминать.

Но скоро все эти шероховатости сгладились, так мила и предупредительна оказалась Матильда в то лето, так щедра, скромна и искренна, так радостна в

любви и преисполнена нежностью и теплом ко всему живому.

Они любили тогда путешествовать наугад. Покинув Париж, они избрали своей штаб-квартирой Марсель, раскинувший белые улицы перед лазурным морем, они брали карту Прованса, и кто-нибудь из них, зажмурив глаза, вытягивал палец — какой город или городишко оказывался под ним, туда они и ехали на его видавшей виды машине, сигналя на деревенских перекрестках и завтракая наскоро на траве у дороги.

Странно — чаще всего в этом похожем на спиритический сеанс выборе места у них выпадал городок Кевал-Бланк, совсем маленький и вряд ли на самом деле интересный. Но он был точно заколдован: всякий раз что-то мешало им попасть туда. То проскочили нужный поворот, то застряли в другом (отнюдь не худшем) месте.

Матильда однажды сказала о нем:

— Ты знаешь, как я рисую себе этот таинственный город?

Там давно уже нет ни одного живого существа. Плющом увиты развалины старых римских домов и разбитых колонн. А на площади высится изваяние одинокого коня из потрескавшегося белого мрамора, высотой чуть ниже деревьев, и пустые конские глаза вечно смотрят в никуда. Еще там растут крошечные жесткие колючие кустарники, иногда пробегают ящерицы и кричат цикады. И больше ничего нет. Но я думаю, что ночью, при лунном свете там должно быть страшно.

Странно: этот невидимый брошенный город всегда тревожил воображение Бернара каким-то смутным предчувствием. Быть может, ему суждено умереть там? Или его ждет радость? Или напротив — глубокое горе?

Судьба бежит, бежит, и горе тому, кто по лени или

по глупости отстал от ее волшебного бега. Догнать ее нельзя.

Тропически-душные дни под южным солнцем, сладостные ночи под черным небом, густо усеянным дрожащими звездами. Прохладная тихая полутьма и особенный запах древних соборов, где камень соседствует с остролистом и распятия выглядят древнее, чем время Христа, уютные придорожные кафе и бистро, где пища легка и проста, а незатейливое местное вино так ненавязчиво пахнет розовыми лепестками и создает в голове веселый сквозняк, пыльные дороги, проложенные еще легионерами, и разноцветные ленточки, вплетенные в волосы девушек, проезжающих мимо на велосипедах.

* * *

Бернар никогда не жаловался на память. И она исправно хранила то, что он давно приказал себе забыть, хранила против его воли или, вернее, против того, что он изо всех сил считал своей волей.

Стоило ему ненадолго забыться, и память услужливо подсовывала, как цыганка колоду карт, целую коллекцию живых картин. Сюжет всегда один и тот же — Матильда, но декорации разные.

Сначала всплывает название какого-нибудь провансальского городишки, ничего не говорящее большинству парижан — Гарньер, Мон-де-Ойси, Па-де-Лансьер — и вот перед ним полосатые навесы от солнца, длинное одноэтажное здание, крашеное в желтый цвет, запах роз, лаванды, чеснока и кривой горной сосны, виноградный трельяж и непременно Матильда. И он уже следит за ее легкими движениями, поворотом головы,

игрой света и тени на ее лице. Он уже, против воли, слышит ее голос, вспоминая каждое слово.

Борм. Небольшой заштатный городок между Тулоном и Сен-Рафаэлем. Они в гостинице, которой почти пятьсот лет. Несколько раз она меняла свое название вместе с хозяевами. Нынешний владелец — немногословный бретонец с неизменной трубкой.

Там было удивительно чистенько, уютно, прохладно, ни намека на грубую прелесть прошедших столетий, и это казалось разочарованием.

* * *

Их проводили наверх, в крытую веранду. Сквозь широкие арки виден был город, в котором все дома сверху донизу тесно лепились по скалам, без малейших промежутков, точно соты; едва намечались кое-где узенькие проходы, винтовые лестницы, темные входы. Наверху громоздилось неуклюжее, как декорация к опере, серое здание замка — бывшее гнездо местного феодала.

Внизу жило, дышало, рябилось, сверкало далекое море.

Матильда стояла с биноклем в середине арки, облокотившись на подоконник. Вдруг она воскликнула:

— Бернар, иди скорей. Посмотри на эту лодку. О, как красиво!

Бернар подошел и долго в некотором недоумении рассматривал лодку, в которой сидел гребец в белом костюме и с видимым усилием работал веслами.

Но она говорила:

— Нет, ты посмотри повнимательнее. Весла — как крылья стрекозы. Вот она мгновенно расправила их, и, взгляни, как хорош, как энергичен их рисунок. Еще

момент, и они исчезли, точно растаяли, и опять появились, и опять исчезли. И что за прелестная форма у лодки. А теперь посмотри вдаль!

На скале стоял дочерна загорелый совершенно голый мальчуган. Левая его рука, согнутая в локте, опиралась на бедро, в правой он держал тонкую длинную палку, что-то вроде остроги, что было понятно по тому, как иногда, легко и беззаботно перепрыгивая с камня на камень, мальчик вдруг быстрым движением вонзал свою палку в воду и для противовеса округло поднимал левую руку над головой.

— О, Бернар, как это красиво! И как все слилось: солнце, море, этот прозрачный воздух, этот полудетский торс, эти стройные ноги, а главное — мальчишка вовсе не догадывается, что на него смотрят. Он сам по себе, и каждое его движение естественно и потому великолепно... Подумай только, как мало надо, чтобы до краев испить красоту!..

Странно: в этот момент словно и впрямь у Бернара впервые раскрылись глаза, и он понял, как много простой природной красоты разлито в мире.

Весь мир на мгновение показался ему пронизанным какой-то вибрирующей, неведомой многим радостью. И Бернар ощутил, как от Матильды к нему бегут радостные дрожащие токи. Он незаметно приблизил свою ладонь к ее ладони и подержал так, не прикасаясь. Да, без сомнения, он почувствовал какие-то невидимые золотистые лучи. Они похожи были на тепло, но это было не совсем тепло. Когда он положил ладонь на ее пальцы — они оказались прохладными и сухими.

Она быстро обернулась и поцеловала его в губы.

— Что ты хочешь сказать, Бернар?

Тогда он рассказал ей о золотых лучах.

— Бернар, — сказала она в самые его губы. — Это любовь.

...Он почувствовал, как его глаз тихо коснулась темная вуаль тоски.

* * *

Увы, есть у женщины, нашедшей свою истинную, свою настоящую любовь, одна слабость: она становится неутолимой в своей щедрости. Ей мало отдать избраннику свое тело, ей хочется положить к его ногам и свою душу. Она радостно стремится подарить ему свои дни и ночи, свой труд и заботы, отдать в его руки свое имущество и свою волю. Ей сладостно взирать на свое сокровище как на божество, снизу вверх.

Если мужчина умом, душой, характером выше ее, она старается дотянуться, докарабкаться до него; если ниже, она незаметно спускается до его уровня. Соединиться вплотную со своим идолом, слиться с ним телом, кровью, дыханием, мыслью и духом — вот ее постоянная жажда!

И невольно она начинает думать его мыслями, говорить его словами, перенимать его вкусы и привычки... В конце концов болеть его болезнями, любоваться его недостатками. О! Сладчайшее из рабств!

Вот такая любовь и обрушилась на Бернара. Видит Бог, мужчина не всегда бывает к этому готов. Конечно, можно утверждать, что этот божественный дар не более, чем безумие, клинический случай, и с подобным утверждением можно согласиться. Но кто же от начала мироздания сумел проникнуть в тайны любви и разобраться в ней? Кто возьмет на себя смелость, устраивая любовные связи, соединять достойных и великодушных

с великодушными, красивых с красивыми, сильных с сильными, прочих же отбрасывать прочь?

Да, Бернар был в восторге. Во всяком случае, первое время. Ему казалось, что Матильда много выше него — и интеллектом, и страстью к жизни, и любовью к любви. В то время от нее исходила живыми лучами теплая, веселая доброта. Каждое ее движение было уверенно, грациозно и гармонично. Она была красива своей собственной оригинальной красотой, неповторимой и единственной. Бернар отлично видел, как пристально на нее глядели мужчины, и какими долгими, испытывающими, ревнивыми взглядами ее провожали женщины. И как иной раз долго смотрели вслед.

Первое время Бернару непривычно было появляться на людях с такой красивой девушкой. Они сразу же становились центром всеобщего внимания, и это его немного угнетало.

Потом скованность прошла. Сила любовной страсти побеждает все условности, сглаживает все неровности, сближает крайности, уравнивает все разницы: пола, крови, происхождения, возраста, интеллекта и даже социального положения — так несказанно велика ее страшная мощь!

* * *

Бернар не знал, когда это началось. Но в один не очень прекрасной момент он почувствовал, что проклятая сила привычки того и гляди потихоньку развалит тот воздушно-хрустальный дворец, который они так великолепно построили в своих отношениях.

Пафос и жест вообще недолговечны, о чем Бернар знал и раньше. Молодой и пламенный жрец сам не

заметил, коим образом и когда обратился он в холодного скептического хитреца.

Он не разлюбил Матильду. Во всяком случае, поезд еще не ушел. Он лишь тронулся, и полно было времени, чтобы вскочить на подножку.

Он не разлюбил Матильду. Она оставалась для него незаменимой, обольстительной, прекрасной любовницей. Сознание того, что он обладает ею и может обладать, когда захочет, наполняло его душу самолюбивой гордостью. Но вполне вероятно, что стал он в любви несколько ленив, чуть-чуть равнодушен, слегка безразличен. Его уже не радовали, не трогали, не умиляли ласковые словечки, нежные и забавные имена, эти милые глупые шалости, все эти невинные маленькие украшения любви. Они утратили смысл и вкус, стали для него непонятны и скучны. Он позволял себя любить — и только. В то время он был избалованным и самоуверенным владыкой.

Но так же, как Матильде не пришло бы в голову мерить и взвешивать свою щедрую, безграничную любовь, так и Бернар совсем не замечал перемены в своих отношениях с ней. Ему совершенно искренне казалось, что все идет просто и ровно, как в первые дни. Такова извечная природа мужского эгоизма, совершенно одинакового в разных странах и в различные времена. К тому же постепенность, с которой происходят изменения, делает их до последнего момента совершенно незаметными и оттого неотвратимыми.

Бернар даже не обратил внимания, когда в первый раз его не особо потянуло на свидание. Но потом он совсем немного, так немного, что и сам этого не заметил, начал тяготиться обществом Матильды, а ее причуды стали действовать ему на нервы.

Была у нее маленькая слабость — кормить лошадей на ипподроме. Они нередко посещали скачки и делали

небольшие ставки на понравившуюся лошадь. Матильда всегда брала с собой немного сахара.

Кормление лошадей всегда нравилось им обоим. Но вот однажды, когда Матильда по обыкновению подошла к лошади, забава эта вдруг показалась Бернару детской и вообще из рук вон глупой. А то и неприличной.

— Матильда, сейчас же прекрати! Лошадь может укусить.

Она быстро, удивленно взглянула на Бернара и бросила сахар.

— Хорошо, дорогой. Ты прав. Я не буду больше.

Их отдаление, начавшееся с мелочей, с неумолимостью, доводящей самого Бернара до отчаяния, все ширилось, пока не превратилось в пропасть.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Чего Арлетт терпеть не могла, так это магазинов. Что за радость — бродить по пустому и чистому, как операционная, супермаркету среди идиотских упаковок и делать вид, что тебе это жутко интересно!

Поэтому покупками продуктов занимался в основном Бернар. О, он это дело любил. Что-что, а насчет купить поесть и, особенно, приготовить что-нибудь вкусное — это были для Бернара едва ли не любимые занятия. Он был способен битый час выбирать сорт сыра, соус или десертное вино, относясь к этому делу с достойной его долей ответственности.

После тридцати он стал замечать, что у него появилось небольшое, приличествующее зрелому мужчине брюшко, которое Арлетт часто похлопывала и смеялась. Нет, он не растолстеет. Он будет держать себя в форме. Печенье... Шоколадное. Нет. Невозможно. Хотя... один пакетик для Тома.

Что еще просила Арлетт? Ах, да... Молоко. Бернар направился к молочным рядам, держа перед собой доверху набитый пакет.

— Привет, дружок, — чья-то рука коснулась его плеча. Он вздрогнул.

Матильда держала тележку. Она давно наблюдала за ним, не решаясь подойти.

— Ничего, если я пройдусь с тобой?

— Ничего.

Бернар нахмурился. Его пробирала дрожь, когда он видел Матильду. Несколько минут они шли молча. Бернар остановился, чтобы взять молоко.

— Жаль, что тебя не было вчера вечером. Твоя жена прекрасно готовит. И, разумеется, мы говорили о тебе, — Матильда бросила на Бернара взгляд. Он был полон нежности. — У тебя как дела?

Бернар честно признался, что ужин Арлетт устроила без его согласия, поэтому-то домой он не спешил.

Матильда вздохнула.

— Но мы все. же соседи и вынуждены общаться — хотим мы этого или нет. В конце концов прошлое давно пора забыть, Бернар. — Матильда остановилась, заглянув ему в глаза. Она сказала это многозначительно, поставив ударение на слове «Бернар». А потом добавила: — У тебя славный малыш. И похож на тебя.

— Да, все хорошо. Вернее, все шло хорошо до твоего приезда.

Они продолжали путь. Он нес пакет, а она катила тележку.

Матильда остановилась.

— Как ты можешь так говорить, Бернар? — глаза Матильды наполнились слезами. В них была обида и боль. — Это ведь жестоко.

Она ни в чем не упрекала его, хотя и могла бы.

Он заставил ее столько страдать. Его уходы, возвращения. Он то ненавидел, то не мог прожить без нее и дня. Это не могло продолжаться вечно. Они оба

устроили свою жизнь и упрекать друг друга было бы просто нелепо.

— Да, извини, — сказал Бернар.

Прежняя холодность в его голосе пропала. Он почувствовал к ней необыкновенную нежность. Ему хотелось коснуться ее. В сущности они оба вели себя глупо и мучили друг друга неизвестно для чего.

— Но теперь все хорошо, — сказал он, — я рад за тебя.

— А я за тебя, — Матильда обрадовалась, увидев прежнего Бернара.

Они подошли к машине. Бернар взял у нее ключи от «фиата», открыл дверцу.

— Мы хотели бы пригласить вас на ужин в воскресенье. Как ты относишься к этому? — спросила Матильда.

— Хорошо.

— Только не вздумай улизнуть как вчера. Пообещай. — Она улыбалась.

— Непременно! Я приду минута в минуту. — Он стал выкладывать покупки из тележки в багажник.

Матильда подошла ближе и положила руку ему на грудь. Для Бернара был знаком этот жест. Она делала так, когда просила о чем-нибудь. В душе он почувствовал трепет.

— И еще я прошу вот о чем, — она не умела притворяться. Ее глаза, черные и большие, смотрели на Бернара с нескрываемой любовью. — Называй меня по имени. Хорошо? Я давно заметила: когда ты злишься, ты избегаешь называть меня Матильдой.

Прежняя неприязнь словно куда-то исчезла. Он больше не злился. Былая нежность вспыхнула в его душе. Как он мог... Как мог так плохо думать об этой женщине? Его руки невольно потянулись к ней.

— Матильда.., — он коснулся ее волос, щеки, погладил шею. Это она! Та самая, пленительная и влекущая. Он даже помнил ее запах. Его рука скользнула ниже. Он крепко прижал ее к себе. Их губы встретились. Поцелуй был глубоким и долгим. Матильда почувствовала головокружение: она давно не испытывала ничего подобного и забыла, что такое наслаждение. Вспомнив, что здесь они не одни, Бернар опустил руки и... У Матильды потемнело в глазах, она резко пошатнулась и упала.

Бернар успел подхватить ее. Взял на руки. Боже, как она чувствительна. Он уже ни на минуту не сомневался: Матильда любит его.

Она открыла глаза. Ее лицо выглядело измученным, а в глазах была печаль и боль.

Вдруг она резко высвободилась из объятий, села в машину.

— Ты сможешь доехать одна? — спросил Бернар, когда дверца «фиата» уже захлопнулась.

Но машина резко дернулась с места, завизжали колеса, Бернар едва успел отскочить в сторону.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Проводить воскресенье на теннисных кортах стало давней традицией жителей Гренобля. Раньше Бернар ходил туда один. Арлетт не любила теннис. Да и Тома был маленьким. Но как только ему исполнилось два года, она стала посещать теннисный клуб, не для игры, а чтобы поболтать с друзьями, обсудить последние сплетни или просто выйти «в свет». Сидеть дома в воскресенье, согласитесь, скучно.

А теперь Тома вырос, и Бернар стал обучать его игре. Малыш очень старался, но был по-детски неуклюж и часто ронял мяч.

— Вот так, — Бернар поправил руку Тома. Тот неправильно держал ракетку.

— Тома!

Они обернулись и увидели Арлетт.

— А вот и мама.

Тома бросил ракетку и побежал к ней. Как всякий ребенок, он был сильно привязан к матери.

Бернар остался на поле. В руке он сжимал теннисный мячик. Вдали он увидел Матильду. Она сидела в

летнем кафе, за одним из белых столиков и о чем-то увлеченно беседовала с мадам Жюво.

Солнце слепило глаза. Апрельский день казался необычайно теплым. Матильда была в белой широкой спортивной майке и легких шортах. Бернару, привыкшему к ее строгим костюмам и женственным платьям, этот наряд показался непривычным. И все равно белый цвет чудесно гармонировал с ее ослепительно черными волосами. А короткие шорты открывали соблазнительно стройные ноги.

— У вас красивые волосы, — сказала мадам Жюво, — мне всегда хотелось иметь такие же.

— Но вы можете покрасить.

— Нет. Это было бы вульгарно, уверяю вас. Тем более что в моем возрасте трудно менять облик. — А вот и Ролан.

К ним подошли двое молодых людей. Один из них — в очках, с бородой и копной взлохмаченных густых волос — поцеловал руку мадам Жюво.

— Вы надолго к нам?

— Пробудем весь уик-энд. Я уже заказал номера в гостинце.

— Глупости! — возмутилась мадам Жюво. — Вы оба остановитесь у меня. Ни о каком отеле не может быть и речи.

Ей нельзя было перечить. Ролан знал, что у мадам Жюво ему будет куда удобней. Она относилась к нему как мать.

— Хорошо, я позвоню в отель.

Мадам Жюво одобрительно кивнула, и они ушли.

— Этот парень — настоящее сокровище, — сказала она. — Он мне очень помог. Извините, я вас не представила, потому что забыла ваше имя.

— Матильда Бушор. Мы с Филиппом теперь соседи супругов Куффре.

— Ах вот как, — мадам Жюво посмотрела на Матильду с нескрываемым интересом. — Мне говорили о вас. Но по-моему вы не очень похожи на тех, кто ищет вчерашний день.

Матильда побледнела.

— Не поняла...

Но их прервал голос Филиппа.

Филипп обожал теннис. Игра для него была хорошей разгрузкой после неподвижной работы. К тому же он считал, что теннис помогает сохранять форму. Ему было уже сорок лет, и опасность располнеть нависала все больше и больше. Он не любил полных людей. Они казались Филиппу ленивыми и отчасти недалекими (хотя такие мысли он никому не высказывал).

В голубой майке и свободных спортивных шортах он чувствовал себя непринужденно и легко. В руке он держал пакет с ракетками. Вдруг кто-то схватил его за руку. Филипп видел плохо и часто не узнавал знакомых, даже когда находился близко от них.

— Ролан? — он был удивлен, увидев старого приятеля. Они не встречались несколько лет. Ролана трудно было узнать. Борода, непривычно небрежная прическа. — Сколько мы не виделись? Года четыре?

— Нет, уже пять, — Ролан улыбался.

— Чертовски рад тебя видеть. — Матильда! — позвал он. — Иди сюда.

Матильда подошла. В спортивном наряде она выглядела юной и романтичной.

— Это Ролан Бегюз. Я тебе уже говорил о нем.

Когда-то давно они вместе были на Корсике, участвовали в ралли. Филипп вел свою машину. Скорость была слишком высокой и произошла авария. В этот момент откуда-то появился Ролан на своем «вильямсе», успел в считанные секунды вытащить его, оглушенного и истекающего кровью, из «форда». Едва они сделали

несколько шагов, как машина взлетела в воздух. Оба просто чудом остáлись в живых. После этого взрыва зрение Филиппа ухудшилось. Так Ролан спас ему жизнь. Филипп никогда не забывал об этом.

— А это Матильда.

— Очень приятно.

— Мадам Бушор.

— Представь себе, Матильда моя жена, — похвастал Филипп.

— Я не знал, что ты женат, — сказал Ролан.

В это время мадам Жюво смотрела на них, вынимая напитки из корзины.

— Извини, — сказал Ролану Филипп, — я обещал Матильде поиграть с ней.

— Я поиграю с Устини. А ты поговори со своим другом.

Оставив их вдвоем, она направилась к теннисным кортам с ракеткой в руках.

Старые приятели присели за столик. Им было о чем поговорить. За те годы, что они не виделись, у каждого в жизни произошло так много. Ролан работал в издательстве, кроме того, немного писал сам.

— Трудно, наверное, быть издателем в провинции?

— Да, конечно, есть проблемы. Но ведь их не больше, чем везде. — Ролан любил свою работу.

— А мне надоел Париж, — задумчиво произнес Филипп. Они познакомились там с Матильдой. И с самого начала жили там. Но потом она сказала, что устала. От шума, от городской суеты. И они решили уехать в провинцию.

— Я помню, ты писал стихи, — сказал Ролан.

— Да, давно.

Он смотрел на Матильду. Она была прелестна. Когда он впервые увидел ее, то понял — это судьба. Он никогда не думал о женитьбе. Был доволен работой,

а женщины его мало интересовали. Но увидев Матильду, вдруг подумал и сказал себе: это твой последний шанс, не упусти его.

Тут друзья увидели почтальона, который ходил от столика к столику, спрашивая мадам Жюво.

Она выходила из кафе, опираясь на трость.

— Добрый день, мадам Жюво, — сказал мальчик-рассыльный. — Вам телеграмма, — и протянул ей голубой листок.

Бернар наблюдал за мадам. Он заметил, как поникло ее лицо, когда она прочитала текст. Резко повернувшись, она зашагала прочь, сгорбившись и хромая.

Бернар побежал за ней. Она вошла в дом. Он догнал ее.

— Что случилось, мадам? Мне показалось вы очень расстроены.

— Нет. Эта чертова телеграмма... Сделаю вид, что ничего не получала, — она опустилась в кресло.

— Вам помочь?

— Нет. Спасибо, идите.

Уходя Бернар сказал:

— Вы всегда можете рассчитывать на меня.

* * *

Тома катался с горки, а Арлетт ловила его внизу. Они громко смеялись.

Матильда стояла на теннисной площадке и издали с улыбкой наблюдала эту счастливую картину. Она жалела, что не имела детей. Все-таки с ними жизнь приобретает смысл, даже если в ней нет любви. Матильда была одинока. Она не могла любить, потому что любимый человек принадлежал другой женщине и принадлежал по праву, а ей так хотелось... У нее не

было ребенка, которому она могла бы подарить свою любовь и которому была бы нужна. Она завидовала Арлетт. Она нужна была Тома и даже Бернару, как ни тяжело было осознавать он был к ней очень привязан и, возможно, любил... А она, Матильда, была одна. Настоящая жизнь — это любовь, а у нее этого не было. Вернее, была... Она жила один раз, давно, восемь лет назад. Бернар приносил много проблем, иногда был груб, устраивал сцены, но... принадлежал ей. И она любила. После этого к ней больше так и не пришла любовь, которой жаждало сердце.

Филипп был прекрасным человеком. Но это было что-то совсем другое. Может, он и любил ее, но их отношения нельзя было назвать любовью.

— Филипп сказал, что вы пишете чудесные сказки, — она обернулась и увидела Ролана.

— Он преувеличивает.

— Филипп считает, что вы талантливы. Но вам не хватает уверенности в себе.

Матильда давно писала сказки. В душе она была романтична, и ей нравилось сочинять то, чего не существовало в жизни. К тому же, она делала к ним иллюстрации. Но все это считала не более чем любительством. Кроме Филиппа никто не знал о ее увлечении.

Матильда и Ролан медленно прогуливались по зеленой аллее.

— Я собираюсь издавать альбомы. И хочу выпустить книгу сказок с хорошими иллюстрациями.

— Нет. Мои рисунки совершенно непрофессиональны, — Матильда немного смутилась. — Ведь я работаю только тушью и цветными чернилами и ограничиваюсь всего четырьмя цветами.

Ролан расхохотался.

— Ничего себе любительство!

Матильда когда-то занималась в художественной школе в Париже и увлекалась живописью. Но после их разрыва с Бернаром она была на грани нервного срыва. Долго болела. Пришлось бросить любимое занятие. Художника из нее так и не получилось.

— Я — дилетант, — сказала Матильда.

— О! Среди дилетантов встречаются замечательные художники. Руссо, например.

Солнце припекало. Становилось душно. Вдруг она увидела Бернара. Он прошел мимо, отвернувшись в сторону и делая вид, что с ней не знаком.

Матильда остановилась и посмотрела ему вслед. Извинившись перед собеседником, она быстро пошла за ним, стараясь догнать.

Бернар вошел на площадку и, сидя на корточках, стал выкладывать ракетки из сумки.

— Привет, Бернар! Я без партнера. Может быть, сыграем?

Он был не в духе. После их встречи в магазине, он не находил себе места. Чувствуя, что прошлое возвращается вновь, он испытывал тревогу и даже страх. Он хотел ее. Это было хуже всего. Он знал себя и понимал, что в один прекрасный день не выдержит и... Нет. Он не хотел думать об этом. Как честный семьянин, он знал, чем кончаются такие вещи, а ради ребенка он не должен поддаваться своей слабости. И в то же время это была не слабость, а нечто большее. Перед этой женщиной он не мог устоять. Единственное спасение — не видеть ее. Но как?!

И вот теперь она стояла перед ним, такая величественно прекрасная и соблазнительная.

— Ты не меняешься, — сказала она.

«Уходи, уходи быстрее, иначе произойдет неповторимое», — говорил Бернару внутренний голос. Ничего не сказав, он ушел.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

У Тома появилась новая игрушка — большой зеленый грузовик. Нагрузив, он катал его по полу, так увлекшись, что не заметил, как пришел отец.

Бернар, осторожно закрыв за собою дверь, поспешил к окну. Ничего не видно. Должно быть, она дома.

Целый день на работе он был страшно рассеян. Все время думал о чем-то, нервничал, отвечал невпопад, когда его о чем-то спрашивали курсанты.

Он страдал. Чувствуя безумно сильное влечение к Матильде, он испытывал некую раздвоенность в душе. Он больше не мог любить Арлетт. Как женщина она вдруг перестала его интересовать. И, что хуже всего, он знал, что уже больше никогда не полюбит Арлетт. А Бернар не мог жить без любви. Она была неотъемлемой частью, смыслом жизни.

Нет, он любил. Но любил другую женщину. Хотя не имел теперь на это права.

Но он должен встретиться и поговорить с ней. Нужно расставить все точки над «i». Иначе нельзя. Невозможно.

Бесшумно он подошел к телефону. Набрал номер. Было занято.

* * *

У Матильды на душе скребли кошки. Понимая, что поступает дурно, неприлично, даже просто по-свински, она не могла остановить себя. Встретиться! Один разочек! Ну хоть на часок, минуточку. Хотя бы на один миг хотелось побыть счастливой...

В то время, когда Бернар пытался позвонить ей, она усердно набирала его номер. Ах, что же это такое... Наверное, Арлетт болтает с какой-нибудь своей подругой... Нет. Она на работе. Тогда Тома... Не может быть, он слишком мал. Наконец, Матильда услышала долгожданный голос.

— Бернар, это я. Встретимся завтра в гостинице на улице де ля Гар. В шесть. Не забудь!

Разве он мог об этом забыть! Матильда! Дорогая, любимая, самая желанная на свете! От сознания того, что скоро он вновь будет ласкать ее тело, такое горячее и возбужденное, голова кружилась, казалось, пол уходил из-под ног. От мыслей о минутах, которые они проведут вместе, по телу пробегала дрожь, глаза невольно закрывались.

Он провел еще одну бессонную ночь.

* * *

Бернар остановил свой «ситроен» на улице де ля Гар.

— Добрый день, мадам. Я заказывал, — он взглянул на полку, где висели ключи. — По телефону...

— Восемнадцатый номер, — сказала консьержка. — Ключа уже нет. Вас ждут.

Бернар поспешно поднялся по лестнице. Сердце замирало. Он давно не испытывал такого. И даже не верилось, что это все наяву и происходит именно с ним.

Дверь была открыта. Он вошел. Комната оказалась пустой. Вдруг знакомый голос окликнул его. Он обернулся и вышел.

Матильда стояла в темном, элегантном костюме, который соблазнительно подчеркивал ее изящную фигуру. Вишнево-красная помада делала ее белое лицо еще более выразительным и чарующим. Весь ее облик был обворожительно красив и... недоступен. Но не для него, Бернара.

Оторопев от ее красоты, он немного смутился, но потом быстро бросился ей навстречу. Он протянул руки и крепко прижал ее к себе.

— Любимая!

Матильда первой пришла в себя.

— Это здесь, — сказала она.

Он прижал ее к стене, осыпая страстными поцелуями. Положение, совесть, чувство долга... Для них все умерло. А были только он и она... Они любили. Не стесняясь и никого не боясь, они давали волю своим чувствам. На ходу расстегнув, едва не оторвав пуговицы ее жакета, он целовал ее груди. О! Как он скучал. Как прекрасны были эти маленькие розовые соски. Это тело... Он опускался все ниже и ниже. И только потом, вспомнив, что они находятся в коридоре, наполовину раздетые, вспотевшие от возбуждения, они поспешили в номер.

Два часа, которые они провели вместе, были незабываемо прекрасны. От наслаждения у Матильды кружилась голова. Впервые за восемь лет она была сча-

стлива. От его поцелуев, прикосновений, от его ласк теряла рассудок. Она вновь чувствовала силу, его силу, которая имела безумную власть над ней еще тогда. Ей хотелось подчиняться этой силе, быть его собственностью, его рабыней.

Они забыли, что на самом деле не принадлежат друг другу. Их больше не мучили сомнения. Весь мир перестал существовать.

Необузданная энергия и страсть, безумные желания, накопившиеся внутри за долгие годы, как будто вырвались наружу.

Она отдавалась ему на кресле, на подоконнике, на столе... Они катались по полу в порыве бешенной страсти.

* * *

Естественно предаваясь своим чувствам, они совершали то, что каждый из них никогда бы не мог позволить со своим мужем или женой, считая это неприличным.

Здесь не существовало приличий, а были только чувства и искренние чистые порывы. После стольких лет притворства они вновь стали самими собой. И Бернар, который не осознавал этого раньше, вдруг почувствовал, что восемь лет он жил не так, не был по-настоящему счастлив. В своей жизни он любил только ее, Матильду. Только она возбуждала в нем настоящее чувство, заставляла трепетать от одного прикосновения...

Комбинация, туфли, чулки, небрежно брошенные, лежали на полу. Бернар подошел и нежно дотронулся до них.

— Все так же на полу... Как тогда.

Он взял комбинацию Матильды, разложил на коленях. Она была шелковая, белоснежная с тонкой ниточкой кружев...

— Я помню, у тебя была такая же...

Приятно уставшая, Матильда лежала на кровати, слегка прикрывшись белым шелковым халатом.

— Нет, — ласково сказала она, — та была короче.

— Значит, ты подросла.

Матильда рассмеялась. Как по-детски наивны бывают мужчины.

— Глупый! Просто тогда мода была другая.

Она села, по-турецки скрестив ноги. В ее лице светилось нескрываемое чувство удовлетворения.

— А ты помнишь, как мы встретились, — спросила она.

Он помнил все. Он не мог ничего забыть. Это случилось осенью, много лет назад. У тетушки в Париже были именины. Он опаздывал. Когда вошел, гости уже сидели за столом. Их было немного. Бернар хорошо знал всех. Тетушкины сестра, кузины, их дети, ближайшие друзья. Он не мог не заметить очаровательную юную незнакомку. Тогда Матильде было восемнадцать лет. Она скромно сидела подле пожилой дамы — госпожи Жюлибе. Бернар был знаком с ней. Та выросла вместе с его тетушкой, потом они вместе заканчивали пансион. С тех пор и остались подругами. Мадам Жюлибе не была замужем. Одиночество еще больше сближало ее с теткой Бернара.

Матильда приходилась родной племянницей г-же Жюлибе. Она рано лишилась родителей, и тетка занималась ее воспитанием. Наследство Матильде досталось небольшое, потому что родители были не очень богаты. Ее тетку нельзя было назвать плохой, по-своему она жалела Матильду, была очень привязана к ней, но Бог наградил ее необыкновенной жадностью

и Матильде стоило больших усилий добиться ее согласия на учебу в художественной школе.

Матильда росла очень замкнутой. У нее не было подруг. Тетка не позволяла заводить ей «всякие» знакомства, и лишь иногда брала ее с собой на редкие визиты. Как все старые девы, тетка была строгих правил и запрещала Матильде распускать волосы, не позволяла носить короткие платья, считая это дурным тоном.

В тот вечер Матильда сидела с тугим узелком волос на затылке и в строгом гимназическом платье с белым воротничком. Бернар, если бы и захотел, не мог не обратить внимания на прелестные черты лица, на милые и чуть смешные завитки на висках, на широко распахнутые глаза и пухлые, чувственные губы.

Справедливости ради следует признать, что влюбился он сразу. Ну, или почти сразу. Тогда он был моложе, не столь хорошо разбирался в жизни и не нашел нужным скрывать свои чувства.

В тот вечер, и виной тому было, безусловно, присутствие Матильды, он выпил больше, чем следовало. Они сидели на балконе. Стоял душный вечер, когда пламя свечей не колеблется ни единым движением ветерка и пыльная листва отдыхает в сумерках от солнечного жара.

Гости еще танцевали, кружась парами по тусклому паркету гостиной, кто-то курил у окна, и до них долетали приглушенные голоса.

Он не очень хорошо помнил, о чем они тогда говорили, да это и не имело особого значения, и он лишь на всю жизнь запомнил теплый сумрак, тихую музыку и как никогда волнующую близость молодой и желанной женщины. Чувство, возникшее в его груди в тот вечер, поразило его самого.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Они любили Париж, но были не прочь убежать из него при первой возможности. Так оно вообще часто бывает с тем, что любишь. Или кого, разумеется. Будучи в восторге от столицы, Бернар все-таки выбрал карьеру моряка, Матильда же часто заявляла, что для ее живописных штудий, как воздух, необходим сельский пейзаж. Она была увлечена Синьяком и до бесконечности экспериментировала на картонах или кусках холста, натянутых на небольшие сосновые рамки.

Снег в ту осень выпал очень поздно. Они жили в деревянном домике среди невысоких сосен на склоне горы, и по ночам уже случались заморозки, так что вода в кувшине на умывальнике покрывалась к утру тонкой корочкой льда.

Хозяйка пансиона рано утром входила в комнату, чтобы закрыть окна и разводила огонь в высокой изразцовой печке. Сосновые дрова трещали и разгорались, огонь в печке начинал гудеть, и хозяйка во второй раз входила в комнату, неся толстые поленья для печки и кувшин с горячей водой.

Когда комната нагревалась, она приносила завтрак. Завтракая в постели, они видели озеро и горы по ту сторону озера. На вершинах гор лежал снег, и озеро было серое со стальной синевой.

Снаружи, перед самым домом, проходила дорога. От мороза колеи и борозды были твердые, как камень, и дорога упорно лезла вверх через рощу и потом, опоясав гору, выбиралась туда, где были луга, и сараи, и хижины на лугах на опушке леса, над самой долиной.

Долина была глубокая, и на дне ее протекала речка, впадавшая в озеро, и когда ветер дул из долины, слышно было, как речка шумит по камням.

Иногда они сворачивали с дороги и шли по камням через сосновую рощу. В роще земля под ногами была мягкая: она не отвердела от мороза, как на дороге. Но им не мешало то, что земля на дороге твердая, потому что они специально купили заранее горные ботинки с ребристыми подошвами, в которых идти по дороге было не тяжело.

От дома, в котором они жили, начинался крутой спуск к небольшой равнине у озера, и в солнечные дни они сидели на веранде, и им было видно, как вьется дорога по горному склону, и виден был склон другой горы и расположенные террасами виноградники, где все лозы уже высохли по-зимнему, и поля, разделенные каменными оградами, и пониже виноградников городские дома на узкой равнине у берега озера.

На озере помещался островок с двумя деревьями, и деревья были похожи на двойной парус рыбачьей лодки. Горы по ту сторону были крутые и остроконечные, и у южного края длинной впадиной между двумя горными кряжами лежала долина Роны, а в дальнем конце, там, где долину срезали горы, был Дан-дю-Миди. Это была высокая снежная гора, и она господствовала над долиной, но находилась она настолько далеко, что не отбрасывала тени.

Когда было солнечно, они завтракали на веранде, но в остальное время предпочитали есть наверху, в маленькой комнате с досчатыми стенами и маленькой печкой в углу.

Они накупили, отправляясь сюда, кучу журналов и книг, и выучились многим карточным играм, в которые можно было играть вдвоем. Маленькая комната с печкой была их гостиной и столовой, там помещались два удобных кресла и журнальный столик, а в карты они играли на обеденном столе после того, как уберут посуду.

Хозяева пансиона, пожилая чета, жили внизу, и иногда слышно было, как они разговаривают. Похоже, они тоже были счастливы. Он когда-то был обер-кельнером, а она служила горничной в том же отеле, и они скопили денег на покупку этого дома. У них был сын, который готовился тоже стать обер-кельнером и служил в отеле где-то в Германии.

Внизу находилось помещение, где торговали вином и пивом, и по вечерам они иногда слышали, как на дороге останавливаются грузовики, и мужчины поднимаются в дом пропустить стаканчик.

В коридоре перед их комнатой стоял ящик с дровами, и оттуда Бернар брал поленья, чтобы подбросить в печку. Но обычно они не засиживались поздно. Они ложились спать в их большой комнате, не зажигая огня, и раздевшись, Бернар открывал окна, и смотрел в ночь, и на холодные звезды, и на сосны под окнами, и потом как можно быстрее ложился в постель.

Что ни говори, а хорошо под теплым одеялом, когда воздух такой холодный и чистый, а за окном ночь.

Спали они крепко, и если просыпались, то для того,

чтобы поуютнее подоткнуть одеяло и снова уснуть с чувством легкости и добротного обустройства.

Париж и все дела и проблемы казались далекими, как футбольный матч в чужом колледже, газет они не читали и новостями не интересовались принципиально.

Иногда они спускались по склону горы в Монтрэ. От самого дома вела вниз тропинка, но она была очень крутая, и обычно они предпочитали спускаться по дороге и шли широкой, отверделой от мороза дорогой между полями, а потом между каменными оградами виноградников и еще ниже между домиками лежащих у дороги деревень.

Потом по той же дороге они проходили мимо старого, крепко сбитого каменного шато на выступе горы, среди расположенных террасами виноградников, где каждая лоза была подвязана к специальной палке, и все лозы были сухие и бурые, и земля ожидала снега, а внизу, в глубине лежало озеро, гладкое и серое, как сталь.

От шато дорога шла вниз довольно отлого, а потом сворачивала вправо, а дальше начинался вымощенный булыжником крутой спуск прямо в Монтрэ.

У них, ни у Матильды, ни у Бернара, не было знакомых в Монтрэ. Они шли по берегу озера и видели лебедей, и бесчисленных чаек, и буревестников, которые взлетали, стоило к ним приблизиться, и жалобно кричали, глядя вниз, на воду.

Придя в город, они шли по главной улице и останавливались у витрин, чтобы получше их рассмотреть и зайти в тот или другой магазин. Туристов было мало, и им везде были рады.

Однажды им попалась на пути парикмахерская, и Матильда зашла туда причесаться. Хозяйка парикмахерской встретила ее очень приветливо, это была их единственная знакомая в Монтрэ. Пока Матильда причесывалась, Бернар сидел в пивном погребке и пил темное мюнхенское пиво и читал газеты.

Это был редкий случай, когда он все-таки заглянул в газеты (быть может, в тайной надежде найти там импульс, который придал бы его жизни новый смысл или новую цель?), как и ожидалось, ничего интересного там не обнаружил. Все как всегда. Наводнение в Кашмире. Ожесточенные бои на семнадцатой параллели. Банковский крах в Кейптауне.

Он сидел в уголке с большой кружкой пива, и отпивая из кружки, лениво перелистывал страницы, не особо вникая в смысл прочитанного. Он думал, что Матильда зайдет за ним, но ее все не было. В конце концов Бернар положил газеты на место и, заплатив за пиво, отправился ее искать.

День был промозглый, зимний и сумрачный, и Матильда все еще оставалась в парикмахерской. Хозяйка продолжала укладывать ей волосы. Клиентов в эту пору года бывало немного, и она радовалась каждому.

Бернар сидел в кабинетике среди зеркал, шампуней и инструментов, и смотрел. Матильда улыбалась и разговаривала с ним, не забывая поглядывать в зеркало, и голос у него был немного хриплым от мороза и от волнения.

— Мне прямо совестно, что я так долго. — Наконец Матильда встала.

— Нет, тебе очень идет вот так сидеть в кресле среди зеркал. Я бы здесь еще погостил.

— Ты прелесть.

* * *

Когда они вышли и пошли по улице, и стали подниматься к станции, было очень холодно. Холодный

ветер дул из Ронской долины. В витринах магазинов горели огни, и они поднимались по крутой каменной лестнице на верхнюю улицу и потом по другой улице к станции.

Там уже стояла освещенная изнутри белым ровным светом электричка. Они зашли в вагон, предварительно справившись о времени отхода. Оказалось — они как раз вовремя. Машинист и кондуктор вышли из станционного буфета и разошлись по местам. Бернар открыл окно в пустом вагоне, и свежий морозный воздух ворвался под пластиковый потолок и неоновые лампы.

— Ты устала, Мат? — спросил Бернар.

— Нет, все в порядке. Здесь просто чудесно.

— Нам не долго ехать.

— Я бы с удовольствием прокатилась подольше, — сказала она. — Не тревожься обо мне, милый. Все хорошо.

* * *

Наконец выпал снег. Это случилось всего за три дня до рождества. Как-то утром они проснулись и увидели за окном большие белые хлопья. В печке гудел огонь, и вылезать совсем не хотелось. За окном бушевала настоящая снежная буря. Хозяйка пансиона сказала, что она началась около полуночи.

Бернар подошел к окну, но ничего не смог разглядеть, даже дороги. Мело со всех сторон, снежные вихри крутились с такой силой, что казалось — весь дом сейчас взлетит и помчится куда-то в пурге, теряя стены и цепляясь за скалы.

— Хорошо бы походить на лыжах, — сказала Матильда. — Или покататься на санках...

— Мы достанем санки и съедем по дороге вниз. Как на автомобиле.

— А трясти не будет?

— Вот кстати и узнаем.

— Терпеть не могу тряски.

— Немного погодя, когда утихнет, можно будет выйти погулять по снегу.

— Перед обедом, — сказала Матильда. — Для аппетита.

— Я и так вечно голоден.

— Я тоже.

* * *

Они вышли в метель. Повсюду намело сугробы, так что далеко уйти все равно бы не получилось. Мело так, что невозможно было раскрыть глаза, и такая прогулка им обоим, естественно, быстро надоела. Они зашли в маленький кабачок возле станции и, метелкой стряхнув друг с друга снег, сели на скамью и спросили вермуту.

— Сегодня сильная буря, — сказала кельнерша. — Снег поздно выпал в этом году.

— Да, пожалуй.

Когда они вышли, чтобы идти домой, их тропинку, протоптанную в снегу, уже занесло. Только едва заметные углубления остались там, где раньше были их следы. Мело прямо в лицо, так что по-прежнему нельзя было раскрыть глаза. Добравшись до дома, они, естественно, тут же отправились завтракать.

Завтрак подавала хозяйка пансиона.

— Завтра можно будет пойти на лыжах, — сказала она. — Вы ходите на лыжах?

— Нет, но хотели бы научиться.

— О, вы очень легко научитесь. Здесь неподалеку лыжный курорт, там неплохие инструкторы. Обычно люди осваивают технику буквально за несколько дней. Проверено.

— Когда можно будет приступить к занятиям?

— Да хоть завтра. Там правда хорошие инструкторы.

* * *

Когда после обеда они сидели у печки в маленькой комнате и смотрели в окно, за которым все еще валил снег, Матильда сказала:

— Что, если тебе уехать куда-нибудь одному, милый, побыть среди мужчин, походить на лыжах?

— Зачем мне это?

— Неужели тебе не хочется повидать других людей, развлечься, отдохнуть от меня?

— Ты хочешь, чтобы я уехал?

— Нет, я хочу, чтобы ты был со мной. Всегда.

— Ну, тогда я никуда не поеду.

— Иди сюда, — сказала Матильда. — Я хочу погладить тебя по голове, я хочу запомнить тебя таким, как сейчас. Пока ты мой. Только мой... Милый, почему бы тебе не отпустить бороду.

— Тебе хочется?

— Да. Ну просто так, ради забавы. Мне хочется посмотреть, какой ты с бородой. Должно быть, настоящий морской волк!

— Договорились. Буду с бородой. Вот прямо сейчас и начну отпускать. Отличная идея. Наконец появилось серьезное занятие.

— Ты огорчен, что я оторвала тебя от твоих танкеров?

— Нет, я чертовски доволен, что мы сюда выбрались. Мне хорошо. А тебе?

— Мне чудесно. Но я боюсь, по-моему, последнее время тебе скучно со мной...

— О, Матильда! Ты даже не представляешь себе, как сильно я тебя люблю!

Бернар не взялся бы утверждать, что сказанное им было правдой, но точно так же он был совершенно уверен, что говорит искренне. Так бывает, и не только в романах, но и в жизни тоже.

— И теперь по-прежнему?

— Теперь и всегда! И я вполне счастлив.

— Очень хорошо, а то мне кажется — ты какой-то неспокойный. У тебя что, дела в Париже?

— Пустое, не обращай внимания. Просто я устал за год.

— Это и меня беспокоит. Милый, я так тебя люблю, что хочу быть с тобой. Хочу быть похожей на тебя. Хочу, чтобы меня принимали за тебя.

— Так оно и есть. Мы с тобой одно, и уже довольно давно, разве ты не замечаешь?

— Знаю. По ночам. Но я хочу, чтобы совсем нельзя было разобрать, где я, а где ты, чтобы нас путали. Но чтобы ты уезжал, я не хочу. Это я так сказала, просто... Но если тебе хочется, конечно, уезжай. Но только возвращайся скорее. Милый, ведь я вообще не живу, когда не с тобой.

— Я не уеду, — сказал Бернар. — И вообще никогда не расстанемся. Мы все время будет вместе. Ты всегда будешь со мной.

* * *

Однажды Бернар проснулся среди ночи и почувствовал, что Матильда тоже не спит.

— Ты не спишь, дорогая?

— Нет. Знаешь, я проснулась и подумала — ведь мы могли вообще не встретиться тогда, у моей тети. Честно говоря, я едва тогда уговорила себя придти. И уж во всяком случае не надеялась ни на что интересное. Господи, что бы было, не найди мы друг друга...

— Ты была тогда немного сумасшедшая.

— И даже не немного. Но теперь все по-другому. Теперь все совсем по-другому. Теперь я всегда буду с тобой.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Матильда встала с кровати, подошла к Бернару.

— Подожди, — прошептала она.

— Я жду.

Она погладила его волосы, шею, лицо. От прикосновения ее рук он почувствовал легкое головокружение. Он закрыл глаза. Потом взял ее руки в свои и нежно стал их целовать. Вдруг на запястье он увидел шрам.

— Что это?

— Не задавай идиотских вопросов, приятель!

Она резко выдернула руку, но Бернар сильно схватил ее за локоть и еще сильнее прижал к себе.

— А я буду, — он почти насильно посадил ее к себе на колени. — И я тебе не приятель. Я любимый. Разве ты забыла?

— Мой любимый меня бросил. Ты об этом разве не знаешь? Он ушел и женился на другой. Все очень просто.

Да, он ненавидел ее тогда. Ненавидел, потому что безумно любил. Будучи молодым и тщеславным, он не

мог разобраться в своих чувствах. В глубине души он знал, что любит Матильду, но сознаться в этом даже самому себе считал постыдным и унизительным.

Он был иногда ревнив и устраивал сцены. Желал, чтобы она принадлежала ему одному, его бросало в жар, если видел рядом с ней мужчину. Он был по-юношески вспыльчив и себялюбив. Иногда Матильда раздражала, и он уходил. А потом возвращался. Потому что жить по-другому не мог.

Но теперь он изменился. Юношеская спесь исчезла. Он больше не сомневался в своих чувствах.

— Жаль, что мы встретились только сейчас, — сказала Матильда.

— Но мы встретились, и все хорошо.

Нет, больше не может быть хорошо. Прекрасные минуты забвения прошли и нужно возвратиться к жестокой реальности. Да, они любили друг друга. Но как? Украдкой, спрятавшись от всех... Через полчаса они выйдут из отеля и разбредутся. Он будет врать жене, и она будет жить с мужем, делая вид, что ничего не произошло. А так не может быть хорошо.

— А ты по-моему, стала еще красивее. Конечно, в молодости мы не щадили себя. Мы поумнели.

— Не все ли равно, — выражение лица Матильды опять стало поникшим и грустным. — И что это меняет?

Бернар подошел к ней. Она сидела на краешке кровати, свесив ноги. Он опустился на колени, обхватив ее ноги.

— Но мы любили, — сказал он.

— Нет. Это я любила тебя, а ты был влюблен. Это совсем другое. Ты ревновал, не верил мне.

— А ты твердила: «Потому что люблю». — А ты был готов бежать за любой юбкой, месье.

Бернар встал, прошелся по комнате. Да, он был ненасытен тогда и все искал чего-то.

— Мне казалось, что под женской юбкой невероятная тайна.

— А теперь? — Матильда улыбнулась.

— Ну — бывает еще, — он поднялся и сел рядом.

— Ты был нежен со мною...

— Я и сейчас такой же, как тогда, — он заключил ее в объятия.

— Как тогда...

* * *

От долгих нежных поцелуев они замирали в блаженстве. В эти минуты забывались все обиды и боль, разочарования и муки.

Это были мгновения простого человеческого счастья, которого волей судьбы они в обычной жизни были лишены.

Было уже поздно. Уходя, Матильда еще раз посмотрелась в зеркало, поправляя прическу. Бернар стоял рядом. Непослушные светлые волосы в беспорядке рассыпались, торчали в разные стороны.

— Волосы пригладь, — сказала Матильда Бернару.

Он небрежно встряхнул головой.

— Этот твой жест я люблю, — она положила руку ему на грудь. — Впервые его увидев, я поняла, что не могу отказать тебе.

Он поцеловал ее губы. Обнявшись, они вышли. Бернар закрыл дверь.

— Я сниму этот номер на месяц, — сказал он, когда они спускались по лестнице.

— Зачем?

— Не хочу, чтобы другие бывали в нем...

— Хорошо, сними.

* * *

Небо было безоблачным и чистым. Самолеты медленно шли на посадку и плавно взлетали вверх.

— Пятнадцать направо! Пятнадцать направо! — Филипп стоял у пульта.

— Месье Бушор, вас ждут внизу.

Кто бы это мог быть? Дав несколько указаний напарнику, он поспешил вниз.

В просторном, чистом, залитом солнцем фойе он увидел Ролана.

— Я провожаю мадам Жюво, а это... — в руке он держал большой сверток, — передай своей жене. Она в курсе. Скажи ей, что на этой неделе меня будет легче застать на кортах, чем в типографии.

Они вышли на аэродромное поле. Солнце слепило глаза. От нагретого асфальта стояла невыносимая духота, и лишь легкий ветерок приносил струю свежего воздуха. Филипп щурился. Он не любил жару.

У машины стояла мадам Жюво в синем дорожном костюме, готовая к отъезду, поглаживая своего пуделя, сидевшего на капоте.

— К великой скорби своих поклонников мадам Жюво покидает Гренобль на неделю! — продекламировал Ролан.

С мадам Жюво у него были очень теплые дружеские отношения. Он знал ее давно и любил как родную мать. Может быть, потому что совсем не помнил своей.

Его воспитал отец. Мать их оставила, когда Ролану был год. С тех пор они ничего не слышали о ней. Он даже не знал, жива ли она. Одни говорили, будто она уехала в Америку, а кто-то вроде бы встречал ее в

Лондоне. Но отец всегда запрещал ему интересоваться этим, и в конце концов Ролан решил, что так будет лучше. Хотя иногда думал об этом, и на душе становилось до боли обидно... Будучи тридцати пяти лет отроду, он даже не представлял, как выглядела его мать. После ее ухода отец сжег все ее фотографии, письма, одежду, даже ее книги — словом все, что каким-то образом было связано с ней и могло напоминать о ней. Маленький Ролан считал, что мама умерла. Так говорил ему отец. Но потом, когда ему было уже семь лет и он пошел в школу, его тетка, сестра отца, как-то невзначай проговорилась. Отец был страшно зол тогда. Ролан даже боялся, что он выгонит из дома тетю Мадлен, но потом как-то все утряслось. Отец успокоился и рассказал сыну всю правду, взяв слово о том, что тот больше никогда не будет расспрашивать. Он не мог обвинять отца. Да, он был вспыльчив, часто занудлив и чрезвычайно строг, но в то же время больше всего на свете он любил Ролана, много работал, чтобы дать ему все, что необходимо юноше из приличной семьи. Он был врачом. Ему приходилось сутками пропадать в клинике, чтобы содержать дом (а они жили в хорошем двухэтажном особняке в окрестностях Парижа), машину и даже прислугу.

Теперь он был болен и стар. Накопив приличное состояние, он безбедно проводил остаток жизни в своем особняке. Дом был слишком большим, и часть его он сдавал внаем. К старости он становился скуповат и прижимист.

Ролан старался чаще навещать отца, но долго находиться там как ни старался, не мог. Конечно, он был очень благодарен за все, что для него сделал отец, но тяжелый, а с годами еще более невыносимый характер старика часто раздражал его. Забывая, что сын

уже давно взрослый, он всегда вмешивался в его дела, что-то запрещал, требовал полного отчета во всем.

Понимая, что обязан отцу всем, Ролан не мог обижаться, но... покидал стены родительского дома, испытывая огромное облегчение и чувство свободы во всем.

С момента их первой встречи, Ролана всегда невольно тянуло к мадам Жюво. В ней он находил то, чего так не хватало в родительском доме. Ее внимание, живое участие в его жизни, ее мудрость и доброта были так необходимы Ролану. Что бы ни делал, будучи в Париже или еще где-нибудь, принимая решения, спрашивал: «А что бы сказала мадам Жюво?» Чувствуя выражение ее лица, ее взгляд говорил: «Нет. Ей не понравилось бы это. Она сочла бы это вульгарным». И отказывался от предложений, впоследствии благодаря судьбу за то, что послала ему эту замечательную женщину.

— Большой привет вашей жене, — сказала Филиппу мадам Жюво и коснулась его руки. — Не забудьте: это не ради приличия. Большой привет.

Ролан взял чемоданы. Мадам Жюво ласково потрепала своего лохматого любимца:

— Счастливо, Бенито, счастливо.

Она не волновалась. Ролан обещал присмотреть за ее «курятником».

— Пойду подниму вам самолет в воздух, — сказал Филипп.

— Так это вы будете поднимать меня в воздух? Не увлекайтесь пируэтами, пожалуйста, — мадам Жюво весело помахала ему вслед и прикрыла глаза ладонью от солнца.

* * *

Майские дни стояли на редкость жаркими и сухими.

Без головного убора люди опасались долго бывать на свежем воздухе, и парк вокруг теннисного клуба пестрел разноцветными шляпами и панамами. Более пожилые дамы сидели под летними зонтиками, считая, что загар способствует еще более быстрому старению кожи.

Часто страдая головными болями, Матильда тоже не выносила солнца. Филипп играл в теннис, а они с Роланом укрылись в тени за одним из отдаленных столиков летнего кафе. Ролан рассматривал ее рисунки.

— Я и не знал, что у вас такое замечательное чувство юмора, — сказал он. — Мне с вами, можно сказать, повезло.

— Дети любят смешное. И вот, что я выдумала, — Матильда показала свою последнюю работу, изображающую ленивого школьника.

Их беседу прервал подошедший официант. Он склонился к Ролану:

— Простите, пожалуйста. Вы видите того господина в баре? Он спрашивает мадам Жюво. Я сказал: «Ее нет», но он не верит. Он пришел еще утром.

Ролан и Матильда посмотрели в сторону бара. Там за стойкой стоял пожилой господин в черном костюме с рыжеватой бородкой. В руке он держал маленький чемодан.

* * *

— Я узнаю, в чем дело, — Ролан поднялся. — Извините, Матильда.

Она продолжала наблюдать за незнакомцем. Ролан поспешил к бару.

— Странный человек пришел, — сказал официант

Матильде. — Все рассматривает, расспрашивает о мадам Жюво.

Матильда еще раз посмотрела в ту сторону. Ролан что-то говорил ему. Через несколько минут он вернулся. Ролан был очень удивлен. Мадам Жюво никогда не рассказывала, что в Новой Каледонии у нее есть друзья. А этот тип приехал прямо оттуда, чтобы повидать ее. И даже говорит, что давал телеграмму, предупреждая о приезде. Странная история... Видимо, она ничего не получала. Она бы не уехала. Уж он-то знает мадам Жюво.

Они видели, как незнакомец быстро вышел из бара, поспешил к машине, стоявшей за кустами сирени, и уехал прочь.

* * *

— Чудесная клубника! — воскликнула Арлетт, раскусывая большую красную ягоду.

В тот день они с Бернаром были приглашены на ужин к Бушорам.

— Я положу еще, — сказала Матильда. — А скоро будет кофе.

Она направилась на кухню.

— Нет, я не пью кофе вечером, — сказала Арлетт. —Лучше чай.

— А мне кофе, Матильда, — Филипп был страшным кофеманом. Он страдал от низкого давления, и кофе придавал тонус его организму.

Бернар вызвался помочь хозяйке. На кухне они были вдвоем. Бернар варил кофе, а Матильда нарезала сыр. Бернар поднес шипящий кофейник.

— Ты будешь кофе? — спросила она, разливая его по чашкам.

Вместо ответа он схватил ее за руку и повлек в угол, откуда Арлетт и Филипп не могли их видеть.

— Завтра в пять я жду тебя в гостинице, — он коснулся губами ее уха. От его горячего дыхания по телу Матильды пробежала дрожь.

— Н-нет, нет... — она волновалась.

Бернар хотел поцеловать ее, но она испуганно отшатнулась и громко спросила:

— Бернар, вы принесете чашки?

Он взял поднос. Матильда несла сахарницу и сыр.

— Вы неплохо обставили комнату, — заметила Арлетт.

Действительно, из серой и необжитой, получилась уютная гостиная. Бордово-красная обивка дивана и кресел прекрасно гармонировала с розовыми обоями и красным абажуром люстры. Красный интерьер дополнили тяжелые бордовые шторы и мягкий цветной ковер.

— Да, по-моему неплохо, — сказал Филипп. — Камин такой большой. Вот только пианино не на месте.

В самом деле, пианино было старомодным и громоздким, плохо сочеталось с современной обстановкой комнаты.

Матильда принесла бутерброды и пригласила всех к столу.

— Сахар, пожалуйста.

— Благодарю.

На диване, где сидел Бернар, она увидела небольшой сверток, перевязанный белой ленточкой.

— А что это такое? — спросила она.

— Это тебе подарок, — ответил Филипп. Он улыбнулся.

Матильда взяла в руки сверток.

— У вас сегодня день рождения? — спросила Арлетт.

— Нет, у меня в мае день рождения...

От неожиданности Матильда немного растерялась. Обычно Филипп не любил делать подарки. Вернее, не умел делать этого.

Поэтому все вещи Матильда покупала себе сама или когда они ходили по магазинам вместе.

— Это подарок перед разлукой, — сказал Филипп.

Сразу не сообразив, Матильда бросила на него недоуменный взгляд. Бернар тоже удивленно посмотрел на Филиппа.

— Я уезжаю на три дня, — спокойно продолжал тот, — Матильда не хочет ехать со мной. Она надумала здесь что-то переставлять. Я не удивлюсь, если пианино будет на крыше.

Филипп и Арлетт рассмеялись, а Матильда и Бернар загадочно переглянулись.

Она разворачивала пакет.

— Сейчас посмотрим. Кажется, я догадываюсь.

Матильда разорвала бумагу.

— В прошлое воскресенье мы гуляли по городу и зашли в магазин. Это платье ей очень понравилось. Она примерила его...

Он смотрел на Матильду. Она улыбалась. Он обожал ее за такую улыбку.

— А потом? — спросила Арлетт.

— Потом она заметила, что его нельзя надевать: оно слишком экстравагантно.

Матильда достала платье. Оно было совсем легкое, из прозрачного красного шифона с цветной каймой понизу. Ее глаза радостно светились.

Бернар не мог оторвать от нее взгляда. Она прелесть. Он хотел ее. И ревновал. Ему хотелось самому покупать ей платья, дарить подарки, любоваться ее красотой. Он завидовал Филиппу и в то же время знал, что сердце Матильды принадлежит только ему, Бернару.

— Отличное платье, Матильда, — сказала Арлетт. — Сейчас такие носят.

— Но вы не видели его на мне...

— А ты примерь! — Арлетт и Филипп сказали в один голос.

Она посмотрела на Бернара. Он сидел молча, нахмурив брови. Ему неприятно было все это. Он хотел быть с ней вдвоем, только вдвоем. И чтоб никакого Филиппа, никакой Арлетт. Они были лишними. Они мешали. Ему так хотелось взять ее на руки и целовать, целовать до потери рассудка.

— Отличная мысль! — сказал Филипп. — Примерь, пожалуйста.

Матильда стояла в нерешительности. Она наблюдала за Бернаром. Он был недоволен чем-то.

— Можно, хоть я посмотрю? — Арлетт встала с кресла и весело щебеча, они побежали наверх.

Из спальни доносился их возбужденный щебет. Женщины любили наряды. Всегда. И несмотря ни на что.

Бернар и Филипп остались вдвоем. Они пили охлажденный коктейль.

— Вы не представляете себе, что для меня значит ее смех, — прервал их короткое молчание Филипп.

Бернар удивленно уставился на него.

— Когда мы познакомились, она была так же красива и привлекательна, но не смеялась. Ей было тогда очень плохо. Она развелась с мужем.

Бернара передернуло. Как будто кто-то хлестнул его по лицу. Он ничего не знал. Она ничего не говорила о другом замужестве.

— Развелась?

— Да. Молниеносный развод после краткосрочного замужества.

Бернар опустил голову. Оказывается, он не знал

Матильду. Вернее знал, но не до конца. Почему она скрыла? Значит, в ее жизни была еще одна любовь...

Его мысли прервал громкий свист за окном. Филипп встал.

— Это на улице, — сказал Бернар.

Они подошли к окну. Филипп открыл дверь, вышел на улицу. Никого не было.

— И часто здесь такое бывает? — он закрывал дверь.

— Да нет. Во всяком случае, когда вы уходите, я вам советую не оставлять у входа свет.

* * *

Их прервали оживленные голоса Матильды и Арлетт. Они спускались по лестнице. Филипп поспешил им на встречу. Растерявшийся Бернар немного помедлил и пошел за ним.

В новом наряде Матильда была ослепительна и хороша как никогда. Платье, такое легкое и прозрачное, подчеркивало ее стройную фигуру, делало еще выше. Книзу оно было расклешенным. Декольте придавало особый шик и сексуальность.

Бернар застыл от изумления. Нет, она божественно хороша! Она сокровище. Он взглянул на Арлетт. Она так же восхищенно смотрела на Матильду и искренне радовалась ее новому платью. Но боже! Она была серой мышкой рядом с обворожительной Матильдой.

Филипп счастливо улыбался и любовался красавицей-женой.

— Декольте совсем небольшое, а разрез теперь в моде, — комментировала Арлетт, будто модельер свою новую модель. — Я едва уговорила Матильду выйти

к вам. Это платье она будет надевать лишь при вас, Филипп.

— Нет. Когда захочет. Я отнюдь не ревнивый испанский муж.

Матильда кружилась. Подол платья высоко поднимался и развевался в воздухе. Вдруг Бернар увидел, что одна нога полностью обнажилась. На боку был глубокий разрез чуть ли не до самого бедра. Это уже было выше его сил. Кровь закипала внутри. От возбуждения он не знал, куда девать руки, за что ухватиться, как скрыть свои чувства. Он отвернулся и сделал вид, что рассматривает картины.

— Вы поможете убрать мне чашки, Бернар?

— Да, да... — От волнения Бернар был в некотором замешательстве.

Он стал поспешно собирать чашки. Руки дрожали. О! Хоть бы не разбить... Матильда направилась на кухню и он, нагрузив поднос, поплелся за ней.

Как только они остались вдвоем, Матильда взяла его за руку.

— Я приду завтра в шесть, — шепнула она.

Бернар хотел обнять ее, но она ловко вывернулась и подошла к умывальнику, чтобы помыть чашки.

А в гостиной Филипп мило беседовал с Арлетт. На кухне были отчетливо слышны их голоса. Они ни о чем не догадывались, ничего не подозревали. Арлетт чувствовала себя, как и раньше, счастливой женой, а Филипп искренне радовался переменам, происходившим с Матильдой. Наконец-то она улыбалась, в глазах появился задорный блеск и вся она как будто светилась, торжествовала. Ему было приятно видеть ее такой. Но почему-то он хотел спросить: «что же все-таки произошло, в чем причина таких перемен». Он не задавал вопросов. Будь он повнимательней и глубже — безусловно заинтересовался бы этим еще тогда...

Но природная уверенность в том, что у него все должно быть в порядке, все расставлено по своим местам и идет по общепринятым правилам, взяла верх.

— Вы вчера смотрели по телевизору фильм?

— Да, хотя я не люблю мелодрамы.

— На самом страшном месте я уснул.

Они смеялись и пили холодный лимонный коктейль, когда Бернар вернулся в гостиную.

Как же вы глупы! Вы не знаете настоящей жизни. Вы не видели настоящего счастья. А он, Бернар, был счастлив. Матильда любит его! Завтра вновь наступят сладкие минуты блаженства. Они будут любить! Наслаждаться друг другом, своей любовью несмотря ни на что.

В его душе все ликовало.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В тот раз, сбежав наконец из Парижа, они провели в горах несколько месяцев. Они ничем не занимались, разве что Матильда иногда рисовала на больших, специально взятых с собой листах картона, но делала это без особого энтузиазма и скорее по привычке.

Забавно, что Бернар и впрямь отрастил бороду, став сразу похожим с этим определенно разбойничьим украшением на подобревшего пирата. Установились наконец по-зимнему холодные, яркие дни и холодные, суровые ночи. Бернар и теперь, через годы, отлично помнил то ощущение бодрящей горной зимней свежести, которое наложилось у него тогда на образ Матильды.

Снова можно было ходить по дорогам. Снег стал ровный и гладкий, укатанный колесами вездеходов, полозьями саней и бревнами, которые волокли с горы вниз, зацепив за тягач.

Снег лежал повсюду почти до самого Монтрэ. Горы по ту сторону озера стали совсем белые и долина Роны скрылась под снегом. Они совершали длинные прогулки

по склону большой горы, расположенной неподалеку. Они надевали горные ботинки и яркие альпийские куртки на пуху, и им было тепло и комфортно. Иногда они забредали в деревеньку на склоне горы.

Там был кабачок под деревьями, куда заходили выпить лесорубы, и Матильда и Бернар сидели там, греясь у печки и пили горячее красное вино с пряностями и лимоном.

Тогда они пришли к выводу, что горячее вино — прекрасная вещь, когда надо согреться с дороги, и, на более поздний, умудренный опытом взгляд Бернара, несколько в том переусердствовали.

В кабачке постоянно стоял полумрак, печка слегка дымила, и когда они выходили, холодный воздух обжигал легкие и кончик носа при дыхании немел. Они оглядывались на кабачок, где во всех окнах горел свет, а у входа стояли, тускло поблескивая хромированными деталями, «лендроверы» лесорубов и слышно было, как за закрытыми дверями играет музыка. Здесь любили швейцарские народные мелодии и, по контрасту, Элвиса Пресли.

На обратном пути дорога была гладкая и скользкая, и на льду иногда попадались радужные пятна от протекшего бензина.

Бензиновые пятна попадались до самого поворота, где тропа, по которой волокли бревна, уходила в сторону. Дальше дорога была покрыта плотно укатанным снегом и вела через лес. По крайней мере, два раза, возвращаясь домой после посещения кабачка, они видели лисицу и однажды — оленя.

Это были хорошие места, и им там было легко и весело.

— У тебя замечательная борода, — сказала Матильда. — Совсем как у лесорубов. Ты видел того, с золотой серьгой?

— Это охотник на горных козлов, — пояснил Бернар. — Они носят серьги, потому что это будто бы обостряет слух.

— Что-то сомневаюсь. По-моему, они носят серьги, чтобы каждый знал, что они — охотники на горных козлов. Это называется тщеславием, дорогой. Говорят, это проходит.

— Да, наверное. Когда никого не видишь и никто про тебя ничего не знает, тогда не имеет смысла что-то делать или чего-то добиваться. Мне иногда хочется уехать в такую страну, где бы меня никто не знал и не надо было бы заботиться о карьере или о заработке, например...

— Мы и сейчас в такой стране. Здесь ничто, в общем, не имеет значения. Разве не замечательно, что мы живем здесь и никого не видим? Ты ведь не хочешь никого видеть, правда, милый?

— Да, конечно.

— Кстати, Бернар, как у нас с деньгами?

— Денег просто уйма. Я как раз получил по последнему чеку.

— А твои родители не станут искать тебя? Ведь ты должен быть в Париже и исчез просто неожиданно?

— Возможно. Я им напишу что-нибудь.

— Разве ты еще не написал? Можно бог весть что подумать!

— Нет. Как-то не подумал вовремя.

— Хорошо, что я тебе не родственница.

— Я дам им телеграмму.

— Разве ты их совсем не любишь?

— Люблю, наверное. Но так давно живу сам по себе, что успел забыть об этом. Конечно, ты права и я обязательно напишу.

— Мне кажется, что они бы мне понравились. Должно быть, они бы мне очень понравились...

— Давай не будем о них говорить, а то я начну о них тревожиться. Вообще-то, в нашей семье это не очень принято, но все же...

* * *

Справедливости ради стоит признать, что жилось им чудесно. Нрав Бернара, в обычной жизни откровенно непредсказуемый, здесь смягчился до такой степени, что он ни разу не устроил скандала, ни на кого не напал с кулаками и к Матильде относился на удивление мягко и ровно. Похоже, буйным его делал в основном веселящий воздух Парижа.

Они прожили еще два месяца, и зима была настоящая, без слякоти, и им было замечательно. Случались недолгие оттепели, когда дул теплый ветер, и снег делался рыхлым, и в воздухе чувствовалась весна, но каждый раз становилось опять ясно, и холодно, и зима снова возвращалась.

В марте зима в первый раз отступила по-настоящему. Ночью пошел дождь. Дождь шел все утро, и снег превратился в грязь, и на горном склоне стало тоскливо. Над озером и над долиной повисли тучи. Высоко в горах тоже шел дождь. Матильда надела глубокие калоши, а Бернар резиновые сапоги хозяина пансиона, и они под зонтиком, по грязи и воде, пошли в кабачок у станции выпить вермута перед завтраком. Не сказать, что подобные процедуры прочно вошли у них в привычку, но Бернар считал, что здесь не стоит себя ограничивать: и климат, и образ жизни, и так достаточно заботятся об их здоровье.

Было слышно, как за окном идет дождь, а они сидели в уже ставшем привычным уголке и тихо беседовали.

— Как ты думаешь, не перебраться ли нам в город?

— А как ты думаешь, Бернар? — спросила Матильда.

— Если зима кончится и пойдут дожди, здесь станет просто непролазно. Во всяком случае, некоторое время. Можно спуститься вниз и поселиться в Монтрэ.

— А почему, например, не в Лозанне?

— Можно и в Лозанне. Просто я думал, не слишком ли это большой город. Как-то не тянет в большие города. Там мы снова начнем ссориться, кидать друг в друга кофейными чашками и оглушительно хлопать дверями. Здесь было куда спокойнее.

— И в большом городе можно попробовать быть одним целым и стараться как можно лучше относиться друг к другу. Попробуем?

— Когда же мы переедем?

— Мне все равно. Когда хочешь, милый. Можем и совсем не уезжать, если тебе здесь нравится.

— Посмотрим, как погода.

* * *

Дождь шел три дня. На склоне горы ниже станции совсем не осталось снега, дорога превратилась в сплошной поток жидкой грязи. Стояла такая сырость и слякоть, что выходить из дому совсем не тянуло. Утром на третий день дождя они решили переехать.

Они уложились и уехали с первым поездом после обеда. Хозяева пансиона подбросили их до станции на своем стареньком автомобиле, по крыше которого стекали дождевые капли.

— Они очень славные, — сказала Матильда.

— Да, они были очень добры к нам. Сейчас это не так часто встречается. Или я сужу обо всех по себе?..

В Монтрэ они сели в поезд. Из окна вагона нельзя было видеть горы на той стороне, где они жили, потому что мешали облака. Поезд шел дальше, и с одной стороны было озеро, а с другой — мокрые бурые поля, и голый лес, и мокрые домики.

Они приехали в Лозанну и остановились в небольшом отеле. Когда они проезжали по улицам и потом свернули к отелю, все еще шел дождь.

Портье с медными ключами на цепочке, продетой в петлицу, лифт, ковры на полу, кафельный душ с блестящими кранами и огромным зеркалом, металлическая кровать в комфортабельной спальне — все это после жизни в горах показалось им большой роскошью. Окна номера выходили в мокрый сад, обнесенный стеной с железной решеткой сверху. На другой стороне круто спускающейся улицы помещался другой отель, с такой же стеной и решеткой. Бернар стоял у окна и смотрел, как капли дождя падают в бассейн в саду.

Матильда зажгла свет и стала раскладывать вещи. Их было немного, но ей хотелось устроиться и здесь как можно лучше. Иногда на нее находило вдохновение, и она становилась неплохой хозяйкой. Бернару тогда не хватило совсем немного времени, чтобы оценить это по-настоящему. Он просто все время не успевал как следует разглядеть Матильду. Даже тогда, в горах, их жизнь больше напоминала очень длинное любовное свидание, и он просто не успел заметить — хорошая Матильда хозяйка или не очень, и как она готовит, и как управляется, например, с пылесосом, и как ведет себя с другими людьми. Остроумна ли она, просто ли умна, хорош ли у нее вкус и в каком стиле она предпочитает одеваться. Умеет ли тратить деньги, умеет ли делать покупки или воспитывать детей — все это осталось для Бернара за той гранью, куда мужчина способен заглянуть, лишь когда страсть уступает место

другому, более спокойному чувству. Бернар же не обладал ни необходимым для этого опытом, ни хладнокровием.

Он взял стакан оранжада, лег на кровать и взял газету, которую купил на вокзале. У него оставалась странная для него самого привычка к газете, которую он вечно старательно прочитывал, ничего при этом не запоминая и безо всякого удовольствия. Потому что газету после обеда всегда читал отец. А до него дед и прадед. То были трудные времена — войны, депрессии, экономические кризисы — и люди действительно боялись пропустить что-нибудь важное. К чему газета ему, Бернару, он и сам бы не взялся объяснить. Привычка.

Он пил оранжад и читал, а Матильда раскладывала вещи и обустраивалась в комнате.

— Знаешь, я хочу, чтобы наша с тобой комната была на что-нибудь похожа. На что-нибудь, где было бы хорошо и уютно.

— На что? — спросил Бернар.

— На наш с тобой будущий дом.

— В том смысле, что у нас предполагается дом? Поставь тогда в углу пару бейсбольных бит. Отличная вещь для выяснения отношений.

— Заткнись, пожалуйста.

— Ну вот, вечно так. Повтори еще разок.

— Заткнись.

— Но как осторожно сказано! Будто я в самом деле готов обидеться. Знаешь, здесь у меня даже нрав исправился. Вроде я, и вроде не совсем. Такой ручной — ручной.

— И вовсе я тебя не боюсь!

— Ну, тогда иди сюда, ко мне.

— Ладно. — Она подошла и села на край кровати. — Я знаю, что успела тебе наскучить, милый. В конце

концов этим когда-нибудь должно было все кончиться. Но я знаю, ты сам не скажешь. Может быть, ты этого еще и не знаешь, но только мне все видно. Наверное, скоро мы расстанемся.

— Не говори глупости! Ты красивая и ты очень хорошая.

— Конечно, красивая. Но у меня скверный характер, масса амбиций, несбывшиеся надежды и невысказанные желания. Тебе скоро понадобится женщина попроще. Или просто попокладистей.

— Неправда, ты мне чертовски нравишься.

— Ты просто упрям. И до последнего не хочешь признаваться даже себе. Хорошо, если бы оказалось так, как ты говоришь...

За окном было мокро и неуютно, и выходить куда бы то ни было отчаянно не хотелось.

— Может быть, сказать, чтобы обед подали прямо сюда? — спросила Матильда.

— Отличная идея.

— Тогда мы совсем не будем выходить сегодня, ладно?

— И поиграем, — добавил Бернар.

— И выпьем вина. Ничего страшного, если мы посидим здесь и устроим маленький праздник. Может быть, тут найдется белое капри?

— Наверное, найдется, — сказал Бернар. В таком отеле всегда бывают итальянские вина.

Кельнер постучал в дверь. Он принес виски в стакане со льдом и на том же подносе маленькую бутылочку содовой.

— Спасибо, — сказал Бернар. — Поставьте здесь. Будьте добры, принесите сюда обед на две персоны и две бутылки сухого белого капри во льду.

— Прикажете на первое — суп?

— Да, пожалуйста.

— Слушаю, месье.

Он вышел и затворил двери. Бернар вернулся к своей газете, в которой его ровным счетом ничего не интересовало и которая, как всякая привычка, была куда долговечнее любых увлечений.

Надо было сказать, чтобы не клали лед в виски. Могли бы принести его отдельно. Тогда видно, сколько в стакане виски и оно не окажется слишком слабым, когда дольешь содовой. Надо будет сказать в следующий раз.

Вообще, виски — хорошая вещь. Правда, иной раз потом можно потерять голову, как с Бернаром уже не однажды случалось, но в конце концов можно и не терять. Можно постараться оставаться с Матильдой таким же ласковым и нежным, как теперь, не устраивать бедняжке шумных и нелепых сцен, не хлопать дверью по каждому поводу и вовсе без повода и, наконец, жениться на ней по всем правилам, как прилично французу и христианину, хотя на это теперь никто не смотрит. Конечно, немедленно возникнут проблемы. Например — придется бросить учебу. Он ее и так уже, можно считать, почти бросил, и чем ему аукнутся его бесконечные отлучки — трудно даже предположить. Можно вылететь из школы навигации и тогда прощай мечта о море. Кроме того, женитьба — это сразу дети, пеленки, недостаток денег, бессонные ночи. И может быть, Мат права, и он правда становится к ней безразличен? По крайней мере, менее ревнив. По мнению Бернара, во всяком случае того, прошлого Бернара, это явный признак охлаждения.

* * *

Да, виски — хорошая вещь. Одно из самых прият-

ных явлений в жизни. Иногда только мысли лезут какие-то не такие, и многое видится совсем в другом свете.

— О чем ты думаешь, милый?

— О виски.

— Только о виски? У тебя странное лицо.

— Да, только. И не придирайся к моему лицу. Еще я думаю, что мне пора в Париж. Если хочешь, оставайся. Но мне пора, у меня масса дел, и их за меня делать никто не будет.

— Ладно, — сказала Матильда. — Ты всегда волен поступать, как считаешь нужным.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

День был на редкость пасмурный. Серые тучи цеплялись за крыши домов, и ветер гонял по асфальту пыль, которую вот-вот должен был прибить с утра собирающийся дождь. Матильда вела машину осторожно, останавливая себя, когда хотелось что есть силы нажать на акселератор. У нее есть время, не следует торопиться.

В душе Матильда ощущала тревогу и пустоту. Предвкушение предстоящей встречи больше не радовало. Она сама виновата во всем, не надо было трогать Бернара. У него своя жизнь. У нее своя. Пусть ей тяжело, но это ее беда. Зачем же ломать чужие судьбы? Арлетт — замечательная женщина, и никто не вправе причинять ей боль. Арлетт заслуживает счастья.

И все же... Бернар любит ее. А это нельзя вычеркнуть. Ему тяжело. Она хорошо знала его. Если он любит, то любит страстно и самозабвенно. До поры до времени он будет делать это втихаря, прятаться, врать жене, но в один прекрасный день не выдержит, взор-

вется и произойдет непоправимое. Еще не поздно. Надо решать...

Она не заметила, как оказалась около гостиницы. Машину она поставила далеко на стоянке, у большого универмага. Это не вызывало подозрений знакомых. Увидев ее автомобиль, никто не подумал бы ничего другого, кроме того, что она пошла за покупками. Поэтому в гостиницу она отправилась пешком.

На стенде их ключа не оказалось.

— Мадам, я заказывала восемнадцатый номер.

— Вас уже ждут.

Быстрыми шагами она поднималась по крутой лестнице. Консьержка подозрительно смотрела ей вслед. Гостиница была уже старой и требовала основательного ремонта.

«Надо... надо все решить. Покончить. Навсегда», — твердила она себе. Ее сердце замерло, когда она подошла к двери. Ноги как будто отрывались от тела. Постучав еле слышно, она прижалась к стене.

Дверь открылась. Вышел Бернар. Он давно уже ждал. Ее бледное лицо и поникший безжизненный взгляд испугали его.

— Что с тобой? Тебе плохо? Входи...

Он обхватил ее талию, коснулся щекой ее волос. Как он соскучился! Какими мучительными были те дни, что они не виделись. Запах ее духов действовал одурманивающе на Бернара.

Он повел ее в комнату, но вдруг в дверях Матильда остановилась.

— Нет, Бернар. Ты хотел поговорить. Пойдем поговорим. Она попятилась назад.

— Но мы можем поговорить и здесь.

Он ничего не понимал. Он ждал ее целую вечность! Так мечтал о близости...

— Нет. И потом Филипп в отъезде. Мне не хотелось бы этим пользоваться.

Она не шутила. Она была серьезной как никогда. Бернар знал Матильду. Она что-то надумала. Спорить было бесполезно, и они спустились в кафе.

По дороге оба молчали. Бернар мысленно пытался объяснить себе столь странное поведение Матильды. Но ответа найти не мог.

В кафе из-за закрытых шторами окон стоял полумрак. Из угла, где стояла аппаратура, доносилась едва слышная музыка. Ее заглушали голоса многочисленных посетителей.

Они заняли свободный столик у окна. Было душно, Матильда сняла жакет. Новая светло-зеленая блузка с глубоким вырезом и изящными плечиками чудесно гармонировала с сережками из натуральной бирюзы. Матильда поправила волосы. Бернар увидел на руке перстень с таким же продолговатым бирюзовым камнем. Она всегда умела одеваться со вкусом.

Подошла официантка. Матильда заказала кофе. Молчание было длительным. Он ждал.

— Что это за история с замужеством? — Бернар решил начать разговор первым. — Я говорю не с Филиппе, а о том, кто был до него.

Он посмотрел на Матильду. Она сидела спокойно, ничуть не смутившись. Только глаза, которые никогда не умели врать говорили, что эта тема ей неприятна.

Да, ей не хотелось ворошить прошлое. От воспоминаний о пережитых страданиях у нее разболелась голова.

Восемь лет назад, когда они расстались с Бернаром, она была в отчаянии. Жизнь казалась бессмысленной и пустой.

Матильда любила безумно, отдавая этой любви себя всю. Да, возможна она много требовала, без повода

ревновала. Но это было все от любви, искренней и самозабвенной. По-другому она любить не умела. Ей хотелось, чтобы возлюбленный принадлежал только ей, ей одной. Хотелось быть с ним постоянно рядом, не расставаясь ни на минуту.

А Бернар этого не понимал. Он был молод и самонадеян. Иной раз он говорил, что это все сентиментальности, глупость и бред. Он приходил и уходил, когда ему хотелось. Он мучил ее. Потом они решили жить вместе. Сняли квартиру. Все хорошо было только одну неделю. Снова начались ссоры, оскорбления, разлад.

Они не могли быть вместе. Страстно любя, они в то же время мучили друг друга. Возможно, они были молоды, много не понимали, не ценили, слишком многого требовали друг от друга.

Матильда тяжело переживала разлуку. Ей хотелось поскорее все забыть, избавиться от прошлого, начать новую жизнь.

Буквально через месяц после их разрыва она познакомилась с Жаком Дюпре. Он содержал небольшой ресторан на улице Сен-Жермен. Как-то раз, случайно, она забрела туда. На душе было так пусто и тоскливо, что ей хотелось выпить. Зал был пустой. Она заказала двойной мартини.

Большой почитатель женской красоты, сорокадвухлетний Дюпре не мог не заметить очаровательную молоденькую незнакомку. Он подошел к ней. Они познакомились. В то время Матильда уже бросила художественную школу и ничем не занималась. С теткой она окончательно разругалась и снимала крохотную меблированную квартирку на Монмартре. Она жила на ту крохотную сумму в двенадцать тысяч франков, которую родители оставили в наследство.

Дюпре увлекся ею. Он никогда не был женат и

предпочитал свободный образ жизни. Молодость Матильды покорила его. Буквально через месяц после их знакомства он предложил ей руку и сердце.

Матильда жила как в тумане. Она еще никак не могла пережить нервное потрясение.

Не задумываясь, она сразу приняла предложение Жака Дюпре. Еще тогда она понимала, что совершает непростительную глупость, но должна ее совершить. Как в той детской сказке, где отчаявшийся юноша говорит: «Женюсь на первой встречной».

Развод — первое, что пришло в голову после венчания. Уже тогда, в церкви стоя перед алтарем, она как бы очнулась, но было поздно.

Не прошло и недели их совместной жизни, как она возненавидела своего мужа. Ограниченный, похотливый, недалекий Дюпре был отвратителен тонкой и ранимой Матильде.

Она страдала все больше. Каждую минуту вспоминала Бернара, звала его во сне, а просыпаясь, горько плакала от собственной безысходности.

Ей потребовалось полгода, чтобы получить развод. Дюпре долго упирался, устраивал сцены, оскорблял, обзывал дурой, идиоткой, ненормальной. Даже несколько раз ударил ее в порыве бешенной ярости. А потом, напившись, ползал на коленях, целовал ей ноги, просил, чтобы не уходила.

Но в конце концов он ей дал развод. Даже выделил ей какую-то часть своего состояния, хотя Матильда никогда ни на что не претендовала и не рассчитывала.

Два года она жила одна. Одиночество было невыносимо, но разочарованная, отрешенная от всего она боялась совершить ошибку снова. Она старалась все забыть.

* * *

А потом в ее жизни появился Филипп. Он был не такой как все. Он умел ждать. Он был внимателен и терпелив. Она могла опереться на него. Но на повторный брак она долго не решалась.

— И ты пала перед этой бретонской флегмой? — спросил Бернар. — Кстати, знаешь, вчера он сказал одну вещь... Он вспоминал о вашей первой встрече и между прочим заметил, что ты вышла замуж сгоряча, чтобы забыть свою связь с одним крайне неуравновешенным типом. Я чуть не упал тогда со стула. Так вот что ты обо мне думала? Ты же меня имела в виду?

Матильда грустно улыбнулась.

— Он все перепутал, конечно. И все упростил, — она опустила голову.

— Упростил... Матильда, — Бернар вдруг вскочил с места, — лучше забыть все это. Послушай, ну посмотри мне в глаза... Почему бы сейчас нам не уехать? Вдвоем все бросить и уехать?

Бернар говорил так порывисто и громко, что за соседними столиками стали оборачиваться. Но они, казалось, никого не замечали.

— Восемь лет назад ты меня любил?

— Безумно! — Бернар схватил ее за руки. — Я обожал тебя. Но под дулом пистолета не показал бы этого.

— Но почему? Почему?.. — ей показалось, что она теряет силы. — Когда я ждала ребенка, ты не захотел...

— Но ведь ты, ты сама не хотела.

О, Бернар, как он глуп! Она так сильно любила тебя. Разве она могла не хотеть от тебя ребенка? Она всегда мечтала быть матерью, тем более тогда, когда рядом был ты. Она ждала, надеялась, что ты уговоришь

ее. А ты этого не сделал, хоть и вправду хотел ребенка. Но не от нее. И у тебя он есть.

— Правда, нам лучше больше не встречаться. Отвези меня домой, — сказала она.

— Нет, Матильда, — он уже почти кричал, до боли сжимая ее руки.

Матильда заметила, что на них оглядываются и, схватив жакет, выбежала на улицу, громко хлопнув дверью.

* * *

Похоже, засорился карбюратор. Мотор несколько раз выстрелил, но к, счастью, не заглох. Надо сказать механику.

Бернар вел машину. Матильда тихонько плакала. Оба молчали.

— У тебя есть платок? Я забыла свой.

Бернар пошарил в карманах пиджака.

— Есть. Только он грязный.

— Ничего, давай. Спасибо, — она взяла платок и вытерла слезы.

За городом Бернар остановил машину.

— Ты хоть немного успокоилась?

— А платок у тебя действительно грязный, — Матильда протянула его Бернару.

— Спасибо, милая, — он произнес это с небывалой нежностью.

— О! Непривычные слова...

— Да, можно сказать и так. Моя любимая, единственная, милая, иди ко мне, — Бернар протянул к ней руки, порывисто дыша. Страсть закипала. Матильда пыталась отвернуться, освободиться от объятий. Но он

был все упорней и упорней, он сжимал ее все крепче, целовал ей руки, шею...

— Нет! Нет, — уже обессиленная, она пыталась сопротивляться, но...

От его поцелуев она теряла рассудок. Силы покинули ее, и она сдалась. Они вновь забыли обо всем. Окунувшись в поток пылких страстей, вновь обрели необыкновенное блаженство, бесконечно счастье близости двух безумно любящих сердец.

— Понимаешь, Бернар, — сказала Матильда, когда они возвращались домой, — это было прекрасно, но больше не повторится.

Рукой она придерживала жакет, прикрывая порванную в порыве страсти блузку. Несмотря на физическое удовлетворение, на душе у нее становилось все тревожней и мучительней. Она еще раз убедилась в том, что порвать эту связь будет невыносимо трудно. Прежние чувства остались и еще усилились. Их задушить она была не в силах. Но так продолжаться не может. Это подло и нечестно по отношению к близким людям.

Нет, это была их последняя встреча. И ни за что, никогда...

От таких мыслей ей становилось еще грустнее. Комок застревал в горле. Хотелось плакать, рыдать громко-громко, упав на широкое плечо Бернара.

Но она не должна показывать своих страданий. Бернар слишком решителен и порывист и может наделать массу глупостей.

Они сами решили свою судьбу. Не смогли сохранить любовь еще восемь лет назад. А ведь тогда им никто не мешал. Почему же, так страстно друг друга любя, они не смогли быть вместе? Почему? А может... потому что любили...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Было уже около восьми, когда Бернар вернулся домой. Не успев раздеться, он побежал к окну Черный «ситроен» Матильды стоял во дворе. Значит, она была дома. Одна! От этой мысли сердце мучительно защемило.

— Бернар, Тома, ужинать! — услышал он громкий голос Арлетт, доносившийся из кухни.

Столовая, где они обедали, была маленькой комнатушкой, куда вмещались только круглый стол и небольшой буфет для посуды.

Бернар любил эту часть дома и всегда любовался веселыми красными шторами в горошек и такой же расцветки обоями. Они создавали теплоту и необыкновенный уют.

Но сегодня он ничего не замечал. Даже новой картины, изображающей зрелый виноград. Ее купила Арлетт. Она знала, Бернару всегда нравились такие вещи и хотела сделать приятное.

Но теперь это было лишним. Славные домашние мелочи больше не интересовали влюбленного Бернара.— Подуй, Тома. Суп очень горячий,— говорила Ар-

летт, когда все трое сидели за столом. Они ели бульон с гусиными потрохами — коронное блюдо семьи Кудре. Обычно Арлетт добавляла много специй. Это очень нравилось Бернару. Но сегодня он ничего не замечал, автоматически водя ложкой по тарелке. — Где ты был сегодня? — Арлетт всегда интересовалась его делами, и он с удовольствием рассказывал ей о работе, сотрудниках, о каких-то проблемах или смешных историях, приключившихся за время рабочего дня.

Но теперь ему было уже не до рассказов. Он прислушивался к звукам на улице.

— Да погоди ты, — грубо оборвал Бернар жену. — Ничего не слышно.

— А что ты хочешь услышать? — Это отъехала машина.

Он вздрогнул. Куда же уехала Матильда? Ведь уже поздно. Может, у нее кто-то есть? И поэтому она вела себя так странно, настаивая на разрыве. Он нервничал.

— Прохладно. Я поднимусь наверх, поищу свой свитер.

Как ужаленный, он выскочил из гостиной.

— Здесь его нет! — выкрикнул он из соседней комнаты и побежал в спальню.

Арлетт ничего не понимала. Несомненно, с Бернаром что-то происходило. Возможно, неприятности на работе, но почему же он скрывает? Он же всегда делился с ней. Нет, что-то уж очень все странно...

Окна спальни выходили прямо во двор, и оттуда Бернар отчетливо видел, что машина исчезла.

Неужели она обманывает? Это так не похоже на нее. Он вспомнил ее стоны в минуты их близости, ее поцелуи, ее объятия. Нет. Не может быть. Она не могла изменить ему. Но... В ее окнах нет света. Она куда-то уехала. Но куда, куда?

* * *

Весь день на работе он уже не мог скрывать волнения. При каждом звуке вскакивал как ошпаренный, словно сумасшедший бежал к телефону, когда раздавался звонок. Он был страшно рассеян, все время думал, отвечал невпопад, когда о чем-то спрашивали.

Все заметили его странное поведение, но спросить не решались. Они знали характер Бернара. Его лучше не трогать, когда он не в духе.

— Я отлучусь на пару часов, — вдруг он выскочил из танкера, как будто его ужалила оса.

Матрос и инструктор удивленно переглянулись.

— Вы можете заменить меня? — в спешке спросил их Бернар и, не дождавшись ответа, побежал к машине.

— Здравствуйте, мадам! — через пятнадцать минут он уже был в гостинице де ля Гар.

— Здравствуйте, г-н Куффре, — консьержка уже знала его как постоянного клиента. — Вы не заказывали на сегодня. Ваш номер занят. Я могу вам предложить другой.

— Да, пожалуйста, — теперь это уже не имело значения, — но сначала мне надо позвонить.

— Да, конечно.

Бернар закрыл за собой стеклянную дверь в переговорной кабинке и дрожащей рукой стал быстро набирать номер.

Матильда в простом домашнем платье наводила порядок на книжной полке. После переезда они в спешке поставили книги кое-как и там накопилось много пыли. Она любила читать. И бережно относилась к книгам. Сортировала их по авторам, потом по литературным направлениям. Она протирала книги влажной тряпкой и аккуратно расставляла на полке.

Нет. Все-таки зеленые шторы сюда вписываются

неудачно. Бежевые обои и светлый паркет... Безусловно, коричневые сюда будут в самый раз. Надо обязательно заняться покупками. Она как-то запустила дом. В Париже она ревностно следила за чистотой и уютом, хотя их квартира была намного меньше и скромнее. Она всегда хотела иметь дом. Свой дворик и свой сад. Ухаживать за цветами. Но почему, приобретя это, она отнеслась к нему с таким равнодушием? Несомненно, она знала причину. Но... Нет, она больше не будет думать об этом. Все кончено раз и навсегда.

Ее мысли прервал телефонный звонок.

— Алло, это я, — услышав голос Бернара, сердце у нее заколотилось. — Я звоню из отеля.

Безусловно, ей было приятно слышать его голос и сознавать, что он все еще не забыл ее. Но желание покончить со всем и обрести покой было сильнее. По крайней мере, ей так казалось.

— Из отеля? Что ты там делаешь?

— Да так. Проезжал мимо, вот и решил заглянуть.

Наступило короткое молчание. Но Бернар был настроен решительно.

— Я тебя жду, — сказал он.

— Но я уже сказала тебе, ты помнишь?

— Но я прошу...

— Не могу, Бернар, — голос Матильды был тверд и непреклонен.

Это начинало его злить.

— Слушай, — он уже нервничал, — выходит какой-то глупый спор!

— Какой спор?

— Я хочу тебя видеть! — забыв, что его могут услышать, он перешел на крик, но потом, опомнившись, добавил несколько спокойней:

— Ну, приезжай попозже.

Его голос звучал умоляюще.

— Сегодня не могу, Бернар.

Как он невыносим! Почему он не хочет понять? Почему заставляет страдать вновь?

— Приехал твой муж? — спросил Бернар.

— Нет, а что?

— А где ты была вчера? — в его тоне чувствовалась подозрение и ревность.

— Вчера.., — Матильда не ожидала такого вопроса и сразу не сообразила.

Ах, да! Она отвозила Ролану новые эскизы своей книги. Ролан был в восторге и сказал, что она талантлива. Вообще, хороший он парень, этот Ролан. С ним было очень легко. Он умел быть простым и естественным. А главное, Матильде было приятно, что оценили ее работы. Она-то думала, что их никто не увидит.

— Ну, конечно! — Бернар был в ярости. — Вы с Роланом занимались твоей работой всю ночь напролет?

Он больше не верил ей. А этого волосатого очкарика он и вовсе хотел убить. Мерзавец!

— Я говорю тебе: я отвозила свою книгу Ролану, — Матильда старалась сохранять спокойствие, хотя незаслуженная подозрительность Бернара начинала раздражать. Он молчал.

— Ты меня слышишь? Почему ты молчишь? — она старалась быть дружелюбной. — Ты вздумал ревновать меня к Ролану. Но это просто глупо, Бернар.

— Я тебе не верю, — он уже не кричал, а орал в трубку. — Ни одному твоему слову! А мне все равно. Я не собираюсь больше с тобой встречаться!

Он сам не понимал, как еще не разбил тогда телефон, потому что был так зол, что забыл даже попрощаться с консьержкой. Хлопнув дверью (отчего жалобно скрипнуло стекло), он выскочил на улицу.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Матильда готовилась к приезду Филиппа. Она даже забросила рисунки полностью и посвятила себя дому. Поменяла шторы в библиотеке. Вместо старых зеленых она купила светло-коричневые с золотистым узором. До блеска натерла паркет во всех комнатах, убрала пыль, полила цветы. Кроме того, были кое-какие новшества и в спальне.

Спальный гарнитур они купили недавно: белый, с большими зеркалами. Матильда давно мечтала о таком. На широкой кровати лежало голубое атласное покрывало с кружевами, а на окнах висели такие же шторы. Вчера, совершая прогулку по магазинам, она увидела пару изящных миниатюрных бра с матово-голубыми плафонами. И сейчас они красовались над кроватью, создавая таинственную бело-голубую гармонию.

Матильда смотрела на свое «творение», а на душе становилось грустно и горько. Если бы это было для нее и Бернара... Какие прекрасные ночи они могли бы здесь проводить. Она засыпала бы поздно у него на

плече и просыпалась от ярких лучей солнца, заливающих спальню, в его объятиях...

Безусловно, здесь все было создано для любви пылкой и страстной. Но ее не было. И с этим надо было смириться.

С утра пораньше она успела сходить на рынок. Филипп всегда отдавал предпочтение овощам и блюдам из них. Она рассортировала по тарелкам помидоры, перец, капусту. Сегодня она решила приготовить рагу, которое очень любил Филипп. Чувствуя свою вину, ей хотелось сделать для него что-то приятное. Глубоко в душе ей было очень жаль его. Этот честный, порядочный человек, который столько для нее сделал, был жестоко и нагло обманут. Она никогда себе этого не простит.

Нет! Все должно быть хорошо! Они скоро уедут. Все забудется, утрясется...

Но мысли о Бернаре все равно не давали покоя. Их вчерашний разговор... Он был так резок...

День был чудесный, и она широко открыла окно. Да, нужно намолоть кофе. Они не покупали растворимый, Филипп считал его недостаточно крепким. Матильда включила кофемолку.

— Объясни мне, пожалуйста, почему ты боишься меня? — она обернулась и в оконном проеме увидела Бернара.

— Не сердись, — ласково сказала Матильда. Как бы там ни было, она была рада видеть его. — Я была немного расстроена.

— И поэтому повесила трубку?

— Вспомни, как ты разговаривал со мной. Будто ты полицейский, а я просто воровка. Бернар, так нельзя. Войди.

Он вошел в дом. Там ароматно пахло кофе, но Бернар не заметил этого.

— Но почему, почему у нас с тобой все так складывается? — Он взял ее за плечи.

Бернар давно об этом думал и не мог найти ответа. Они были молоды и часто ругались. Не могли друг без друга, но и вместе быть тоже не могли. Ну ладно, можно многое списать на молодость и глупость, но сейчас! Ничуть не сомневаясь в своей любви, они тем не менее не могли найти гармонию, да попросту нормально ладить, понять друг друга. Почему она отдаляется? Зачем им рвать свои отношения, когда могут быть так счастливы вместе.

— Садись, — сказала Матильда.

— Я на минуту. Так устал, что больше не могу, — он закрыл лицо руками.

— Я тебе вот что скажу, Бернар, — она подошла к окну.

— Ну что еще? — он нервничал.

Всю жизнь она не могла терпеть лжи. А с тех пор, как они встречаются с Бернаром, она все время лгала. И от этого становилось все противнее. Появилось даже отвращение к самой себе. Несколько раз она пыталась все рассказать Филиппу, но не смогла. Он был так добр к ней... И какой же омерзительной была ее расплата.

Во что бы то ни стало она должна искупить свою вину, хотя понимала, что это невозможно. Такие вещи не прощаются.

— Да, я тоже хотел сказать Арлетт, но не смог.

Он лгал. Он никогда не думал об этом. Вернее, он чувствовал свою вину, но признаться... Нет, нет! На это у него никогда бы не хватило смелости.

— Так больше продолжаться не может, — ее голос звучал уверенно и твердо. — Через пару недель мы уедем. У Филиппа отпуск. И вся эта история сама собой кончится.

Бернар отпустил голову. Возможно, она была права. Их связь не могла длиться вечно. В один прекрасный день надо было бы все равно что-то решать. К сожалению, быть вместе они не могли. У каждого была семья, особые обязательства перед ней. Тем более, Тома... Уж его-то он не мог вычеркнуть так просто.

— Ты мне сказал когда-то одну фразу, — продолжала Матильда. — Как она мучила меня тогда: «Всякая любовь — пьеса, в ней есть свое начало, кульминация и финал».

Она вопросительно посмотрела на него.

— Это верно, совершенно верно.

Бернар подошел к ней и коснулся ее талии.

— Я возьму себя в руки. У тебя не будет больше причин обижаться на меня. Мы станем друзьями, как были прежде. Я обещаю.

— Прежде чего? — она грустно улыбнулась.

Бернар опустил руки.

— Смешно. Ну все, я, пожалуй, пойду, — он погладил ее плечо. — Надо идти.

А уходить ему не хотелось. Но так уж решено, и возвращаться к старому было бы просто глупо.

Он вышел на улицу. Матильда выглянула в окно.

— А что ты скажешь Арлетт, если она увидит тебя?

Бернар пожал плечами. Он как-то не подумал об этом.

— Скажи, что помог мне починить морозилку.

— Хорошо. Так и скажу, — он вздохнул облегченно. — Все хорошо. Наконец я могу вздохнуть спокойно. Наконец.

Он поспешил к дому. Душа ликовала. Все! Кончено! Он теперь опять будет жить, как и жил, вновь обретя покой и семью. Ему не надо больше врать, а потом мучиться, нервничать, не спать. Арлетт! Только она! И никого больше. И вновь все будет чудесно.

Тома катался на качелях.

— А вот и мой Тома! — Бернар подхватил его на руки и покружил в воздухе. — О чем задумался, малыш?

Его ребенок, его сын! Разве мог он оставить его ради какой-то любви? К черту, все к черту. Теперь он будет любить только его. Он купит ему велосипед. Тома уже давно просил, а ему некогда было заняться этим. Все! Все свое время он будет думать, заботиться только о нем, этом маленьком, милом создании, кусочке его, Бернара.

Он посадил ребенка на качели и поспешил домой.

Арлетт хозяйничала на кухне. На столе лежали вымытые овощи для салата и на маленьком блюдечке мелко нарезанная зелень.

Она готовила фарш для котлет.

— Чем ты занимаешься? — Бернар поцеловал жену.

— Готовлю на завтра обед.

— О, нет, нет! — он был непривычно оживлен. — Займемся этим потом. Звони Аннет, чтобы посидела с Тома.

Арлетт улыбалась, но была несколько удивлена. Последнее время Бернар был вспыльчив, рассеян, постоянно нервничал. Произошедшая перемена показалась еще более странной.

— Мы едем в Гренобль, сказал Бернар. — У меня сегодня праздник: кино, ресторан...

Нет, он всегда был непредсказуем. Она знала его шесть лет. Пять с половиной они были женаты. И каждый раз она заново открывала своего мужа. Он мог сидеть хмурым и злым, дуясь и не разговаривая, а потом вдруг вскакивал, хватал Арлетт, и они занимались любовью прямо на диване в гостиной под звуки информационной программы. Или... Арлетт почему-то вспомнилась эта смешная история. Тогда они еще не

были женаты. Она училась и снимала меблированные комнаты на улице Сен-Ло. Однажды ночью она проснулась от шума. Она узнала голос Бернара. Ее хозяйка и он о чем-то громко спорили в гостиной. Потом Бернар, как вихрь, ворвался в ее спальню: «Одевайся».

Она ничего не понимала, но спорить не захотела. Ничего не спрашивая, она послушно оделась. Ей было интересно, что он надумал.

Они вышли на улицу. Была осень, и парижские ночи стояли холодные и дождливые.

Он обнял ее, и они пошли. Шли долго.

Арлетт очень тогда замерзла, но, конечно, в этом не призналась. Дождь лил все сильнее. Оба промокли до нитки. Бернар остановился у Триумфальной арки. На этом месте у них было первое свидание.

— Ты должна стать моей женой, — его голос звучал решительно и твердо.

От причуды Бернара и от неожиданности Арлетт покатилась со смеху. Она хохотала долго и все никак не могла успокоиться.

А Бернар, напротив, в промокших туфлях и прилипшей к телу куртке, был серьезен, как никогда.

Вместо ответа она обняла его шею, холодную и липкую от дождя и потянулась, чтобы поцеловать его губы. Худенькая и маленькая Арлетт казалась крошкой рядом с могучим, чуть ли не двухметровым Бернаром.

Как разъяренный тигр, он схватил ее в объятия, и они целовались, не замечая ни холода, ни дождя. В ту ночь она впервые отдалась ему. А через две недели стала его женой. И ровно через девять месяцев родился Тома.

* * *

Довольные и веселые, крепко обнявшись, они выхо-

дили из кинотеатра. Фильм был потрясающий. Арлетт обожала детективы.

Они долго решали, в какой ресторан пойти, и в конце концов отдали предпочтение «Кальберу». Там была прекрасная кухня. Впервые за последнее время Бернар почувствовал настоящий аппетит.

— Очень занятно, но мне больше нравятся фильмы про индейцев. И я этого не стыжусь.

За столиком они все еще продолжали обсуждать картину.

Подошел официант. Они заказали устриц, говядину, запеченную под сыром, несколько салатов, словом, кучу всяких деликатесов и с аппетитом взялись за еду. Говядина была великолепной. А салат из крабов — ну просто объеденье.

— Сегодня, милый, ты немного успокоился, — Арлетт поправила ему галстук.

— А я всегда спокоен...

Бернару и в голову не приходило, что она могла что-то заметить. Хотя, действительно, он вел себя странно, а Арлетт не настолько глупа, чтобы ничего не видеть. Сердце заколотилось. Господи! Только бы она не узнала правду. Чтобы не выдать своих переживаний, он стал торопливо есть.

— Напрасно волнуешься, — сказала Арлетт. — Но ты изменился. У тебя случилось что-нибудь?

Он взял ее руку. Сказать было нечего. Оправдываться, врать, придумывать небылицы... Нет. Ничего не надо. Скоро и так все забудется и станет на свои места.

— Послушай, — Арлетт вдруг оживилась, — хочешь мы с Тома уедем к матери в Сентбери? Тебе стоит побыть одному. А она давно просит привезти Тома. Поживешь один.

Боже! Откуда у нее такие мысли?! Может, она уже

догадывается? Может, их кто-то видел с Матильдой и все рассказал? Нет. Исключено. Арлетт не смогла бы молчать. Она не знает правды.

— Нет, нет! Это ни к чему. Как только появится возможность, я возьму отпуск — вместе поедем куда-нибудь в небольшое путешествие. В Африку. Возьмем Тома.

* * *

Вдруг они увидели мадам Жюво. Опираясь на трость, она спускалась по винтовой лестнице в сопровождении Ролана и Бенито.

Бернар и Арлетт поспешили им навстречу.

— Здравствуйте, мадам.

Они поздоровались. Бернар погладил лохматого Бенито.

— Должна сказать вам, что Париж — сущий ад, - сказала мадам Жюво, усаживаясь за соседний столик. — Там все словно с ума сошли.

Подошел официант.

— Два салата, гарсон.

Бенито забрался под стол. Он что-то вынюхивал.

— Посмотрите, что с Бенито, — заметил Бернар.

— Он сердится на меня, — ответила мадам Жюво. — Не любит, чтобы его бросали.

Ролан обожал сухие вина. А тем более сегодня стоило выпить. Ему больше не придется скучать.

— Вы сбежали из дома на вечер? — мадам Жюво повернулась к Бернару и Арлетт.

— Да. Сначала мы посмотрели фильм.

— Какой?

— Называется «Бегущая смерть»! — Арлетт была

очень веселой и оживленной. — Это про одно преступление.

Мадам Жюво сюжет показался знакомым.

— Это про ревнивого мужа, — сказал Бернар. — Он подозревает ее, а она — ангел во плоти. Не знаю, не знаю, но эта влюбленная убивает мужа.

— Да нет, Бернар, — возразила Арлетт. — Он покончил с собой, да так, что все думают об убийстве.

Она удивленно посмотрела на мужа. Бернар не ожидал, что окажется в столь глупом положении. Мысли о Матильде, о пережитом в последнее время не давали покоя. Весь фильм он думал, что-то вспоминал, так и не смог сосредоточиться, даже не понял смысла картины. Он почувствовал неловкость и слегка покраснел.

— Точно! Я его видела, — вспомнила мадам Жюво. — Очень странный фильм. Муж закрепил нож на двери...

— А нож, — добавил Ролан, — оказался в гостиной. Он отлично знал, что обвинят жену.

Бернар растерялся. Он совсем ничего не помнил и не понял. Как глупо.

— Нож в одной комнате, труп в другой, и все верят в убийство.

Ролан заметил, что Бернар смотрел куда-то в окно, задумавшись о своем.

— Вы не слушаете? — спросил он.

— Да, да.., — Бернар как-будто очнулся.

— Задумались о ваших милых танкерах? — вдруг спросила мадам Жюво.

Общество весело засмеялось.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Тогда, давно, сразу после разрыва с Матильдой, Бернар все-таки ушел в море. Он думал, что новые места, новые люди и новые впечатления помогут ему переключиться и залечить душевную рану. Лучшего средства от амурных проблем, чем тяжелая морская работа, не придумали со времен финикийцев.

Ему полагалась практика после курса навигации, и, хотя экзаменов он все еще не сдал, палуба как раз пришвартовавшегося в Кале старого и весьма живописного в ржавых потеках сухогруза «Бомбей» приняла его на свои видавшие виды доски.

Наверное, Бернар тогда поторопился, и ему не следовало бросать Матильду одну в лозаннской гостинице или, во всяком случае, попытаться снова разыскать ее в Париже, но этого не случилось. На сей раз его здорово заклинило, и он заявил себе, что сыт по горло, что с него хватит (самое интересно, что примерно то же говорила себе и Матильда, добираясь в гордом одиночестве до Парижа), что видеть он больше не желает этой женщины, что она ему смертельно надоела

со своей манией безраздельного владения, словно он любимый песик, малый ребенок или доставшийся в подарок кружевной платочек, что в конце концов он хочет побыть один и прочее в том же духе.

Короче говоря, на борт «Бомбея» Бернар поднялся уставшим, разочарованным, издерганным и опустошенным человеком. Общеизвестно, что любовь, если относиться к ней всерьез, способна забрать все силы, без остатка. Что и произошло.

В то время Бернар был уверен, что никогда больше не встретит Матильду и, более того, ему казалось, что он и не хотел бы ее встретить! Видимо, это так и осталось самым большим заблуждением в его жизни.

* * *

Когда плывешь по Темзе, не стоит ослаблять внимание. Бернар еще не видел рек, на которых работали бы так монотонно, непрерывно, привычно. Без остановки, днем и ночью. Сотни кораблей, барж, буксиров, по берегам склады, заводы, доки. Темза медленно и размеренно, в старой английской традиции, несет свои воды между болот под серым, дымным небом. Иногда вода медленно поднимается приливной волной, потом так же медленно опускается.

Гринвич стоит на плесе Гринвич Рич. Там на причале горят два красных вертикальных огня. И видны высокие мачты парусника. Это «Катти-Сарк» спит в сухом старинном доке на нулевом меридиане. А рядом примостилась маленькая знаменитая «Джипси-Мот», и ее тоже можно разглядеть с середины Темзы.

При швартовках место Бернара было на корме. С кормы, вообще-то, мало видно, а на «Бомбее» особенно. Где буксир, куда идет судно и идет ли вообще — все

это видно только с мостика. В полной тьме мигали с другой стороны Темзы неяркие рекламы пива, овсяных хлопьев («Овсянка, сэр!») и «Кока-колы».

Угол шлюза приближался быстрее, чем Бернару хотелось бы. На углу мигал сигнальный фонарь. Бернар докладывал дистанцию до стенки все более тревожным голосом. С мостика отвечали спокойно и уверенно. Матросы с кранцами висели вдоль борта головами вниз. Если не считать переговоров, было очень тихо.

Все было проделано согласно правилам хорошей морской практики, но прикосновение к английской земле оказалось довольно крепким. Во всяком случае, такого красивого столба искр, какой высек бортом старый «Бомбей», Бернару не приходилось видеть даже на рождественском фейерверке.

Естественно, с мостика немедленно объяснили Бернару все про его глазомер, про глаза в целом, про умение определять дистанцию и про другие морские качества.

Увы, достаточно витиеватые и не всегда справедливые выражения остаются непременной принадлежностью морской профессии независимо от национальности судна и времени действия. Не менее двух минут Бернар размышлял над этой печальной истиной, пока из динамика не последовал вопрос по существу: «Шлюз цел?»

Если учесть, что темнота вокруг места происшествия царила абсолютная, то вполне естественно, что оставалось совершенно непонятно — цел шлюз или развалился вдребезги. В чем Бернар честно и признался:

— Не вижу! Искр было довольно много.

— Это и отсюда заметно, — проворчали с мостика.

Потом все затихло.

Береговая команда приняла швартовы и положила

их на кнехты. Причем проделано это было с чисто английской невозмутимостью.

Подумаешь, не совсем удачная швартовка французского сухогруза. Эти люди видали вещи куда покруче, к тому же вежливость требовала не замечать чужих мелких промахов. По крайней мере, их спокойствие можно было расценить именно так. Куда интереснее было Бернару — что там со старыми ржавыми заклепками «Бомбея» стало, уцелели ли они, или вылетели, и тогда через несколько часов судно аккуратно ляжет днищем на чужое илистое дно.

Ноябрьская, дрянная, дождливая ночь навалилась на Лондон. Склады подступали к докам со всех сторон. И город, один из самых гигантских городов на земле, исчез, хотя они стояли сейчас почти в его центре. Такое ощущение бывает иногда на ночных вокзалах. Знаешь, что город рядом, но почему-то в это не верится.

Насосы сделали свое дело, и под разводным мостом судно медленно втянулось в Сорри-док.

— Вот ты и в Лондоне, — сказал Бернар своему отражению в каютном зеркале.

* * *

Вечер. Холодно. Ветер пронизывает до костей. И два буксирчика растаскивают баржи. Это английской подводной лодке надо пройти в следующий за «Бомбеем» бассейн. Ей расчищают дорогу.

Высокая рубка, низко и хищно горят опознавательные огни, торчит угрожающе пушка, вдоль борта замерли матросы в оранжевых спасательных жилетах. Слышны свистки, слова команды. Черным силуэтом скользит лодка на фоне огней доков, окон домов, среди

желтых колеблющихся отражений береговых фонарей в черной воде. Расталкивает форштевнем портовый мусор, банки из-под пива, окурки сигарет, доски и обрывки бумаги.

Как всегда в подобных случаях, кто-нибудь из экипажа, оказывается, служил на военном флоте, все же остальные втайне служить мечтали (разве что Бернара на военный флот никогда не тянуло) и оттого считают себя большими специалистами по подводным лодкам. Естественно, разгорается спор о типе субмарины, конструктивных особенностях и времени постройки. Наконец, все сходятся на том, что лодка старая и оттого неинтересная. Но это больше от зависти (субмарина — не старый пароход) и от извечного франко-английского соперничества.

Подводная лодка проходит рядом. Офицеры в фуражках с белыми чехлами по-британски надменно смотрят вперед с рубки. Британский флаг трепещет на флагштоке. Из люка доносится шум двигателей. Трудно сказать, почему, но все сразу понимают, что лодка пришла издалека, из похода куда-то в глубину и ночь, из опасности, из долгих дней и ночей, проведенных на морском дне за выполнением какого-то, наверное, секретного задания из тех, о которых не прочитаешь в газете и о которых узнают лишь спустя десятилетия. Так и веет от мокрого черного борта холодком большой политики.

Видно, было небезопасно во время той секретной операции у бог весть чьих берегов, могли и исчезнуть просто, пропасть без вести всем экипажем, но уцелели, вернулись в родной Альбион, и скоро будут дома.

Через несколько минут вслед за первой подлодкой прошла мимо «Бомбея» еще одна, такая же. На берегу, в том месте, где они швартуются, начинается оживление. Вспыхивают фары машин, видны густые толпы

людей — встречают. Бернар взял бинокль и долго рассматривал машущих подводникам женщин, детей, празднично одетых мужчин. Хорошо, если бы и его так встречали. Не с подводной лодки — странно, но бравый образ военного моряка его совсем не притягивал — но с моря. Чтобы жена в новом платье махала ему кружевным платочком, и чтобы дети кричали «Папа, папа!» и бежали навстречу, раскинув руки...

Странно, раньше его никогда не посещали видения подобной семейной идиллии. И раньше, и во времена своей близости с Матильдой Бернар был откровенно безразличен к таким вещам, как семейное счастье или, например, радость отцовства. Конечно, он понимал, что рано или поздно следует жениться, и вполне допускал, что жениться на Матильде (по крайней мере, какое-то время допускал), но все это казалось ему несущественным и неинтересным. Тем, о чем не стоит думать, чтобы не испортить настроения.

И вот сейчас, глядя в бинокль на радостно оживленные семьи моряков, Бернар наконец почувствовал ту тягу к семейному очагу, которая и отличает, как говорил когда-то давно их дальний родственник дядюшка Этьен, зрелого мужа от неразумного юноши, Случись этот внешне совсем незаметный рубеж в его жизни чуть раньше, и он, конечно же, никогда не оставил бы Матильду. Но судьба распорядилась по-другому...

* * *

Выходя из Английского канала в толчее всевозможных попутных и встречных судов, воистину вдруг ощущаешь себя частицей великого братства народов. Особенно ощущаешь это ночью, когда ходовые огни кораблей качаются во тьме и окружают тебя со всех сторон, но самих кораблей не видать.

И оттого не видно, что за люди плывут вокруг тебя, из каких они стран или, например, какого цвета.

Но все держат приблизительно одинаковый курс и одинаково качаются на одних и тех же волнах под одними и теми же звездами, и одинаково шипит пена под форштевнем. А утром вдруг уже и нет никого. Все отправились своей дорогой, моря хватает на всех.

...Мечеть и оливковая роща на горе притягивали Бернара, как магнит. Конечно, прогулки под палящим солнцем в чужой стране — удовольствие на любителя, но Бернару было действительно очень интересно. Он собирался дня два, не решаясь покинуть близкий и по расстоянию, и в смысле привычки район портовых кабачков, пока, наконец, не понял — сейчас или никогда.

И он пошел. Через всю Латакию, по узким улицам без тротуаров, где велосипедисты, мотоциклисты и маленькие серые ослики едут и бредут, как им захочется, а машины раздвигают толпу бамперами. К удивлению Бернара, он не увидел при этом ни одной лошади, ни одного знаменитого арабского скакуна из тех, что им с Матильдой не однажды случалось кормить сахаром на парижском ипподроме. Здесь скакунов заменили велосипеды. И теперь на велосипеды была перенесена знаменитая восточная любовь к лошадям.

Раньше здесь считалось (об этом Бернар слышал все от того же дядюшки Этьена), что если скакун не звенит от различных частей сбруи и украшений, как трамвай, то это не лошадь, а осел. И вот теперь этот обычай оказался перенесен на велосипеды.

Все попадавшие навстречу Бернару велосипеды оказались украшены сбруями, бляхами, цепочками, перьями и чудовищными восьмерками. Но вершиной ори-

гинальности оказались грузовики. Сплошь разрисованные цветами, орнаментом, русалками. Кабина, у которой чаще всего нет дверцы, оклеена вырезками из журналов и переводными картинками, обвешана колокольчиками и бахромой. Вокруг головы шофера болтаются золотые рыбки, попугаи и куклы. Самый маленький грузовичок испускает столько рева, звяканья и звона, что вполне способен поспорить со средним европейским портом.

Из магазинчиков и сточных канав несло сложными запахами. И без труда становилось ясно, почему родиной современных духов является древний Восток. Ясно, что бороться с таким букетом можно было только с помощью различных благовоний.

Женщины в черном опускали на лице непроницаемую чадру, едва завидев Бернара в конце улицы, и тогда сквозь частую сетку таинственно и будя воображение мерцали прекрасные женские глаза, волнуя и маня. Увы, затевать приключение в восточном стиле Бернар не рискнул.

К тому же вскоре он повстречал девушек совсем другого типа. С винтовками на плечах, в мини-юбках и гимнастерках цвета хаки, они строем маршировали куда-то на одним им известные позиции. Леденящий холодок близкой чужой войны коснулся его кожи, как дыхание арктического ветра. Ближний Восток занимался своим привычным делом, не отвлекаясь на мелочи — он воевал. И Бернар почувствовал себя здесь, среди домов с плоскими кровлями и глухими стенами еще более чужим. Одинокий француз в чужой, непонятной и не очень дружественной стране... И что гнало его из Парижа, что заставило забраться едва ли не на край света и бродить вот по этой богом забытой пыли?

* * *

Он пересек городок и начал подниматься на гору по каменистой дороге среди маленьких домишек, надеясь вот-вот увидеть оливковую рощу, из-за которой он сюда и тащился и которую никогда не видел, а лишь вычитал о ней в старой лоции.

Оливковой рощи не было.

Следует отметить — это был удар. Бернар выдержал его достойно. Стоило столько тащиться по жаре, рискуя получить солнечный удар, а до того читать старую уважаемую лоцию и представлять себе оливковые деревья, и тень под ними, и мечеть со стройным минаретом, и вот приплыть, придти, преодолеть швартовки в портах, штормовое море, дурное настроение, свою хандру, чуть ли не специально явиться аж из самого Парижа — и не найти ничего...

Старые лоции иногда подбрасывают такие шутки. Прошло слишком много времени, что-то изменилось, что-то перестроили...

Гора над Латакией не была украшена оливковой рощей. Она украшена красотой бесконечно голубого неба, спокойным величием очень древних камней и несколькими десятками старых акаций. Ровно шумит ветер. Его шум смешивается с урчанием воды в водонапорной башне. Бернар узнал башню — он пеленговал ее на подходе. Ему стало приятно, словно встретил старого друга.

Всегда странно на земле оказаться возле маяка или какого-нибудь знака, который пеленговал с моря. Как будто линия пеленга, проведенная раньше на карте, связала тебя с маяком или каким-то знаком интимного единения. И маяк знает, что вы знакомы.

* * *

С гребня горы он спускался другим путем и оказался перед холмом, густо-зеленым от частой травы и кустарника. Среди пыльной зелени паслись белые овцы с длинными ушами. А у баранов рога закручивались в устрашающие спирали, и подходить к ним не хотелось.

Начинало смеркаться, в холодеющем воздухе раздавалась перепалка пастухов. Возле маленькой каменной лачуги женщина выбивала из ковра остатки шерсти. Тропинка крутилась по холму, в конце концов выведя его на кладбище. Каменные надгробия непривычной формы охраняли покой усопших.

За кладбищем виднелась мечеть и минареты. Правее мечети вращалась антенна радара.

Едва ли не всякий день встречая арабов на улицах Парижа, Бернар имел, тем не менее, весьма смутное представление о мусульманской культуре и оттого несколько робел. Он шагал через кладбище к мечети с внутренней опаской, которая появляется у всех возле чужих святынь. Вдруг он, неверный, оскорбит святыню сирийцев и его грубо прогонят или уши отрежут?

Окна мечети были забраны решетками. Бернар свернул с тропинки, пробрался сквозь могилы и кустарники и заглянул в невысокое окно. Внутри мечеть показалась ему необычайно пустой. Несколько циновок и голые стены.

С возрастающей робостью (вдруг пришло в голову, что ему здесь могут взять и припомнить оккупацию Алжира) Бернар вошел во двор, огороженный высокими стенами. В центре его был круглый бассейн, полный воды, и фонтан, который не бил.

Рядом находился колодец, и стоял кувшин на каменной земле. В воде фонтана, совершенно неподвижной, отражались черные кипарисы, растущие за

оградой. У входа в мечеть стояли сандалии. Дальше сандалий Бернар идти не решился.

Мальчик молился у противоположной стены под навесом. Он не обратил на вошедшего никакого внимания. Вечерние тени уже скользили среди тишины чужой веры, надежды и любви.

Бернар прислонился к стене. Грудь сжало странное предчувствие и тоска. «Пора возвращаться», — подумал он, имея в виду не судно, а Париж.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Матильда с увлечением работала. В творчестве она находила удовлетворение и обретала покой. Оно отвлекало от переживаний, тем более, что рисунки понравились Ролану. Это придавало ей еще больший энтузиазм и желание создать что-нибудь оригинальное. Она любила рисовать детей. И для детей. Наверное, она была бы хорошей матерью.

— Я куплю тебе хорошую бумагу и мольберт, — сказал Филипп. — Ведь ты становишься профессионалом. Ролан говорит, что бумагу лучше выписывать из Парижа.

— Я займусь этим сама, — Матильда раскрашивала волосы мальчику, которого нарисовала чудесной черной гуашью.

Она сидела за столом. Горела настольная лампа. В библиотеке, которая стала и рабочим кабинетом Матильды, было уютно и тихо.

— Если этому мальчику сделать светлые волосы, он будет похож на Тома, — заметил Филипп.

— У моего темные волосы...

Действительно, даже не желая того, она нарисовала Тома. Матильда смутилась. Этот мальчик был очень похож на своего отца. Наверное, образ Бернара будет теперь преследовать ее всю жизнь.

Филипп сидел в кресле, перебирая фотоальбомы.

— Странная вещь эти фотографии, — сказал он. — Я бы оставил твои, а свои выбросил.

Стареющему Филиппу было неприятно смотреть на фотографии двадцатилетней давности. Воспоминания навевали тоску. Гораздо приятней было смотреть на снимки Матильды. Вот она в школе, худенькая, угловатая девочка-подросток с огромными черными глазами на бледном лице. А вот лицеистка в темно-синем платье с большим белым воротником. Студентка... Здесь уже другая Матильда. Волосы коротко острижены под «каре» и лежат пышной небрежной шапкой. Узенькие джинсы и вишневый свитер-гольф. Прелестная высокая фигурка. Но глаза уже не те. В них больше грусти. Эти фотографии сближали его с Матильдой. Бедный Филипп видел очень плохо и наиболее мелкие, групповые снимки рассматривал через лупу.

На одном из них его взгляд задержался.

— Это ведь Бернар! — воскликнул Филипп. — Я и не знал, что вы были знакомы.

Он посмотрел еще раз, внимательно разглядывая фотографию. Ну конечно, это был Бернар. Он не мог ошибиться. Он показал снимок Матильде. Это была группа ее однокурсников по художественной школе. Бернар стоял сбоку и улыбался. В то время она сдавала экзамен, а он ожидал ее. Так и попал случайно на это фото.

— И вправду, Бернар, — Матильда старалась не выдавать смущения. — Я видела его всего один раз.

Она чувствовала, что нервничает, поэтому встала,

прошлась по комнате, остановилась возле пианино (в отсутствие Филиппа она перенесла его сюда).

— В него была влюблена моя кузина.

— А он ее любил? — спросил Филипп.

— Да, — она стала нажимать на клавиши, пытаясь наиграть какую-нибудь мелодию.

— Так почему же они не поженились? — Она играла. Потом остановилась.

— Мне она объяснила так: ее отговорил отец. Он навел справки о Бернаре и сказал: «Не торопись. Он из тех, кого легко заполучить, а удержать невозможно».

Она сама не знала, как сочинила эту нелепую историю. Хотя... В ней была доля правды. Она говорила о себе.

Матильда перестала играть, подошла к Филиппу. Она прижалась к нему, положив голову ему на плечо. Чувство вины угнетало. В душе она ощутила страх.

— Ты любишь меня? — спросила она. — Ты меня защитишь. — Она еще крепче прильнула к нему, обхватив руками.

Филипп ласково потрепал ее по щеке.

* * *

Прошло несколько недель, и Матильда окончательно успокоилась. Вычеркнув прошлое, она решила начать новую жизнь. С Филиппом.

Она много работала, много рисовала. И некоторые работы были уже опубликованы в детских журналах. Это внесло в ее жизнь ощущение «нужности» и самостоятельности. Она больше не была никчемной домоседкой, только вечно ноющей и вздыхающей об утраченной любви. Она внезапно поняла, что кроме этого

в жизни есть много интересного и важного. Работа! Вот что могло ее спасти. Вылечить от воспоминаний.

Она стала внимательнее относиться к Филиппу, больше интересовалась его работой. Получив гонорары, она купила ему подарки: серебряную булавку для галстука, новый домашний халат и мягкие велюровые тапочки. Потом она заметила, что его туфли уже недостаточно хороши и истрепались. И она купила ему сразу три пары новых. Раньше своим гардеробом Филипп занимался сам. Он долго жил холостяком и привык о себе заботиться. Да и Матильда была как-то равнодушна к этому. Он был сражен окончательно, когда на своем туалетном столике увидел новый, причем очень дорогой одеколон, крем для бритья и даже новый бритвенный станок.

Безусловно, он был крайне польщен. Но такие резкие перемены немного испугали его. Из угрюмой и полубольной, холодноватой и ко всему безразличной Матильда вдруг превратилась в заботливую жену и замечательную хозяйку.

В доме многое изменилось. Она поменяла обои в библиотеке и спальне, накупила кучу очаровательных деревянных безделушек для кухни.

Филипп взял отпуск, и Матильда усердно готовилась к отъезду. Перебирая свой гардероб, она заметила, что изрядно обносилась. Многие вещи уже вышли из моды. А ее летние платья и вообще стали вчерашним днем. Она не имела даже приличного купальника, потому что сто лет нигде не отдыхала. Надо было срочно заняться собой. Потом она пересмотрела вещи Филиппа, хотя тот упорно сопротивлялся, уверяя, что все сделает сам. Ну уж нет. Она его жена, и это — ее прямая обязанность. И тогда она составила список, а он оказался обширным, и двинулась в Гренобль.

* * *

На обратном пути весь багажник ее машины был завален майками, шляпками, мылом, шампунями, зубной пастой. Она купила себе новый полупрозрачный голубой халатик, несколько новых платьев, два купальных костюма, дезодоранты и флакончик духов.

И только дома, заглянув в чековую книжку, увидела, что истратила нешуточную сумму. Ну и пусть. В новую жизнь она войдет с новыми вещами. Все старое выкинуть, забыть. Чтобы ничего не напоминало о прошлом.

С Бернаром они виделись редко. Как добрые соседи, мило здоровались и расходились по домам.

Конечно, сказать, что она выбросила его из души совсем, было бы нечестно. Такое не проходит быстро. Но во всяком случае она пыталась и делала для этого все возможное, что было в ее силах.

По случаю отъезда на курорт чета Бушор давала банкет. Они пригласили своих друзей, знакомых, даже несколько сотрудников с работы Филиппа. Словом, гостей собралось много, и в доме стояли шум и оживление.

Был чудесный летний день. Во дворе хозяева расставили столики, и гости потихоньку собирались там.

Кузина Филиппа Николь, которая тоже жила в Гренобле, принесла фотоаппарат. А маленький Тома со своим приятелем Андре с удовольствием позировали.

— А теперь снимаемся втроем! — Николь позвала Бернара.

Он подхватил на руки Тома и посадил его к себе на шею.

В это время Матильда подносила гостям прохладительные напитки. Она была в белом открытом платье со шлейфом и лакированных белых туфлях. В этом наряде она выглядела великолепно и походила на невесту.

— Матильда, — позвала Николь. — Присоединяйтесь. Станьте поближе к Бернару.

Матильда поставила поднос и подошла.

— Внимание!

Они стояли рядом, будто счастливая семья.

— Вот видишь, — сказала Матильда, — мы друзья, хоть я и не верила, что такое возможно.

— Снимаю!

Щелкнул фотоаппарат.

— Друзья мои! — Филипп постучал по бокалу. Он стоял на ступеньках. — Я прошу у всех минуту внимания. Позвольте мне сказать несколько слов.

В легком светлом костюме, он выглядел торжественно и элегантно. Глаза светились от счастья. Перемены, происходившие с женой, радовали его. Теперь у них все будет прекрасно. Матильда — ангел. А главное — она смеется. Мрачное прошлое исчезло, и жизнь вновь приобретает свое очарование.

Стало тихо, присутствующие внимательно смотрели на хозяина.

— Я хочу объяснить, почему мы здесь собрались сегодня. Вы все знаете, что через два часа мы с Матильдой улетаем в погоню за солнцем, но лишь немногие знают, что это наше... — на секунду он замолчал, подбирая нужное слово. — ... свадебное путешествие.

Опустив голову, Бернар подошел к столику, где стояли напитки. В горле першило. Хотелось выпить. Он налил себе виски.

Он понимал, что теряет ее. А от этого становилось горько. Как ни пытался, он не мог ничего забыть. Горячо любя свою семью, он в то же время испытывал

неудержимое влечение к Матильде. А сегодня она была так хороша!

— Дело в том, — Филипп продолжал свою торжественную речь, — что вскоре после свадьбы мы переехали сюда. И пока устраивались, это положенное по ритуалу мероприятие пришлось отложить. А теперь мы едем в путешествие и можем считаться настоящими супругами.

Матильда, улыбающаяся и прелестная, стояла вместе с ним. Он держал ее рукой за талию.

Раздались громкие аплодисменты. Они поцеловались.

От всего этого Бернар раздражался еще больше. Вдруг он почувствовал себя одиноким и покинутым. Любимая женщина принадлежала другому. И они счастливы. От горя он налил себе еще виски.

Подошел Ролан. Он держал бокал с вином.

— По-моему, это великолепно, — сказал он Бернару, — они как юные влюбленные. Просто счастливы. Я везу их в аэропорт.

Его слова окончательно добили Бернара. Судорожный комок сдавил горло. Он знал, что все происходящее, — ложь. Хотелось кричать, чтобы все узнали, что это неправда. Она любит только его, Бернара. И никакая это не влюбленная пара. А этот лысый флегматик и вовсе не имеет на нее никаких прав. Он первый встретил Матильду, первый ее полюбил. Она должна принадлежать только ему, и никто не должен прикасаться к ней. Никто. И в то же время он чувствовал свое бессилие, невозможность что-то исправить.

* * *

От виски кружилась голова, мутился разум. Он отошел от Ролана. Все веселились. Играла музыка.

Оживленная болтовня и смех раздражали Бернара. Он стал искать глазами Матильду.

Ролан поднес мадам Жюво бокал с водой.

— Это вам.

— Спасибо.

Из дома вышла Матильда. Она подошла к Ролану и мадам Жюво.

— Чуточку устала, — сказала она.

Бернару показалось, что она немного пьяна.

— Садитесь на мое место. — Ролан хотел было встать, но Матильда легким движением руки усадила его.

— Нет, нет, не нужно, Ролан.

Она взяла его за руку.

— Позвольте, я присяду к вам на колени.

Она смеялась. И села к нему, обняв его за шею.

Мерзавка! Бернар был страшно зол. Как она себя ведет! Ведь знает, что он здесь. Она нарочно хочет сделать ему больно.

К ней подошла Арлетт. В руке она держала снимок.

— Уже готово. Посмотри, — и протянула фотографию Матильде. — Вы красавица на нем, а Бернар сам на себя не похож.

Матильда взяла фото и стала внимательно его рассматривать.

— Я бы сфотографировала вас с Филиппом вдвоем, но что-то не вижу его, — сказала Николь.

— Он где-то там.

Все обернулись, ища глазами Филиппа. Он выходил из кухни, держа поднос с бутербродами.

* * *

Матильда встала, но платье нечаянно зацепилось за стул. Не прошло и секунды — и оно упало на землю.

Матильда осталась в одной комбинации. На минуту воцарилась тишина. От неожиданности все открыли рты, не в состоянии проронить ни слова.

Сначала Матильда стояла в растерянности, но потом засмеялась. И все стали смеяться вслед за ней. Она даже подняла руку, изображая жест манекенщицы. Мадам Жюво хохотала. Филипп тоже.

— Отложи камеру, Николь. Лучше помоги мне зашить платье.

Матильда подняла платье, и они побежали в дом.

— Тебе помочь? — спросил Филипп.

— Нет, нет. Николь поможет.

Они поспешно поднялись в спальню, плотно закрыв за собой дверь.

— Надо было обернуться им, как фартуком, а я и не сообразила.

Бешеная ярость овладела Бернаром. Он неистовствовал. Его переполнял гнев от того, что все видели его возлюбленную полуодетой, и в то же время увиденное возбудило его чувства к ней еще сильнее. Выпитое виски и вид и раздетой Матильды привели его в состояние разъяренного зверя. Он уже не мог совладать с собой.

Бернар бросился за ними. Как коршун, он влетел наверх, хотел было открыть дверь спальни, но на секунду остановился. А! Телефон. Он снял трубку. Подошел к двери. На комоде увидел открытый чемодан, наверху лежало порванное платье. Бернар остановился, коснулся его рукой. Немного помедлив, он постучал.

— Матильда! Тебя к телефону.

Она вышла уже переодетая. Удивленно глядя на Бернара, взяла телефонную трубку.

— Ничего не понимаю...

Он выхватил трубку из ее рук.

— Хватит! Повесь. Поедем в отель.

— Это невозможно.

* * *

Матильда испугалась. Его глаза дико блестели, он прерывисто и громко дышал. Она однажды видела его таким разъяренным. Это было страшно. Боясь, как бы он не наделал глупостей, она пыталась успокоить его. Но он уже ничего не хотел слушать.

— Прошу, слышишь. Идем в мою машину. Надо поговорить.

— Все эти разговоры я уже знаю наизусть.

От ярости он был вне себя.

— Я не прошу многого от тебя! — Бернар кричал. — Всего два слова.

— Оставь меня в покое, — прошептала Матильда.

— Нет!

Он схватил ее за руку и больно сжал запястье.

— Не оставлю! — он тряхнул ее так, что Матильда едва не упала. — Ты поедешь или нет? Отвечай.

Больше он не управлял своими чувствами. Надоело мучиться, страдать. Почему же, живя всего один раз, они должны отказывать себе в счастье? Он хотел ее. Он любил. И ничто уже не могло его остановить.

От страха Матильда потеряла дар речи. Увидев, что она вся дрожит, Бернар немного опомнился.

— Ну прости, — произнес он тихо. — Нам нужно поговорить. Попроси Филиппа перенести ваш отъезд. Хоть на сутки. Я тебе должен что-то сказать. Сказать! Слышишь?

Он уже не приказывал, а умолял.

— Ты сошел с ума, — Матильда вырвалась и хотела убежать, но он опять схватил.

Она чувствовала, как пальцы Бернара впиваются в

ее тело. От боли она пошатнулась. Он тряс ее, она пыталась вырваться.

На шум вбежала Николь. Увидев, как какой-то здоровенный мужлан тряс ее родственницу, она подбежала к дерущимся, пытаясь защитить Матильду.

— Послушайте, что вы к ней пристали...

— Убирайся вон! — заорал Бернар и оттолкнул Николь так резко, что та едва не ударилась о стену.

Матильда бежала по лестнице. Обессиленная, она упала на кресло. Он догнал ее, поднял и снова стал трясти. Его лицо наливалось краской, волосы торчали в разные стороны, а глаза... В своем гневе он был похож на страшного зверя.

— Ты сошел с ума, Бернар, — по ее щекам катились слезы. — Что ты хочешь?

— Тебя, иди ко мне, — он крепко сжал ее, пытаясь поцеловать.

Из последних сил она оттолкнула его и опять упала в кресло, вспотевшая и взъерошенная.

— Нет! — кричала она. — Уйди!

Но он поднял ее снова, резко и грубо. Казалось, что вот-вот задушит.

От страха Матильду трясло, и она начала задыхаться. Он сжал ее в объятиях.

— Я тебя поцелую.

Она отворачивалась, но Бернар был неумолим. Он искусал ей губы. Почувствовав кровь, Матильда ударила его коленом в живот. На секунду он отпустил ее. Она выскочила на улицу. Он догонял.

— Помогите! — в отчаянии кричала Матильда, задыхаясь от слез. — Оставь меня!

Он бежал за ней, хватая за руки. Она вырывалась.

От неожиданности гости застыли в изумлении. Все были шокированы, ничего не понимая.

Тут Бернар догнал свою жертву, схватил так, что

обессиленная Матильда лишилась чувств и упала на землю.

Мужчины вскочили с мест. Заломив разъяренному Бернару руки, они пытались урезонить его. Он вырывался, но они крепко его держали.

Матильда, побледневшая и изможденная, лежала на траве. Женщины окружили ее.

— Пропустите.

Мадам Жюво осторожно протиснулась сквозь собравшуюся толпу.

— Какой ужас! — вздыхали дамы.

— Да это просто кошмар!

— Несчастная Матильда!

— Он ненормальный.

Возмущенные голоса и вздохи не стихали долго. Таких инцидентов еще не видывали в Гренобле. Собравшиеся строили догадки, пытались понять, что же все-таки произошло. Почему так взбесился Куффре? И что у них общего с госпожой Бушор. Она ведь раньше никогда не жила здесь.

Словом, местному обществу было о чем поразмыслить и поговорить еще очень долго.

Матильду перенесли в спальню. С трудом удалось привести ее в чувство. До самолета оставались считанные минуты, и нужно было спешить. Филипп, для которого случившееся стало сильнейшим ударом, очень беспокоился за здоровье жены и надеялся, побыстрее уехав, оградить ее от этого типа.

Ролан и Николь взялись проводить их до аэропорта. Расставание получилось невеселым. Матильда ничего вокруг не замечала, и Филиппу приходилось поддерживать ее за локоть, чтобы она не упала. К тому же они едва не опоздали, что было бы уж совсем ни к чему.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Бернар покинул судно, едва оно пришвартовалось в Марселе. Покинул, даже не закончив практики и наскоро попрощавшись с капитаном и командой. Его не влекло уже ни море, ни карьера, ни хорошие заработки. Сев в первый же поезд, он поспешил в Париж. Он плохо представлял, что делает, и еще хуже — зачем. Теперь его влекла сила, названия которой он не знал и значения которой не взялся бы объяснить даже себе самому. Но в одном он отчет себе все-таки отдавал — он снова хотел видеть Матильду.

Париж не изменился. Наверное, он не менялся уже столетия, разве что разрастаясь вширь и обзаводясь новыми пригородами. Да еще стадами автомобилей, что, на вкус Бернара, его отнюдь не красило.

Бернар проявил истинное мужество — он выждал целых два дня. Все это время он лежал на широкой тахте в своей комнате, глядя в потолок и меланхолично насвистывая какой-то мотивчик. Иногда насвистывание обрывалось. Это означало, что Бернар тянется к телефону. Заставить себя убрать руку с аппарата удавалось только ценой неимоверных усилий.

В конце концов, доведя себя до полного нервного истощения, Бернар набрал номер Матильды. Результат оказался настолько отрицательным, что об этом не хотелось даже думать: никто не снял трубку ни сразу, ни после. Назавтра он узнал, что за то время, пока они не виделись, Матильду не только выгнали из художественного училища (что не произвело на Бернара ни малейшего впечатления), но, кроме того, она уехала из квартиры, которую снимала, и не оставила адреса ни консьержке, ни своей тетке, на помощь которой Бернар до последнего момента рассчитывал. Так Матильда исчезла для него окончательно.

* * *

Бернар бесцельно бродил по улицам, изредка натыкаясь на прохожих или, от нечего делать, посматривая на витрины магазинов. Раньше он всегда считал разглядывание витрин пустой тратой времени и делал это исключительно за компанию с Матильдой. Теперь времени вдруг стало много и девать его все равно было некуда. Учебу он совсем забросил.

Снова шел дождь. На площади Звезды человек в форме муниципального служащего сметал с тротуара опавшие листья. На углах улиц тихо сидели в павильончиках продавщицы фиалок. Вокруг площади Звезды мчались тысячи автомобилей. Иногда среди них мелькали и мотоциклисты в мокрых плащах-накидках, застегнутых у шеи и на руле. Одиноко и отрешенно высилась Триумфальная арка. На дощатом ограждении земляных работ были в ряд наклеены плакаты с портретом Че Гевары. До невозможности мужественное

бородатое лицо кумира французской молодежи показалось Бернару похожим на лицо того официанта, который принес ему сигареты в кафе, где он когда-то обнаружил в очередной раз ушедшую Матильду в компании бродячего поэта. Только официант был заметно полнее (чтобы не сказать толще) и смахивал не на революционера, а на турецкого матроса. Впрочем, не исключено, что в турецкий флот и в революцию идут люди примерно одного типа. И в официанты тоже.

Он тогда принял поэта за сутенера и даже подумывал, не заехать ли ему сразу в глаз без всяких разговоров, но вовремя удержался. Поэт оказался человеком мирным, приятным в общении и ненавязчивым. Он быстро ушел, пообещав написать для Матильды стихотворение. Матильда всегда умела поддержать разговор, она умела общаться и тем привлекала к себе людей не в меньшей степени, чем красотой. Бернар всегда ей в этом немного завидовал.

Он несколько раз заходил в то кафе, подолгу сидел один за столиком и потягивал кальвадос. Он ждал. Пару раз он разговаривал с тем официантом, похожим на матроса или революционера. Тот помнил Мат, но с тех пор она здесь не появлялась. Бернар сидел, глядя в пустоту и ничего не видя перед собой. Иногда он закуривал и почти всегда забывал погасить спичку до тех пор, пока огонь не начинал жечь пальцы. К нему подсаживались женщины, и тогда он выходил из оцепенения, чтобы прогнать их ленивым жестом. Потом он уходил. Матильда так и не появилась.

У спуска в подземный переход стояла, обнявшись и покачиваясь, целующаяся парочка. Бернар миновал их, бросив на девушку внимательный взгляд, и нырнул вниз. Лампы освещали подземный переход неживым светом. На стене краской вкривь и вкось было написано: «Долой де Голля!», «Да здравствует революция!»,

«Вива Кастро!» Ажан в черной накидке стыл на влажном сквозняке. Ему было скучно здесь стоять, но все-таки он был на посту и проводил Бернара недоверчивым взглядом. Бернар затылком чувствовал этот взгляд и думал, что вот так же на него смотрят те, к кому он обращался с расспросами о Матильде: ее уход не прошел даром даже для его внешности. Издерганный неврастеник не лучшая компания для красивой женщины.

С площади Этуаль Бернар отправился в направлении Эйфелевой башни. Дождь перестает, и сразу же в прозрачных лужах всплывает тихое солнце. Вдоль тротуаров текут ручейки, омывая шины отдыхающих автомобилей. Крыши машин в узорах из опавших листьев. Бернар одиноко шагает по авеню Клебер. Особняки очень богатых людей отгорожены литыми чугунными решетками. Подстриженные кусты, деревья незнакомых пород. Пусто и тихо. Воскресенье. Бернару совсем не весело, одиночество, которое всегда казалось ему естественным состоянием, теперь превратилось в тысячетонную глыбу, безжалостно давящую на него. Бернар в очередной раз сворачивает куда-то в сторону, и перед ним снова встают витрины магазинов. Вместе они часто их рассматривали. Ему кажется, что если сейчас делать то же самое, Матильда каким-нибудь необъяснимым образом окажется рядом...

Женское белье повсюду в Париже. Оно мирно уживается с бородатым Че Геварой. Только белье в витринах, а Че на заборах. Кроме того, повсюду в Париже и сами женщины. И не только живые, но и на плакатах, рекламе, этикетках. Роскошная блондинка в почти полном отсутствии одежды украшает широкий бок городского автобуса. Туннели метро украшены девушками в очень коротких голубых рубашках. Смысл рекламы — в рубашках, девушки же прилагаются для

убедительности. В вагоне трамвая над указателем остановок — две ножки в соблазнительных чулках. Ножки тоже соблазнительны, на что и рассчитано. То дикие, то покорные, то ласковые, то таинственные женские глаза смотрят с витрин, со стен домов, с консервных банок, этикеток, со страниц журналов и газет. И Бернар одиноко бредет под этими синтетическими взглядами, глубоко засунув руки в карманы и опустив голову. Иногда он словно просыпается и начинает вглядываться в лица прохожих. Его интересуют не все. На мужчин он вообще не обращает внимания. Взгляд скользит лишь по женским фигурам, на миг задерживаясь на девушках, хоть чем-то похожих на Матильду.

Без цели, не оглядываясь на время и никуда не спеша, кружил он по узким улицам. Улица Иены, улица Кеплера, улица Бодлера... Какой-то бульвар, превращенный в рынок, в бесконечный натюрморт. Краски и запахи бьют в глаза, в нос, шум и крики торговцев отдаются гулом под прозрачной крышей.

Апельсины, ананасы, яблоки, ракушки, розовые куры с синими этикетками, огурцы, лук, спаржа, разделанные зайцы и кролики, гирлянды из меховых лапок вокруг продавцов, бананы, странные рыбы, орехи, пестрые банки соков, любое мясо на выбор, горы гвоздик до самой крыши, килограммы роз, центнеры махровых ромашек, фонтаны канн, опять устрицы, морские ежи, креветки, лангусты, ослепительные передники и колпаки — и всему этому конца не видно.

* * *

Серая, осенняя вода в водоворотах у мостов. Затопленная под берегом лодка. Тихо, безлюдно и как-то

заброшенно и очень грустно. Почему? Что любимая женщина ушла окончательно? Так ведь сам бросил. Кого винить? Обидно за свою бестолково, лениво проживаемую жизнь, за несбывшиеся мечты и неосуществленные надежды? Но ведь еще не все потеряно, еще можно наверстать.

И вдруг Бернар понял, что все это время прощался с Парижем. Вовсе даже не собираясь никуда уезжать, он тем не менее чувствовал, что время пришло, и ему пора. Пора покидать этот город, пора с ним расставаться так же, как он расстался с Матильдой. И это неизбежно, это рок, это то, что записано в книге судеб. И горе тому, кто восстанет против уготовленного судьбой жребия.

Его ждет совсем другая жизнь, ведь подсознательно он уже не единожды чувствовал себя добропорядочным буржуа, владельцем маленького домика и скромного, но достаточно округлого счета в банке и мужем тихой и домовитой супруги, а не вечно бунтующим искателем приключений и другом темпераментной и доброй, но взрывной и непредсказуемой Матильды.

* * *

Бернар спустился к самой воде. Под опорой моста горит печурка, трое рабочих-ремонтников жарят креветки и от печурки тянет запахом рыбы и смолистым дымком. Выше по течению стоит чистенький, свежевыкрашенный прогулочный катер. Девушка в зеленой куртке идет навстречу, поднимается по сходням на борт катера, открывает дверь надстройки и оттуда сразу выпрыгивает огромный пес и, сбежав на берег, обнюхивает Бернара. Девушка что-то говорит, навер-

ное, успокаивает пса, но Бернар не слышит и только на всякий случай улыбается. Он присаживается на борт катера, и пес дружелюбно тычется носом ему в колени. Должно быть ждет, когда почешут за ухом. Бернар рассеянно треплет его по загривку. На тупой корме катера написано, что катер принадлежит лицею Эспадок. Это название ничего не говорит Бернару.

Воды Сены движутся огромным серым массивом перед глазами Бернара, и так же, медленно, но неумолимо, течет время. Ушла девушка в зеленой куртке, захватив с собой пса, рабочие доели креветки и собирают под мостом строительные леса, к вечеру похолодало и пора идти тоже.

* * *

Когда не везет, можно или принять все как есть и смириться, или бунтовать. Сначала Бернар бунтовал. Он пытался обмануть судьбу, пытался на забитых народом парижских улицах отыскать потерянное счастье, как ищут в траве или в щелях мостовой оброненную монетку. Ему было плохо и стыдно. Без дрожи он и вспомнить не мог, как бросил Мат тогда в лозаннском отеле или о других, более ранних случаях, когда он бывал с ней несправедлив и откровенно жесток, когда ревновал ее к каждому встречному и устраивал поистине безобразные (даже на свободный столичный парижский вкус) сцены. Боже, какой он был идиот! Один раз он заехал в ухо молодому человеку, которого застал в обществе Матильды за столиком в бистро. Его немедленно оттащили, и пришлось давать объяснения в участке. При этом выяснилось, что пострадавший юноша — кузен Матильды, буквально на днях прибывший в Париж из Бордо.

Ужасно, что даже подобное происшествие его не остановило, и периоды гармоничной любви с достойной лучшего применения периодичностью сменялись полосами бурных сцен, швыряния предметов домашнего обихода и громоподобным хлопаньем дверей. Воспоминания об этом теперь причиняли Бернару душевные муки.

Однако всему на свете бывает предел. В конце концов Бернар остыл и перестал, по крайней мере, хватать на улицах за плечи незнакомых девушек с криком: «Матильда!», после чего приходилось каждый раз долго извиняться. Бернар остыл и смирился. Он даже попытался поправить свои дела в мореходном училище, но здесь все оказалось несколько сложнее... Короче говоря, с карьерой капитана пришлось проститься, и Бернар не очень об этом сожалел. Теперь он искал покоя.

Так бывает иной раз с разочарованными юношами, которые вдруг вобьют в голову, что жизнь кончена, и год или два потом, пока не надоест или пока само естественное течение жизни не опровергнет их пессимистических настроений, являют собой воплощенное разочарование.

Потом и это прошло. И Бернар стал наконец тем, кем и был изначально — добрым малым, честным, старательным и работящим человеком. Однако сердечная рана затягивалась с трудом, и для поправки расстроенных нервов доктор рекомендовал ему морское путешествие.

Через месяц, на палубе пассажирского теплохода он повстречал Арлетт. Безусловно, это была судьба. Бернар сразу почувствовал и решил — эта девушка

станет его женой. Как ни странно, их желания совпали.

Вскоре они действительно поженились, а потом покинули Париж. Они перебрались в Гренобль, где Бернар получил хорошую работу, и купили там дом на тихой улице и в то время без соседей.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Можно сказать, что еще никогда в жизни Бернар не был так противен и отвратителен сам себе. Он уже никого не винил. Он ненавидел себя.

Чудовище! Сумасшедший! Как мог он такое позволить себе. Чего он добился? Позора! Причинил страдания Арлетт, разрушил душевный покой Матильды. Да и Филипп... Можно представить, что он переживает сейчас. Так искренне любил жену и вот, на тебе, такое.

Сколько раз он давал себе слово ограничивать себя в спиртном, не позволять себе лишнего. Пьяный, он всегда был особенно буйным, в душе возникало обостренное чувство справедливости.

Но на этот раз оно обострилось уже чересчур. Он лежал один в спальне, даже не заметив, как прошла ночь.

Внутренняя пустота и одиночество угнетали. Он не знал, как будет дальше жить. Одной неосторожной и глупой выходкой в миг он все разрушил и все потерял.

Ведь было уже решено, они разошлись тихо и мирно, как порядочные люди. Почему было не смириться с

судьбой? Ведь жил он без нее восемь лет. И был счастлив. Зачем пытаться вернуть то, что уже давно потеряно.

Как он посмотрит в глаза Арлетт? И вообще, как теперь все будет? А что, если она уедет и заберет Тома? От этой мысли бросало в жар. И еще больше он становился зол. На самого себя.

Зато вечно страдающим от скуки жителям Гренобля теперь будет о чем поговорить. Возможно, об этом скандале упомянут в газетах. И, конечно, на работе все узнают.

Нет, не об этом он должен думать теперь. Арлетт! Как сделать, чтобы она поняла. Он не переживет ее уход. Теперь она нужна ему как никогда.

Он вспомнил их первое знакомство. Это было на корабле. Грузный и неповоротливый, он прогуливался по палубе. Был жаркий летний день. На палубе было много туристов. Проходя мимо рубки, он нечаянно наткнулся на девушку, едва не сбив ее с ног. Она была такая хрупкая, в белых брючках и розовой блузке.

— Простите, мадемуазель. — Ничего, мсье.

Он заметил, что девушке вовсе не весело. Эдакий неуклюжий медведь, он толкнул ее довольно сильно, ударив в плечо.

— О, мадемуазель, вам больно. Я не хотел.

— Не стоит беспокоиться.

Она держала в руке книгу и немножко сгорбившись, поспешила дальше. Сам не зная почему: то ли почувствовав неловкость из-за своей неуклюжести, то ли что-то еще, он пошел за ней.

Так они познакомились. Она была студенткой и жила в Париже. Договорились там встретиться после отпуска. А через пять месяцев Арлетт получила диплом, и они стали мужем и женой. И сразу же переехали

в Гренобль. Здесь Бернар получил работу. И вскоре родился Тома.

Арлетт была замечательной женой. Они чудесно подходили по характеру друг другу. Вспыльчивый, темпераментный, горячий Бернар и кроткая, уступчивая, уравновешенная Арлетт были прекрасной парой и редко ссорились. Хотя, конечно, Арлетт никак нельзя было назвать робкой овечкой. Она была отнюдь не глупа, с ней было интересно в компании. Она всегда сглаживала острые углы не только в их отношениях с Бернаром, но и в любом обществе. Она была очень доброжелательна к людям, всегда умела понять других. А такие качества так редки в современном человеке. Она успевала работать (причем зарабатывала прилично) и заботиться о семье. И все получалось у нее гладко.

Да и у них было бы все гладко, если бы не внезапно вернувшееся прошлое.

Матильда. Даже сейчас он не мог не признаться самому себе, что любит ее. В нем как будто жили две любви: любовь-привязанность к жене и любовь-страсть к Матильде.

Он мучился. А воспоминания... О, как бы он хотел избавиться от них. Но не мог.

* * *

Он пытался перелистать по страницам свою жизнь, чтобы хорошенько разобраться, понять, почему же все так сложилось, почему все так произошло. Где была его ошибка, когда он ее совершил. Может, надо было послушать отца и остаться на ферме?

Бернар вырос в провинции Эльзас. Его отец имел небольшое фермерское хозяйство, и детство Бернара прошло на земле. Вот откуда эта грубая физическая

сила, порожденная веками тяжелого крестьянского труда в поколениях Куффре. Некогда широкоплечий и могучий Этьен Куффре рано состарился и в свои 65 выглядел стариком. Теперь хозяйством занимались сыновья. Они все переженились, завели свои семьи, здесь построили свои дома. Они значительно расширили хозяйство и теперь это была уже солидная ферма, приносящая хорошие доходы. Только один сын Этьена Куффре не захотел остаться в отцовской усадьбе. Сразу после школы Бернар уехал учиться в Париж. Жизнь в деревне он находил слишком скучной и однообразной. Да и тетушка Розали сыграла немалую роль. Она владела большой квартирой на Елисейских полях, оставшейся в наследство от богатого мужа. Ее единственная дочь Эльза рано вышла замуж и уехала в Америку. Тетушке Розали было очень одиноко в своих роскошных апартаментах, она в письмах усердно звала племянников, во всех красках расписывая прелести Парижа. С детства Бернара влекло в этот огромный загадочный город. Красивые улицы и площади, старинные памятники, музеи, театры, о которых рассказывала тетушка, несказанно привлекали юного и пылкого Бернара. С детства он был независим и горд, терпеть не мог подчиняться. Атмосфера семьи казалась ему удушливой, и он не мог дождаться окончания школы, чтобы, наконец, вырваться из «неволи» и обрести свободу и покой. Его отец не был тираном, а напротив, человеком добродушным и очень трудолюбивым. Но, как в любой семье, у них существовал определенный уклад, распорядок, которому надо было подчиняться. С другими детьми у отца никогда не было проблем. Это были здоровые, крепкие, неприхотливые парни, не очень тянущиеся к учебе, зато могучие и ловкие в труде. Вот только Бернар всегда его беспокоил. С детства он как-то отличался от других детей. Он был неуравновешен, если что-то не нравилось, часто грубил и громко хлопал дверью. Мало общался с братьями. У него были свои друзья, с которыми он предпочитал проводить время.

* * *

После отъезда Бернара семья испытала не грусть, а какое-то сладостное облегчение. В доме прекратились конфликты и воцарился покой, столь свойственный деревенской жизни.

Париж встретил Бернара во всем своем блеске и разнообразии. Яркие огни ночных улиц, роскошные витрины магазинов, невероятное количество ресторанов и кафе и вечно спешащий куда-то нескончаемый поток людей приводили его в восторг. Деревенская жизнь на фоне этого великолепия выглядела еще более убогой и рутинной. Наконец вдохнув сладостный воздух свободы, восемнадцатилетний Бернар был невероятно счастлив и полон самых фантастических иллюзий и призрачных надежд.

Он поступил на учебу в колледж морской навигации. Появились новые друзья. Они беззаботно проводили время, шатаясь по различным увеселительным заведениям. Особенно легко он себя чувствовал до тех пор, пока отец присылал деньги. Но однажды приехав и увидев, чем занимается сын (Бернар писал, что занят исключительно учебой, а в свободное время посещает выставки и музеи), тот перестал ему помогать. Бернару пришлось устроиться на работу. Крепкого, пышущего здоровьем и силой детину сразу приняли разнорабочим в крупный продовольственный магазин на улице Сен-Жермен. Тогда ему пришлось значительно труднее. Он

понял, что деньги добываются не так уж просто, и тратить их направо-налево перестал.

А потом тетушка Розали решила отметить свой день рождения. Ей было тоскливо. Даже Бернар, которого она очень любила, не оправдал ее надежд. Целыми днями он пропадал в колледже, потом работал. А она сидела одна, коротая дни.

С того памятного дня и началась новая страница в жизни Бернара Куффре. Самая волнующая и прекрасная. Ах, если бы они были чуточку умнее, терпимее друг к другу. Как могли быть счастливы сейчас.

Но Матильда... В случившемся есть и ее вина. Да, она любила, но как-то уж очень эгоистично и... Она часто плакала, ревновала без повода... А это так раздражало гордого и уж очень независимого Бернара.

От воспоминаний заныло сердце. На душе стало еще тоскливей. Появилось чувство опустошенности.

Хотелось рыдать, но не было слез.

* * *

Скрипнула дверь, вошла Арлетт. Она молча подошла к туалетному столику и начала листать журнал. Это молчание было убийственным для Бернара.

— Почему молчишь? — наконец он набрался храбрости и решил заговорить первым. — Ты на меня злишься?

Как мужчины бывают недалеки и наивны!

— Не выдумывай, Бернар, — сказала Арлетт, — я не злюсь на тебя. Я понимаю, ты много страдал, раз дошел до такого. Я понимаю и тем не менее, ревную. Да, я ревную к ней. Но куда больше ревную к твоему горю. Ты мог бы чуть больше доверять мне. По-моему, так было бы лучше.

Бедная Арлетт! Как тяжело и горько ей было сейчас. Ни одна женщина не пожелала бы оказаться на ее месте. Случившееся стало ударом в самое сердце. Лучшие чувства, надежды, мечты, то, в чем была уверена и ни мгновения не сомневалась, — все рухнуло. Ей казалось, что они любили друг друга. Да, Бернар когда-то очень давно в минуту откровения рассказал ей о своей первой любви, но кто бы мог подумать, что это так серьезно и что эта любовь когда-нибудь вернется. Она считала, что все давно забыто и стало вчерашним днем. За шесть лет их совместной жизни у них не произошло ни одного серьезного конфликта. Он так хорошо относился к ней. Арлетт никогда не подумала бы усомниться в его чувствах. Но почему же он так быстро все забыл, стоило появиться этой женщине. Значит, никогда серьезно он не любил ее, а использовал лишь как неудачную замену. И все же Арлетт не могла в это поверить.

— А что я, по-твоему, должен был сказать? И для чего? — Бернар вскочил с кровати. — Ну я сказал бы: «Имей в виду, что Матильда и есть та самая брюнетка, в которую я был влюблен еще восемь лет назад».

— Я поняла бы.

Бернар прошелся по комнате, остановился у окна.

— Я не ожидал этого. Когда они появились здесь, я как мог, избегал встреч. Ты же знаешь сама.

— Любовь никогда не проходит бесследно...

— Я многое в ней не любил. Она меня всегда раздражала. Не понимаю, не понимаю, ничего не понимаю! — Он схватился за голову.

Он действительно ничего не понимал. И совсем запутался.

— Арлетт, Арлетт, подойди ко мне, пожалуйста.

Ему хотелось просить ее о помощи, помощи в из-

бавлении от этого кошмара. Ему хотелось умолять о прощении. Но он должен ей все объяснить, чтобы она поняла.

Арлетт подошла к нему. Он обнял ее бедра, положив голову на живот. Но Арлетт больше не гладила его шею.

— Да, восемь лет назад я любил Матильду. Но с ней мы не смогли быть вместе. Понимаешь? Мы только мучили друг друга.

— Мучили? И только...

Арлетт было неприятно и больно все это слушать. Ее тяготила ревность, избавиться от которой она была не в силах.

— Ну да, мучили. Поверь мне. Теперь я тебе все сказал. Все кончено, навеки. Забыто, — он еще крепче прижался к ее животу.

Она провела рукой по его волосам.

— О, Бернар! У тебя всегда все было просто. Но ты должен знать, что такие вещи вычеркнуть из памяти, искоренить не так уж легко. Все слишком серьезно. Разочарование, тревоги, надломленность в душе не проходят так быстро.

Но, конечно, ты прав. Как бы там ни было, мы должны быть вместе. Слишком многое нас связывает. Порвать отношения просто, а вот соединить нелегко. А главное, твоя Арлетт, несмотря ни на что, любит тебя, Бернар.

* * *

Ночью Бернар долго не мог заснуть. Разные мысли мучили и не давали покоя. Потом стали сниться кошмары. Сначала он видел море. Он входил в воду, голубую и чистую. Плыл все дальше, качаясь на теплых волнах. Потом вдруг вода стала мутной. Он увидел, что купается в грязи. Он повернул обратно, стал грести быстрее к берегу, а вода становилась все отвратительней и еще более засасывала его. Вдруг она стала красной. Он понял, что плывет в крови. Кровавое море бушевало и накрыло его алой волной. Он даже почувствовал едкий кровяной запах.

Весь в холодном поту Бернар проснулся. Облегченно вздохнул, поняв, что это был всего лишь сон, он повернулся к Арлетт, Но ее не оказалось на месте. Он вскочил. Накинув халат, босиком выскочил из спальни.

— Арлетт! Арлетт!

Он искал ее. Заглянул к Тома. Ребенок мирно спал, тихо посапывая, обнимая любимого друга — медвежонка Андрю.

Осторожно, не включая свет, он спустился по лестнице и нашел Арлетт в ванной, склонившуюся над раковиной. Ее тошнило.

— Что с тобой, Арлетт? Тебе нехорошо? Что-то случилось?

— Угадай...

Бледное лицо Арлетт казалось совсем бесцветным. На глазах выступили слезы.

Арлетт ждала ребенка. И теперь она уже не сомневалась. Еще неделю назад это стало бы радостным семейным событием. Они давно хотели второго ребенка. Но теперь...

Бернар еще острее и мучительнее почувствовал свою вину перед Арлетт.

Боже! Как он мог! Если бы он знал раньше... Никогда и ни за что не совершил бы этого.

Теперь он понял, что навсегда останется только с Арлетт. Он исправится. Он будет слушать ее и превратится в образцового мужа. Он больше никогда не

заставит ее страдать, не причинит боль, сделает все, чтобы случившееся поскорее забылось.

Их связывал не только Тома, но и крохотное существо внутри Арлетт. Это будет девочка. На лице Бернара появилась блаженная улыбка.

Да, Арлетт никогда не будет страдать...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Чета Бушор остановилась неподалеку от Ниццы в живописнейшем месте побережья. Кристально чистое море, ослепительное солнце, желтый горячий песок, стройные пальмы и тополя создавали великолепную экзотическую обстановку для отдыха и неповторимую идиллию. Как на всех приличных курортах, недалеко от пляжа раскинулся тенистый парк с фонтанами, прудами, широкими аллеями. Тут же размещались водо- и грязелечебницы, минеральные источники. И немного подальше массажные кабинеты, душевые и сауны, где располневшие дамы со всего света проводили многие часы в надежде похудеть.

Матильда и Филипп сняли небольшой домик с террасой на самом берегу моря. Домик окружали роскошные пестрые клумбы с южными цветами и замечательный сад.

Филипп не любил загорать и после утреннего купания обычно лежал в гамаке в тени анисовых деревьев. А Матильда обожала солнце. Подолгу плескалась в море, разомлевшая от жары, часами валялась на

прибрежном песке. Не прошло и нескольких дней, как ее кожа покрылась шоколадным загаром. Из белокожей француженки Матильда превратилась в смуглую сицилийку. И только ослепительно белые зубы выделялись на ее лице.

По вечерам они гуляли по парку и ходили ужинать в ресторан.

Матильда заметила, что становится до неприличия черной, и решила прервать на несколько дней свои солнечные ванны. После утреннего купания она, как обычно, сходила за минеральной водой, приняла душ и, расположившись за большим столом на террасе, принялась за работу. Окружающий пейзаж приносил вдохновение.

— Я видел эскизы твоих рисунков, — Филипп подошел к ней. — Замечательная книга получится.

— Ой, не знаю, не знаю, — Матильда пожала плечами. — Ты говоришь о моих работах, а сам думаешь о другом.

Филипп отложил газету, сел в кресло.

Они так и не решились поговорить после того злополучного дня. Целую неделю в Эвиане они вели себя так, будто ничего не произошло. Конечно, настроение у обоих было уже не тем, этого нельзя было скрыть, но Матильда ждала, что Филипп сам начнет разговор. Но он молчал. И это молчание угнетало Матильду. Хотелось ясности.

— Да, я думаю о том, как мы будем жить дальше, — сказал Филипп. В его голосе не было прежней мягкости и ласки. — Я договорился с мадам Жюво, чтобы подыскала нам квартиру где-нибудь в Гренобле. Она — наш добрый гений. Недавно я узнал про нее вот что. Ее прежний любовник (он живет где-то в Новой Каледонии) вроде приехал ее повидать. И представляешь, она специально уехала в Париж, чтобы его

не видеть. Она понимала: прошлого не вернуть. И поэтому избежала встречи.

— Неправда! — от его слов Матильду передернуло. Она вскочила со стула.

Уж она-то знала настоящую правду. Бернар рассказал ей все во время одной из встреч в гостинице. Поверхностность суждений Филиппа разозлила Матильду.

— Ты говоришь просто чушь, — сама того не замечая, она стала кричать, хотя повышать тон было не в ее манере. — Этот человек был ее единственной любовью. Из-за него она пыталась покончить с собой. А он до сих пор не знает этого. Она пощадила его. Поэтому и уехала. Мадам Жюво — необыкновенная женщина.

Матильду трясло. Она не терпела, когда оскорбляли это святое чувство. Не каждый способен любить, а тем более так самозабвенно. История мадам Жюво очень взволновала ее еще тогда, потому что была глубоко близка ей. Матильда знала, что такое любовь. Она тяжело вздохнула и села в кресло.

— Ему этого никогда не понять, — сказала она.

— Еще бы! И мне этого не понять. Вы — женщины — умнее нас в любви.

Всегда спокойный и уравновешенный, Филипп взорвался. Никогда ему не было так обидно и горько. Он принимал Матильду такой, какая она есть, но теперь уже во многом не мог разобраться. Возможно, он холоден и недалек, не понимает каких-то тонкостей женской души, но он жил всю свою жизнь, никого не обманывая, и не терпел лжи. Он всегда был открыт и прям. И вот в один прекрасный день он узнает, что его жена, которую он обожал, считая святой, обманывает его, лжет. Все эти годы (ведь до свадьбы они были знакомы четыре года) он жил с лгуньей. Значит,

все ее слова, все, что она когда-либо делала, говорила, ее поцелуи — все фальшь. Она только жила с ним под одной крышей, а ее душа, ее чувства всегда принадлежали другому.

От этих мыслей Филиппу становилось совсем не по себе.

Но еще больнее было видеть страдания Матильды. Он видел, какое впечатление на нее произвели его слова. Но он должен был их сказать. Больше, пожалуй, он не будет возвращаться к этой болезненной теме. Он должен ей помочь. Отдых пойдет ей на пользу. Они постараются пробыть здесь как можно дольше, а по приезде он сразу займется поисками нового жилья. Нужно все уладить. Он не может ее потерять.

* * *

Поздней августовской ночью такси подъехало к дому Бушоров. Из машины вылез Филипп и стал вносить чемоданы в дом. Немного помедлив, вышла Матильда. У крыльца она остановилась. В окнах соседей горел свет. Уже поздно, почему же они не спят?

— Пойдем, Матильда, — Филипп взял ее под руку и повел в дом.

Включили свет. Здесь все было, как прежде, но выглядело угрюмо. Стены, мебель как будто говорили: «Уезжайте отсюда, уезжайте».

Филиппу не хотелось возвращаться в этот дом. Не хотелось встречаться с соседями. Он знал, что Бернар, будучи рядом, вновь нарушит душевный покой Матильды.

Но другого выхода пока не было, и Филипп как ни в чем ни бывало принял душ. Приготовил чай.

Матильда, очень уставшая с дороги, сразу после ванны легла в постель.

— Выпей, дорогая.

— Спасибо, милый, — она поставила поднос на колени.

И все-таки это был их дом. Они успели привыкнуть к нему. И эта спальня, так тщательно обставленная Матильдой, стала до боли родной. Так не хотелось все это разрушать...

С этими мыслями они уснули.

* * *

Матильда проснулась от шума электрической бритвы. Было воскресенье, но Филипп почему-то решил встать так рано. Матильда подошла к окну. Отодвинула шторы. Утренние лучи солнца озаряли комнату. В том году лето было на редкость удачным. Дни стояли теплые и сухие.

Чета Куффре вероятно еще спала. Окна их спальни были плотно зашторены.

Филипп брился, стоя перед зеркалом в ванной. В воздухе плавал терпкий аромат одеколона.

Она приблизилась к нему сзади, обняла, хотела поцеловать, но Филипп резко оттолкнул ее.

— Что с тобой, Филипп?

— Скажи, как меня зовут? — он больно схватил ее за руку.

— Филипп...

От неожиданности Матильда открыла рот.

— Так почему же ты во сне называешь другое имя? Если ты не помнишь, я могу тебе назвать его.

— Нет!

Вся в слезах, Матильда выбежала из ванной. Рас-

пахнутая дверь долго качалась на петлях, жалобно скрипя.

* * *

За завтраком Филипп не проронил ни слова. Молча, с каменным лицом он выпил кофе и ушел, даже не прикоснувшись к бутербродам, которые усердно запекала в духовке Матильда.

Весь день она была одна. Занялась уборкой, но все падало из рук. Она рыдала. Ей было невыносимо жаль себя. Хорошо, что Филипп ушел и не видел ее страданий. Эти слезы явно не понравились бы ему.

Она не могла понять, почему судьба к ней так жестока. За какие грехи? В чем, в чем она провинилась перед Богом? Ей двадцать восемь лет, а в жизни все еще нет определенности, четкости, ясности. Она постоянно колеблется, ищет и не может найти покоя. А может, ей дано предначертание такое — вечно страдать?

Ну уж нет, нет! Она будет счастлива и не позволит судьбе так жестоко с ней обращаться.

Матильда побежала в библиотеку, открыла ящик рабочего стола. Вот! Она взяла в руки небольшую пластмассовую коробку. Здесь она хранила свое прошлое: письма, фотографии, дневники. Все! Раз и навсегда она покончит с этим. Навсегда! Чтобы больше никогда не возвращаться.

— Уничтожить, забыть, уничтожить, забыть... — повторяла сама себе Матильда, унося коробку в гостиную. А слезы душили ее. Сама того не замечая, она уже не плакала, а истерически кричала, нервно всхлипывая и задыхаясь от слез. Воспользовавшись отсутствием Филиппа, она дала волю чувствам и эмоциям.

Матильда села у горящего камина, открыла коробку и дрожащей рукой стала доставать фотографии.

Вот Бернар, еще совсем юный, на ферме отца. В рабочих брюках и огромных сапогах. Он подарил ей этот снимок вскоре после того, как они познакомились. Как было все хорошо тогда. Они были так беззаботны. Их первые свидания...

От воспоминания больно защемило сердце, Матильда зарыдала еще сильнее и швырнула фотографию в огонь. Яркое пламя пожирало ее края, и вмиг та превратилась в черный пепел.

Она больше не смотрела на фотографии, а все бросала, бросала в огонь без разбора. Каждый снимок напоминал ей о какой-то страничке жизни. Восемь лет она бережно хранила их. Прикасаться еще раз к прошлому было невообразимо больно.

Письма... Она перечитывала их десятки раз и знала наизусть. Их было немного. Бернар не любил писать и прибегал к этому в редчайших случаях. И тем не менее, они существовали. Каждое из них она сберегла. В них отражались чувства, мысли, переживания тех лет. Некоторые были нежны и прекрасны. Бернар писал во время их первой разлуки, когда уезжал на каникулы в Эльзас. Он рассказывал об отце, о матери, о братьях, о том, что ее, Матильды, ему ужасно не хватает, он постоянно думает о ней и с нетерпением считает дни до встречи.

Тогда он принадлежал ей. И все было просто и ясно. Они любили и не думали, что будет завтра. Ах, если бы она могла предположить... Она удержала бы его. И сохранила любовь. Но уже ничего нельзя исправить, все потеряно, все исчезло навсегда.

— Будь все проклято! Проклято! — в истерике она швыряла голубые, розовые листки. Их пожирало пламя.

Ее волосы растрепались. От слез глаза распухли и

покраснели, лицо покрылось пятнами, губы нервно дрожали а рот казался неестественно большим. Если бы в тот момент кто-нибудь увидел Матильду, то принял бы ее за сумасшедшую. Она вся тряслась и судорожно хватала ртом воздух. Внезапно ей показалось, что она сходит с ума, теряет рассудок. Опомнившись, она вскочила с кресла, побежала на кухню.

С минуту на минуту вернется Филипп. Не дай Бог он ее увидит такой... Нет, нет! Он не должен ни о чем догадываться.

Она нервно рылась в кухонном шкафчике, где лежали лекарства.

Налив стакан холодной воды, быстро проглотила таблетки. Это была большая доза снотворного.

Филипп вернулся домой поздно. Везде горел свет. В камине бушевало пламя. Он нашел Матильду в спальне. Она крепко спала, укутавшись в одеяло.

Он принял ванну, выпил горячего чаю и когда вернулся в спальню, увидел, что Матильда спала одетой. Ей стало жарко, и она сбросила с себя одеяло.

Ничего не понимая, он бережно раздел ее, стараясь не разбудить. Матильда обычно чутко спала. Но на сей раз она даже не шелохнулась. Все это ему показалось очень странным. Возможно, она лишнее выпила, хотя на нее это было не похоже. А может, были гости?

Теряясь в догадках, Филипп надел пижаму и погасил свет.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

— Здравствуйте, мадам. Вы меня помните?

Консьержка не могла забыть выразительное лицо Матильды. К ним, конечно, приходило много парочек со всего Гренобля и не только из него. Маленькая гостиница на улице де ля Гар, как и многие другие, была обычным местом тайных свиданий. Ее хозяйке мадам Жанвье шел шестьдесят седьмой год и она на своем веку повидала немало влюбленных. На протяжении долгих лет она была свидетелем множества любовных связей, знала чуть ли не все сердечные тайны почтенных жителей Гренобля.

Эта пара вроде ничем не отличалась от других. Мадам Жанвье было известно, что оба любовника имеют семьи и встречаются здесь втайне от всех. Но в них было что-то особенное, какая-то трагичность. Она, Жанвье, не знала истории их романа, но чувствовала, что эта связь не кончится добром. Уж слишком глубокими были их чувства.

Мадам имела большой опыт в сердечных делах. Достаточно было несколько раз поглядеть в глаза кли-

ентам, и она уже знала — любовь это или легкий флирт.

Здесь все было гораздо сложнее.

— Здравствуйте, мадам Бушор. Конечно, я вас помню. Восемнадцатый номер.

— Я хотела бы снять его на месяц.

Мадам Жанвье не могла не заметить, что с момента их последней встречи госпожа Бушор сильно изменилась. Под глазами появились отеки, исхудавшее лицо казалось бледнее обычного. Исчез куда-то живой блеск глаз. Вся она выглядела какой-то несчастной и изможденной.

— О, мадам, это невозможно, — любезно ответила мадам Жанвье. — Мы сдаем теперь только на сутки. Очень сожалею.

— Понимаю, понимаю, — голос Матильды звучал еле слышно. Казалось, ей не хватает сил говорить громче. — Извините. До свидания.

Матильда поспешила к двери. У самого выхода она остановилась. По лестнице, весело щебеча, в обнимку, спускалась парочка. Счастливые и довольные, прошли мимо нее. Он что-то шептал ей на ухо, а она заразительно смеялась. Они были еще совсем молодые. И наверное, скоро поженятся.

Матильда с завистью посмотрела им вслед.

... Она нашла Ролана в мастерской. Они еще не виделись после ее приезда с юга. Матильде не терпелось узнать судьбу своей книги. К тому же она приготовила новые работы.

Они сидели за столом. Ролан показывал ей уже готовый макет книги.

— А что с этим рисунком? — спросила Матильда.

— Я это сделал специально, перенес на другую страницу. Так будет лучше.

— Хорошо, хорошо, — кивала Матильда. — Я так устала.

Она встала, прошлась по комнате.

— Знаете, мне так нравится ваша книга. Буду рад, если вы напишите еще что-нибудь.

Ролан положил рисунки на стол. В те минуты, сама не зная почему, Матильда думала о нем. Приятный, симпатичный парень. И уже не мальчик. Но чересчур занят работой, делами. Любил ли он когда-нибудь? Любезен, обходителен с Матильдой, но... не замечает в ней женщину. А может, она ошибается?

Ролан рассматривал ее новые рисунки. Она подошла к нему сзади, наклонилась и как бы невзначай коснулась его руки.

— Ой, извините, — она сразу смутилась и убрала свою руку.

— Ничего, ничего. Это вы извините меня. Видите ли, я не знаю, как быть с этим пятном...

Ролан не понял ее жеста, был спокоен и непринужден. Он протянул ей рисунок. Там был изображен лежащий на полу мальчик, а рядом алая лужа крови.

— Мальчик упал.

— Рисунок хорош. Но это пятно крови. Это слишком жестоко для детей.

— Вы ошибаетесь, — Матильда начинала нервничать. Ей был противен собственный поступок. — Я сделала рисунок только ради этого пятна. В нем весь смысл.

«Дура! Дура! — говорила она самой себе. — Что ты себе вообразила? Считала себя примадонной? Ты действительно не интересуешь мужчин и никому не нужна». Ее тело пробирала дрожь.

— Взгляните на этот, — Ролан показал ей такой же рисунок, но без красного пятна. — Чем он плох?

— Плох! Я устала.

Матильда нервно заходила по комнате. Ее трясло. Она уже сама себя раздражала.

И все-таки Ролан — бесчувственный тип. Она схватила свой пиджак и выбежала на улицу.

... Тома сидел во дворе и возился с велосипедом. Наконец отец выполнил свое обещание. Уже несколько дней счастливый ребенок не мог оторваться от долгожданного подарка.

Матильда наблюдала эту картину из своего окна. Убедившись, что ребенок один, она вышла из дома.

— Здравствуй, Тома.

— Привет.

— Ты мне разрешишь у тебя попить воды? Можно войти?

Тома отложил свой велосипед и пошел в дом. Матильда последовала за ним. Он привел ее на кухню. Матильда взяла стакан, налила воды.

— Я выпью, — сказала она. — А ты хочешь?

— Нет.

— Не хочешь пить?

Матильда огляделась вокруг. Белые шкафчики, белая мойка, белая плита. Все аккуратно и просто.

— Прекрасный дом, — сказала она. — Красивая кухня. А можно посмотреть твою спальню? Проводи меня, пожалуйста.

Маленький Тома скучал и потому был рад неожиданной и странной гостье. Он побежал вперед, она поднималась за ним.

— Какая красивая...

Тома стал показывать игрушки, что-то усердно рассказывая о них, но Матильду не интересовала его комната.

Украдкой она открыла соседнюю дверь. Здесь спал ее возлюбленный со своей женой. Матильда обвела взглядом спальню. Мебель красного дерева, бордовые

шторы. В целом ничего особенного. Ее спальня гораздо романтичней. В комнате царил беспорядок. На полу валялось постельное белье, розовая ночная рубашка, халат, пижама. Как после бурной любовной ночи. Сердце Матильды заныло. Она поняла, что в этом доме была абсолютно лишней. Здесь шла своя жизнь, и никто не собирался ее менять.

— Что ты там делаешь? — она услышала голос Тома и поспешно вышла.

На стенах вдоль лестницы висели картины. Ее взгляд привлек рисунок, изображающий плачущего птенца.

— Отличный рисунок. Что это?

— Он плачет, — ответил Тома. — От горя.

Она грустно посмотрела в глаза ребенку. Милое, беззащитное, доверчивое детское лицо.

* * *

В тот день в летнем кафе теннисного клуба было особенно оживленно. За одним из столиков в тени сидела Матильда в элегантном белом костюме и изящной белой шляпке. Черные завитые кудри падали на плечи. Вишневого цвета помада придавала ее лицу особый шарм.

Матильду окружали репортеры. Недавно состоялась презентация ее книги, которая, надо сказать, имела успех и очень быстро сделала автора знаменитой. Целыми днями дома разрывался телефон, звонили поклонники, знакомые, журналисты, просили о встрече.

А в прекрасный августовский день в летнем кафе она устроила маленькую пресс-конференцию. Собралась толпа зевак. Щелкали фотоаппараты.

— Я давно сочиняю сказки для детей, но книгу выпустила впервые.

— Это ваш дебют?

— Да.

— Но в книге и иллюстрации ваши?

— Да, я рисую сама.

— Рисунки профессиональны...

— Я училась в Париже. Но из-за болезни не смогла получить диплом.

— Вы пишете только для детей?

— Да.

— У вас оригинальное видение мира. Вы очень талантливы.

— Спасибо.

— Надеюсь, скоро мы встретимся с вашим творчеством опять?

— Возможно.

Подошла Николь.

— Подпиши одну для своего племянника, — она протянула книгу. — Он будет рад. Может, для детей это слишком. Для ребятишек она чересчур хороша.

Матильда поставила свою размашистую подпись.

— Детские книги должны быть особенно хороши. Держи.

Вдруг она услышала запах гари.

— Что это? — она вскочила, тревожно оглядываясь по сторонам.

— Что-то горит на кухне.

Увидев клубы дыма, она побежала туда.

Мадам Жюво снимала со стены огнетушитель, задыхаясь от дыма. Матильда вырвала его из ее рук, быстро нажала на рычаг — полился фонтан жидкой пены.

— Ой, ей-ей. Боже! Что творится? Настоящий пожар. Нажимайте. Сильнее. Кажется, все.

— Испугались? — спросила Матильда.

— Не очень.

* * *

Их лица покрылись сажей. Белый наряд Матильды стал черным. В горле першило. Чувствовалась горечь во рту.

— Ой, я вся черная!

Матильда поспешила в ванную. Стоя перед зеркалом, она тщательно протирала лицо. Вошли двое незнакомцев. Они мыли виноград.

— Ты не слышал ту историю с Марселем?

— Нет. Я уже целый месяц его не видел.

— А он тебе никогда не рассказывал о блондинке, которая живет в его доме?

Матильда внимательно прислушивалась.

— А, да, да, да. У них был роман. Кстати, все шло очень хорошо.

— Но теперь все очень плохо. Он не может избавиться от нее. Каждый день она подкарауливает его на лестнице. И он переезжает в другую квартиру. Понял, что самое опасное — это заводить роман с соседкой.

Они захохотали. Эта история их очень забавляла. Зато Матильду как будто кто-то хлестнул по лицу. Ей показалось, что говорили о ней. Вот как выглядят со стороны ее чувства. Они вызывают только иронию и смех. Бернар тоже избегает ее. Окружающие смеются за ее спиной, а она ничего не замечает.

Как жестоко, подло и бестактно! Судорожный комок опять сдавил ей горло. Слезы наворачивались на глаза. Только бы никто не увидел. Уйти, уйти подальше от всех.

Она выскочила на улицу, тревожно оглядываясь по сторонам. Куда ей убежать? Ее остановил пожилой англичанин.

— Извините, вы автор этой книги?

— Да.

— Вы не могли бы мне ее подписать?

— Попозже, месье.

* * *

Она бежала по аллее, слезы текли по ее щекам. Матильда глотала их и бежала все дальше.

Обессиленная, она упала на траву у густых зарослей шиповника. Нервы сдали окончательно, и больше она не могла контролировать себя. Она долго рыдала, громко всхлипывая и задыхаясь от собственных слез. В истерике она кусала траву, била по земле руками, рвала на себе волосы.

Хотелось умереть. Только смерть могла решить все проблемы и подарить покой. Вечный покой.

Жизнь слишком несправедлива и жестока. Одним она дарит счастье, а других обрекает на вечные страдания и муки.

Она не хотела больше жить.

— Где же Матильда? — ее не было больше часа и Филипп стал серьезно беспокоиться.

— Да, странно, — сказала Николь. — На кортах ее тоже не видно.

— Она не собиралась сегодня играть. Она даже не одета для этого.

Он ходил к соседним столикам, расспрашивая, не видел ли кто его жену. Но все только недоуменно пожимали плечами.

— В доме ее нет, — сказал Ролан. — Пойдемте поищем в парке.

По дороге они встретили мадам Жюво.

— Я ищу Матильду, — сказал Филипп.

— Матильда! Матильда!

Все четверо, испуганные и встревоженные, искали ее.

— Что же могло случиться?

— Она была в отличном настроении...

Они нашли ее в кустах шиповника, истерично рыдающую, опухшую от слез.

— Матильда! Что с тобой? — Филипп пытался ее поднять. — Да что же это с тобой, Матильда? Ну успокойся, пожалуйста.

Он гладил ее по голове, крепко обняв. Ролан, Николь и мадам Жюво молча стояли, в ужасе наблюдая эту грустную картину.

Все было очень серьезно. В этой семье происходило что-то страшное и болезненное.

Мадам Жюво молча покивала головой. Она поняла все. И предчувствовала недоброе.

* * *

Матильда очнулась уже в больнице. Она помнила только, как приехала скорая помощь. Ей сделали укол и положили на носилки.

Большая доза успокоительного сразу подействовала на обессиленную, нервно истощенную Матильду.

Она открыла глаза. Белый потолок и стены. Светлая мебель. Даже шторы белые. Обычная больничная атмосфера. Матильда чувствовала слабость и головокружение, как будто ее ударили по голове чем-то тяже-

лым. Она не понимала, зачем она здесь, но думать об этом была не в состоянии.

Подошла медсестра. Молоденькая девушка в белом халате.

— Ваш муж скоро придет.

— Нет... Нет.

Она не хотела никого видеть. Никто не в силах ей помочь.

— Это не может больше продолжаться... — произнесла Матильда слабым голосом.

— Конечно, не может, — улыбнулась медсестра. — Сначала надо поесть! Вы похудели.

Есть... Она не помнила, когда ела в последний раз. Но при напоминании о еде, почувствовала отвращение и тошноту.

— Мне надо умереть. Я такая дрянь. Да. Умереть.

Слезы катились по щекам. Она пришла в себя. И вновь вспомнила о своем несчастье.

Нет, никто уже не мог спасти ее. Она неисправима. Она безнадежна. Врачи не в силах сделать ее счастливой, а значит, все бесполезно и не нужно.

— Боже мой... Мне так плохо...

— Вы увидите мужа, и вам станет легче, — голос у медсестры был негромкий и мягкий.

А Матильда все плакала и плакала. Она вытирала слезы, пытаясь успокоиться, но не могла.

— Нет... Что это со мной... Я хочу понять.

Двадцатидвухлетняя Адель Маню совсем недавно закончила учебу и работала в клинике всего месяц. У нее не было опыта и той душевной твердости, этакой непробиваемости, свойственной медикам.

Она не видела еще в жизни горя и окружающий мир рисовался ей в розовых тонах. Адель было очень жаль свою новую пациентку. Она не знала, что же на самом деле произошло, не знала истинной причины ее

страданий. Но от всего сердца сочувствовала и в душе переживала ее боль. Медперсоналу не разрешалось выказывать свои эмоции, задавать пациентам лишние вопросы, так как это могло еще больше нарушить их душевное равновесие.

Она принесла лекарства. Матильда послушно приняла их. И вскоре закрыла глаза, чтобы, расслабившись, улететь в эйфорический сон.

* * *

Доктор Мертэль был единственным психиатром в городе и держал единственную психиатрическую клинику в Гренобле.

О нем отзывались как о человеке серьезном, знающем свое дело. Поэтому Филипп решил доверить ему лечение Матильды. Сам он был страшно подавлен случившимся. Изо всех сил пытался спасти ее, но сам этого сделать не мог. Доктор Мертэль был единственной надеждой, хотя в глубине души Филипп сознавал, что дело совершенно в другом. И все же...

Они сидели в просторном светлом кабинете с большим количеством цветов и вазонов.

— Вопреки распространенному мнению, депрессия — очень тяжелая болезнь, — доктор Мертэль закурил сигарету. — Ее бывает трудно лечить, особенно когда этому противится сам пациент.

Он встал, прошелся по комнате, открыл окно.

— Я с вами буду вполне откровенен, мсье Бушор, — сказал он. — Если бы ваша жена захотела, она бы выздоровела. Но она не хочет.

— Что вы намерены делать?

Его слова отнюдь не успокаивали Филиппа, еще больше заставляли страдать.

— Хочу прежде всего убедить ее в том, что выздоровление во многом зависит от нее. А раньше у вашей жены не было странностей?

Филипп задумался, пожал плечами. Он знал Матильду более четырех лет. Первое время после их знакомства она была очень грустной.

Она считала, что жизнь не удалась, и это постоянно мучило ее. Но странностью это назвать было нельзя. Как всякая женщина, она переживала из-за потерянной любви, неудачного замужества. А потом все шло к лучшему. Она успокаивалась, постепенно приходила в себя. И Филипп ни на минуту не сомневался в успехе и прочности их брака.

— Да нет, — ответил он, — не замечал. Она сломалась именно вдруг, мгновенно. Правда, когда за несколько дней до этого мы с Матильдой гуляли по городу и на улице было адское движение, она все время повторяла: «Куда несутся эти машины? Куда несутся эти машины..?»

Филипп закрыл руками лицо. Он был в отчаянии. Он не знал, что ему делать и как жить. За эти два дня он ни на минуту не прилег. И ни разу как следует не ел. Он чувствовал дикую усталость, в голове шумело.

— Не стоит так волноваться, мсье Бушор, — доктор Мертэль сел за стол. — Сейчас мы даем вашей жене успокоительное. Это очень хорошее лекарство, его совсем недавно стала выпускать французская промышленность. А как только она почувствует себя лучше, я побеседую с ней. откровенно, по душам. Думаю, мы найдем общий язык.

— Да, да, конечно.... — Филипп рассеянно поднялся.

— Мы сделаем все возможное, мсье Бушор. Это не первая наша пациентка такого рода, уж поверьте мне.

Я не хочу вас обнадеживать, что-то заранее обещать, — он встал из-за стола, чтобы проводить посетителя. — Повторяю, все зависит от нее самой. А что касается нас, то мы имеем свои методы лечения и будем их применять.

— Да, спасибо доктор.

— Всего доброго, мсье Бушор.

* * *

Доктор оказался человеком неглупым, но это отнюдь не облегчало положения. Как и полагалось, он задал обычные вопросы, явно не придавая им никакого значения. Если бы это был бронхит или воспаление легких, Филипп ни на минуту не сомневался бы в успехе. Но такая специфическая болезнь...

Раньше ему случалось читать о «нервной депрессии», но он считал это больше капризом, чем болезнью. Как любому уравновешенному человеку, ему были чужды всякие там истерики и стрессы. Для него это было не более, чем слабость характера, этакое «слюнтяйство», свойственное некоторым людям. Человек всегда в состоянии и силах держать себя в руках, что бы ни происходило, считал он. И разве мог он тогда предположить, что сам столкнется с этим «слюнтяйством» лицом к лицу? И все-таки успокаивающий тон доктора Мертэля указывал только на его бессилие исцелить пациентку. От таких мыслей Филипп был окончательно раздавлен. И все же слабая надежда теплилась в его душе. А вдруг и в самом деле существует некая маленькая белая таблетка, излечивающая от отвращения к жизни, от полной растерянности и аппатии? Ведь в мире случается столько неприятных вещей. Вдруг Матильда выдумала неизвестно что насчет своей свободы,

несчастной любви, а на самом деле организму не хватает каких-то витаминов, химических элементов для его нормальной жизнедеятельности?

Доктор Мертэль прав. Нужно себе внушить, убедить в этом. Если бы Матильда это могла понять...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Дело шло к осени, но сентябрьские дни все еще стояли полетнему солнечными и теплыми. И, как обычно, в воскресный день на теннисных кортах было людно и оживленно.

Возле парка Бернар остановил машину. Открыв дверцу, проворно выскочил Тома. Ему не терпелось поиграть в теннис. Прошлое воскресенье маме очень нездоровилось, и они никуда не пошли. А сидеть дома в погожие дни было так скучно. И всю неделю он с нетерпением ждал нового воскресенья. Мама обещала поправиться. И она сдержала слово.

У Арлетт шел уже шестой месяц беременности. Она заметно пополнела, но осунулась и выглядела бледнее обычного. С помощью косметики и румян она старалась освежить свое подурневшее лицо, но постоянно выступавшие пятна все равно портили ее внешность и выдавали положение.

Арлетт легко перенесла свою первую беременность и роды. Но на этот раз все шло совершенно по-другому. Возможно, повлияли произошедшие «неприятные» со-

бытия, о которых она до сих пор не могла забыть. После того разговора они больше ни разу не возвращались к щекотливой теме. Бернар вел себя, как будто ничего не произошло. Даже стал нежнее и внимательнее к ней и Тома. Все домашние заботы полностью взял на себя, больше времени уделял ребенку, накупил кучу всяких детских книжек и после работы читал их Тома. А вечерами, ложась спать, гладил живот Арлетт и говорил об их дочери, которая обещала появиться на свет как раз к Рождеству. Она должна быть необыкновенно красивой, и он назовет ее Амандой.

Арлетт с улыбкой слушала его мечтательные речи, а перед глазами стояла эта дикая сцена: как разбушевавшийся зверь он бежал за Матильдой, хватал ее за руки... И на душе становилось горько и грустно.

Она уже не могла быть той веселой и беззаботной Арлетт, всегда улыбающейся и доброжелательной. Жизнь сломала ее, показав, как в мире много фальши и лжи. Она не могла, как прежде, искренне любить Бернара. Его связь с другой женщиной убила ее лучшие чувства и заставила почерстветь.

Первое время после той безумной выходки Бернара она не могла появляться в обществе. И , взяв с собой Тома, на месяц уехала к матери в Сентбери. Там ее семья имела небольшой особняк. Правда, теперь, после смерти отца, в нем осталась одна мать. Натали, единственная сестра Арлетт, вышла замуж. Вместе с мужем они снимали меблированную квартиру неподалеку от центра, здесь же в Сентбери. У них еще не было детей и Тома был единственным внуком мадам Дюбуа. Она обожала его и постоянно скучала, в каждом письме приглашая приехать. Это была еще довольно молодая и очень подвижная женщина. Недавно ей исполнилось пятьдесят три года. К тому же она тщательно следила за собой, соблюдала диету, регулярно посещала косметолога и массажиста. Каждую осень она проводила на курортах Италии. Тамошний климат особенно благоприятно влиял на ее здоровье и самочувствие.

У мадам Дюбуа были очень теплые, доверительные отношения с дочерьми, особенно со старшей Арлетт. С детства она была ласковой и на редкость покладистой девочкой.

Никогда у Арлетт не было секретов от матери. Та всегда оставалась для нее лучшим советчиком и другом.

Будучи в Париже, она очень скучала по матери и каждый день писала ей письма, которые мадам Дюбуа бережно хранила до сих пор.

В свой последний приезд Арлетт попросила показать их. Читая собственные письма, она улыбалась их юношеской наивности. С тех пор прошло шесть лет, а как много за это время она увидела и поняла. Вернее — за последние месяцы.

Она листала свои восторженные письма о Бернаре. В ее сознании он был просто сказочным принцем. Даже его странности, его недостатки она боготворила. И как была глупа.

Она нашла то памятное письмо, в котором сообщала матери, что выходит замуж и просила родительского благословения.

Мадам Дюбуа не думала перечить Арлетт, а только просила прежде познакомить ее с будущим зятем. В душе ее беспокоила поспешность брака.

Но к счастью, жизнь Арлетт сложилась благополучно. Вместе с Бернаром они часто навещали ее. А потом появился Тома. Словом, мадам Дюбуа была довольна судьбой дочери и считала их замечательной парой.

Но в последний раз Арлетт приехала очень скучной. Как ни пыталась, от метери трудно что-то скрыть. Ей хотелось все рассказать, но... сколько ни собиралась,

не смогла. Она сослалась на свою беременность, на недомогания, связанные с ней.

Арлетт чудесно провела месяц. Особенно был доволен Тома. Бабушка баловала его без меры. В Сентбери был замечательный детский парк со всевозможными качелями и аттракционами. Она чуть ли не каждый день водила его туда. Мороженого и шоколада бабушка покупала столько, сколько он желал. Все возражения Арлетт она не хотела слушать, и каждый день устраивала праздник обожаемому внуку.

Часто навещали Натали. Она тоже души не чаяла в племяннике и без конца дарила ему подарки. Их багаж увеличился вдвое, когда они возвращались домой.

Арлетт ужасно не хотелось уезжать. Бернар звонил каждый день, говорил, что скучает, ждет с нетерпением.

* * *

Но воспоминания довлели и угнетали. Там, в Сентбери, она была далека от них и отдыхала душой. Она чувствовала себя легко и непринужденно в обществе матери, сестры и сына.

Возвращение в Гренобль означало возврат к действительности. И Арлетт вновь почувствовала себя плохо. Вместе с неприятными мыслями ее часто мучили головокружение и рвота. Ей не хотелось никуда выходить. Но Тома скучал, и его было жалко. В конце концов, ребенок ни в чем не виноват.

Погода стояла чудесная, и Арлетт согласилась сводить его на корт. Бернар работал в этот день.

— Я заеду за вами часов в шесть.

— Мы надеемся, — Арлетт взяла за руку Тома.

Бернар подал им сумку с теннисными принадлежностями.

— Слушайся маму, Тома, — он поцеловал ребенка, подошел к Арлетт.

Арлетт похлопала его по плечу, но не ответила на его поцелуй.

— Идем, Тома.

— Не убегай от мамы, слышишь? Веди себя хорошо, — Бернар давал указания им вслед.

Немного постояв, проводив их взглядом, он направился было к машине, но знакомый голос окликнул его.

Он увидел мадам Жюво. Опираясь на свою трость, она спешила ему навстречу. Выражение лица было встревоженным и серьезным.

— Добрый день, Бернар.

— Здравствуйте, мадам. Очень рад видеть вас.

Ей было не до любезностей, и она быстро переменила тему разговора.

— Я терпеть не могу вмешиваться в чужие дела, — сказала она, взяв его под руку и отводя в сторону, — но должна поговорить с вами о Матильде.

— О нет, мадам! — Бернар замахал руками.

Он только-только стал приходить в себя. С большим трудом удалось наладить отношения с женой. Все образовалось, а тут опять...

— Я ничего больше не хочу слышать об этой женщине.

— И тем не менее, я скажу вам, — мадам Жюво была настроена решительно и не собиралась отступать. — Я сегодня была в больнице. Ей совсем плохо.

Это было новостью для Бернара. Он ничего не знал ни о ее болезни, ни о больнице. Да, где-то с неделю ее не видно во дворе. Но он не думал, что что-то случилось. Утром он видел Филиппа, они поздорова-

лись. Тот уезжал куда-то на машине. Но ничего особенного Бернар не заметил.

— Может быть, вы навестите Матильду? Немного успокоите ее, а? — в голосе мадам Жюво были настойчивость и холодок.

Вероятно, она несколько разочаровалась в Бернаре. Он оказался таким же, как и все мужчины. Сначала вскружил голову несчастной женщине, а потом струсил и подался в кусты.

— Послушайте, я знаю Матильду больше, чем все вы. Наверное, я единственный в мире, кто ей ничем не может помочь.

— Вы не правы. Из этой истории вы выбрались. А Матильда нет.

Где-то в глубине души мадам Жюво понимала Бернара. Как никак он имел семью, тем более жена ждала ребенка. Оставить их было бы неслыханной жестокостью. Но и поступать так с Матильдой было не менее жестоко и подло. Эта женщина была очень симпатична мадам Жюво. Возможно, как никто другой она понимала ее чувства, потому что пережила похожую трагедию. Мадам Жюво знала, что такое любовь и какой безрассудной бывает она, поэтому глубоко сочувствовала Матильде и не могла ее не защитить.

Но Бернар не хотел ничего слышать. Он не любил, когда посторонние люди вмешивались в его жизнь. При всем уважении к мадам Жюво этот разговор ему был неприятен и раздражал его.

— Не настаивайте, хватит с меня, — отрезал он и поспешил к машине.

Мадам Жюво с неприязнью посмотрела ему вслед. Нет, он ни чем не отличался от других мужчин. Она в нем глубоко ошиблась, хотя считала, что видит людей насквозь. «Век живи, век учись», — сказала она себе.

Ни в чем и ни в ком нельзя быть уверенным абсолютно. А она всю жизнь доверяла людям.

И вместе с тем, она не винила его. Жизнь слишком сложна и порой не так просто во всем разобраться.

Мадам Жюво медленно двинулась к кортам.

* * *

Всю дорогу Бернара не оставляли тревожные мысли. Он понимал, что говорил слишком сухо с мадам Жюво. Она не заслуживала этого. Да и по отношению к Матильде... Он не прав. В конце концов в случившемся была его вина. Как ни тяжело, но он должен это признать. Ему сразу нужно было вести себя иначе, взять себя в руки, быть мужчиной, наконец, а не слюнтяем. Он чувствовал, что вся эта история не кончится добром. К тому же прекрасно знал Матильду, ее легко ранимую душу, слабые нервы.

Безусловно, его поведение теперь выглядело как предательство. Он не знал, что ему делать, как быть, только твердо был уверен в том, что так поступать нельзя.

* * *

Бернар работал в ночную смену. Беременность Арлетт предвещала новые расходы, и им требовалось больше денег. И теперь два раза в неделю он работал по ночам. Эти смены хорошо оплачивались, и физически крепкому и закаленному организму Бернара отнюдь не вредили.

— Первый причал освободить! Первый причал освободить!

Бернар вылез из танкера. В своей рабочей одежде — дутой непромокаемой куртке и таких же штанах — он казался еще более неповоротливым и огромным.

— Ты меня звал? — спросил он диспетчера.

— Тебя спрашивали.

— Кто?

В такой час посетителей обычно не бывало.

— Не знаю. Он ждет тебя вон там. — Танкер шестнадцать-десять на третий причал.

Несколько удивленный, Бернар поплелся в инструкторскую. Какое-то недоброе предчувствие появилось у него.

Его ждал Филипп. Они ни разу не разговаривали после того злополучного банкета. Его прихода Бернар никак не ожидал и чувствовал себя очень неловко. Он даже не знал, как себя вести.

Они стояли лицом к лицу, совсем близко друг от друга. Бернар заметил, что Филипп как-то внезапно осунулся, постарел. Переживания наложили свой отпечаток.

— Матильда в больнице, — сказал он после короткого замешательства.

— Я знаю. Мне говорили.

Они снова замолчали. Обманутый муж и любовник его жены... Оба чувствовали неловкость и подавленность.

Этот тяжелый для обоих разговор Бернар решил начать сам. Когда-нибудь они должны были объясниться. В конце концов Филипп — мужчина и должен его понять.

* * *

Бернар рассказал все, ничего не скрывая и не тая,

всю сложную историю его любви. Он говорил долго, страстно жестикулируя и даже иногда повышая тон. Он начал с самого начала, с самого первого дня их знакомства, откровенно рассказывая о своих переживаниях и чувствах. Ни с кем он еще не был так открыт. Но он хотел, чтобы Филипп понял его... И простил. Если это, конечно, возможно. Во всех подробностях он описал два года их связи, сам удивляясь своей памяти. Он пытался объяснить, почему у них все так сложилось с Матильдой, почему не смогли пожениться, хоть и любили безумно. Рассказал о том, что пережил, когда встретил ее вновь.

Филиппу эта исповедь не доставляла ни малейшего удовольствия. Слышать, что любимая тобой женщина никогда не любила тебя, что всегда ее сердце принадлежало другому, и при первой возможности она изменила тебе без всякого угрызения совести.

В этой истории он чувствовал себя абсолютно лишним, чужим и ненужным. И хотя Бернар говорил только о своих чувствах к Матильде, Филиппу было неприятно и больно. Она его жена, и когда о ней говорил другой мужчина...

Филипп ревновал. Матильда была его единственной любовью. Никого и никогда он больше не любил. Во всех отношениях перед ней он кристально чист и безгрешен. Почему же судьба так наказала его?

— Теперь я все объяснил. Вы знаете столько же, сколько и я, — Бернард облегченно вздохнул, как будто снял тяжелый груз. — Поступайте, как считаете нужным.

— Матильда очень дорога мне, — произнес Филипп. — Поверьте, мне нелегко было прийти к вам.

Он встал с кресла, подошел к окну.

— Я здесь не для того, чтобы слушать исповедь. Теперь это уже не имеет значения.

Он замолчал.

— Каждый раз, когда я прихожу к ней в больницу, по ее лицу, по ее взгляду я понимаю, что не меня она ждет...

* * *

Бернар медленно поднимался по белой больничной лестнице, заранее обдумывая предстоящую встречу. Он волновался. Он не знал, что скажет Матильде, как она его встретит.

Белые стены до блеска вымытого коридора наводили страх. Бернар никогда не лежал в больнице, и она представлялась ему чем-то ужасным.

Он подошел к нужной палате, немного постоял и, собравшись с духом, открыл дверь.

Матильда лежала, до подбородка накрытая одеялом. Услышав, как скрипнула дверь, она открыла глаза.

— Привет, Матильда.

Выражение ее лица совсем не изменилось, не дрогнул ни один мускул. Она обвела его абсолютно равнодушным, ничего не значащим и не выражающим взглядом и снова закрыла глаза.

— Мне остаться или уйти?

Она лежала неподвижно, как будто ничего не слышала. Бернар заметил, как сильно похудело ее лицо. Высохшие губы казались бесцветными. Только иссиня-черные волосы и огромные глаза выделялись на этом мертвенно-бледном лице. От физического и нервного истощения оно приобрело болезненный зеленоватый оттенок. Который день Матильда отказывалась от пищи. Она принимала только таблетки. И стакан воды.

Она не шевелилась.

Бернар подошел, коснулся ее волос. Она вновь открыла глаза. Но ее взгляд был невидящим, стеклянным. Он даже испугал Бернара. Она действительно была больна и очень опасно.

Простояв несколько минут, Бернар вышел из палаты с тяжелым чувством вины на сердце.

В это время Филипп нервно прохаживался под окнами Матильды. Он ждал Бернара.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

По дороге домой Бернар заехал в магазин. Купил молоко, теплые булочки с изюмом для Тома, помидоры и консервированный острый перец, который просила Арлетт. Ей все время хотелось острого и каждый день он покупал что-нибудь такое по ее заказу.

Мысли о Матильде мучили, не давали покоя. Раздвоенность в душе терзала его.

Дома горел свет. Арлетт и Тома ждали его. Услышав скрип тормозов, малыш побежал навстречу.

— Здравствуй, папа! — Тома бросился ему на шею.

— Привет, малыш! — Бернар поднял его на руки. — Как ты вел себя? Слушался маму?

— Да.

— Ну тогда я тебе кое-что привез, — он опустил ребенка.

Тома уже рылся в большой папиной сумке. С ней Бернар всегда ездил в магазин.

Арлетт сидела в кресле, немного откинувшись назад. С каждым днем увеличивающийся живот мешал ей. Она вязала.

— Спроси, почему я сегодня опоздал.

Бернар поцеловал жену, ласково погладил ее по животу.

— Почему ты опоздал? — в голосе Арлетт не было прежней заинтересованности. Она казалась ко всему безразличной.

— Ко мне на работу приезжал Филипп. Он попросил, чтобы я навестил Матильду. У нее был тяжелый нервный срыв.

Арлетт отнюдь не обрадовало его сообщение. Оно было ей неприятно, как и все остальное, связанное с этой женщиной.

— И что теперь? Получше?

— Да нет, по-моему. Сперва ее хотели лечить электрошоком, но Филипп запретил.

— И правильно, — в голосе Арлетт чувствовалось раздражение. — Шок помогает забыть неприятные вещи, но оставляет след в психике. Твой визит ей пошел на пользу.

Она отложила вязание, встала с кресла. Ей был противен этот лицемерный разговор. Муж навестил больную любовницу и делился впечатлениями с женой. Великолепно! Просто замечательно. И еще вел себя как ни в чем не бывало, так, будто говорил о старом приятеле. Все-таки Бернару всегда не хватало душевной тонкости и такта.

— Я пробовал поговорить, но она молчит и все. Я обещал Филиппу зайти еще раз, но едва ли из этого выйдет толк.

— Я думаю, — с ядовитой иронией сказала Арлетт, — тебе обязательно нужно сходить к ней еще раз, если Филипп считает, что ей это поможет.

И ушла на кухню, чтобы скрыть свое раздражение и гнев. Она разогревала бифштекс, а у самой ручьем

текли слезы. От обиды, от ревности, от собственного бессилия.

* * *

Окна в кабинете доктора Мертэля были открыты настежь. Легкий ветерок гулял по комнате, шевеля лепестки цветов и бумаги на столе. Доктор сидел в своем круглом кресле, повернувшись спиной к Матильде, и смотрел в окно. С улицы доносились голоса санитаров и шелест деревьев. Окна кабинета выходили в больничный сад. Аромат созревших каштанов заполнял комнату и напоминал об уходящем лете.

Матильда сидела в кресле напротив и видела лишь спину и затылок доктора.

Его своеобразная манера работы с пациентами удивляла ее. Их беседа продолжалась уже больше часа.

— Она страстно любила этого человека, — Матильда рассказывала историю мадам Жюво. Ей было интересно мнение врача. — И когда узнала, что он уехал в Новую Каледонию, решила про себя: «Я буду его ждать». Как раз в тот момент я и решила, что убью свою мать.

— Что? Что? — доктор резко повернулся в своем кресле к Матильде.

— Я думала, что вы меня не слушаете.

Она ошибалась. Разговаривать с пациентом, повернувшись к нему спиной, было частью специальной методики доктора Мертэля. Беседа лицом к лицу смущала пациента, как ни как, доктор имел дело с нервнобольными людьми. Любой неосторожный взгляд мог привести к растерянности.

Делая вид, что думает о чем-то совершенно постороннем, он был предельно сосредоточен и полон внимания.

Убедившись в этом, Матильда продолжала свой рассказ.

— Она бросилась вниз с восьмого этажа, но упала на полотняный тент и только поэтому осталась жива. С тех пор правая нога ее повреждена. Она хромает. Что вы на это скажете?

— Я думаю, этой даме здорово повезло.

— Это вы называете везением?

— Конечно. Она осталась жить. Могла встретить другого человека и просто забыть о прошлом. Вы согласитесь со мной, что жизнь полна удивительных сюжетов. Можно любить и быть любимой. И не один раз.

* * *

Да, он был всего лишь медик, холодный и практичный. Для него главное жить, а как — это уже неважно. И раз он так говорил о любви, значит, просто никогда не любил и понятия не имел, что это такое. Он все трактовал чисто теоретически. С Матильдой они говорили на разных языках.

— Мне не удалось быть любимой, — произнесла она. — Во мне есть что-то, что отталкивает людей.

— Но вас любит муж.

— Муж меня любит. Он, как и вы, говорит: «переверни страницу», а мне это не по силам.

Нет, он абсолютно ничего не понимал и был далек от ее чувств, переживаний. Холодный и сухой прагматик, он напоминал удачно сконструированную машину, у которой все заранее запрограммировано и вся жизнь разбита по пунктикам, разложена по полочкам.

В ней все предельно просто: завтрак, работа, обед, прогулка, ужин и сон. Близость с женой — не проявление чувств, а обычное удовлетворение желаний, устроенное природой, и которое тоже запрограммировано и должно в определенное время выполняться. А если вдруг жена умирает — об этом беспокоиться не стоит. Можно заменить другой. Ведь у нее такие же органы, как у прежней. Какая разница.

— Никто не интересуется мной, — от раздражения Матильда вспыхнула, бледные впалые щеки залились краской. — И вы занимаетесь мной потому, что вам за это платят. И оставим все эти разговоры!

* * *

Матильда встала с кресла. Внутри все переворачивалось. Теперь она была полностью уверена в бесполезности лечения. Этот человек хоть и доктор, оказался беспомощным и недалеким. Возможно, она в чем-то ошибалась. Ведь вылечил же он десятки людей. Но не ее. И никакие порошки и таблетки, и никакие уколы не помогут, потому что бессильны сделать ее счастливой, вернуть любовь. А без этого она никогда не придет в себя, не станет жить нормальной жизнью. Вновь она ощутила себя брошенной и одинокой.

— Вы думаете, что можете управлять мною? — Матильда стояла уже у двери. — Попробуйте заставить меня влюбиться, произвести на меня впечатление...

Она хотела говорить еще, высказать этому твердолобому доктору все, что она о нем думает, но судорожный комок сдавил ей горло. Чтобы не разрыдаться здесь, она выскочила из кабинета.

Проклятье! Проклятье! Никто не понимал ее! Она была одна со своими переживаниями и чувствами.

Матильда бежала по свежевымытым коридорам больницы. Слезы градом текли из ее глаз. Она теперь ужасно сожалела, что согласилась на эту беседу, которая ни к чему не привела, а только еще больше разбередила душу.

Медсестры и санитарки только удивленно провожали ее взглядами и качали головами. Совсем безнадежна. А так молода и так хороша собой.

* * *

Наконец Матильда открыла дверь своей палаты. На стуле у подоконника сидел Бернар. Он уже давно ожидал ее. В руках он держал большой букет темно-красных гладиолусов. Увидев ее, он дернулся с места, хотел что-то сказать, но Матильда сделала знак, приложив ладони к губам.

— Молчи, ничего не говори.

Почему-то ее абсолютно не удивил его приход. Она легла на кровать, накрыв ноги розовым пледом. Лицо и даже волосы на висках были мокрыми от слез.

Бернар положил цветы на тумбочку, подошел к ней, наклонился, но она осторожно отвела его руку. Он достал носовой платок (на этот раз он был накрахмаленным и свежим) и протянул ей. Она взяла, вытерла лицо, тихонько высморкалась.

— Если хочешь что-нибудь сделать, — она указала рукой на приемник, стоявший на подоконнике, — вставь батарейки. Они вон там за твоей спиной.

Бернар достал батарейки с полки, взял приемник.

Вошла медсестра, молоденькая Адель.

— Мадам, ваши лекарства.

Она протянула ей белый пластмассовый подносик,

на котором в таких же белых пластмассовых чашечках лежали таблетки.

— Спасибо.

Матильда высыпала их в ладонь. Взяла стакан воды.

Медсестра бесшумно удалилась.

Бернар смотрел на Матильду. В черном, приталенном, с глубоким вырезом платье она казалась донельзя худой, даже дистрофичной. Ее шея еще более удлинилась, а ключицы выделялись так, что по ним можно было изучать строение грудной клетки. Она повернулась, чтобы что-то достать из тумбочки, и Бернар ужаснулся, увидев ее спину. Лопатки торчали словно крылья. И еще это черное платье! Оно ужасно не шло и еще больше подчеркивало болезненный облик. К тому же она никогда не носила таких платьев, считая, что они нагоняют тоску. С ней что-то произошло. В этом Бернар уже не сомневался.

* * *

Таблетки — первый сорт, — сказала Матильда и улыбнулась. — Просто чудо.

От худобы ее рот казался неимоверно большим. Некогда ослепительная улыбка вдруг превратилась в ужасный оскал, от которого Бернару стало не по себе.

— От этой спишь двое суток напролет, — в ее голосе была ирония. Она пыталась подражать доктору Мертэлю. — Очень рекомендую. Вот эта вызывает аппетит.

Матильда показала два шарика в твердой оболочке.

— А это для веселья, — она взяла другую таблетку. — Проглотишь — и хохочешь в одиночестве. Не хочешь таких?

Бернар старался не обращать внимания на ее издевки и терпеливо вертел в руках приемник.

— Мне и так неплохо, спасибо.

— Ты уверен?

Наступила короткая пауза. Бернару не хотелось спорить с Матильдой. Он видел ее состояние и понимал, что задевать ее небезопасно.

Она взяла стакан и, положив в рот одну таблетку, отпила глоток.

— Как поживает мадам Жюво?

Бернар вертел приемник, не поднимая головы. Он боялся ее взгляда, который казался сумасшедшим.

— Как обычно. Без перемен.

* * *

Матильда продолжала глотать таблетки, запивая их водой. Оба молчали. Бернар не знал, о чем говорить с бывшей любовницей, совсем растерялся, не находил нужных слов. Он видел, что она не в себе. Одним неосторожным словом, жестом, взглядом он мог вывести ее из рановесия. Да и вообще все разговоры уже были напрасны. Прошлого не вернуть, настоящего не поправить. Бернар тяжело вздохнул.

— Ты исполняешь свой долг, изнывая от скуки?

Она бросила на него пронзительный взгляд, от которого у Бернара по телу забегали мурашки.

— Нет, Матильда. Ну что ты. Вовсе нет, — он встал и поставил ей на тумбочку приемник. — Все готово. Можешь слушать новости, интересные передачи.

— Нет, я только песни слушаю. В них правда. Чем глупее песня, тем правдивей. В них есть свой смысл.

Она встала, взбила подушку, поставила к спинке кровати и села, опершись на нее спиной.

— Знаешь, в таких как «не покидай меня, я — пустой дом без тебя.

Ты бросишь меня,
И вот я умираю.
Я буду твоей тенью,
Любовь моя.
Он ушел.
Без любви я ничто.

Она тихо напевала, все время глядя на него. Ей была интересна его реакция на эти слова.

Но Бернар сидел, потупив голову, взгляд его упирался в пол. Ему действительно не следовало приходить. Его визиты раздражали ее еще больше. Она злится, и у нее есть повод для этого. Но, к сожалению, исправить ничего нельзя. Надо воспринимать действительность и все происходящее в ней таким, как есть.

— Ну что ж, Матильда, — Бернар встал со своего стула.

Он подошел к ней, наклонился, чтобы поцеловать, но она резко повернула голову. Он погладил ее волосы. Они были блестящие и мягкие, как прежде, и пахли травой. Матильда всегда предпочитала травяные шампуни. Наверное, это единственное, что у нее не изменилось.

— Я приду еще, — Бернар коснулся ее руки и поспешил к двери.

Она провожала его долгим, пристальным взглядом.

— Не утруждай себя, Бернар. Больше не приходи. Можешь всем сказать, что твоя миссия выполнена. Сумасшедшая становится нормальной.

Последние слова она произнесла резко и подчеркнуто презрительно. Она ненавидела его. И была права. Бернар сам себя презирал за то, что совершил непоправимые, непростительные ошибки, которые не исправить никогда. В душе он ругал себя, называя твердолобым остолопом, ненасытным кобелем и негодяем.

Он не нашел слов, чтобы ответить Матильде. И едва заметно кивнув, вышел из палаты.

Глаза Матильды опять наполнились слезами. Уткнувшись в подушку, она лежала около двух часов, пока медсестра не принесла ужин. Мадемуазель Маню была совершенно уверена, что унесет все нетронутым обратно.

Запах бифштекса и жареного картофеля заставил Матильду подняться. Обычно он вызывало у нее тошноту и головокружение, но сейчас она явно ощущала как заурчал пустой желудок, давно прилипший к спине.

Нет уж, хватит. Она будет есть. Все развлекаются, гуляют, пьют, веселятся. Даже Бернар. Холеный толстый мешок. Он и то живет припеваючи, делая вид, что никогда и нигде ничего не происходило.

Она взяла вилку и стала есть салат. Проглотив несколько мелко нарезанных долек помидора, почувствовала острую боль в животе. Ссохшийся за несколько дней голодовки желудок отвык от приема пищи. Матильда скорчилась, зажмурив глаза.

— Что с вами, мадам?

— Болит. Желудок.

— Это все потому, что вы долго не ели. Так ведь нельзя, — Адель Маню села к ней поближе. — Выпейте молока.

Матильда послушно взяла стакан, сделала несколько глотков. Молоко было свежее и приятное. Ей стало легче, и она выпила целый стакан.

— Вот и хорошо. А теперь попробуйте есть.

Внезапно проснувшийся аппетит удивил саму Матильду. Она жадно ела бифштекс, закусывая картофе-

лем и салатом. Как вкусно! Она и не знала, что пища может приносить такое удовольствие.

— Не торопитесь, мадам. Может быть, на сегодня даже достаточно, — осторожно прервала ее медсестра. — Желудок может не выдержать такого обилия пищи. Он должен привыкнуть.

— Он может лопнуть? — спросила Матильда.

— Нет, — мадемуазель Маню улыбнулась. Эта взрослая женщина казалась ей наивным, трогательным ребенком. — Но может произойти несварение.

— Ясно, — Матильда отставила поднос.

Медсестра удалилась.

И вновь она осталась одна в четырех стенах. Начинало темнеть. Матильда включила настольную лампу.

Она не знала, чем заняться. Одиночество и тишина наводили ее на грустные мысли. От них она хотела освободиться.

Матильда включила приемник, но не успела настроить на нужную волну, как в дверь постучали. Вошла Николь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Стояло пасмурное утро. Хотя на улице было еще тепло, пожелтевшие листья и серое небо рождали тоску о прошедшем лете.

Арлетт возилась на кухне. Сегодня вечером к ним должна была зайти Аннет со своим мужем. Она приходилась Арлетт дальней родственницей по линии отца. И раз судьба их свела и распорядилась так, что они жили в одном городе, они поддерживали теплые родственные отношения. Аннет было тридцать четыре года. Милая, добродушная толстушка, она часто и с удовольствием навещала Арлетт. И когда та с Бернаром уезжала, Аннет забирала Тома к себе. У нее росло двое замечательных малышей. Один из них, Жерар, был ровесником Тома, и дети прекрасно ладили.

При всей своей округлой конституции Аннет любила поесть, и к ее приходу Арлетт всегда готовила что-нибудь вкусное.

На сей раз она решила сделать гусиный паштет. Гудела электромясорубка, перетирая мясо. Арлетт на-

резала лук. От запаха пищи на нее накатила тошнота. Она выключила мясорубку.

На улице стоял какой-то шум, постоянно хлопала дверь машины, раздавались незнакомые голоса.

Арлетт выглянула в окно. Из соседнего дома выносили мебель. Грузчики деловито сновали, вынося громоздкие ящики и закидывали их в специальный контейнер для перевозок.

Значит, Филипп нашел новую квартиру. Они переезжают. В душе она почувствовала облегчение и в то же время ощутила грусть. Как бы там ни было, господа Бушор неплохие люди и если бы не... Не хотелось об этом вспоминать. И все равно ей было жаль. Как будто что-то теряла.

Но в конце концов все шло к лучшему. Ведь жить бок о бок, зная, что твой муж и твоя соседка когда-то были любовниками... Нет. Так лучше. Матильда перестанет видеться с Бернаром, и ему будет легче. Да и ей тоже.

На расстоянии они быстрее смогут забыть друг друга.

А смогут ли?..

Из дома вынесли пианино. Подбежал Тома и стал на нем играть.

— Тома! — Арлетт крикнула ему в форточку. Но мальчик продолжал барабанить по клавишам.

Арлетт обула туфли, набросила кофточку и вышла на улицу.

— Тома! Разве ты не слышишь? Беги домой.

Немного постояв и окончательно убедившись, что мама не отстанет, мальчик закрыл крышку. И, тяжело вздохнув, медленно поплелся домой. Ему было жаль, что соседи уезжают. Тетя Матильда рисовала ему такие смешные картинки. И по дяде Филиппу он будет скучать. Почему они уезжают? Неужели здесь так плохо?

Филипп увидел Арлетт и поспешил к ней навстречу.

— Добрый день! — он протянул руку.

— Здравствуйте, Филипп.

— Уезжаете?

— Да.

Филипп замялся. С Арлетт они находились в одинаковом положении и без слов понимали друг друга. Оба испытывали неловкость. Он — из-за жены, она — из-за мужа.

— Вы нашли квартиру? — спросила Арлетт, пытаясь рассеять обоюдное замешательство.

— Да. В самом центре. Очень большая и удобная квартира, — Филипп оживился. — Правда, немного шумновато. Ничего. Ничего.

— А как Матильда? Ей лучше?

— Да, немного лучше. Поправляется. Как только все улажу с переездом, заберу ее из больницы.

Грузчики из агентства перевозок заканчивали работу. Они выносили последнюю часть интерьера дома Бушоров — громоздкий дубовый комод. В нем Матильда хранила свои вещи: разные бумаги, документы, письма, рисунки.

Дверь контейнера захлопнулась.

— Мы уезжаем, мсье. В доме ничего не осталось.

— Да, да, конечно. Спасибо.

Филипп повернулся к Арлетт.

— Ну что ж. Пора ехать и мне.

Немного подождав, будто собираясь что-то сказать, он протянул руку.

— Ну что ж, прощайте, Арлетт. Думаю, что расстаемся друзьями.

— Конечно, Филипп. Пусть у вас все будет хорошо, — Арлетт протянула руку. — До свидания.

На несколько секунд он задержал ее руку.

— И вам я желаю счастья. Прощайте. — И поспешил к машине.

Арлетт долго смотрела вслед, пока его «фиат» не скрылся из виду. На душе было горько, как будто она в чем-то чувствовала свою вину. Арлетт медленно пошла в дом. Готовить паштет для гостей.

* * *

Филипп быстро шагал по больничным коридорам с большим чемоданом в руке. Наконец, все проблемы с переездом кончились. Все улажено и готово к приезду Матильды.

Он открыл дверь.

— Здравствуй, Матильда! Здравствуй. Сегодня у нас большой день.

Она сидела на кровати, настраивая приемник. Филипп подошел к ней, чмокнул в щеку. Она обвила руками его шею.

— Я очень рад, Матильда.

Он положил на кровать чемодан и открыл его.

— Сколько всего принес! Умница, — увидев свои вещи, Матильда оживилась, ее глаза заблестели. За два месяца заточения она соскучилась даже по собственной одежде.

— Моя любимая рубашка, — Матильда бережно взяла ее в руки.

— Она немного разорвана, — сказал Филипп. — Я привез еще и голубую.

Матильда покрутила блузку в руках. На груди не хватало двух пуговиц. Их вырвал Бернар в порыве страсти во время их встречи в гостинице. Она нежно прижала рубашку к себе.

— Ничего. Она мне все равно нравится. Люблю белое.

И стала дальше перебирать вещи. Комбинации, чулки, юбки.

— Привез даже мой новый плащ!

Они покупали его вместе перед самой больницей. Тогда она еще не знала, что попадет сюда.

Матильда встала с кровати и пошла в ванную.

— Какую юбку мне надеть: прямую или плиссированную? — спросила она.

— Надень плиссированную.

Пока она переодевалась, Филипп прохаживался по комнате. Он думал о том, как они будут жить на новом месте и спасет ли оно от новых бед? Смогут ли они начать все сначала? Он, конечно, готов все забыть. Но Матильда... Вряд ли.

Но главное, она поправилась. Как оживилась, когда увидела одежду. Это хороший признак. Она интересуется нарядами. А ведь как долго лежала со стеклянными глазами, безразличная ко всему и ко всем. Сколько он пережил тогда. Теперь он молил Бога, чтобы этот кошмар никогда больше не повторился. Никогда. Пусть все останется в прошлом. А оно уже не вернется.

Матильда вышла из ванной. В голубой шелковой блузке и серой плиссированной юбке она вновь стала прежней жизнерадостной Матильдой, которую он знал и любил. Она бросилась ему в объятия.

— Увези меня, увези меня, — шептала она, прижимаясь все крепче.

* * *

Филипп вел машину по оживленным улицам Гре-

нобля. Матильда сидела рядом и смотрела на спешащих куда-то пешеходов, несущиеся с бешеной скоростью автомобили, на городскую суету. Она отвыкла от такого скопления народа, от шумной сутолоки большого города.

Филипп без умолку болтал, рассказывая о новом доме, о том, как они будут там жить. Новое место всегда несколько меняло образ жизни. Но Матильда не слушала его.

Они проезжали улицу де ля Гар, минуя бесконечную вереницу аптек, кафе, маленьких магазинчиков, забегаловок и пивных. Здесь все было незначительным и мелким, ни одного крупного солидного заведения. А вот и маленькая гостиница мадам Жанвье. У Матильды защемило сердце. В этом неприметном сереньком здании с безобразной старой лестницей, ведущей на второй этаж, несколько месяцев назад она предавалась сладким минутам любви, воруя у судьбы крохотные кусочки счастья.

Тело вновь пробирала дрожь. Она еще больше съежилась, прижимая к себе сумочку, в которой лежали предписанные доктором Мертэлем лекарства.

Филипп повернул налево. Это была уже более современная широкая улица с густой тенью деревьев и зеленью газонов. Возле высокого дома из красного кирпича он остановил машину.

— Прошу! — он открыл дверцу и подал руку Матильде. — Это наш новый дом. Ну, разумеется, не весь. Наша квартира на четвертом этаже.

Матильда взглянула наверх. Широкие окна, занавешенные белым тюлем, показались ей чужими и отталкивающими. Здесь все было по-другому, все не так. Это чисто городское жилье не шло ни в какое сравнение с милым серым особнячком в тихом пригороде. Но так как все произошло по ее вине, не оставалось

ничего другого, как тяжело вздохнуть и войти в подъезд.

Филипп заметил, что жена не в большом восторге от его находки, но не подал вида. Взяв под руку, он повел ее в дом.

* * *

Новая квартира выходила окнами на солнечную сторону. Две спальни, гостиная, библиотека и даже рабочий кабинет для Матильды. Он был небольшой, оклеенный нежно-голубыми, в мелкую крапинку, обоями. В углу стоял стол, а напротив — новый мольберт, купленный Филиппом специально к приезду Матильды. На стенах размещались аккуратные белые полочки, на которых лежали рисунки, краски, карандаши.

— Ну как, нравится?

— Ты просто гений, Филипп, — она поцеловала мужа. — Спасибо тебе за все.

На глазах у нее выступили слезы.

— Ну что ты, что ты, Матильда, — Филипп нежно обнял жену и прижал к себе. — Не надо. — Теперь все будет хорошо. Идем, я покажу, как я обставил нашу спальню.

* * *

Комната действительно получилась великолепной. Она была побольше, чем в пригороде, и белый гарнитур выглядел здесь особенно шикарно.

— Обои я здесь переклеил. Тут были какие-то песочные и не очень хорошего качества.

Матильда провела рукой по стене. Белые, с выпук-

лым рисунком и нежно-голубоватыми разводами, обои были просто прелестны. Наверное, Филиппу пришлось солидно потратиться. Они стоили приличную сумму.

— Твои вещи я сложил в шкаф. Если хочешь, ты, конечно, можешь все переложить.

— Да, да, конечно. Все замечательно, Филипп. Тебе пришлось здорово потрудиться, чтобы сделать все вот так.

Филипп подошел к Матильде, нежно коснулся ее щеки, провел рукой по волосам.

— Ты мне очень дорога, и я хочу, чтобы мы были счастливы.

Они обнялись и долго стояли так, размышляя каждый о своем.

В глубине души Филипп не верил своим словам. Надежда на счастье после того, что произошло, выглядела смешно и наивно. Но тем не менее, они должны жить. А жизнь без надежды просто не имела смысла.

Зато Матильда ни минуты не сомневалась, что лучшее в жизни, если оно и было, то уже давно прошло. Оставалось только смириться с грустной действительностью и продолжать свое жалкое однообразное существование с каждодневными завтраками, обедами, прогулками в парк и чтением головокружительных любовных романов перед сном, как это делали порядочные французские дамы из общества. Она будет рисовать, издавать занимательные детские книжки, а потом давать бесконечные автографы восхищенным читателям и нужные интервью настырным журналистам. Она станет настоящей светской дамой. Ей будут рукоплескать, восторгаться ее талантом и красотой. А потом, оставаясь вечерами наедине с собой, она будет горько плакать по утраченной любви и несбывшимся грезам.

* * *

Тома возился со своей новой игрушкой. Тетя Аннет в день своего последнего визита подарила ему заводной лунаход, который таинственно гудел, когда его включали.

По телевизору показывали футбольный матч. Бернар, даже не переодевшись, развалился в кресле. Он очень устал. Работа в две смены, как бы там ни было, утомляла.

Из кухни тянуло острым ароматом. Арлетт готовила соус бешамель. В его состав входил белый перец.

Бернар с нетерпением ожидал ужина. За день он очень проголодался. Даже не обедал. А от этого заразительного запаха у него кружилась голова.

— Арлетт, я не могу больше ждать!

— Пять минут!

Бернар встал, прошелся по комнате. Поглядел в окно. Там было темно. Тусклый фонарь едва освещал соседний дом. Он стоял одиноко и угрюмо. Света не было ни в одном окне.

Интересно, неужели Филипп все время проводит в больнице? Может быть, что-то случилось? Бернар больше не ходил туда. Он понимал, что его визиты не нравятся Арлетт, а врать ему не хотелось. Тем более, он уже ничем не мог помочь Матильде, а только лишний раз ее тревожил.

И все-таки... восемь часов. Почему же нет Филиппа?

— Они уехали, — Арлетт коснулась его плеча.

Она заметила, как муж застыл у окна и невольно прочитала его мысли. От ее прикосновения Бернар вздрогнул.

— Кто уехал? — он сделал вид, что думал совсем о другом.

— Но ты же смотрел на дом мсье Бушора, — Арлетт

улыбнулась. — Не надо притворяться, дорогой. Тебе это не идет. Идем ужинать.

Арлетт взяла за руку Тома. Немного постояв, Бернар пошел за ними.

В чашках уже дымился бульон. Бернар ел молча. Ему было неловко перед Арлетт, но еще больше его заинтриговали ее слова. Неужели они уехали? А может, он не так понял? Но спросить не решался. Арлетт может заподозрить что-нибудь в излишней заинтересованности.

Но она будто читала его мысли.

— Ты меня неверно понял, Бернар. Наши соседи уехали. Филипп нашел новую квартиру. Кажется, где-то в центре. И перевез вещи.

Бернар едва не подавился супом. Он ведь ничего об этом не знал.

— И когда? — он сделал равнодушное лицо.

— Позавчера. Я забыла тебе сказать. У нас была Аннет. А потом ты работал.

Значит, их не было здесь уже несколько дней. Вот так. Сезон тенниса закончен. Следовательно, Матильду он больше не увидит. Разве что когда-нибудь случайно встретятся в Гренобле. Вместо долгожданного облегчения тоска охватила его душу. Как будто в один миг он потерял что-то необыкновенно дорогое. Да, теперь он действительно потерял ее. И ничего не будет о ней знать.

От этих мыслей он совсем поник. Бернар сидел, неподвижно застыв, держа ложку в тарелке.

— Суп недосолен? — Арлетт догадывалась, чем была вызвана его задумчивость.

Но он не шелохнулся. И продолжал сидеть со стеклянными, ничего не видящими глазами.

— Тебе не понравился суп? — громко спросила Арлетт.

— А? Нет, нет. Суп замечательный, — Бернар

очнулся. — Но немного островат. Да, островат. Вероятно, ты переборщила с приправами.

— Но ты всегда любил острое...

Бернару нечего было сказать, и он решил промолчать.

Тома лениво водил по тарелке ложкой. Ему нравилось подражать отцу.

— А ты, Тома, чего не ешь?

— Суп слишком острый, — мальчик скорчил кислую гримасу.

Арлетт, переглянувшись с Бернаром, рассмеялась. Сынишке она почти не добавляла приправ. Его солидарность с отцом казалась забавной.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Ночью Бернар проснулся от странного назойливого скрипа за окном. Накрыв голову одеялом, он пытался уснуть , но неприятный, действующий на нервы треск продолжался и раздражал все больше. Бернар встал, подошел к окну, осторожно отдернул штору.

Ночная улица была пуста, и только завывающий ветер срывал увядшие листья с деревьев. Но странные звуки не прекращались.

Осторожно, на цыпочках, чтобы не разбудить Арлетт, которая крепко спала, закутавшись с головой в одеяло, он подошел к другому окну. Дверь в бывшем доме Буцоров была открыта и от ветра она то открывалась, то закрывалась, громко хлопая и скрипя.

Все это показалось Бернару очень странным. Ведь дом был закрыт, ключ должен находиться в бюро по найму домов. На минуту он растерялся, не зная, как поступить. Но назойливый скрип не затихал и все больше разжигал его любопытство.

На кресле он нащупал свой свитер и брюки. Взяв все в охапку, Бернар бесшумно вышел из спальни.

Держась за перила, плохо ориентируясь в темноте, он спустился вниз. На кухне наспех оделся. Дверь продолжала скрипеть. Здесь, внизу, эти звуки были слышны еще отчетливее. Он опять выглянул в окно. Возле соседнего дома показались тени. В груди у Бернара бешено заколотилось сердце. Он никогда не был трусом, но все происходящее выглядело слишком загадочным и рождало тревогу.

А дверь продолжала скрипеть.

Может быть, воры! Но что они могли делать в пустом доме? Или преступники совершают какое-нибудь злодейство, воспользовавшись отсутствием хозяев?

Их район всегда считался тихим и безопасным. Они жили здесь уже пять лет и ни разу на их памяти не произошло ни одного случая даже мелкого хулиганства.

А дверь скрипела все громче и омерзительней. Все отчетливей слышались незнакомые шаги. Было слишком темно, и как ни пытался, Бернар не мог толком ничего разглядеть. Но это. Стук каблуков. Он прислушался. Точно! Он уже не сомневался: это была женщина.

Смутная догадка кольнула его сердце. Он замер. Постояв несколько секунд в замешательстве, стал лихорадочно шарить в буфете.

Да где же он? Черт бы его побрал. Бернар нервничал. Наконец, среди чашек, стаканов и блюдец, которые в тот момент казались абсолютно ненужными и лишними, нащупал фонарик.

Бернар прислушался. Дверь продолжала скрипеть, а шаги то отдалялись, то приближались опять.

* * *

Сердце замирало, когда он открывал входную дверь.

Но ступив на крыльцо, почувствовал холод и только тогда вспомнил, что забыл обуться. Стоял ноябрь. И ночью начинало слегка подмораживать. Разозлившись и ругая себя за собственную неосторожность, Бернар вернулся. В темноте он долго не мог найти туфли. Как будто какая-то тайная сила мешала и удерживала его.

Но он должен пойти. Отвратительный и неприятный скрип казался условным знаком, зовущим его. В углу Бернар нащупал свои туфли.

Тяжело вздохнув, он открыл дверь и вышел на улицу. После теплого дома его знобило.

Освещая фонариком дорогу впереди себя, тревожно оглядываясь по сторонам, вздрагивая от каждого скрипа двери, он направился к пустому дому.

* * *

Руки дрожали, подкашивались ноги. С остановившимся сердцем он вошел в дом. Стояла подозрительная тишина. Бернар освещал фонариком стены. Вдруг сзади кто-то шелохнулся. Он резко обернулся, держа фонарик обеими руками перед собой.

Матильда... Она стояла съежившись, прижимаясь к стене. Он подошел к ней.

— Бернар, — тихо произнесла она. — Я хочу поговорить с тобой...

Он не дал ей заговорить и зажал рот.

Сколько времени он таил и сдерживал свои чувства. Пытался забыть, вычеркнуть эту часть своей жизни, но душа... Разве можно ее обмануть? И что бы ни внушал рассудительный разум, она твердила свое.

— Ты... — Бернар уже не верил своим глазам. Происходящее казалось ему сладостным сном.

Он протянул к ней руки. Прекрасные волосы по-

прежнему пахли травой. Снова он вдыхал запах ее тела и ощущал ее горячее дыхание. Это была она, она, его возлюбленная. Он обожал ее. Он желал ее больше всего на свете.

* * *

Кровь приливала к его лицу. Сердце то замирало, то бешено колотилось в порыве безумной страсти. Он покрывал поцелуями ее шею, волосы, ее лицо, крепко сжимая в объятиях. Он хотел ощущать ее всю, быть как можно теснее и ближе, испытывая головокружительное возбуждение от ее горячего тела.

Они уже не замечали ни осеннего холода, ни скрипа дверей, ни сырых промозглых стен уже несколько дней не отапливаемого дома.

Она целовала его грудь, а рука скользила по возбужденному телу, заставляя еще сильнее вздрагивать и трепетать.

Она стонала от его прикосновений и поцелуев, снова испытывая блаженные минуты короткого головокружительного счастья.

Но теперь уже нет! Она не допустит больше разлуки с любимым. Ее счастье продлится вечно. Дрожь пробежала по ее телу. Прерывисто дыша, она снимала с себя одежду, которая была такой ненужной и лишней и только сковывала их. Лишь обнаженные, они могли ощущать себя сами собой, без всякой фальши и напускных оболочек.

Он целовал ее голое тело, опускаясь все ниже. А она вскрикивала в порыве безумного блаженства. Ноги подкашивались. Она медленно опускалась на пол.

В минуты близости он громко стонал, а она, глотая

воздух, судорожно вскрикивала, и по щекам ее катились слезы.

«Любимый! Милый! Самый желанный и единственный на свете. Моя любовь сильнее меня, и ничего я не могу с собой поделать. Мы должны принадлежать друг другу. Никто не заменит тебя, так же как и меня никакая жена тебе не сможет заменить. Волей судьбы, которая соединила нас, мы должны быть вместе.

Прости, прости меня, если сможешь...»

Ее рука медленно тянулась к сумочке, лежащей рядом на полу. А слезы сжимали ей горло, она задыхалась, судорожно глотая воздух.

В полузабытьи он шептал ей слова любви, моля о прощении за причиненные страдания и боль. В эти минуты он обожал ее как никогда.

Рука Матильды ощупывала содержимое сумочки. Нервно шевеля губами, она шептала слова молитвы. Она понимала, что ей не будет прощения. Гнев и жестокая кара божья ожидали ее. И вечные проклятия окружающих.

Сознавая это, она фанатично молилась, умоляя Всемогущего понять и простить...

А Бернар, опьяненный страстью, целовал ее дрожащее тело.

Молясь и обливаясь слезами, она сжимала в руке пистолет и медленно подносила к его виску.

Сердце замерло. Нервная судорога сдавила ее дыхание. И дрожащие пальцы нажали на курок...

* * *

Оглушенный, так ничего и не сообразивший, Бернар успел только вскрикнуть и уже бездыханный, упал ей на грудь.

На секунду Матильда как бы очнулась. Страх содеянного и запах крови, стекавшей ей на грудь едва не лишил ее чувств. Но в одно мгновение она собралась с силами и в последний раз глубоко вздохнув и выдавив: «Прости», она поднесла пистолет к своему виску.

Сердце бешено колотилось. Стучали зубы. Плотно зажмурив глаза, она рванула курок пистолета...

Два выстрела, прогрохотавшие один за другим, не могли не нарушить привычную тишину ночного пригорода и мирный сон его жителей. Сразу поднялся ужасный переполох. Из окон доносились вопли до смерти напуганных женщин.

Под утро прибыла полиция и машина скорой помощи. Застывшая от изумления и страха толпа стояла на улице. Полиция вошла в дом с двумя свидетелями.

Медицинская экспертиза заключила: на полу лежали полуобнаженные тела мужчины и женщины. Мужчина лежал на ее груди. Кровь уже запеклась вокруг отверстия от револьверной пули над его ухом.

В голове женщины было такое же отверстие. Оружие осталось у нее в руке. Она лежала на спине, ноги широко раскинуты, платье разорвано. Голова повернута в сторону окна, выходящего в сад. Смерть наступила мгновенно в пять часов тридцать минут.

Тревожные сигналы сирены скорой помощи прервали работу полицейских. Еще одна машина подъехала к дому, где произошло убийство.

Полуобнаженные тела, уже успевшие остыть, положили на носилки, накрыв белой простыней.

Стояло хмурое осеннее утро. Легкая изморозь и туман покрывали голые ветки деревьев.

Санитары вынесли носилки из дома и погрузили в машину. Для них это было привычное дело, которым они занимались изо дня в день.

Тревожный шепот и истеричные охи слабонервных дам пронеслись в толпе.

Машина тронулась и вскоре скрылась из виду, только громкие звуки ее сирены еще долго оставались слышны.

Полиция, сделав необходимые записи и снимки, тоже покинула дом.

Потихоньку стала расходиться толпа, по дороге обсуждая «невероятный кошмар», произошедший по соседству.

* * *

Что ж. Матильда поставила в их страстной и печальной истории неожиданную, а может быть, и истинно достойную себя и Бернара, кровавую точку. То, что вполне могло пройти, как обычная интрижка, каких тысячи, превратилось в трагедию, потрясающую воображение и способную вдохновить гениального драматурга.

Во всяком случае, они еще раз доказали известную, в общем, истину — страсти, бушующие в груди мужчины и женщины, одинаково сильны и разрушительны, независимо от того, царственные ли это особы или же простые смертные. Дух человеческий способен быть великим в любой оболочке.

На жителей городка столь неординарное событие и вправду произвело неизгладимое впечатление. Вспоминали об этом долго, и через две недели все еще приезжали любопытные со всей округи, чтобы взглянуть на дом, где случилось такое происшествие. Что до других действующих лиц этой истории, то лучше всего оставить их на тех же местах и в тех же положениях, в которых застали их роковые выстрелы.

Дальнейшую судьбу этих людей автор счел за благо покрыть мраком неизвестности.

В конце концов все более или менее успокоилось и забылось, местные жители перестали показывать любопытным тот роковой дом и в очередной раз рассказывать, опять что-то прибавляя от себя и украшая историю новыми подробностями, о событиях, связанных с гибелью Матильды и Бернара.

Разумеется, было проведено и полицейское расследование. Дело попало к молодому, еще не уставшему от рутины детективу — ему очень хотелось выявить в происшествии скрытые, замаскированные пружины, которые, на его взгляд, там наверняка имелись, и изобличить преступный умысел. Результат тщательной и всесторонней проверки разочаровал старательного полицейского: верной оказалась первая версия. Женщина действительно сначала застрелила из пистолета своего возлюбленного, после чего вторым выстрелом убила себя. Никого другого в помещении не находилось.

Похоронили их в разных местах. Родственники погибших, общавшиеся исключительно через адвокатов, забрали тела и спешно, насколько позволяли обстоятельства, увезли их из Гренобля. Поэтому последней мечте Матильды не суждено было сбыться. Заряжая пистолет, она подумала, что хорошо, если бы их похоронили вместе. И на плите написали, вместо дат и имен, лишь такие слова: «НИ С ТОБОЙ, НИ БЕЗ ТЕБЯ».

Но об этом никто не узнал. Может быть, и к лучшему.

ЭПИЛОГ

Большую часть этой грустной истории рассказала мне мадам Жюво за стойкой своего кафе, где мы пили, прихлебывая из маленьких фаянсовых чашечек, остывший кофе, разбавляя этот благородный напиток большим количеством коньяка из личных запасов хозяйки. Чтобы дополнить общую картину, мне пришлось сделать несколько телефонных звонков в Париж, Марсель, Лозанну и некоторые городки южной Франции. Люди, с которыми я говорила, встречались по моей просьбе с портье гостиниц, барменами, горничными, официантами, бродячими поэтами, игроками на ипподроме, лодочниками, полицейскими, банковскими клерками, проститутками, моряками и даже с одним генералом. О результатах встреч я узнавала также посредством телефона, так что здешняя телефонная компания на мне заработала больше, чем на всем остальном населении Гренобля за целый год.

Кроме того, я имела множество бесед в самом городке. Не стоит перечислять здесь всех, кого я навестила, хочу только отметить, что народ в провинции

проще и бесхитростней, чем в Париже, и охотнее делится всем, что знает, с приезжим человеком. Успевай только спрашивать...

* * *

Я стою на мокром после дождя шоссе возле своей машины, которую остановила, едва Гренобль остался позади. Несколько желтых листьев прилипли к капоту автомобиля, напоминая — скоро снова осень. Пора домой, в Париж.

Я вижу, как тучи, сквозь которые проглядывает солнце, цепляются за вершины гор, как блестит мокрый асфальт, и мне не хочется снова садиться за руль. В руке я держу маленький черный пистолет. Да-да, тот самый. Карманный «Уник» совсем небольшого размера, из тех, которые служат не столько оружием, сколько довольно опасной игрушкой. У моего дяди был точно такой, когда тот вернулся из Алжира. Иногда он позволял мне играть с пистолетом, предварительно вынув обойму. Вся семья была уверена, что в один прекрасный день дядя или застрелится из него, или кого-нибудь ухлопает. К счастью, этого не произошло, и дядя процветает до сих пор. Мне старый вояка всегда внушал теплые чувства, хотя иные находили его несколько эксцентричным.

Да, пора домой. На этот раз время прошло вовсе не так, как планировалось, но я об этом не жалею.

В СЕРИИ БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА ВЫШЛИ

1	ЧУЖОЙ БЕГУЩИЙ ПО ЛЕЗВИЮ БРИТВЫ ВСПОМНИТЬ ВСЕ
2	КОШМАР НА УЛИЦЕ ВЯЗОВ МОЛЧАНИЕ ЯГНЯТ
3	УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СОЛДАТ ЧУЖОЙ-3
4	ПРИВИДЕНИЕ ПОПУТЧИК РЕБЕНОК РОЗМАРИ
5	РОМАН О КАМНЕ ЖЕМЧУЖИНА НИЛА
6	РОБОКОП ДРУГИЕ 48 ЧАСОВ ПОЛУНОЧНЫЙ КОВБОЙ
7	ХИЩНИК-III КОКОН
8	ИСКАТЕЛИ ПОТЕРЯННОГО КОВЧЕГА ИНДИАНА ДЖОНС И ПОСЛЕДНИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД
9	КОММАНДО ЗОЛОТО МАККЕННЫ МЫС СТРАХА
10	ЧУЖИЕ КРЕПКИЙ ОРЕШЕК КОНАН-ВАРВАР
11	БЭТМЭН БЭТМЭН ВОЗВРАЩАЕТСЯ БЭТМЭН: ПО СЛЕДУ СПЕКТРА
12	КОБРА СЕМЕЙНАЯ ТАЙНА
13	ДРАКУЛА ПЯТНИЦА, 13-Е
14	ОСНОВНОЙ ИНСТИНКТ КРАМЕР ПРОТИВ КРАМЕРА
15	КРАСНАЯ ЖАРА ВОЕННЫЕ ИГРЫ ПОЕЗД-БЕГЛЕЦ
16	ПАРК ЮРСКОГО ПЕРИОДА: МИЛЛИОНЫ ЛЕТ СПУСТЯ КИНГ КОНГ
17	ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ БЕГУЩИЙ ЧЕЛОВЕК
18	КРЮК ЛАБИРИНТ
19	ИНДИАНА ДЖОНС И ХРАМ РОКА ФРАНЦУЗСКИЙ СВЯЗНОЙ
20	КРЕПКИЙ ОРЕШЕК II ШЕСТЬ ДНЕЙ КОНДОРА
21	ПАЛАЧ СМЕРТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ I, II, III
22—24	СЕГУН (часть 1, 2), (часть 3), (часть 4, 5, 6)
25	РОБОКОП II ЖАЖДА СМЕРТИ I, II
26	ТАНЦЫ С ВОЛКАМИ ПСИХОЗ
27	ЧЕСТЬ СЕМЬИ ПРИЦЦИ
28	ЩЕПКА КОМА
29	В ОСАДЕ СКАЛОЛАЗ
30	ОДИН ДОМА I, II, III ГРЕМЛИНЫ
31	ИЛЛЮЗИЯ УБИЙСТВА I, II, III ХИЩНИК II
32	ГОРЕЦ I, II
33	ПОСЛЕДНИЙ КИНОГЕРОЙ ИНОПЛАНЕТЯНИН БЛИЗКИЕ КОНТАКТЫ ТРЕТЬЕГО РОДА
34	ПРОФЕССИОНАЛ МАЛЬЧИКИ ИЗ БРАЗИЛИИ НЕСКОЛЬКО ХОРОШИХ ПАРНЕЙ
35	НАЗАД В БУДУЩЕЕ I, II, III СУПЕРМЕН III
36	НЕВЕЗУЧИЕ СОСЕДКА

СОДЕРЖАНИЕ

Гарольд Денвер

НЕВЕЗУЧИЕ **5**

Этьен Годар

СОСЕДКА **199**

Художник — *А. Горнов*
Корректоры — *Н. Виноградова, Т. Сологуб*

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Составители серии «БГ» просят Вас прислать перечень фильмов, которые Вы хотели бы увидеть в виде романов. Наиболее часто упоминаемые названия будут включены в серию «БГ»

Адрес для корреспонденции:

129090, Г. МОСКВА, УЛ. ГИЛЯРОВСКОГО, Д. 29.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭРИКА»

Подписано в печать 01.04.94 г. Формат 84×108/32.
Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 24,36. Тираж 60 000 экз.
Заказ 1275.

Издательство «Эрика»: 115408, г.Москва, а/я 10, «ЭРИКА»

Отпечатано в издательско-полиграфическом предприятии
«Янтарный сказ», 236000, г. Калининград, ул. Карла Маркса, 18.